

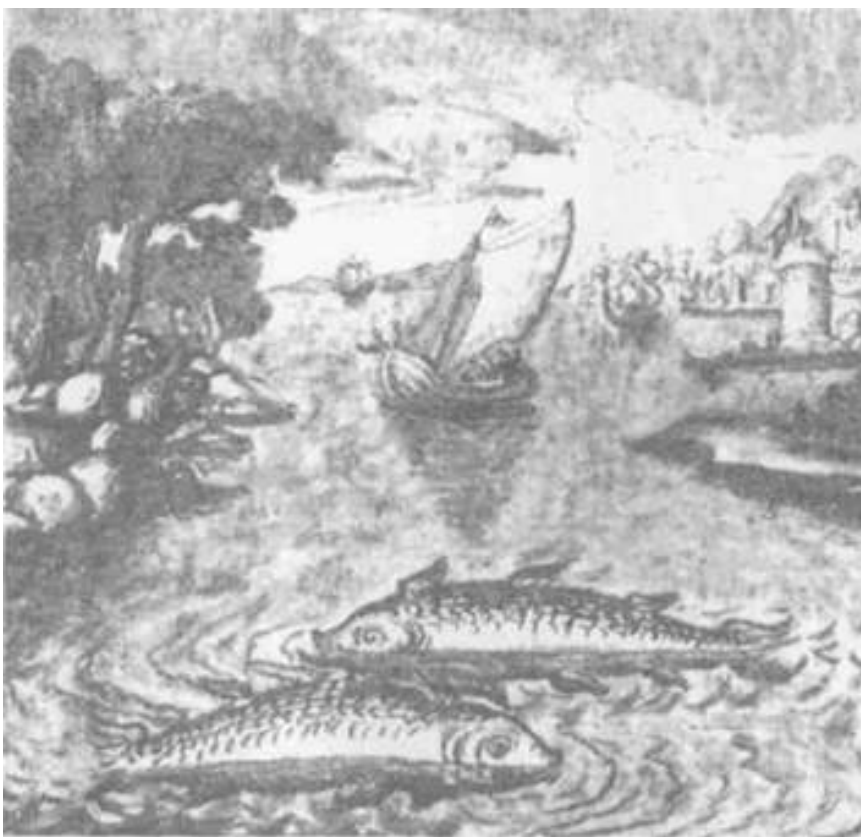
Текст взят с психологического сайта <http://www.myword.ru>

На данный момент в библиотеке MyWord.ru опубликовано более 2000 книг по психологии. Библиотека постоянно пополняется. Учитесь учиться.

Удачи! Да и пребудет с Вами.... :)

Сайт www.MyWord.ru является помещением библиотеки и, на основании Федерального закона Российской Федерации "Об авторском и смежных правах" (в ред. Федеральных законов от 19.07.1995 N 110-ФЗ, от 20.07.2004 N 72-ФЗ), копирование, сохранение на жестком диске или иной способ сохранения произведений размещенных в данной библиотеке, в архивированном виде, категорически запрещен.

Данный файл взят из открытых источников. Вы обязаны были получить разрешение на скачивание данного файла у правообладателей данного файла или их представителей. И, если вы не сделали этого, Вы несете всю ответственность, согласно действующему законодательству РФ. Администрация сайта не несет никакой ответственности за Ваши действия./



Фронтиспис. "Море — это Тело,
две Рыбы — это Дух и Душа".
Акварель из манускрипта "Книги Ламбспринка"

М. ЭСТЕР ХАРДИНГ

**ПСИХИЧЕСКАЯ ЭНЕРГИЯ: превращения и
ИСТОКИ**

(Предисловие К.Г. Юнга)

«Рефл-бук»,

«Ваклер»

2003

УДК 159.964

Серия основана в 1996 г.

Ответственный редактор С.Л. Удовик

Научный редактор д.п.н. Н.Ф. Калина

Перевод А.П. Хомика

Перепечатка отдельных глав и произведения в целом без
письменного разрешения издательств «Рефл-бук» или «Ваклер»

запрещена и преследуется по закону.

ISBN 5-87983-112-4

Первое издание. М. Ester Harding. Psychic Energy: Its Source and Goal, 1948

ISBN 5-87983-027-6, серия ISBN 5-87983-112-4 («Рефл-бук») ISBN 966-543-082-3

(«Ваклер»)

© Изд-во «Рефл-бук», 2002 © Изд-во «Ваклер», 2002

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к первому изданию.....	6
Предисловие ко второму изданию.....	9
Вступление (К.Г. Юнг).....	11
Часть I. Источник психической энергии.....	15
1. Введение.....	16
2. Трансформация инстинктивных влечений.....	29
3. Инертность: лень и неугомонность.....	49
4. Голод: нужда и жадность.....	71
5. Самозащита: вражда и дружба.....	97
6. Воспроизведение: I. Сексуальность.....	127
7. Воспроизведение: II. Материнство.....	169
8. Эго и проблема власти: 'самоуважение и стремление к господству.....	203
Часть II. Трансформация психической энергии.....	241
9. Внутренний конфликт: дракон и герой.....	243
10. Психика как единое целое: вьерчивание круга ..	302
11. Примирение противоположностей: мандала.....	356
12. Трансформация либидо.....	413
Библиография	462
Список иллюстраций.....	469
Об авторе.....	472

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

В течение пятнадцати лет, прошедших со времени первого издания данной работы, появился целый ряд книг по аналитической психологии, имеющих первостепенное значение. Доктор Эрих Нойманн в работе «Происхождение и развитие сознания»* дал прекрасное описание связи сознания с бессознательным и показал, каким образом сознание человека поднялось из тайных глубин бессознательного посредством ряда шагов, позволивших постепенно отойти от власти первобытного образа жизни и обрести некоторую степень свободы. Эти шаги в разнообразной форме запечатлены в мифах, встречающихся по всему миру. Мифы — это изложения или описания различных способов восприятия архети-пических форм психики человеческим сознанием, несмотря на то, что отраженные в них события являются внешними проекциями человека на божественные или мифические существа. Только сейчас становится очевидным, что все происходящее в мифах носит психологический, а не мифический характер. Вслед за этой книгой с целью подкрепления своего тезиса доктор Нойманн публикует результаты изучения одного из самых важных архетипов (*The Great Mother* (Великая Мать, 1955)). На этот раз в качестве иллюстрации он использует не мифы, а культовые объекты всех времен и народов. В данном исследовании развивается та же тема, которую я рассматривала в своей работе *Woman's Mysteries, Ancient and Modern* (*Женские мистерии древности и современности*, 1935 г., пе-рераб. изд., 1955 г.), и иллюстрируется значение принципа Эроса в женщине. Позднее доктор Нойманн написал работу о женской психологии,¹ которая на английском языке пока еще не издана. Однако к большому сожалению множества его друзей дальнейшее развитие творческой мысли доктора Нойманна было прервано его безвременной кончиной.

Недавно доктор Герхард Адлер** опубликовал новые результаты изучения процесса индивидуации у женщины, проходившей курс

**Нойманн Э.* Происхождение и развитие сознания. —М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 1998. - 464 с.

***Адлер Г.* Лекции по аналитической психологии. —М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 1996. - 282 с.

психоанализа по методу Юнга. В этой книге² он демонстрирует практическое применение юнгианского метода интерпретации сновидений и показывает, что сознательная проблема индивида является всего лишь поверхностной манифестацией более глубокой проблемы, лежащей в основе первой, а именно — проблемы осознания собственной самости как целостной личности. Адлер показывает, что это может быть достигнуто посредством установления связи с всплывающими из бессознательного архетипическими образами при условии правильного понимания последних.

Эти и другие работы обогатили область аналитической психологии. Но самый значительный вклад в эту сферу знаний, несомненно, внес сам К. Г. Юнг. Я писала эту книгу в военное время, когда связь Америки со Швейцарией практически отсутствовала, за исключением редких писем. Поэтому с новыми идеями доктора Юнга мне удалось познакомиться только в 1948 г. За это время на немецком языке была издана работа «Психология переноса» (*Zur Psychologie der Ubertragung*, 1946), однако на английском она появилась только в 1954 г.; в 1953 г. на английском языке была опубликована книга «Психология и алхимия» (на немецком — в 1944 г.); за ними в 1959 г. последовали такие труды как «Aion» (на немецком — в 1951 г.) и «Архетипы коллективного бессознательного», а в скором будущем ожидалась публикация «Mysterium Coniunctionis» тоже в собрании сочинений Юнга.

Текст настоящего издания дополнен рядом примечаний, цель которых — помочь читателям, желающим обратиться к более ранним работам Юнга. И хотя сам текст существенно не изменен, он значительно расширен-материалом, обновляющим работу. Ссылки приведены в соответствии с содержанием изданных томов собрания сочинений Юнга.

* * *

Интерес доктора Юнга к алхимии и его напряженная работа, связанная с подбором и переводом редких и труднодоступных текстов, должно быть, вызывает недоумение у тех, кто не понимает, почему он решил потратить столько времени и энергии на изучение столь невразумительного и запутанного материала. Доктор Юнг пришел к этому, лишь обнаружив в сновидениях своих пациентов символы и темы, напоминающие алхимические фантазии и идеи. Он осознал, что алхимики своими любопытными и

часто странными экспериментами в действительности изучали содержание собственного бессознательного и процессы, представлявшие им спроецированными на материю — ту неизведанную и удивительную сферу, которая так глубоко очаровывала их. Серьезный интерес алхимиков к экспериментам и необычным химическим реакциям, а также фантазии, которыми они окутывали вещества, в действительности отражают происходящее в пределах их собственной психики. Для большинства алхимиков эта тайна так и осталась не постигнутой. Однако некоторые из них, в особенности так называемые алхимики-философы, все же осознавали, что наблюдаемые в ретортах реакции одновременно протекают и в них самих, ибо они неоднократно заявляли, что «*tarn physice quam ethice*» («*физическое такое же, как этическое*»). Этот факт подтверждается и строгими наставлениями, встречающимися в литературе, которые предписывают алхимику добропорядочность, а также настоящей молитвой, произносимой алхимиком в *Aurora consurgens*: «Очисти от ужасного мрака помыслы наши»³.

Однако, вследствие того, что алхимики не осознавали того факта, что на самом деле их занимала психологическая трансформация, а проецировали *opus* на проблему трансформации материи из неблагородного состояния в благородное, то и фантазии о наблюдаемых в ретортах реакциях излагались без всякой сознательной критики или коррекции. В результате алхимические тексты представляют собой довольно наивное описание деятельности бессознательного и раскрытие архетипической драмы в символической форме. Цель их состояла в поиске самого сокровенного из сокровищ, квинтэссенции, которую они называли различными именами: философский камень, золото, бриллиант и т.д. В переводе на язык психологии это сокровище означает неизвестную центральную психическую величину, которую Юнг назвал Самостью. Темой моей книги в действительности также является такой поиск. Если бы во время ее написания я имела доступ к последним работам Юнга, то представила бы более исчерпывающее описание этого процесса. Однако, излагаемое мной, хотя и представляется поверхностным в сравнении с глубиной рассмотрения этого вопроса Юнгом, тем не менее в целом совпадает с его идеями. Это еще раз доказывает правильность и точность выбранного Юнгом пути. Он обучал своих учеников методу изучения бессознательного, и эта книга демонстрирует аналогичность результатов применения этого метода разными исследователями.

Я еще раз хочу выразить свое глубочайшее восхищение и уважение, а также непреходящую любовь своему учителю.

* * *

Известие о кончине доктора Юнга пришло в тот момент, когда я завершала работу над настоящим изданием. Человечество потеряло великую творческую личность, труд всей жизни которой безмерно обогатил наше понимание психики, особенно в том, что касается раскрытия функции религии в человеке. Однако люди, знавшие его лично, потеряли еще и искренне любимого друга, которого всем нам будет очень не хватать. Нью-Йорк, 1961 г.

М.Э. Хардинг.

1. *Zur Psychologie des Weiblichen*, (Zurich, 1953).
2. *The Living Symbol*, (New York and London, 1961).
3. *Aurora consurgens*, 9, 4-я Притча; а также *Psychology and Alchemy*, p.259.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Эта книга была задумана в военные годы, среди грохота мирового катаклизма. Тем не менее день, за днем я работала за своим столом в полном одиночестве и спокойствии. Окружающую меня тишину не нарушало ничто, кроме крика чаек и непреходящего шума волн Атлантического океана, разбивающихся о камни под моим окном. Казалось почти невероятным, что эти два аспекта жизни могут существовать бок о бок — прекрасная лицевая сторона и такая ужасная изнанка. Но разве это не картина самой жизни, а в особенности человека? Внешняя сторона — фасад цивилизации — выглядит такой гладкой и светлой. Тем не менее какие только дикие импульсы не скрываются за культурной маской сознания, какие только безжалостные чудовища не ждут своего часа, чтобы подняться из глубин, захватить власть в свои руки и сокрушить мир!

Именно эти мысли вдохновили меня на настоящую книгу. Существует ли возможность более эффективного обуздания примитивной и бессознательной стороны человеческой природы или

даже радикальной ее трансформации? Если нет, то цивилизация обречена.

На нижеследующих страницах этот вопрос рассматривается в том свете, который аналитическая психология пролила на содержание бессознательного и протекающие в нем процессы. До появления первых работ доктора К.Г.Юнга бессознательное считалось простым вместилищем забытых или вытесненных переживаний. Такое представление не может дать решения проблемы мира в грубых тисках регресса. Но доктор Юнг обнаружил и открыл другим исследователям иной аспект бессознательного. Ибо он проник в значительно более сокровенные глубины, чем кто-либо до него, и обнаружил там источники психической жизни, которые порождают не только атавистические формы, но и потенциальные возможности к новому развитию.

Я глубоко обязана доктору Юнгу за его работу и за знания, почерпнутые мною от него лично. Я пользуюсь этой благоприятной возможностью, чтобы поблагодарить его от своего собственного имени, а также от имени всех тех, кто нашел себя в жизни, следуя по открытому им пути.

Я также хочу поблагодарить его за разрешение приводить цитаты из его опубликованных работ и включить репродукцию Тибетской мандалы в эту книгу. Большое спасибо также мистеру Полю Меллону, за конструктивную критику, а также тот интерес и время, которые он уделил этой книге; мисс Рене Дармштадтер, за ее квалифицированную помощь в подготовке рукописи к печати; мисс Хильдегард Нагель, за перевод вступления; и моим издателям за их любезность и предусмотрительность, избавившие меня от множества технических деталей.

Нью-Йорк, 1947 г. М. Эстер Хардинг.

ВСТУПЛЕНИЕ

Эта книга представляет собой всесторонний обзор опыта аналитической практики, обзор, насыщенность которого чувствует каждый, посвятивший последние годы добросовестному выполнению своих профессиональных обязанностей. С течением времени накапливается такой груз инсайтов и осознаний, разочарований и удовлетворения, воспоминаний и выводов, что возникает желание снять его с себя — в надежде не просто избавиться от бесполезного балласта, но и чтобы подвести итог, представление которого было бы полезно миру как настоящего, так и будущего. Пионеру в новой области исследований редко выпадает удача вывести действенные заключения из всего накопленного им опыта. Напряжение и затраченные усилия, сомнения и неопределенности непроторенного пути к истине слишком глубоко затрагивают его и лишают той перспективы и ясности видения, которые необходимы для всеобъемлющего изложения результатов. Исследователи второго поколения, основывающие свою работу на пробных попытках, случайных удачах, окольных путях, полуистинах и ошибках первопроходца, обременены в меньшей мере и могут выбирать более прямые дороги и видеть далекоидущие цели. Они имеют возможность отбросить многие сомнения и колебания и, сосредоточившись на самом существенном, представить более простую и ясную картину новооткрытой территории. Это упрощение и прояснение помогает представителям третьего поколения, на вооружении которых с самого начала пути оказывается общая карта-схема. Она позволяет формулировать проблемы и проводить границы более четко, чем когда-либо ранее. Мы можем поздравить автора с успешной попыткой представить общую ориентацию проблематичных вопросов медицинской психотерапии в ее самых современных аспектах. Многолетний практический опыт работы автора сослужил ей добрую службу: без него данное предприятие вообще было бы невозможным. Ибо все упирается не в «философию», как считают многие, а в факты и их формулировку, которая, в свою очередь, затем должна быть проверена на практике. Такие концепты, как «тень» и «анима» ни в коей мере не являются интеллектуальными измыш-

лениями. Это обозначения, присвоенные реалиям сложного характера, поддающимся эмпирической проверке. Эти факты может наблюдать любой желающий при условии, что способен отвлечься от своих, заранее сложившихся представлений. Однако практика показывает, что это не так просто сделать. Очень многие, например, до сих пор работают, отталкиваясь от предположения, что термин «архетип» обозначает унаследованные идеи! Подобные, совершенно необоснованные исходные предпосылки, делают невозможным какое-либо понимание.

Будем надеяться, что книга доктора Хардинг с ее простым и понятным изложением, окажется особенно полезной для того, чтобы рассеять подобные абсурдные недоразумения. В этом отношении она может быть очень полезной не только врачу, но и пациенту. Этот момент мне хотелось бы подчеркнуть особенно. Совершенно очевидно, что врач должен иметь адекватное понимание представленного ему материала. Однако, если сведущим в этом отношении будет только он, то большой пользы больному это не принесет, ибо в действительности последний страдает именно из-за недостатка сознания и потому должен стать более осознанным. Для этого ему необходимы знания, и чем больше он их приобретет, тем выше его шанс преодолеть свои трудности. Я без всяких колебаний порекомендовал бы книгу доктора Хардинг тем моим пациентам, которые уже достигли стадии, когда требуется большая духовная независимость.

Кюснахт/Цюрих

КГ. Юнг

8-е июля 1947 г.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я ХОЧУ ВЫРАЗИТЬ свою признательность следующим фирмам за их любезно предоставленное разрешение воспользоваться выдержками из защищенных авторскими правами материалов, в свое время опубликованных ими: Balliere, Tindall and Cox, London; G. Bell and Sons, London; J. M. Dent and Sons, London; Dodd, Mead and Company, New York; E. P. Dutton and Company, New York; Harcourt, Brace and Company, New York; Harvard University Press, Cambridge, Mass.; John M. Watkins, London; Routledge and Kegan Paul Ltd., London; Macmillan and Company, London; Mac-millan Company, New York; Oxford University Press, London; Rine-hart and Company, New York. За предоставленную возможность воспользоваться выдержками из Собрания сочинений К.Г. Юнга я выражаю огромную благодарность BoUingen Foundation and Routledge and Kegan Paul Ltd.

При подготовке раздела 6, я использовала материалы, ранее опубликованные в моей работе «The Mother Archetype and Its Functioning in Life,» Zentralblatt fur Psychotherapie, VIII (1935), no. 2.

Благодарности за иллюстрации, многие из которых впервые использованы во втором издании, даны в списке вкладных иллюстраций. Я чрезвычайно благодарна различным музеям за их помощь, и особенно Mrs. Jessie Fraser за ценные советы.

М.Э. Хардинг

«И теперь из Безбрежья Господня волны сна
Покажутся в души людей,
Но кто откроет нашим бодрствующим собратьям
Те формы плавающие и образы скрывающиеся
Под водами сна?

И я хотел бы знать, что в глубине скользит,
Когда приливы накрывают
Всю Глиннских топей ширь»
Sidney Lanier, *Hymns of the Marshes*, 1870

«Знай же и правильно пойми,
Что плавают две рыбы в нашем море,
Простор которого неопишум.
К тому же Мудрецы глаголят,
Что эти рыбы две — лишь одна, не две;
Их две, но все ж они — одно»
Николас Барно Дельфин, Книга Ламбспринка, 1625

Часть I

Источник психической
энергии

ВВЕДЕНИЕ

Те формы плавающие и образы скрывающиеся под водами сна...

За благопристойным фасадом сознания с его строгим моральным порядком и благочестивыми намерениями таятся грубые инстинктивные силы жизни, постоянно воюя, пожирая и зачиная, подобно глубинным монстрам. По большей части они невидимы, тем не менее от их побуждения и энергии зависит сама жизнь: без них живые существа были бы такими же инертными, как камни. Но если их действия не сдерживать, жизнь потеряет свое значение, вновь превратившись лишь в простое рождение и смерть, как в кишачих живностью первобытных болотах. Создавая цивилизацию, человек, хотя и неосознанно, стремился обуздать эти естественные силы и направить хотя бы некоторую часть их энергии в формы, предназначенные для иной цели. Ибо с приходом сознания культурные и психологические ценности начали соперничать с чисто биологическими целями бессознательного функционирования. В ходе всей истории за контроль и управление этими безличными инстинктивными силами психики боролись два действующих фактора. Извне сильное дисциплинирующее воздействие оказывали социальные порядки и потребности материального характера. Вместе с тем изнутри самого индивида исходило влияние, возможно, даже более сильное, влияние в форме символов и переживаний нуминозного характера — психических переживаний, которые оказывают мощное влияние на отдельных индивидов в каждой общине людей. Эти переживания были настолько глубокими, что стали основой религиозных догм и обрядов, которые, в свою очередь, воздействовали на огромную массу лю-

дей¹. Крайне удивительно, что этим религиозным формам удалось сдерживать силу и жестокость примитивных инстинктов в такой существенной мере и столь долгое время. Это должно означать, что религиозные символы были специфическим образом приспособлены удовлетворять побуждения конфликтующих внутренних сил даже без всякой помощи сознательного понимания. При этом, во многих случаях сам индивид не испытывал ну-минозных переживаний, на которых первоначально основывался ритуал. До тех пор, пока религиозные и социальные формы в состоянии сдерживать и до некоторой степени удовлетворять внутренние и внешние жизненные потребности индивидов, составляющих общину, инстинктивные силы пребывают в состоянии покоя, и по большей части мы забываем о самом их существовании. Однако иногда они пробуждаются от своего сна, и тогда в нашу размеренную жизнь врывается грохот и сумятица их стихийной борьбы, грубо вырывающей нас из мира покоя и благополучия. Тем не менее мы пытаемся не замечать свидетельств их необузданной силы и обманываем себя представлением о том, что рациональный ум человека завоевал не только окружающий мир природы, но и внутренний мир естественной инстинктивной жизни.

В последнее время эти наивные представления испытали немало потрясений. Благодаря науке человеческая мощь значительно возросла, но соответствующего этому развития и увеличения мудрости человека не произошло. Произошедший за последние двадцать пять лет² всплеск инстинктивных энергий в политической сфере не только не обуздан и не направлен на полезные цели, но пока еще даже адекватно не контролируется. И все же в большинстве своем мы продолжаем надеяться, что сумеем восстановить доминирующее влияние разумного, сознательного контроля без какого-либо сопутствующего радикального изменения в самом человеке. Совершенно очевидно, что намного легче предполагать, будто проблема заключается не в нашей психике, чем брать на себя ответственность за таящееся в нас самих. Но имеем ли мы основания для такой позиции? Можем ли быть столь уверены, что инстинктивные силы, вызвавшие динамические перевороты в Европе и за десятилетие уничтожившие многовековое наследие цивилизации, в силу географических или расовых границ действительно присущи людям только *других* наций? Не доступны ли им, как чудовищам глубин, все океаны? Друга-

ми словами, застраховано ли «наше море» — разделяемое нами бессознательное — от подобных волнений?

Стоящая за революционными движениями в Европе сила не была чем-то сознательно запланированным или умышленно накопленным. Она поднялась спонтанно из скрытых источников германской психики. Возможно, ее пробудила, но не создала сознательно, сила воли. Она вырвалась из бездонных глубин и сокрушила внешнюю культуру, которая столь многие годы была у власти. Казалось, что цель этой динамической силы состояла в полном уничтожении всего того, что было накоплено многими столетиями напряженного труда и представлялось незыблемым. В последующем хаосе агрессоры надеялись обогатиться за счет других народов и, чтобы обезопасить себя на будущее, стремились не оставить никого, способного представлять собой угрозу грабителям. Пренебрежение международными законами и правами других людей они оправдывали отсутствием возможности удовлетворить свои собственные фундаментальные нужды. Они объясняли свои действия инстинктивным побуждением, стремлением выжить, которое требовало жизненного пространства, безопасных границ и доступа к сырьевым ресурсам — т.е. требованиями в национальной сфере, соответствовавшими императивам инстинкта самосохранения индивида.

Агрессоры утверждали, что удовлетворение инстинкта на самом низком биологическом уровне является неотъемлемым правом независимо от средств, используемых для его осуществления: «Моя потребность имеет первостепенное значение; она санкционирована свыше. Я должен удовлетворить ее любой ценой. По сравнению с ней ваша потребность вообще ничего не значит». Эта позиция либо цинично эгоистична, либо невероятно наивна. Немцы — западный народ, столетиями пребывавший под влиянием христианства, поэтому можно было ожидать, что в психическом и культурном отношении это зрелая нация. Если это так, то не следует ли о всей нации судить как об антисоциальной и преступной? Это ведь не только нацистские лидеры с их безжалостной идеологией столь отвратительно пренебрегли правами других; нация в целом проявила эгоцентричность, свойственную маленькому ребенку или первобытному племени. Возможно, именно ею объясняется легковерие и уступчивость немцев во времена нацистского режима, а не сознательной и намеренной

преступностью. Нацистский призыв пробудил в глубине германского бессознательного силы, которые не сдерживались и не управлялись архетипическими символами христианской религии, а вернулись к языческим формам, т.е. к вотанизму. Ибо то, что выступает идеалом или добродетелью для отжившей свое культуры, является антисоциальным преступлением для ее более развитой и цивилизованной преемницы. Энергия, которая смогла превратить подавленную и дезорганизованную Германию 1930-х в высокоорганизованную, почти демонически могущественную нацию десятилетие спустя, должно быть, появилась из глубоко залегающих источников. Она не могла быть создана сознательным усилием либо использованием рациональных правил поведения или законов экономики. Эти драматические изменения охватили страну подобно приливу или наводнению, вызванному высвобождением динамических сил, которые прежде дремали в бессознательном. Нацистские лидеры воспользовались оказавшейся в их распоряжении благоприятной возможностью, которую породил этот «прилив в человеческих делах». Они смогли сделать это, потому что сами были первыми жертвами революционного динамизма, рвущегося из глубины, и понимали, что аналогичная сила шевелится и в народной массе. Им нужно было лишь пробудить ее и освободить от цивилизованных ограничений, все еще управлявших обычными, благопристойными людьми. Если бы эти силы уже не были активны в бессознательном германского народа в целом, то попытки нацистских агитаторов проповедовать новую доктрину оказались бы тщетными, а сами агитаторы показались бы народу преступниками или лунатиками, которые ни в коем случае не сумели бы зажечь народный энтузиазм или управлять целой нацией в течение двенадцати долгих лет.

Дух этого динамизма прямо противоположен духу цивилизации. Первый ищет жизнь в движении, перемене и эксплуатации; второй — во все века стремился создать форму, в которой жизнь может расширяться, создавать и обеспечивать свою безопасность. И действительно, христианская цивилизация, несмотря на все ее недостатки и ошибки, представляет собой самое лучшее, что человеку со всей его неполноценностью до сих пор удалось создать. Но людская алчность и эгоизм никогда адекватным образом не умирялись. Преступления против всего человечества постоянно совершались не только посредством открытых действий, но — и,

возможно, даже более чаще — из невежества и крайне эгоистических побуждений. В результате нужды слабых игнорировались, а сильные поступали по-своему. Но менее наделенные в материальном и психологическом плане люди имеют такую же долю инстинктивных желаний и такую же сильную волю к жизни, как и более привилегированные. Эти, столь упорно подавляемые естественные стремления, не могут оставаться бездействующими бесконечно. Дело не столько в том, что восстанет индивид — при общеизвестном долготерпении масс, — сама природа восстанет в нем: когда приходит время, силы бессознательного вскипают и выплескиваются наружу. Однако опасность такого извержения не ограничивается менее удачливыми членами общества, ибо инстинктивные желания множества более удачливых его представителей подавлялись также, и не алчным высшим классом, а слишком жестким господством морального кодекса и общепринятого закона. Эта группа тоже проявляет признаки мятежа и может взорваться неуправляемым насилием, как это совсем недавно произошло в Германии. Если такое случится где-нибудь еще, высвободившиеся энергии понесут в мир дальнейшее разрушение. Но существует другая возможность — вновь искусственно, с помощью мощного архетипа или символа направить в нужное русло эти скрытые силы, пробуждающиеся в бесчисленном количестве индивидов, и таким образом создать для себя новую форму, прокладывая путь к новой стадии развития цивилизации, как это было в начале христианской эры.

Коммунистическое экспансионистское движение представляет собой аналогичную угрозу мировому порядку. Под видом оказания помощи слаборазвитым и угнетенным народам коммунистические вожди стремятся к мировому господству и тотальной эксплуатации. То, что народ готов поддержать их амбиции, несмотря на ожидаемые трудности, красноречиво свидетельствует о динамическом волнении в бессознательном людских масс.

Этот новоявленный динамический или демонический дух наделен почти невероятной энергией, которая до настоящего времени почти полностью оставалась недоступной сознанию. Может ли он создать новый мировой порядок? До тех пор, пока продолжает проявляться только в разрушении — естественно не может. Не может он и быть ассимилирован старым духом, определяющим ценности с точки зрения всего упрочившегося и хорошо

проверенного. С другой стороны, вытеснение его обратно в бессознательное не представляется возможным. Он уже укоренился. И столь мощная жизненная сила не может не оказать своего влияния на дух, который создает и сохраняет, если последний вообще уцелеет.

Эти два мировых духа, называемые греческой философией «ростом» и «горением», пребывают в смертельной схватке, и мы не можем предсказать ее исход. Страх по поводу того, что они могут буквально уничтожить друг друга, не рассеивается с наступлением мира. Победит ли революционный дух и станет ли он господствующим в следующей мировой эпохе? Будет ли одна война следовать за другой, а каждое перемирие служить лишь поводом для новой вспышки агрессии? Или же мы можем надеяться, что из нынешнего сражения и страданий родится новый мировой дух, который создаст для себя новую совокупную цивилизацию?

На эти вопросы может ответить только время, ибо даже в нашу эпоху катаклизмов мировые движения разворачиваются очень медленно, и едва ли кому-нибудь из ныне живущих доведется увидеть исход этой схватки на всемирной сцене. Однако, в связи с тем, что этот конфликт — конфликт философий, «духов», т.е. психологических сил в индивидах и нациях, то, возможно, психологи на основании понимания законов, управляющих этими силами, смогут дать нам ключ к его вероятному развитию? Ведь психолог может наблюдать развертывание этого же самого конфликта в миниатюре в отдельных личностях. В конечном счете проблемы и противостояния, нарушающие мировой покой, должны разрешиться в душе индивидов, прежде чем они будут сняты во взаимоотношениях наций. С этой точки зрения, они должны быть разрешены на протяжении одной жизни.

В индивиде основные инстинкты требуют удовлетворения не менее настоятельно, чем в нации; и здесь тоже цивилизация навязывает правила поведения, направленные на подавление или модификацию этого требования. Каждый ребенок подвергается воспитанию, сдерживающему его естественную реакцию на собственные импульсы и побуждения. Такое сдерживание заменяет общественные или общепринятые нормы поведения. Во многих случаях в результате сознательная личность оказывается слишком сильно обособлена от своих инстинктивных корней; она становится слишком слабой и хрупкой, а возможно, даже и заболевает; это продолжается до тех пор, пока с течением времени подав-

ленные инстинкты не восстают и не поднимают революцию, подобную той, что угрожает покою мира.

В индивиду, как и в нации, вытекающий конфликт может вызвать асоциальные или криминальные реакции; или, если подобное поведение не допускают его моральные устои, — невротические либо даже психотические проявления. Однако никакого реального разрешения такой фундаментальной проблемы не существует, за исключением осознанного переживания конфликта, возникающего, когда инстинкты восстают против чрезмерного угнетающего управления сознательного эго. Если эго вернет свой контроль, то восстановится *status quo ante* и продолжится истощение жизни, которое может завершиться полной стерильностью. С другой стороны, если подавленные инстинкты обретут власть и сместят эго с его господствующего положения, то индивид окажется в опасности моральной или психической дезинтеграции. То есть он либо утратит все моральные ценности — как говорится, «пошло оно все к черту» — либо потеряется сам в неразберихе коллективных или безличных инстинктивных побуждений, которые вполне могут нарушить его психическое равновесие.

Но если у столкнувшегося с такой проблемой индивида достаточно отваги и уравновешенности, чтобы в открытую разобраться с этим вопросом, не позволяя ни одному из соперничающих элементов отступить в бессознательное, невзирая на последующую боль и страдания, то конфликт может разрешиться в глубине бессознательного спонтанно. Такое разрешение появится не в форме интеллектуального умозаключения или продуманного плана, а всплывет в сновидении или фантазии в виде образа или символа столь неожиданного и вместе с тем настолько адекватного, что его появление покажется чудом. Такой символ помогает найти выход из тупика. Он способен совместить противостоящие требования психики в новообразованную форму, благодаря которой жизненные энергии могут устремиться в новом, созидательном направлении. Юнг назвал этот символ примиряющим³. Его сила способствует не только разрешению безвыходной ситуации, но и осуществлению трансформации или модификации инстинктивных влечений индивида: в личностной сфере это соответствует такой модификации инстинктов, которая, по меньшей мере до некоторой степени, была осуществлена в масштабах расы на протяжении столетних культурных усилий.

Это нечто совершенно отличное от изменения сознательной позиции, возможного в результате воспитания или образования. Это не компромисс и не решение проблемы, достигнутое благодаря усилению контроля за асоциальными тенденциями, вспышками гнева и тому подобного. Первоначально конфликт возник именно потому, что такие попытки морального контроля были либо безрезультатными и индивид остался во власти собственных необузданных желаний, либо слишком успешными, и в этом случае его насущные жизненные ключи оказывались перекрытыми внутри него, а сознательная жизнь становилась сухой и серой. Примиряющий символ появляется только после провала всех таких сознательных попыток найти решение. Он всплывает из глубин бессознательной психики и оказывает свое созидательное влияние на недоступном рациональному сознанию уровне психической жизни, где он способен осуществить изменение самого характера инстинктивного стремления, в результате которого фактически меняется природа побуждения «Я хочу».

Это звучит почти невероятно. Тем не менее, не подобное ли изменение произошло в результате культурной эволюции человечества? Оно представляет различие между первобытным, или диким, и культурным человеком. Человека примитивной культуры можно обучить всем ремеслам и наукам западной цивилизации, однако его глубочайшие реакции так и останутся примитивными: всякий раз при пробуждении какой-либо сильной эмоции или возникновении стрессовой ситуации он будет находиться во власти бессознательных импульсов. В противоположность этому, инстинктивные реакции западного человека в значительно большей степени связаны с его сознательным эго и намного более надежны. Однако, как нам хорошо известно, он ни в коей мере не остается таким цивилизованным — в глубочайшем смысле этого слова — всегда. Очень многие индивиды на самом деле не достигли того психического развития, что в целом повлияло на идеалы нашей цивилизации и характер людей, которые в силу сложившегося факта являются поистине культурными личностями.

Этот момент может прояснить исторический пример, демонстрирующий различие качества инстинктивных реакций различных людей в условиях сильного стресса. Когда полярная экспедиция Грили, потерпев неудачу, вынуждена была зимовать на крайнем севере без продуктов питания и топлива, некоторые из ее членов под влиянием тех лишений и неизвестности, что им

пришлось вынести, сильно опустились. Девид Брейнард пересказал эту историю в *Pe Outpost of the Losf*. Одни не пускали своих товарищей в общий спальный мешок, чтобы согреться после арктического холода, когда они возвращались с поисков пищи для всей группы; другие стали воровать скудные запасы пропитания; неоднократно существовала опасность завершения различных ссор кровопролитием. Однако подобное моральное разложение затронуло не всех членов экспедиции. Некоторые, в особенности Брейнард и сам Грили, сохраняли самообладание на протяжении всего этого тяжелого испытания и как само собой разумеющееся жертвовали собой ради благополучия всей группы. Что же удержало их от разложения? Возможно, у этих людей сознательное эго оказалось более организованным и тренированным и потому они могли эффективнее контролировать примитивные побуждения, на которых основывается человеческая психика? Эти люди страдали от голода и холода не менее своих товарищей, а озабочены судьбой экспедиции были даже сильнее остальных. Почему они не пали духом и не взрывались вспышками неконтролируемой ярости? Может быть, у этих двух индивидов форма самого инстинктивного побуждения претерпела тонкую трансформацию, в результате чего скрывающийся внутри первобытный человек оказался не таким грубым и эгоистичным, как у их товарищей?

Мы не можем покончить с этой проблемой утверждением, что Брейнард и Грили просто оказались лучше остальных. Существует достаточно примеров, когда люди в условиях сильного стресса в ответ на несдерживаемые инстинктивные импульсы иногда поступали совершенно эгоистичным образом, но впоследствии, после некоторых незабываемых внутренних переживаний обнаруживали, к своему удивлению, что их спонтанные реакции изменились настолько, что они даже уже и не помышляют об асоциальных действиях. В подобных случаях приходится делать вывод об изменении характера безличного импульса. Дело не в том, что эти индивиды более героичны или умышленно менее эгоистичны, чем прежде. Факт заключается в том, что изменилось их сознание. Их собственные нужды и безопасность просто не выходят на передний план, и безличный импульс уже больше не проявляет себя чисто эгоистическим образом в процессе впол-

*Потерянный аванпост (англ.). — *Прим. ред.*

не спонтанной реакции на ситуацию. Такой человек свободен от принуждения своих примитивных влечений; его сознание уже больше не идентифицирует себя с инстинктивным или соматическим «Я», а смещается к новому центру, в результате чего глубоко изменяется все его существо.

Подобного рода трансформации характера часто наблюдаются после религиозного обращения, когда их появление ожидается как результат лишений и тяжелых испытаний религиозной инициации. В отдельных случаях они происходят после глубоких эмоциональных переживаний абсолютно личного характера. Классическим примером служит переживание Павла по дороге в Дамаск: благодаря ему изменился его характер и само направление его жизни. С этим изменением он прожил до конца своих дней. Это не было простым выражением преходящего настроения; не было это и примером *энантиодромии* — драматического перехода к противоположной комплементарной позиции, который часто происходит в так называемых массовых обращениях и может с одинаковой легкостью осуществляться в обоих направлениях. Напротив, результатом снизошедшего на Павла просветления была далеко идущая и устойчивая трансформация, затронувшая всю его жизнь.

Глубокие психологические изменения подобного типа могут происходить в результате внутреннего переживания, названного Юнгом процессом индивидуации⁴. Такие изменения можно наблюдать у людей, подвергающихся анализу по разработанному в аналитической психологии методу. Это изменение затрагивает сам характер основных инстинктов, которые, вместо того чтобы компульсивным образом оставаться привязанными к своим биологическим целям, трансформируются для работы в сфере психики.

Эти трансформации, наблюдаемые у отдельных личностей, аналогичны психологическим изменениям, происходящим в человеческой природе, начиная с времен человекообразной обезьяны и до самых развитых и цивилизованных представителей современного человечества. Мы можем проследить, хотя бы приблизительно, стадии постепенной модификации и трансформации инстинктивных побуждений, сменявшие друг друга с ростом и развитием сознания в ходе нашей долгой истории. Развитие индивида проходит аналогично: то, что было достигнуто человеческой расой за бесчисленные века, должно повториться за

короткий промежуток в несколько лет в каждом мужчине и в каждой женщине, для того чтобы индивиды каждого поколения могли достичь личного уровня сознания, соответствующего их эпохе. Фактически этот процесс должен быть ускорен, чтобы каждое поколение могло внести свой весомый вклад в психическое развитие человеческой расы.

За многие столетия были разработаны различные методы ускорения этого процесса. Некоторые из них использовались достаточно долго, но впоследствии были отвергнуты. Иногда метод, удовлетворяющий особенностям одного столетия, не соответствовал следующему. Ни один из них не оказался универсальным. Из современных главным является метод, разработанный медицинскими психологами, открывшими, что невротические и другие психические заболевания часто являются следствием инфантильности или примитивности, сохраняющихся на заднем плане психики пациента. Особое внимание Юнг уделял культурным аспектам и значению человеческих проблем, которые поверяли ему пациенты. Поэтому ему удалось углубить наше понимание процесса развития сознания в большей мере, чем кому-либо из его предшественников в этой области, сфера интересов которых, главным образом, сосредотачивалась на терапевтических аспектах психологической работы. Ценность и значение этих открытий едва ли можно переоценить, ибо Юнг продемонстрировал, что ускорение эволюции инстинктивных влечений действительно возможно. И, таким образом, можно способствовать культурному развитию индивида, который не только освобождается от своих асоциальных побуждений, но и одновременно обретает доступ к энергии, ранее запертой в биологических и инстинктивных механизмах. Благодаря такой трансформации мужчина или женщина становятся культурными и цивилизованными личностями, достойными гражданами мира.

Предположение о том, что отношение индивида к своим личным конфликтам и проблемам может как-то ошутимо влиять на международную ситуацию, затрагивающую судьбы миллионов людей, может показаться абсурдным, как и переключение с общей проблемы на индивидуальную, как если бы они были эквивалентны. Тем не менее так поступать должен каждый, обладающий даже минимумом психологического инсайта, если он хочет понять эпоху, в которой живет, или внести сознательный вклад в разрешение мировой проблемы.

Участвующие в мировом кризисе миллионы людей — индивиды; эмоции и динамические побуждения, стоящие за столкновениями армий, — зарождаются в индивидах. Это психические силы, скрывающиеся в индивидуальных психиках. В настоящий момент тысячи людей до сих пор заражены теми психическими инфекциями, которые совсем недавно породила мировая война. От этого психического заболевания пострадали не только тоталитарные нации; нам тоже грозит эта зараза по той простой причине, что мы живем в том же самом мире, а психические силы не знают географических границ.

В индивиде, как и в государстве, тоталитарная позиция препятствует элементарной свободе части целого. Одна из частей присваивает себе всю власть и привилегии, практически поработав или карая остальные части, если они отказываются поддерживать доминирующий элемент. Однобокость психического развития западного человека очень похожа на жесткую однонаправленность этой позиции. Сознательное эго взяло на себя власть над всей психикой, часто игнорируя само существование других реальных нужд и ценностей. Оно подавило эти другие аспекты психики и вытеснило их в тайные глубины бессознательного, где они попали под влияние темных архаичных сил, которые, подобно «образам скрывающимся под водами сна», беспрестанно пребывают в неизведанных уголках человеческой психики. Для того чтобы в психическом развитии человека произошел какой-либо дальнейший шаг вперед, необходимо положить конец исключительному господству сознательного эго и модифицировать первобытную безжалостность самих примитивных инстинктов, чтобы их энергия была доступна для культурного прогресса индивида, а вместе с тем — и всего общества.

Когда благодаря изучению собственного бессознательного индивид расширит свои познания о скрытых сферах психики и осознает богатство и жизненную энергию этого непознанного мира, его отношение к внутренним динамическим и безличным силам в корне изменится. «Я» с его мелочными личными желаниями окажется незначительным, а индивид, благодаря углублению инсайта и лучшему пониманию смысла жизни, сможет освободиться от господства бессознательных побуждений.

Тот факт, что подобная перемена возможна в индивиде, может дать нам ключ к направлению, по которому должно следовать человечество, чтобы избавиться от повторяющихся вспышек

насилия, угрожающих самому его существованию. Для человеческой расы опасность исходит не от недостатка материальных ценностей или технического неумения использовать их, а от неотступной дикости самого человека, духовное развитие которого столь далеко отстает от его научных знаний и технической изобретательности.

1. К.Г. Юнг в книге «*Mysterium Coniunctionis*» говорит: «"Религия" на примитивном уровне представляет собой психическую регулирующую систему, скоординированную с динамизмом инстинкта. На высшем уровне эта изначальная взаимозависимость иногда утрачивается, и тогда религия легко может начать противодействовать инстинкту, в результате чего первоначальные компенсирующие отношения вырождаются в конфликт, религия «окаменеет» в формализме, а инстинкт теряет свою силу». *Юнг К.Г. Mysterium Coniunctionis*. — М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997. - С. 450.

2. Это было написано в 1946 г.

3. См. обсуждение примиряющего символа в *Psychological Types*, pp. 258ff., 478ff and chap. V. [Рус. пер. — *Юнг К.Г. Психологические типы*. — М, СПб.: Прогресс-Универс, 1995].

4. Подробное описание этого процесса, основанное на изучении двух клинических случаев, было опубликовано Юнгом в работе «Исследование процесса индивидуации» в книге «Архетипы коллективного бессознательного» и в работе «*Psychology and Religion*» в *Psychology and Religion: West and East* (C.W., II). Две другие истории болезни с подробным субъективным материалом представлены *H. G. Baynes, Mythology of the Soul*. [Рус. пер. *Юнг К.Г. Психология и религия*. В кн.: *Юнг К.Г. Архетип и символ*. — М.: Ренессанс, 1991.] Практические аспекты данного процесса обсуждаются в последующих главах настоящей книги.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИНКТИВНЫХ ВЛЕЧЕНИЙ

Идея о том, что характер основных инстинктов при определенных обстоятельствах может претерпевать фундаментальную модификацию или трансформацию, весьма необычна и неизвестна большинству людей. В результате такой модификации инстинктивные побуждения перестают быть исключительно и непременно привязанными к биологическим целям организма — целям, которые неизбежно касаются выживания и благополучия индивида и его прямого потомства — и направляются, по крайней мере отчасти, на культурные цели. В данной главе представлено дальнейшее изучение этого процесса, а оставшийся объем части I посвящен более детальному исследованию проблемы применительно к трем основным инстинктам. Часть II посвящена обсуждению методики, используемой в аналитической психологии для содействия упомянутой трансформации.

Инстинктивные побуждения или жизненно важные влечения всегда представляются сознанию под маской совершенно личного характера, как «Я хочу» или «Я должен иметь», независимо от того, служит ли причиной этого настоятельного и неотложного требования голод, сексуальное удовлетворение, собственная безопасность или стремление к господству. Но личностный характер потребности иллюзорен: фактически «Я хочу» — это просто личностное выражение факта, что сама жизнь «хочет» во мне. Более правильно называть побуждение безличным; по своему происхождению оно экзопсихическое и действует в индивиде совершенно независимо от его сознательного контроля и нередко фактически ему в ущерб. Оно касается только продолжения жизни и, говоря в общем, в большей мере выживания расы, чем индивида. В результате слепого действия непреодолимого инстинктивного

влечение индивид может быть даже принесен в жертву или сам пожертвовать собой ради продолжения рода, причем не из альтруистических побуждений, как можно было бы предположить, а совершенно не осознавая, что может повлечь за собой его повиновение своему внутреннему импульсу. Так, например, трутень неизбежно и не имея выбора летит за половозрелой маткой, даже не предполагая, что это его последний полет. Если ему повезет в погоне за обладанием, то он умрет при удовлетворении своего инстинктивного желания. Если потерпит неудачу, то может оказаться слишком истощенным для того, чтобы вернуться в улей или, достигнув его, будет убит на пороге как не представляющий больше никакой ценности для сообщества. Безличный характер инстинктивных побуждений можно наблюдать не только у насекомых. Инстинктивный характер имеет и странное непреодолимое влечение, которое периодически заставляет леммингов тонуть в океане. И разве можем мы утверждать, что безумие войны, время от времени овладевающее современным человеком, сильно отличается от описанного выше?

Крайне личностный характер, свойственный инстинктивным побуждениям, обусловлен недостаточностью сознания. Индивид, избавившийся с возрастом от настоящего детского «Я хочу», продолжает осознавать свои физические нужды, но он обретает определенную степень независимости от них. Он больше полностью не идентифицируется со своим голодом, сексуальностью или другими насущными физиологическими потребностями, а может воспринимать их с определенной относительностью и откладывать удовлетворение до появления благоприятствующих условий. Ребенок на это не способен. При возникновении физического дискомфорта он кричит до тех пор, пока тот не будет устранен, и совершенно не задумывается о неудобствах или комфорте своей кормилицы. Он, не колеблясь, выхватит лакомый кусок у другого, мало задумываясь о возможных последствиях.

В ходе развития ребенка небольшая часть этой безличной инстинктивной энергии избавляется от чисто биологической направленности и освобождается для более сознательных целей. В результате часть бессознательной психики отделяется и образуется личностное сознание. Это личностное сознание, называемое самим индивидом «Я», часто кажется ему представляющим всю психику, но это иллюзия. В действительности оно представляет весьма малую часть всей психики, которая в остальном, главным

образом, остается бессознательной и безличной или коллективной в своих целях и проявлениях. Безличная часть психики не связана с субъектом, «Я», и не находится под его контролем; скорее она функционирует в нем так, как если бы некто или нечто другое говорили или действовали внутри него. По этой причине Юнг назвал ее объективной психикой. Для наблюдающего «Я» она является таким же объектом, как и объекты окружающего мира.

Поскольку бессознательная часть психики безлична, она лишена тех качеств, что характерны для сознания и зависят от установившегося «Я» как фокуса сознания. Сознательное «Я» видит все со своей собственной точки зрения. Вещи либо хороши, либо плохи — для *меня*; объекты либо рядом, либо далеки — от *меня*, надо *мной*, или подо *мной*; справа или слева, внутри или снаружи и т.д. — по всему диапазону пар противоположностей. Однако в бессознательном такое положение дел не превалирует. Здесь *вперед* и *назад* не дифференцируются, ибо отсутствует отправная точка, отталкиваясь от которой можно было бы определять направление движения.

Аналогичным образом бок о бок располагаются и хорошее и плохое, истинное и ложное, созидательное и разрушительное — подобно большим рыбакам из поэмы Николаса Барно Дельфина — «их две, но тем не менее они — одно».

Когда бессознательное содержание прорывается в сознание, становится очевидной его двойственность, и в результате возникает конфликт. Требуется сделать выбор. Ценности, казавшиеся несомненными и незыблемыми, становятся сомнительными, спорные вопросы выглядят запутанными; твердая почва под ногами, считавшаяся прежде прочной, содрогается и расступается; примирение и восстановление покоя возможны только после выработки новой позиции.

Обычный человек, предполагающий, что его сознательное эго представляет всю психику, верит, что он действительно цивилизован и культурен, каким внешне и является. Если временами его мысли или поведение бросают тень сомнения на эту лестную самооценку, он оправдывает такое отклонение от собственных стандартов человеческой слабостью, простительным недостатком или считает их чем-то, не имеющим особого значения.

Подобное общее самодовольство серьезно подорвали исследования Фрейда, продемонстрировавшего, что под подобающей маской приличия у всех мужчин и женщин скрываются импульсы и влечения примитивного инстинкта. Это открытие оказалось

М.Э. Хардинг

крайне шокирующим для рядового человека наших дней. В действительности каждого индивида, ощутившего в ходе аналитического сеанса или в какой-нибудь жизненной ситуации то, что первичной движущей силой его души является примитивный инстинкт, этот факт глубоко потрясает, даже несмотря на то, что сама теория Фрейда уже не кажется столь поразительной.

Распространенное мнение заключается в том, что теория Фрейда касается исключительно или в основном сферы секса, но она применима и в отношении других аспектов жизни; в ходе анализа значительное внимание уделяется импульсам агрессии и мщения. Например, большинство людей считают себя миролюбивыми, в разумных пределах свободными от навязчивого побуждения инстинкта самосохранения. В мирное время такие люди говорят, что ничто и никогда не может заставить их убить другого. Тем не менее, хорошо известно, что в пылу и страхе сражения человеком, который обычно имеет мягкий нрав и пацифистские убеждения, овладевает инстинкт убивать, чтобы не быть убитым. Такой человек может серьезно встревожиться, обнаружив в себе скрытую жажду крови, ибо в повседневной гражданской жизни мы не осознаем силы наших примитивных инстинктов и не видим того, что лежит за спокойной внешностью в каждом из нас. Мы просто не замечаем дикого зверя, притаившегося в бессознательном. Аналогичным образом те из нас, кто никогда не испытывал нужды, не имеют ни малейшего представления о своем поведении в условиях голода. При таких обстоятельствах внешне цивилизованные люди могут прибегнуть к лжи и обману, воровству и даже убийству ради удовлетворения своего всепоглощающего инстинкта. Преступления из ревности, составляющие значительную часть серьезных уголовных дел в судопроизводстве, совершаются не только представителями преступного мира, но и мужчинами и женщинами, которые во всех других отношениях являются благопристойными и уважаемыми гражданами. Это примеры того, как контроль эго может быть нарушен настоятельными требованиями неистового инстинкта, который, сбросив свои обычные ограничения, раскрывается во всей своей неприкрытой и примитивной дикости.

Инстинкт голода и стремление к воспроизведению потомства, с его побочным аспектом сексуальности, представляют собой основные проявления жизни. По их наличию или отсутствию мы определяем, представляет ли собой рассматриваемая

структура живое существо или нет. Поведение всех организмов, не имеющих развитой центральной нервной системы, полностью контролируется этими изначальными инстинктами. На самой ранней стадии развития реакция на пищевой или половой раздражитель является автоматической и обязательной. Она запускается каждый раз при появлении объекта, пригодного для удовлетворения побуждения. Однако с развитием центральной нервной системы положение дел меняется. Организм начинает обретать способность использовать возможность выбора. Он больше не является просто механизмом, вынужденным реагировать на раздражители чисто автоматически. С развитием нервной системы проявления элемента выбора и освобождения от господства инстинкта становятся все более выраженными до тех пор, пока, в случае высших животных, мы не оказываемся перед необходимостью говорить о психическом факторе, хотя и зависимом от контроля нервной системы, но обособленном от него. С появлением психики модификация инстинктов активизируется, и в некоторой мере они подпадают под контроль самого индивида. Юнг назвал этот процесс психизацией (одушевлением) инстинкта¹. На протяжении столетий с развитием психики контроль над инстинктами последовательно увеличивался. Они постепенно изменялись, теряя в определенной мере автоматический и принудительный характер. При этом индивид обретал все большую свободу выбора и действия. Тем не менее в условиях стресса он и сейчас может временно или навсегда утратить так тяжело доставшийся контроль и снова попасть под деспотичное влияние инстинкта. Это всегда считалось регрессией, влекущей за собой потерю человечности, несмотря на то, что ей может сопутствовать прилив энергии и ощущение освобождения от сдерживания, ставшего невыносимым.

То, что компульсивность примитивного инстинкта с появлением психики модифицировалась — очевидный факт, доступный для повседневного наблюдения. Однако вопрос о том, вследствие чего произошла эта перемена, остается открытым. Мы не можем сказать, что изменение было вызвано сознательным эго, когда из бессознательного в ходе какого-то необъяснимого процесса появилась сама психика. Появление психики едва ли было бы возможным, если бы единственными мотивирующими силами организма были элементарные стремления к самосохранению, воспроизведению и господству. По этой причине Юнг выделяет

М.Э. Хардинг

еще три влечения, которые обладают характерной импульсивностью инстинктов и мотивируют психическую жизнь отдельного индивида. Это — стремление к деятельности, влечение к рефлексии и так называемый инстинкт творчества. Последнее из названных побуждений он определяет как психический фактор, сходный с инстинктом, но не тождественный ему. Он пишет:

«Богатство человеческой психики и ее сущностный характер, вероятно, определяются этим инстинктом рефлексии... [С его помощью] раздражитель более или менее полностью трансформируется в психическое содержание, то есть, он становится опытом: естественный процесс трансформируется в сознательное содержание. Рефлексия является *par excellence**. Культурным инстинктом, и его сила проявляется в способности культуры отстаивать себя перед лицом дикой природы»².

В результате этого побуждения или необходимости сосредотачиваться на приобретенном опыте, отражать его в драматургии и пересказывать устно основные инстинкты человека — и только одного человека из всех живых существ — в некоторой степени модифицировались и лишились части своей импульсивности. Это позволило им принять участие в удовлетворении растущих потребностей психики и не остаться неразрывно привязанными к нуждам непсихической, то есть биологической (животной) жизни.

Эта трансформация произошла в случае каждого из трех основных инстинктов. Сексуальность, наряду с выполнением биологической функции, теперь служит и удовлетворению эмоциональных потребностей психики. Инстинкт самозащиты побудил к организации общественной жизни с ее коллективными предприятиями и основополагающими социальными взаимоотношениями. Удовлетворение голода — первоначально чисто биологическая активность — стало фокусом, способствующим формированию товарищеских отношений. Примитивная потребность голодного животного оказалась под таким контролем психики, что совместное удовлетворение голода стало самым распространенным способом заведения знакомства с другими людьми и выражения дружеского расположения. То, что первоначально было простым принятием пищи, окружено сложными ритуалами и обычаями, а сам инстинкт служит преимущественно удовлетворению эмоциональных потребностей. Мы ощущаем неудобство при постоян-

* Преимущественно (фр.). — *Прим. перев.*

ном принятии пищи в одиночестве и чувствуем реальную потребность разделить свои деликатесы с другими, устроить небольшую вечеринку на радость всем. В китайской книге «И-шин» это ощущение описывается как: «У меня есть хороший кубок, я разделю его с тобой»¹. А когда мы хотим выразить свое удовольствие от встречи с другом, то совершенно спонтанно отмечаем это событие обедом или ужином. Даже наши религиозные праздники проводятся с выделением этой темы: радостные — пиршествами, а периоды покаяния или скорби — постами.

После своей частичной модификации в интересах психики инстинкт голода может проявляться в совершенно ином качестве, например, в виде какого-нибудь другого настоящего желания, характеризующегося ненасытностью. Выражением инстинкта голода может быть любовь к деньгам, чрезмерное честолюбие или какая-либо иная безграничная устремленность, пробуждающаяся в человеке даже в том случае если сам индивид совершенно не осознает этого факта.

Страстное желание насытиться служит выражением голода в биологической сфере. Но человеческое существо требует пищи и иного рода, причем эта потребность может быть такой же настоящей, как и физический голод, и не менее неумолимой по своей навязчивости. Для того чтобы понять насколько естественно и бессознательно для обозначения этих других потребностей используются термины из области физического голода, следует лишь вспомнить выражения, употребляемые при их упоминании. Мы «усваиваем» идею или «впитываем» мысль. Пропаганду «скармливают» бездумному народу. Короткая молитва советует нам «прочитать, отметить, выучить и внутренне переварить» учение. Обращаясь к сленговым выражениям, мы «пережевываем новую идею» или «плюем на нее», когда отвергаем, и говорим «я не перевариваю ее». Такие выражения почти неизбежны в разговоре об идеях, но символизм принятия пищи и пищеварения используется также и в связи с другими вопросами. Например, фраза «голод и жажда после праведности» обозначает нечто более глубокое, чем интеллектуальное понимание и более тесно связана с идеями, представляемыми обрядами «поедания божества», в которых участники ритуальной трапезы ассимилируют божественные качества. Считается, что в нашем собственном обряде причастия причащаемый реально впитывает не только сущность Христа, но и его самого, и что впредь Христос будет пребывать в его сердце вместе с верой.

В результате модификации и развития инстинкт голода из чисто биологической сферы, где он выступает манифестацией физической или соматической потребности, заявил о себе в психической сфере. Здесь он служит сознательному эго в форме честолюбия, самоуважения или стремления к накопительству. Но возможна и дальнейшая его модификация вплоть до достижения такой стадии, когда голод уже не затрагивает исключительно личное имущество или собственное возвеличивание, а ищет удовлетворения в высшей цели надличностного или религиозного характера.

Из этого краткого наброска можно видеть, что постепенная трансформация инстинкта голода осуществляется в три стадии. Они соответствуют трем этапам развития человека, которые в другой своей работе я обозначила как стадию наивного сознания, стадию эго и стадию осознания самости⁴. Подобные же шаги можно проследить и в эволюции других основных инстинктов: стремления к самосохранению, сексуальности с сопутствующим ей родительским комплексом, и влечения к власти. В каждой из этих областей на первой стадии в поле сознания доминируют биологические нужды и связанные с ними инстинктивные импульсы; фокальный центр, «Я», полностью подчинен аутоэротическим желанием. Я назвала этот центр «аутос»⁵.

На второй стадии центром сознания становится эго и инстинктивные влечения модифицируются благодаря своим взаимоотношениям с новообразованным эго-сознанием, которое, в свою очередь, заявляет о себе как «Я». На третьей стадии эго смещается с центрального положения и по своему значению становится второстепенным по отношению к новому центру сознания, Самости, категорический императив которой обретает всеобщий контроль.

Юнг употребляет термин «Самость» для обозначения центра психического осознания, выходящего за рамки эго-сознания и включающего все обширное пространство психики, которое обычно остается бессознательным. Таким образом, Самость представляет не только личностное сознание, но и безличное также. Большинство великих мировых религий считают достижение этого уровня наивысшей целью. Она описывается выражением «обнаружение Бога в себе». Ибо Самость, центр этого сознания нового типа, ощущается как нечто отличное от эго и обладающее абсолютным господством в психике. Она заявляет о

себе командным голосом, обладающим такой же властью над индивидом, как инстинкты. Активно функционируя в человеке, этот центр способствует поглощенности внутренней, субъективной жизнью, что со стороны может показаться аутоэротическим эгоцентризмом. Однако если индивид четко различает личностное «Я», аутоэ или эго, и этот центр внеличностной, непреодолимой власти, то это, несомненно, не аутоэротическая поглощенность, а заинтересованность высшей ценностью, имеющей огромное значение для развития психики, а следовательно, и для всего человечества.

Эти последовательные стадии развития характеризуют типы сознания, присущие различным людям. Индивид, полностью живущий на аутоэротической стадии, не может представить себе большего осознания и большей свободы человека, сознание которого модифицировалось появлением эго. Например, индивиду, не поборовшему с возрастом своей зависимости от физического комфорта, не понять самодисциплины человека, который может добровольно отказаться от притязаний на досуг и роскошь для того, чтобы полностью посвятить все свое время работе. Такая управляемая самоотдача непостижима для любителя легкой жизни, который обнаруживает, что подобное даже при желании выше его сил. Ибо хотя более развитый человек естественно осознает потребности своего тела, его инстинктивные влечения уже больше всецело не властвуют над ним. Но вместе с тем он не способен понять сущность сознания, управляющего им, когда Самость сменяет эго даже в умеренной степени.

Полное замещение аутоэ эго или эго — Самостью в жизни, конечно же, не наблюдается. Действительно, для человека, полностью освободившегося от потребностей тела или совершенно лишённого желаний эго, едва ли было бы возможным практическое продолжение жизни. Эти побуждения нужны для человеческого существования, и без них остановилась бы жизнь тела, а вместе с ней — и жизнь сознательной личности. Поэтому, когда мы говорим об овладении центра сознания надличностной Самостью, следует помнить, что это замещение означает не устранение биологического желания, а его перевод в подчиненное положение. В результате такого процесса инстинкты, первоначально обладавшие полным контролем, становятся относительными по своему значению, а их компульсивный характер модифицируется постепенной психизацией, то есть, их энергия частично перено-

сится из биологической сферы в психическую. В ходе этого процесса часть власти отбирается у инстинктов, но лишь толика ее становится доступной для сознательной личности индивида; намного большая доля переходит к новому детерминанту объективной психической сущности.

Интересно отметить, что буддисты из секты Махаяна также различают три стадии человеческого сознания, поразительно соответствующих выделенным здесь нами. Наивная стадия, с преобладанием господства аутоа, когда индивидом полностью управляют его физические потребности и желания, характеризует «человека небольшого ума». Сознание такого человека, будучи ограниченным пределами его биологических влечений, крайне сужено. Ему, как говорят буддисты, «лучше всего верить в причинно-следственную связь»⁰. Его предостерегают об осторожном отношении к своей озабоченности аутоэротическими желаниями.

Индивида на эго-стадии развития буддисты называют «человеком среднего ума». Его внимание полностью нацелено на контроль своего окружения для собственного удовлетворения и блага. Он обрел некоторый контроль над своими инстинктивными побуждениями, царь для него теперь — эго. Он классифицирует все с точки зрения собственных желаний, принимая хорошее и отвергая дурное, не осознавая, что отвергнутое не перестает существовать, а погружается в бессознательное. Буддисты говорят, что на этой стадии «лучше всего осознавать действие закона противоположностей как внутри себя, так и снаружи».

Состояние индивида, которого буддисты называют «человеком высшего ума», соответствует третьей стадии нашей психологической классификации. У него наблюдается разрыв идентификации эго с высшей ценностью. В результате такой человек воспринимает внутренний динамический фактор как нечто отличное от сознательного эго, хотя и определенно располагающееся в рамках психики. По мнению буддистов, для его состояния «лучше всего понимать неотделимость познающего, объекта познания и действия познания».

Следует всегда помнить, что обсуждаемое здесь психологическое развитие не относится ни к сознательной личности индивида, ни к его внешней маске или персоне. Человек может приобрести достойные подражания манеры, его поведение может быть обходительным и корректным, а сам он — высокообразованным и обладать всем внешним культурным лоском, но его естествен-

ные инстинктивные реакции, проявляющиеся наедине с самим собой, могут разоблачать его как совершенно иную личность. Или же в условиях физического или психического напряжения он может поразить своих друзей и даже самого себя необузданными примитивными реакциями, которые неожиданно берут верх над позицией хорошо воспитанной личности. Такие реакции рождаются не в сознательной части психики; они исходят от безличной части и отражают не сознательный характер, а стадию развития, достигнутую безличной психикой. Инстинктивные реакции человека, будучи экзопсихическими по происхождению, находятся, главным образом, вне контроля его сознательного эго. Их сущность и характер определяются не сознательными манерами и представлениями, и даже не моральными убеждениями, а степенью психической модификации самих инстинктов — процесса, зависящего в первую очередь, как отмечалось выше, от действия инстинкта рефлексии.

Постепенное изменение формы этих инстинктивных побуждений проявляется также и в развитии религий, ибо непреодолимые и всемогущие факторы бессознательного персонифицируются в божественных фигурах различных верований. Человек, как очень правильно сказано, создал Господа по своему образу и подобию — но не по образу своей сознательной личности, а по подобию того объективного психологического фактора, который единовластно правит в бессознательной части психики. Постепенное изменение, произошедшее в мировых религиях, идет параллельно медленной трансформации безличной и инстинктивной части человеческой психики. На заре человечества боги представлялись полностью обособленными от человека. Они жили своей собственной жизнью в некоем мире духов и цель ритуала состояла в построении мостика между человечеством и этими могущественными и непредсказуемыми владыками, которых необходимо было ублажать, дабы они обеспечили пищу и защиту от врагов и даровали людям и животным плодovitость. Это означает, что боги представляли силы природы — природы, окружающей человека, и его внутренней инстинктивной природы.

До того как человек научился контролировать свою природную инерцию и непредсказуемые импульсы, он ощущал себя полностью зависимым от прихоти богов в том, что касалось обеспечения жизненных потребностей. Но с постепенным освобождением психики человека от власти инстинктов и увеличением способ-

ности контролировать себя и свое окружение, его религия также изменилась, достигнув стадии, когда божественная сила представлялась как персонифицированный Господь, озабоченный благополучием своей паствы, но ненавидящий язычников, не желающих служить ему. Эта теологическая концепция соответствует эго-стадии психологического развития. Во всех более развитых религиях центральное учение уже миновало эту стадию и связано с восприятием Бога в самой психике. Однако обычно оно — удел посвященных, которые специальным наставлением и обучением подготовлены воспринимать откровения этого Бога лично. Такие откровения приходят посвященным как субъективное переживание, распознаются и осознаются как исходящие не от Бога на небе, а от Бога внутри. Они соответствуют объективной части бессознательной психики. Эзотерическое учение, постулирующее Бога извне, обитателя небес, вззирающего на своих детей из небесного храма и обеспечивающего физические потребности человека, — Бога, от которого «исходят все хорошие вещи», включая духовные помыслы, благословение милости Господней и избавление от греха — обычно считается более подходящим для непосвященного верующего.

Субъективное восприятие эзотерического аспекта более высокоразвитых религий обозначается различными терминами. В христианстве это ощущение пребывания Христа в сердце, влекущее за собой такую жизненную позицию, как «да живет Христос во мне, а не я сам». В ходе многих столетий христианские мистики оставили свидетельства своих достоверных переживаний обнаружения этого «другого» в собственных сердцах. Иногда этот «другой» называется Христом, иногда — просто Богом. Он воспринимается как нечто отличное от души, в которой пребывает. Инициации древних мистериальных культов стремились вызвать в некоторой степени сходное переживание, но здесь посвященный ощущал, что он сам фактически стал богом, и в ритуале действительно величался как таковой. В Египте фараон во многом подобным образом становился Осирисом. Здесь за этим стоит идея, что индивид превращается в Бога. В восточных религиях обучение направлено на формирование осознания внутреннего Бога, ибо считается, что Атман всегда находится внутри и является самой сущностью человека. Хотя он скрыт от сознания непосвященного, для его распознавания необходимо всего лишь преодолеть пелену авидьи или неведения, незрячести.

Эти формулировки представляют собой попытку выразить психологические переживания, реальность которых нельзя отрицать, невзирая даже на то, что язык их изложения чужд психологу. Эти переживания реальны⁷ и к ним следует подходить с непредубежденностью ученого. Используемые для определения таких переживаний догматические представления, не могут быть приняты за объективные факты, скорее их следует считать субъективными выражениями внутреннего переживания.

Психолог со всей серьезностью должен задаться вопросом: какова природа этих переживаний. Очевидно, они относятся к встрече с абсолютным детерминантой в психике, действующей со всей силой и неоспоримостью инстинкта, но являющейся выражением психического, а не биологического императива. Этот фактор не связан с сознанием, он не подконтролен сознательному эго, а действует как нечто иное в рамках психики. Он всегда представляется нуминозным явлением, имеющим все атрибуты *tremendum* *. В большинстве случаев психологи игнорировали переживания такого типа на том основании, что религия не входит в сферу интересов науки. Именно работе Юнга мы обязаны некоторым пониманием этого безличного фактора в психике, со всей очевидностью оказывающего огромное влияние на судьбу человека.

На Западе принято считать, что человек рождается либо с грубыми, либо с благородными инстинктами. Он — или грубиян от природы, или врожденный джентльмен, и его состояние считается неизменным. Как гласит поговорка: «Сколько мухомор водою не поливай, не вырастет из него боровик». Дикарь в душе всегда будет оставаться грубым, сколько его ни обучай учтивым манерам.

Однако на Востоке считается возможным достичь трансформации основных элементов человеческого существа с помощью специальной тренировки и дисциплины. Различные формы йоги⁵ предписывают физическую и психологическую дисциплину, целью которой является «охладить огонь желания» или «съесть мир». На язык психологии это можно перевести как «осуществление трансформации инстинктов». Западная психология долго не понимала возможности подобного радикального изменения. Поэтому данный аспект человеческого развития игнорировался как психологами, так и педагогами.

⁷Внушающий трепет, ужасный (лат.). — *Прим. ред.*

Впервые гипотеза о возможности такой трансформации была выдвинута современными глубинными психологами при попытке объяснить некоторые явления, эмпирически наблюдаемые в ходе анализа бессознательного. Теперь признается, что трансформация существенно необходима для достижения фундаментального успеха в результате проведения анализа. Однако представить ее убедительные доказательства нелегко, ибо происходящая перемена имеет преимущественно субъективный характер и представляет собой изменение внутренних реакций и импульсов, возникающих спонтанно и составляющих задний план восприятия жизни индивидом.

Изменение обычно инициируется фрустрацией инстинктивных желаний, безвыходным положением, останавливающим человека и стимулирующим его к рефлексии. Он обращается к своему жизненному опыту и обнаруживает противостоящие элементы. Это ведет к конфликту, разрешение которого требует дальнейшей рефлексии. В ходе этого процесса психическая энергия индивида, его либидо, направляется внутрь его самого и начинает выполнять там свою творческую функцию.

Индивиды со слабым побуждением к рефлексии часто удовлетворяются жизнью, полностью связанной ограничениями ау-тоэротической стадии развития. Для них достаточно физических удовольствий, в том же случае, если добиться этого не удастся, они растрачивают свою энергию в жалобах на собственное невезение и находят извращенное удовлетворение в жалости к самим себе. Для них принцип удовольствия-боли служит критерием добра и зла, хорошего и плохого, и по нему они выстраивают свою жизнь. Другие люди, нашедшие удовольствия недостаточными или обнаружившие, что постоянный выбор удовольствия ведет к столкновению с нежелательной болью, выбрали путь развития эго, предоставляющий приемлемое избавление от дилеммы. Они дисциплинировали аутоэ и открыли новый вид удовлетворения в честолюбии, престиже или власти. Эти мотивы могут оставаться на эгоистическом уровне или мобилизоваться на службу благородному идеализму. Данный уровень бытия присущ, вероятно, большинству мужчин и женщин западной цивилизации, и очень многие живут и умирают, останавливаясь на нем. Они постигли закон причины и следствия, но еще не осознали действия закона противоположностей вовне и внутри себя.

Но и на этой стадии удовлетворения может оказаться недостаточно для счастья. Индивид может увидеть действие закона противоположностей и обнаружить, что нет приобретения без соответствующей потери, что всякое добро уравнивается злом, или что достижения сами по себе могут вызвать пресыщение. Способность добиваться собственных целей может ослабеть вследствие болезни либо преклонного возраста, могут не оправдать ожиданий давно лелеемые надежды и амбиции. В результате внутренней неудовлетворенности возникают конфликты — возможно, в связи с угрызениями совести или неудовлетворенными желаниями, жадной неизвестно чего — опять же ведущие к необходимости рефлексии, являющейся началом сознания. Сознанию новой стадии развития всегда предшествует чувство недостатка. Евклид определяет точку как нечто имеющее местоположение, но не имеющее протяженности. Что знает о протяженности сознание, ограниченное точкой? С позиции точки протяженность не существует. Протяженность представляет собой непостижимое измерение, и точка не может даже определить, имеется ли оно или нет, если в ней самой не существует латентной возможности протяженности, — это пустота, точка *bindu*, как назвали бы ее индусы, которую может компенсировать лишь нечто выше ее понимания, тем не менее туманно вырисовывающееся в ней. Это именно тот смутный предвестник высшей стадии осознания, который так часто заставляет индивида разочаровываться в беззаветно искомой удаче — по крайней мере по его мнению — и порождает в нем конфликт, который оказывается переломным пунктом в его жизни. Когда такой конфликт возникает, он скорее всего разрастается, вбирая в себя все большую и большую часть жизненной энергии до тех пор, пока не займет главенствующее место в сознании. В этот конфликт вовлечены все аспекты жизни. За что бы человек ни взялся, повсюду он сталкивается с противоречиями, и никакой компромисс, никакие попытки подавления или усилия воли не могут помочь выйти из тупика конфликта. Здесь решающий момент, ибо если человек сможет подойти к этому конфликту в открытую, удерживая обе его стороны в сознании, то из глубин бессознательного может подняться примиряющий символ и указать скрытый, невидимый путь, который может вывести из безвыходного положения. Это постоянная тема легенд и мифов: в момент крайнего отчаяния героя неожиданное решение прино-

сит ему маленький ключ, чахлое или презираемое животное, карлик или ребенок показывают тайный выход из дилеммы, который герой сам проглядел.

Аналогичным образом к обычному человеку современности, столкнувшемуся с неразрешимой проблемой, решение может прийти во сне либо в фантазии, обычно оставляемых без внимания; или же какой-нибудь небольшой предмет, встретившийся на пути, какое-то незначительное происшествие, без видимой причины привлечшее внимание, могут магией бессознательного открыть ему единственно возможный выход из затруднения. Такая вещь становится для человека символом. Ибо ему приносит облегчение не очевидное значение или ценность вещи; скорее эта несущественная вещь каким-то тонким намеком высвобождает творческую силу в бессознательном, посредством которой могут быть урегулированы внутренние противоречия. Таким образом она становится примирительным символом, всплывающим из бессознательного для того, чтобы показать выход всякий раз, когда конфликт встречается стойко. Обычные люди не всегда распознают ценность такого символа, ибо его значение обычно скрыто. При подобных обстоятельствах в отношении значения символа древние обращались к провидцу или советовались с мудрецом. В наше время, когда на жизненном пути стеной встает неразрешимая проблема, принято консультироваться у аналитика⁹. Если в ходе анализа используется метод Юнга, то инициированное конфликтом изменение протекает под руководством собственного бессознательного индивида. Аналитик не предполагает, что знает выход, а вместе со своим пациентом приступает к изучению бессознательного и поиску решения проблемы. Он — необходимое действующее лицо процесса, так как знаком с методикой интерпретации проявляющегося в сновидениях и фантазиях невразумительного бессознательного материала; кроме того, он необходим как точка опоры, за которую пациент может держаться в переходный период, когда все ценности подвергаются сомнению и исчезают любые ориентиры.

Пациенту дается инструкция — осознать происходящее в собственной психике и в дальнейшем выстраивать свою жизнь в соответствии с постигнутой истиной. Аналитик не пытается составить программу, похожую на курс обучения в колледже, ибо он сам не знает, как будет разворачиваться процесс и каким имен-

но образом появится решение жизненной проблемы индивида. Процесс индивидуации уникален для каждого человека, и его нельзя предсказать или предписать.

Однако в одном отношении этот процесс все же напоминает обучение, ибо требует времени и внимания, которые необходимо отнять от других сторон жизни, полезных и привлекательных, и посвятить внутренней культуре индивида. Стороннему наблюдателю, если он не знает цели и не ведает подобной потребности внутреннего развития, поглощенность человека, следующего этой дорогой, может показаться эгоистичной и нездоровой. Стремление к такого рода внутреннему переживанию и саморазвитию возникает от психического влечения, духовной жажды, — сродни потребности удовлетворения физического голода — которая различным людям присуща в разной степени. Это выражение инстинктивного побуждения к самосохранению на психическом, а не биологическом уровне. Те, у кого оно пробудилось, вынуждены стремиться удовлетворить его запросы либо терпеть муки духовного голода и, в конце концов, истощения.

Те, кто не ищут освобождения от рабства инстинктивных влечений путем внутреннего развития, остаются рабами своих страстных желаний или страдают от серости, вытекающей из безжалостного их подавления. В любой кризисной ситуации такие люди неспособны сдерживать свои первобытные реакции; мы можем передать свои научные знания детям, но не можем уберечь их от боли и страдания, вызванных незнанием психической сферы.

Говорится, что именно эта проблема сильно волновала Будду. Будда, медитируя перед своим окончательным просветлением под деревом Бо, задумался над вопросом: К чему эти вечно повторяющиеся жизни? Почему люди и животные следуют по бессмысленному кругу рождения, страдания и смерти? Почему жизнь остается точно такой же, как и прежде — почему люди не могут перерасти эту дикую, первобытную стадию? Он уходил в медитацию все глубже и глубже, пока в видении ему не открылся ответ. Будда увидел колесо жизни, состоящее из бесконечного круга существований, рождений, смертей и возрождений, небес, преисподних и земли, с ее множеством обличий. В центре находились три животных, постоянное кружение которых заставляло колесо вращаться: свинья, змея и голубь¹, представляющие себялюбие, гнев и вожделение или, в терминологии настоящего обсуждения, жадность, власть эго и сексуальность.

Откровение, пришедшее к Будде в видении, заключалось в том, что именно эти инстинктивные силы мотивируют бесконечный цикл жизни. Человечество будет приковано к колесу до тех пор, пока человек будет стремиться к их удовлетворению. Эти инстинктивные силы уходят корнями в саму субстанцию и природу живого организма, в сущность, дух и жизнь самой протоплазмы. Они древнее психики человека. По этой причине они доминируют в функционировании всех живых существ, непрерывно повторяющих жестокий цикл.

У животных инстинкты господствуют беспрепятственно, но у человека вместе с постепенным развитием сознания появилось психическое дополнение инстинктам. Животное действует, не зная, что оно действует, человек не только действует, но и знает, что он действует и в добавок сохраняет память о своих прошлых действиях. И кроме всего этого, он обрел определенную степень свободы воли, позволяющую выбирать, по крайней мере в некоторых пределах, *как* ему действовать. Таким образом, у человека появилась новая сила, способность знать и понимать, — сознание — которая достаточно окрепла, чтобы противостоять компульсивности инстинкта. Появление сознания позволило человеку установить новые взаимоотношения со своим внутренним жизненным духом.

Именно этот шаг отмечает переход от полной занятости самим собой аутоса к начальной стадии эго-сознания. Или, как говорят буддисты: «человек малого ума» развился до стадии «человека среднего ума». «Человек малого ума» должен познать закон причины и следствия, то есть, он должен следить за последствиями бездумного следования своим инстинктивным желаниям; «человек среднего ума» открывает для себя закон противоположностей. Для него инстинктивные влечения и связанные с ними психические образы — архетипы — проявляются в противоположностях. Далее мы рассмотрим эти инстинктивные влечения в их двойственной форме, в их взаимодополняющем противоположении. Во-первых, инерцию, проявляющуюся в лени и неугомонности, в соответствии с первым законом Ньютона, касающимся инерции физических тел; во-вторых, голод, выражающийся как в нужде, так и в алчности; в-третьих, самозащиту, зачинающую как вражду, так и дружбу; и наконец, воспроизведение, порождающее в своей сексуальной фазе как вождение, так и любовь, и способное быть лелеющим или разрушающим, животворным или смертоносным в своей материнской фазе.

В завершающих главах мы рассмотрим возможность развития от этой стадии к таковой «человека высшего ума», нашедшего способ урегулировать противоположности и обретшего сознание Самости.

1. C.G. Jung, «Psychological Factors Determining Human Behaviour», в *The Structure and Dynamics of the Psyche* (C.W., 8), p. 115.

2. Ibid, p. 117.

3. См., Шуцкый Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен». — М.: Восточная литература, 1997. — No. 61, с. 445.

4. *The Way of All Women*, p. 6. В настоящей книге [в английском оригинале] термин Самость, как обозначающий центр психики в ее целостности, пишется с большой буквы, для того чтобы отделить его от личностного «Я», часто употребляемого для выделения личностного начала в таких выражениях, как: «я сам», «он сам» и т.д.

5. На стадии наивного сознания содержание сознания составляют физические или соматические перцепции. Именно этот элемент заявляет о себе, когда индивид говорит «Я». Иногда его называют аутоэро-гическим фактором. Однако не существует общераспространенного термина для отделения этого «Я» от эго, господствующего на второй стадии сознания. Для этой цели вполне может подойти греческое слово autos. Оно служит основой таких слов, как: автоматический, аутоэротический и автономный, — касающихся функционирования этого соматического «Я»; вместе с тем, ребенок, не избавившийся с возрастом от господства аутоса, диагностируется как аутический. К понятию аутоса ближе всего, наверное, стоит фрейдистский термин «ид». Однако Фрейд постулировал, что индивид говорит с позиции эго, принимающего во внимание ид, внутренние инстинктивные влечения. По моим наблюдениям, такая дифференциация присутствует не всегда. Не только у ребенка, но и у взрослого заявляющее о себе «Я» часто выступает всего лишь голосом инстинкта, ибо сознательное эго, способное контролировать аутоэротические или автономные импульсы, еще не развилось. Я думаю, что по этой причине полезно будет выделить аутос как ранний и незрелый центр сознания. В этом случае термин «эго» можно приберечь для следующей, более сознательной стадии развития, по отношению к которой в действительности употребляются такие слова, как: «эгоцентрическая» и «эгоистическая» — для установления различия между соматическими реакциями и ответами, связанными с личностным сознанием и большей утонченностью.

М.Э. Хардинг

6. Evans-Wents W.Y. *Tibetan Yoga and Secret Doctrines*. [Рус. пер. Эванс-Венц У.И. Тибетская йога и тайные доктрины. В 2-х тт. — М.: Преса Украши, 1993. Т. 1. - С. 26]
7. Jung, «Psychology and Religion», in *Psychology and Religion: West and East* (C.W., 11), p. 12.
8. Упоминаемая здесь йога, конечно же, не относится к той популярной разновидности, которую демонстрируют рыночные факиры и чудотворцы. Это учение, в тайне практикуемое святыми людьми, стремящимися посредством многолетнего соблюдения религиозной дисциплины освободиться от рабства желания. [См. Эванс-Венц У.И. Тибетская йога и тайные доктрины.]
9. Науку о человеческой психике, изучающую бессознательное и исследующую его содержание, практикуют психоаналитики или психологи-аналитики.
10. Голубь, как символ чувственной любви, является постоянным спутником Астарты и Афродиты, богинь сексуальной любви. В более поздних изображениях колеса голубь заменен петухом, как более подходящим символом вождения.

ИНЕРТНОСТЬ

Леность и неугомонность

Однажды благожелательный янки-северянин спросил южанина-негра, работающего на хлопковой плантации: «Сэм, ты не устаешь, целый день работая на солнце?»

«Нет, сэр, — ответил Сэм, — Я не устаю; я прежде засыпаю».

В Южной Америке есть аборигены, которые не могут выполнить даже незначительной работы, если у них для этого нет так называемой *gana*. Если юноша, которому поручено что-то сделать, отвечает, что у него нет *gana*, его оставляют в покое до возвращения его *gana*. Эти примеры бросаются в глаза в связи с контрастом между людьми примитивной культуры и их более цивилизованными соседями. Однако подобное подчинение инстинкту господствует во всех примитивных общинах. К охоте, севу, войне — ко всему необходимо подготовиться ритуалами, танцами или магическими церемониями, предназначенными разбудить дремлющую энергию людей, которые по своей собственной воле не могут сделать то, что необходимо.

Для нас это кажется очень странным; ибо одной из основных черт, отличающих цивилизованного человека от его более примитивных собратьев и предков, является тот факт, что в определенных пределах он может делать то, что хочет. Он даже может делать то, чего не хочет делать, если знает, что сделать это целесообразно и выгодно. Например, он может встать рано утром, невзирая на непреодолимое желание поспать еще немного, или заняться работой, когда хотелось бы пойти на рыбалку. Другими словами, часть его энергии, его либидо, больше не пребывает полностью во власти бессознательных импульсов и естественных влечений, а находится в распоряжении сознательного эго. Человек добился опреде-

ленной независимости от компульсивности врожденных импульсов — свободы, на обретение которой понадобились тысячелетия, и которую сегодня каждый отдельный представитель человеческой расы должен завоевывать вновь. Эта независимость вне всякого сомнения представляет собой величайшее и самое ценное достижение человека. Обретя ее, он впервые ощутил вкус свободы; ибо теперь мог поступать так, как сам того хотел, а не как раб неуправляемых сил инстинкта. Первостепенное значение имеет новообретенная способность делать и создавать то, что индивид считает желательным, даже если его «второе Я», не обновленное духовно, предпочитает проводить время в мечтах. Но фактически эта свобода лишь частична. Ибо тогда как большинство людей в своих спонтанных импульсах располагают почти неограниченным стремлением и энергией, для исполнения приказов сознания они способны мобилизовать лишь весьма ограниченные силы. Например, индивид ставит себе задачу, выполнение которой не представляет трудностей. Но если она противоречит его инстинктивным желаниям, то может оказаться невероятно тяжелой. Сама идея такой задачи может стать отвратительной, и как только он приступит к выполнению, тут же навалится невыносимая тяжесть и инертность. Только ценой величайшего усилия человек не дает сомкнуться векам, в то время как внутренне охвачен мрачным и хмурым настроением, утяжеляющим его мысли и заглушающим желания. Это древний враг человечества — инертность, свидетельство нехватки психической энергии. Требуемая энергия либо никогда не поднималась из скрытых глубин психики, где располагается ее источник, либо вновь погрузилась в эти глубины. В любом случае ее нет в наличии для жизни. Свет осознания временно погас или никогда не загорался; психика остается темной и тяжелой. Ибо леность эквивалентна не-осознанию, бессознательному состоянию, глупости.

Пребывающий в таком состоянии индивид фактически не находится без сознания в обычном смысле слова, он и не спит, а, скорее всего, более или менее осознает происходящее вокруг него. Но ничто по-настоящему не проникает в сознание, он остается вялым и совершенно не осознает *значения* происходящего. Он не желает или неспособен мобилизовать себя для решения выполняемой задачи или пробудить интерес к ней. Его состояние подобно полусну, полу-бодрствованию. Он погружен в инертное располо-

жение духа, как в болото, и чтобы растормошить его, мы инстинктивно призываем человека «проснуться», как если бы он спал.

В связи с тем, что это состояние инертности идет вразрез с культурными устремлениями человечества и представляет собой регрессию, возврат к более примитивному психологическому состоянию, с ним борются все силы, социальные и религиозные, стремящиеся поднять психический уровень человека. Христианская церковь, с ее моралистической позицией, причисляет леность к смертным грехам. Китайская — описывает ее как темный, тяжелый земной дух, который цепляется за плотское сердце и безраздельно властвует всякий раз, когда человек засыпает, ибо тогда светлый дух, дарующий человеку легкость и радость, спит в его печени и должен быть разбужен упражнением и религиозной медитацией, для того чтобы человек вновь стал свободным¹. Буддисты, с их более беспристрастной позицией, говорят не о грехе лености, а об авидьи — неведении, незнании или глупости; они учат, что человек пребывает в плену инстинктов только потому, что не понимает и не распознает истинного значения вещей. Когда он обретет инсайт, осознает неизбежный закон причины и следствия, когда в нем пробудится высшее сознание Атмана, Самость, тогда он больше не будет подчиняться обременяющим житейским импульсам, которые не дают ему возвыситься как свободному индивиду. Для достижения этого необходимо погасить или «остудить» три огня желания — вожеление, гнев и глупость. Таким путем он эволюционирует из бездеятельного состояния пассивного повиновения своим бессознательным инстинктам и станет «завоевателем бытия»².

Даже очень ленивый человек начинает действовать, когда действительно понимает, что последствия инертности будут болезненными или губительными. Изнуренный до изнеможения боец при звуке приближающегося самолета противника все же способен предпринять немедленные действия ради своего собственного спасения. Измотанные, но дисциплинированные солдаты при команде «становись», пошатываясь, выстроятся в шеренгу, черпая силы из какого-то неизвестного источника, даже если никакая опасность лично им не угрожает. Их послушание приказу показывает, что они достигли значительной степени отрыва от своих естественных желаний. Именно в этой мере они независимы от компульсивности инстинктов и могут держать себя с достоинством свободных людей.

М.Э. Хардинг

В своей борьбе с ленью — я обращаюсь сейчас к повседневным проблемам рядового человека — индивид в значительной мере склонен занимать моралистическую позицию. Его наследие, доставшееся от пуританских предков, считавших лень грехом, заставляет его чувствовать себя недостойным и «виноватым», когда он поддается ее соблазну. И все же из-за того, что причина его инертности лежит за порогом сознания, он не может успешно бороться с ней без более глубокого понимания. В действительности его моралистическая реакция играет на руку врагу, ибо ничто не истощает энергию человека быстрее, чем смутное и неопределенное чувство вины. А возможно, протестуя против пуританства предков, он оправдывает свое лентяйство как естественную и безобидную слабость, воображая, что легко может покончить с ним, когда придет время. Но для многих людей это время не наступает никогда, а когда действительно возникает потребность в длительном сознательном усилии, они обнаруживают, что неспособны удовлетворять требования жизни, ибо не выработали в себе необходимой моральной стойкости.

Лень поистине является смертным грехом, если взглянуть на вопрос свободы и рабства как на моральную проблему, возможно даже, как на моральную проблему человечества. Однако отношение к лени как к проблеме внутренней свободы очень отличается от занятия морализирующей позиции — человек «не должен» быть ленивым — как если бы она решала все. Лень нельзя одолеть благочестивой надеждой на добродетель, нельзя от нее избавиться и утверждением, что она не имеет права на существование. Признание несовершенства будет иметь своим результатом описанное выше состояние безнадежности и депрессии или приведет к попытке освободиться от низшей и более бессознательной, инстинктивной стороны психики, которая аморальна, — вероятно, более подходящим термином будет до-моральна — идентифицируя себя с высшей или моральной стороной личности в тщетной попытке выбиться в люди собственными усилиями. Такая позиция обычно приводит к компульсивной и бесполезной активности, выступающей противоположностью лени, однако такой же несвободной; или вызывает парализующее чувство вины и неполноценности, заканчивающееся бездействием, которое не намного удалено от первоначального состояния.

Очевидно, что это неверный путь решения проблемы, ибо лень служит проявлением изначальной примитивной инертное-

ти, основанной на архаической позиции — реакции, соответствующей условиям жизни, которые превалировали на земле в далекие времена. Крокодилы и другие холоднокровные существа, существенно не эволюционировавшие от состояния своих отдаленных предков, ископаемых ящеров, живут в мире грез, часами находясь абсолютно неподвижно и не подавая никаких признаков жизни, как деревянные колоды, которые они имитируют. Даже у теплокровных животных сон занимает до удивления значительную часть суток. Кроме того, бездействие играет важную роль в самозащите некоторых животных, например, таких как кролик, который не обладает необходимыми средствами отражения нападения. При возникновении угрозы они «притворяются мертвыми»; то есть, их психологическая реакция на опасность заключается во временном параличе — кажущемся прекращении жизни, сопровождаемом целенаправленной, хотя и непроизвольной, неподвижностью. Такие реакции выработались для увеличения продолжительности жизни и адаптированы к условиям, с которыми приходится сталкиваться этим животным.

Инстинктивный импульс реагировать аналогичным образом может возникать и у людей, но бездействие перед лицом трудностей теперь не подходит человеку. Бессознательная инстинктивная реакция не всегда соответствует действиям, необходимым для выживания индивида или расы. Развитие эго-сознания и обретение силы воли дали цивилизованному человеку другие средства для решения жизненных проблем. Древняя склонность к пассивности и инертности стала опасностью, которую человек должен преодолеть, ибо иначе погибнет.

Однако существует еще один аспект этой проблемы, который нельзя упускать из виду. Установка пассивности, лежащая в основе лени, имеет и положительную сторону, и при определенных обстоятельствах может оказаться даже полезной для сохранения жизни. Кроме того, ее значение состоит и в том, что благодаря ей индивид может сблизиться с соматическими процессами, от которых в конечном итоге зависит жизнь и от которых мы имеем склонность отдаляться идентификацией с эго и его сознательными целями. На физическом уровне необходимость расслабления для восстановления сил организма хорошо известна. Но так как наше освобождение от психологической лени — сравнительно неполное и недавнее приобретение, а потому менее надежное, чем соответствующее

достижение в отношении физической инертности, необходимость аналогичного процесса для психики признается не так широко. Физиологические резервы и ресурсы восполняются каждую ночь во сне, когда затихает сознательная жизнь и откладываются все волевые усилия. В период выздоровления апатия, овладевающая полем сознания, — это не только результат болезни, истощившей запасы жизненной энергии, но и благотворный природный дар, способствующий исцелению. Нежелание выздоравливающего напрягаться по какому-либо поводу — на что он может сильно жаловаться — сдерживает импульсы активности, возникающие либо в ответ на внешние потребности, либо в результате внутренней моральной реакции на внешне проявляющуюся лень индивида. Здесь действительно лучше довериться естественному инстинкту, а не сознательному мнению пациента, ибо подобным образом природа оберегает организм от чрезмерного напряжения до момента полного восстановления сил. В долгой истории человеческой расы болезнь и выздоровление повторялись многие сотни раз и описанная выше инстинктивная реакция основывается на обретенной в результате этого бессознательной мудрости. Но сам индивид мог ранее и не болеть поразившей его болезнью, и потому неправильно истолковывает свои собственные ощущения. Он пытается противопоставить почерпнутые из книг знания или личное мнение инстинктивному совету собственного тела, не понимая, что вялость, возникающую как выражение полностью бессознательной жизненной мудрости организма, можно игнорировать лишь с опасностью навредить самому организму. Таков положительный аспект «лени», оказывающей благотворное, целебное действие. Однако, если в такой момент перед индивидом встанет действительно существенно важная для жизни задача, то эта инстинктивная реакция, несомненно, будет мешать ему. Придется преодолевать физическое препятствие в состоянии обремененности собственной апатией. Если он успешно справится с вялостью то, возможно, сможет заставить себя решить вставшую перед ним задачу без каких-либо особых пагубных последствий. Но вполне возможно, что он неосознанно переступит границы физической выносливости и заплатит за пренебрежение собственным инстинктом затянувшимся или неполным выздоровлением.

Таким образом, способность человека игнорировать предостережение природы, — это одновременно ценное достижение и

опасность. Например, если в кризисной ситуации индивид не сумеет «выложиться до последнего», он может пасть беспомощной жертвой судьбы; с другой стороны, продолжая пренебрегать предостережениями природы и повинувшись лишь диктату воли, человек может невольно «загнать себя до смерти». Существует мнение, что осла загнать до смерти невозможно. Достигнув определенной степени усталости, он просто ложится на землю и никакие побои не могут заставить его подняться. С другой стороны лошадь, животное более высокоразвитое и сообразительное, чем осел, можно переутомить. По воле всадника она способна продолжать движение до тех пор, пока не упадет и может даже умереть в упряжи. Мы считаем это доказательством более высокого развития лошади. Однако мы должны также признать, что определенную ценность имеет и упрямое повиновение осла природному предостережению. Осел цепляется за жизнь с истинным самозабвением и, подобно человеку, который сражается и убегает, он остается жить для того, чтобы встретиться в борьбе следующий день.

У людей инертность играет защитную роль не только во время болезни. Она поразительно очевидна и в период беременности. Беременная женщина обычно погружается в непреодолимую и безмятежную апатию. Ее психологическое состояние напоминает таковое коровы или другого жвачного животного. Эта позиция, как правило, считается не аморальной или нездоровой, а умиротворенной и благотворной, настроением, близким к блаженству. Тем временем внутри продолжает свое течение невидимый процесс творения, совершенно отрезанный от какого-либо активного или сознательного содействия либо контроля. На психологическом уровне подобная инертность часто предшествует творческой активности. Такое душевное состояние называется также обдумыванием, как если бы вызревающий за порогом сознания процесс действительно имел нечто общее с пережевывающей свою жвачку коровой*.

Лень или инертность, ощущаемые в подобных условиях, защищают жизнедеятельность организма от вмешательства сознательного эго в период, когда она направлена на выполнение первостепенной задачи восстановления сил и создания физиологических и психологических «детей». В то время как скрытые

*В английском языке выражения "жевать жвачку" и "обдумывать" могут передаваться одним словом — *ruminare*. — Прим. перев.

жизненные силы осуществляют свою, связанную с трансформацией, мистическую деятельность, рациональная волевая позиция сознания может только помешать. Позиция эго не может ни помочь, ни направить. Она лишена либидо и оставлена без всякой поддержки³. Когда это происходит, человеку остается лишь ждать возвращения психической энергии и быть готовым воспользоваться результатом творческого процесса, в котором она была задействована. В своей работе «Исследование процесса индивидуации» (первый вариант) Юнг пишет:

«То, что для нас существенно необходимо, может появиться только из нас самих. Когда благовоспитанный человек верен своим инстинктам, он настороженно воспринимает всякий данный ему совет... В таком случае разумнее всего вообще ничего не говорить благовоспитанному человеку и не давать ему никаких советов. Самого лучшего не подскажешь, а полумера не доходит до сознания. Необходимо уметь *не вмешиваться в естественный ход событий*. Восток научил меня значению фразы "У-вей", а именно: не делать, пустить на самотек, что совершенно отлично от ничегонеделания. Некоторые жители Запада тоже знают, что означает это "не делать", например, Майстер Экхарт, говоривший о "sich lassen", т.е. «оставить себя в покое». Бездна тьмы, в которую падает человек, не пуста; она — "любящая мать" (Лао-Цзы), "образы" и "семя". Когда поверхность проясняется, из глубины могут всплывать разные вещи. Люди всегда считают, что сбились с пути, когда натыкаются на эту бездну жизненного опыта. Но если они не знают, что делать дальше, то единственное правильное решение, единственный совет, имеющий какой-то смысл — "подождать, что скажет по поводу сложившейся ситуации бессознательное". Существует только один единственный верный путь, тот, который человек открывает для себя сам, и следует по нему»⁴. Таков положительный аспект инертности, бездеятельности, *у-вей*.

Однако, отдавая должное этому полезному и конструктивному аспекту инертности, следует быть начеку в отношении ее негативных, пассивных и регрессивных аспектов. Ибо человек уже больше не просто дитя природы. Он так послушно выполнял веление расти и размножаться, что Мать-Природа уже больше не может обеспечить пропитанием все человечество. Для того чтобы человек не исчез с лица земли, требуется его предельное трудолюбие и инициатива.

Когда индивида охватывает лень, он теряет даже осознание, что его бездействие не соответствует требованиям жизни. Конфликт между противостоящими «хочу» — «Я хочу продолжить свою работу» и «Я хочу провести день в безделье» — не распознается разумом, и человек проваливается в пучину безмятежности. Это состояние, несомненно, намного более опасно, чем ситуация конфликта, каким бы болезненным и парализующим последний ни был.

В «Тайне Золотого Цветка» — тексте китайской йоги, который перевел Вильгельм и с таким глубоким пониманием интерпретировал Юнг — говорится:

«Между ленью, осознаваемой человеком, и ленью бессознательной — тысячемильная пропасть. Бессознательная лень — это настоящая лень; сознательная лень — не полная лень, потому что в ней все еще присутствует некоторая ясность»³.

Но когда меркнет свет самого сознания, кажется будто бы внутри «Я» не остается никого, кто может поддерживать различительный инсайт. Часть сознания индивида провалилась в бездну, и он впадает в состояние, которое люди примитивной культуры называют «потерей души». Часть его души, или одна из его душ, оставила его, и то, что осталось, может оказаться не в состоянии оценить ситуацию, не говоря уже о том, чтобы эффективно справиться с ней.

Что же может быть сделано для решения этой проблемы? Инертность нельзя преодолеть одним только действием, ибо апатия и неугомная активность являются парой противоположностей, которые часто сменяют друг друга, не принося никакого улучшения в сложившуюся ситуацию. И то и другое выступает выражением чисто бессознательного неуправляемого функционирования, относящегося к тому же самому уровню психологического развития. Этот факт занятно изложен у Кипплинга в описании обезьяньего народа, Бандар-логов, которые в большом возбуждении непрерывно сновали туда-сюда с намерением сделать нечто очень важное, но совершенно забывали, что именно, как только их внимание отвлекал какой-нибудь пустячный предмет. Ничто и никогда не доводилось до конца, и все для племени шло своим чередом точно так же, как это было со времени его образования.

М.Э. Хардинг

Все средства, используемые народами примитивной культуры для преодоления естественной апатии и лени, такие как: инициации, танцы и другие ритуалы — сводятся к замещению индивидуального сознания племенным или групповым сознанием.

Посредством идентификации с группой и с помощью согласованного совместного усилия недоступная иным способом энергия может быть направлена на решение жизненных проблем. Подобная методика почти инстинктивно применяется даже сегодня, всякий раз когда возникает необходимость выполнения трудной задачи.

Военные марши, строевые песни и матросское «раз-два взяли!» служат для сплочения индивидов в единое целое. Даже в более сложных группах признается, что совместное усилие дает результат, намного превосходящий сумму обособленных индивидуальных вкладов. Почему же еще мы практикуем общественные мероприятия или кампании для содействия большинству социальных проектов, — будь то сбыт облигаций военного займа, выборы президента или внушение учтивости лифтерам?

Идентификация с группой — очень мощный мотив, ключ, который, несомненно, может отпереть и высвободить запертую энергию. Однако высвободившиеся силы могут оказаться настолько же деструктивными в одном случае, как и чрезвычайно полезными в другом. В приведенных выше примерах идентификация вызывается с определенной целью и обычно прекращается с достижением этой цели. Однако в других случаях идентификация зарождается на более глубоком и бессознательном уровне. И тогда ее исход совершенно непредсказуем: сборище может стать толпой, или группа людей, нацеленных на саморазвитие, может превратиться в ставшее мировой сенсацией тайное общество.

В каждом из этих случаев оказываемое действие исходит не от сознательной воли какого-нибудь одного участника движения. Хотя один человек и может быть избран лидером, он в такой же мере, как и его последователи, выступает пешкой и, как правило, первой жертвой высвободившихся бессознательных сил. Для того чтобы впоследствии стать пророком демона, восставшего из глубин коллективной психики, ему придется вначале направить магию на себя, прежде чем он сможет околдовать ею толпу.

Например, искусный оратор всегда заранее готовится сам, перед тем, как пробудить свою аудиторию до состояния, в котором она будет охвачена теми же силами, действию коих он до поры до времени умышленно отдавался сам. Это одинаково верно как по от-

ношению к лидеру религиозного возрождения веры, так и к Гитлеру. Когда люди поддаются подобным чарам, сторонние наблюдатели вполне могут распознавать этот механизм. Если мы считаем результат благотворным, то говорим, что они «превозмогли самих себя»; если исход вместо благочестивого оказывается дьявольским — мы говорим, что они были «одержимы» или «вне себя». В любом случае, когда превалирует влияние демона, затрагиваемые им индивиды уже больше не являются сдержанными и ответственными личностями. Они управляются странными импульсами и могут оказаться способными на выдающиеся героические поступки и самопожертвование настолько превосходящие их обычные способности в одном случае, насколько в другом — стоящие ниже их. Такие немыслимые жестокости, как линчевание, сжигание ведьм или преследование евреев, как ни странно, могут совершаться мужчинами и женщинами, обычно обладающими добросердечностью и человеколюбием. Таким образом, групповое действие, несомненно, эффективно в высвобождении дремлющих энергий бессознательного, но всегда остается сомнение: будет ли это высвобождение благотворным или деструктивным. Вовлеченный в такую идентификацию человек теряет способность к самостоятельному рассуждению; он оставляет свою самостоятельность и на некоторое время вверяет ее группе. Таким образом, ни в каком реальном смысле он больше уже не является индивидом. Он выступает лишь членом группы, идентичным во всех отношениях другим членам: он делает то, что делают они, ощущает то, что ощущают они, думает так, как думают они, игнорирует то, что игнорируют они. Группа стала организационной единицей, индивидом, и мы наделяем ее силами и способностями, по праву принадлежащими только человеческим существам. Например, мы говорим, что «группа говорит», «группа чувствует», «группа думает». Но это все — виды психической деятельности, в действительности относящиеся только к отдельным индивидам. Они не могут осуществляться группой, ибо у группы нет ни языка, ни сердца, ни мозга. В таких случаях говорит, ощущает и думает бессознательное; ибо бессознательное является общим для всех членов группы, оно влияет на них всех без разбора. Если мужчины и женщины встречаются и сознательно советуются друг с другом, приходя к решению в атмосфере сдержанности, то это позволяет избежать опьянения идентичностью с груп-

М.Э. Хардинг

пой. В этой ситуации ощущается недостаток энтузиазма, но также нет и эксцессов, неизбежно сопровождающих регрессию от индивидуального контроля к такому типу групповой идентификации, названную Леви-Брюлем *мистическим соучастием*. Но способность к такому действию подразумевает определенную степень личной дисциплины, которая достигается лишь немалым усилием. Социальные и религиозные методики пробуждения коллективных энергий бессознательного с тем, чтобы в дальнейшем направить их на достижение полезных целей, обычно применялись по отношению к группе в целом. Индивиды оставались не более чем автоматами, действия которых управлялись запретами и разрешениями группы. Ибо идентификация с группой способна не только высвободить латентные энергии человека, но и укротить их. Однако отдельно взятому индивиду, в одиночку, без посторонней поддержки, обрести самоконтроль и независимость от господства своих инстинктивных импульсов намного труднее.

Этой проблемой занимается **индийская йога**. Первый прием, которым должен овладеть неофит, заключается в способности контролировать свой *chit* — беспорядочное перескакивание мыслей с одного на другое, часто сравниваемое с движениями мухи или москита. Его мысли должны быть упорядочены, а ум — контролироваться таким образом, чтобы он стал, как говорят, однонаправленным. Это первый шаг по направлению к преодолению авидьи. В китайской йоге отвлеченность также считается первым большим камнем преткновения на пути ученика. Ибо для исцеления как лени, так и неугомонности служит не активность, а способность к концентрации. Слабоумный может быть инертным и апатичным, или же он может быть неугомонным, постоянно проявляя бесцельную и бессмысленную активность. На самом деле любой индивид, — будь он активного или инертного типа — у которого отсутствует способность концентрации и не зажегся внутренний свет или инсайт самопонимания, серьезно подозревается в психологической неполноценности, если не в фактическом слабоумии. Ибо способность направлять и применять психическую энергию — одно из самых важных достижений культуры, и ее отсутствие служит признаком низкого уровня психологического развития.

Люди примитивной культуры отличаются очень короткой продолжительностью сосредоточения внимания на том, что тре-

бует ментального усилия, хотя в отношении вопросов, прямо затрагивающих жизнь их племени, способность к концентрации у них намного выше. Получасовый разговор с образованным человеком, даже на повседневную тему, изнуряет их. Продолжительность сосредоточения внимания у цивилизованного человека заметно возросла и значительная часть его образования нацелена на дальнейшее ее увеличение. У ребенка она такая же короткая, как и у человека примитивной культуры, но с развитием ребенка она увеличивается; фактически ее величина служит одним из критериев определения уровня психологического развития.

Если по истечении естественной продолжительности концентрации внимания от индивида требуется дальнейшая внимательность, он впадает либо в беспокойство, либо в сонливость. Хорошо тренированный человек может побороть свою скуку и усталость в достаточной мере для того, чтобы значительное время продолжать работу, но в конце концов он ослабит с трудом сохраняемое напряжение и впадет в состояние оцепенения или будет охвачен беспокойством. Либо, отбросив чувство долга в отношении продолжения неприятной работы, он с новым приливом энергии может приступить к иному, более импонирующему ему делу, обнаружив, что его сонливость и усталость исчезли как по мановению волшебной палочки.

Демонстрацию этой почти чудотворной перемены можно видеть любым теплым полднем в старомодной классной комнате, где некоторые из детей почти уснули, а другие ерзают или играют карандашами. Внезапно звенит звонок. Сонливость и неусидчивость исчезают. Всех охватывает целенаправленная деятельность, и по сигналу учителя дети, полные энергии и энтузиазма, устремляются на игровую площадку.

Эти дети не ленивы: их одолела скука. Охватившая их лень является лишь реакцией на необходимость выполнения неприятного задания. Существует другой, намного более серьезный тип лени, которая сохраняется независимо от появляющегося стимула к деятельности или соблазна либидо, когда никакое моральное осуждение не может подтолкнуть индивида к целенаправленной активности. Этот тип вполне можно назвать *патологической* инертностью. Безрезультатность стимула может быть обусловлена присущей ему слабостью или сбоем внутреннего психического механизма, который неверно оценивает ситуацию. Если индивид не понимает, либо ему недостает инсайта, он не может

М.Э. Хардинг

мобилизовать силы на овладение ситуацией. Ему необходимо осознать — сделать реальной — бросающую вызов ситуацию. Роберт Льюис Стивенсон выразил это в «Небесном хирурге» следующим образом:

«Книги, еда и летний дождь

Тщетно стучались в мое замкнутое сердце».

Исчезает способность наслаждаться красотой и возвышенным. Индивид погружается в мрачную депрессию, из которой его может вывести лишь очень сильное переживание.

Стивенсон в конце своей поэмы действительно молит о таком болезненном переживании, дабы его дух навеки не угас в конечном небытии смерти:

«Господь, возьми острейшее наслаждение свое И дух пронзи мой, дабы он очнулся. А коли слишком черствый я, о Боже, Выбери прошу, доколе дух не умер тот,

Пронизывающую боль, смертельный грех, И их обрушь на сердце мертвое мое!»⁶

Особое внимание здесь необходимо обратить на жалобу о том, что исчезло даже желание есть, ибо голод является, наверное, сильнейшим естественным стимулом, побуждающим человека преодолевать собственную природную инертность.

Возможно, строки Стивенсона описывают влюбленного юношу. В таком случае его безразличие к еде и духовным наслаждениям понятно, так как секс — это второй по силе раздражитель, стучащийся в двери инертности. Если юноша разочаровался в любви, если его страстно рвущееся наружу либидо потерпело сокрушительный крах, то депрессия совершенно естественна для него. Но существуют люди, у которых направленное вовне либидо не встретило никакого отпора, тем не менее они постоянно пребывают в состоянии летаргии и депрессии. В этом случае недостаточно самого побуждения к жизни или, возможно, претерпев фрустрацию в психике, оно обернулось против ее самой. Такие индивиды не могут найти подходящего места в жизни. Есть представители рода человеческого и третьего типа, либидо которых кажется замкнутым в бессознательном, проглоченным «заса-

сышающей пастью пустоты» или завлеченным, подобно Персефоне, из света верхнего мира томиться в мрачном царстве Тартара. Однако для многих, таким образом замороженных, исход оказывается менее благоприятным, чем в случае богини весны. Ибо все эти люди в различной степени страдают психическим заболеванием. У одних искра сознания не загоралась никогда. У других либидо ушло из жизни лишь временно, в результате физического заболевания или эмоциональной фрустрации. Между этими двумя крайностями можно обнаружить множество промежуточных стадий психического заболевания, состояний *abaisse-ment du niveau mental** и упадочных или депрессивных настроений. Иногда такие расположения духа бывают мимолетными, а иногда продолжительными или повторяющимися. Время от времени подобным образом страдает большинство из нас, если не все. Несомненно, каждый испытывал помрачение света, следующее за фрустрацией, и страдал от депрессии, сопровождающей физическое заболевание или эмоциональную потерю. Кто не противился или не поддавался лени, которая со своим холодным и тяжелым дыханием накатывает на человека, когда тот оказывается перед лицом неприятного задания? Но у многих индивидов подобная или даже большая депрессия может возникать спонтанно, без всякого ощущения фрустрации или несчастья, которые могли бы объяснить ее. В таких случаях либидо выпадает из сознания через расщелину, ведущую прямо в неизведанные глубины бессознательного. Ибо психика индивида, как мы уже видели, появилась из тьмы и до сих пор плавает, так сказать, на поверхности того обширного водного пространства неизвестного, которое Юнг назвал коллективным бессознательным. И если в психическом механизме, предназначенном оберегать сознательную личность от полного погружения в коллективное бессознательное и содержательным образом связывать ее с ним, наличествует дефект, то либидо может очень легко просочиться в бессознательное и потеряться там. Столетиями эта проблема связи индивида с коллективным бессознательным была прерогативой религии, ибо психическая область является сферой духовной. Однако со становлением исключительно рационального и интеллектуального

*Снижение плато интеллекта, понижение уровня сознания (фр.). — *Прим. ред.*

подхода к жизни это поле человеческого переживания почти целиком было исключено из сознательного внимания. Оно не считалось достойной изучения или воспитания областью. В результате все проблемы, связанные с этой стороной жизни, почти полностью были оставлены бессознательному. До появления глубинной психологии мы верили, что разумного и рассудительного отношения к внешнему миру достаточно для психического здоровья, а что касается остального, то природа сама справится с любыми трудностями. Поэтому неудивительно, что психологическая функция опеки и регулирования отношения индивида к странному миру коллективного бессознательного слишком часто оказывалась неадекватной и допускала бреши, через которые либидо могло проваливаться в неизмеримые психические глубины.

Внешне исчезнувшая психическая энергия не пропала бесследно; она продолжает существовать, хотя на некоторое время и недоступна для эго-сознания. По-видимому, психическая энергия подчиняется закону, аналогичному принципу сохранения энергии в физике⁷. Недостаток доступной сознанию энергии обычно обусловлен одним из двух факторов: либо часть ранее находившейся в распоряжении сознания энергии снова ушла в бессознательное, либо ее достаточное количество никогда не высвобождалось из ее источника и энергия оставалась связанной притягательной силой бессознательного, которая оставалась мощнее всего, что могло противопоставить ей сознание.

Но поскольку энергия неразрушима, на месте бывшей активности неизбежно должны возникнуть какие-нибудь другие ее проявления. Один из самых важных вкладов современной глубинной психологии в решение проблемы понимания жизни состоит в принципе эквивалентности, который постулирует, что при исчезновении энергии из одной психологической ипостаси она появляется в другой, имеющей эквивалентное значение. Как отмечает Юнг, во многих случаях это эквивалентное значение налицо; в отношении других он говорит:

«Часто встречаются примеры, когда некоторое количество либидо внешне исчезает, не оставляя никакой замены. В этом случае заменой является бессознательное, и обычно пациент не осознает, что какой-то новый психический факт соответствует заменяющей формации. Но бывает также, когда значительное количество либидо исчезает без появления вместо него какой-либо новой величины, как если бы бессознательное полностью поглотило его. В та-

ких случаях желательно твердо придерживаться принципа эквивалентности, так как тщательное наблюдение за пациентом вскоре позволит обнаружить признаки бессознательной активности, например, усиление выраженности некоторых симптомов или появление нового симптома, необычных сновидений или странных, мимолетных обрывков фантазии и т.д.»⁸.

Далее Юнг демонстрирует, как картины этих фантазий или сновидений постепенно складываются в символический образ, вмещающий в себе утраченную сознанием энергию вместе с дополнительным количеством энергии, притягательная сила которой ответственна за первоначальную потерю. Если предшествующее состояние инертности было обусловлено нежеланием выполнять неприятное, но нужное задание или неспособностью решить преподнесенную жизнью проблему, то созданный в бессознательном регрессивным либидо символ окажется средством для преодоления затруднения. Такой символ не может быть сформирован сознательным усилием и намерением; с другой стороны, формирование созидательного или компенсирующего символа не может

«осуществиться до тех пор, пока мозг достаточное время не сосредоточится на элементарных фактах, то есть, пока внутренние или внешние потребности жизненного процесса не вызовут трансформации энергии. Если человек жил абсолютно инстинктивно и автоматически, то трансформация может произойти в соответствии с чисто биологическими законами. Нечто подобное мы до сих пор можем наблюдать в психике людей примитивной культуры, психическая жизнь которых одновременно полностью конкретна и символична. У цивилизованного человека рационализм сознания, столь полезный во всех остальных отношениях, оказывается самым огромным препятствием для плавной трансформации энергии. Разум, всегда стремящийся избежать того, что представляет для него невыносимое противоречие, занимает позицию исключительно одной из сторон и судорожно цепляется за однажды выбранные ценности»*.

В отсутствие сознательной работы и волевой концентрации внимания на всплывающих из глубины образах, бессознательная активность будет оставаться на уровне фантазирования или снов наяву. Принять адекватное участие в своей собственной жизни индивиду мешает праздная поглощенность собственными грезами. Это наблюдение дает ключ к способу борьбы с апатией, инертностью и депрессией. В обычной, повседневной ситуации, когда

М.Э. Хардинг

утечка либидо не очень серьезна, решительная мобилизация всей наличной энергии может быть достаточна для первого шага в выполнении неприятной работы, и может оказаться, что *ce nest que le premier pas qui coute**, как справедливо утверждает поговорка. Если начало положено, дальше дело может пойти споро и гладко, неся с собой интерес и удовлетворение. Существуют ситуации, когда предписывается игнорирование и «забывание» проблемы или, если это невозможно, отвлечение внимания и занятие мыслей чем-то другим. Эти меры могут оказаться успешными, хотя даже в лучшем случае они не затрагивают сути дела.

Однако в более серьезных ситуациях рекомендации такого рода просто не оправдывают себя. Многие пациенты, искорка жизни которых внешне угасла, были отосланы своими врачами скитаться по миру как привидения в поисках неизвестно чего. Если бы они знали, что утерянное ими сокровище — их собственные души, погрузившиеся сейчас во внутренние глубины, то совершили бы паломничество в эту внутреннюю вселенную: там, следуя по стопам легендарных героев прошлого, они смогли бы отправиться в «ночное плавание» в поисках «восходящего солнца», символа возрождения либидо.

Когда свет жизни тускнеет и человек остается во тьме депрессии, более эффективно на некоторое время прекратить выполнение предметной задачи и сосредоточить внимание на том, что происходит внутри, вместо того, чтобы огромным усилием воли заставлять себя продолжать работу. Ибо когда либидо исчезает из сознания, сила воли может быть эффективно использована лишь для преодоления естественного нежелания последовать за утраченной энергией в тайные уголки психики посредством творческой интроверсии. Обнаруженные там образы фантазий или сновидений обязательно подскажут ключ к решению проблемы, при условии, что человек обладает специальными знаниями, необходимыми для их понимания. Поэтому непрофессионал обычно нуждается в помощи аналитика, сведущего в интерпретации символов.

Бессознательные образы раскроют причину тупикового положения. Возможно, инертность окажется следствием сильного регрессивного стремления, желания смерти и забвения, скрытого в каждом человеке. Временами это стремление может набирать Труден только первый шаг (фр.); русский эквивалент — лиха беда начало. — *Прим. перев.*

такое количество энергии, что она начинает превосходить ту часть, которая остается для жизни и решения ее задач. Некоторые люди особенно подвержены действию этого направленного в прошлое фактора. Стоящую перед ними жизненную проблему досконально описал Бейнс в своей блестящей научной работе *Mythology of the Soul*¹⁰, где он называет этот регрессивный элемент «рenegатом». Именно этот компонент психики всегда отказывает в содействии человеческому усилию приручить природу, внутри и снаружи, и организовать более цивилизованную жизнь для человечества. Ренегатская тенденция представляет вечного преступника, человека, который хочет иметь то, что желает, но отказывается платить за это должную цену и всегда стремится воспользоваться плодами труда других. Она включает в себя жадность во всем ее многообразии — жадность в еде, страсть к сексуальному удовлетворению, жажду власти, стремление к легкой и приятной жизни, невзирая на цену, которую заплатит кто-то другой. В этом состоит негативный аспект инстинктивных влечений, на которых зиждется мир.

Ренегат — это деструктивный аспект регрессивного либидо. Он представляет позицию ребенка, ожидающего заботы и кормления независимо от собственного желания или нежелания содействовать этому и использующего свои силы только для требования удовлетворения, никогда не участвуя в получении средств для этого удовлетворения — как если бы жизнь была потакающей матерью, единственная забота которой состоит в беспокойстве о благополучии именно этого ребенка. Такая позиция прощительна для ребенка, но у взрослого — это нетерпимая инфантильность. В данном случае «матерью» выступает уже не женщина, уступающая уговорам или требованиям, а сама Мать-Природа, действующая беспристрастно и не имеющая сердца, откликающегося на просьбу. Такой взрослый будет все более и более асоциален и тиранически требователен до тех пор, пока не осознает заблуждение, на котором бессознательно основывается его позиция.

Но обратное стремление души к источнику ее бытия, истокам, материнским глубинам, может иметь и другое значение, а потому и иной исход. Если его использовать положительным образом, оно может привести душу к обновлению и возрождению. Так, всплывающий во время депрессии из бессознательного образ может быть образом матери в ее милосердной или деструк-

тивной форме. Форма образа прямо обусловлена сознательной установкой и волей сновидца. Если он инфантилен, образ матери в его сновидении будет угрожающим. Он задавит его удушающей добротой или завлечет к краху. Однако если человек искренне ищет обновления, которое позволит ему совершить образ Великой матери, — истока всего сущего, — из ее лона он сможет возродиться вновь.

В других случаях сформированный фантазией или сновидением образ может принимать одну из множества форм образа отца. Отец — это человек, который прошел впереди нас. Он справлялся с жизнью и ее проблемами до того, как мы обрели сознательное понимание. В детстве мы не раз ощущали, что «отец знает все». Если не позаботиться о развитии инициативы и природных творческих способностей ребенка, его дух вполне может быть сломлен постоянной опекой. Это одно из самых серьезных последствий влияния цивилизации на представителей примитивных культур. С появлением западного человека со всеми его механическими приспособлениями и техническим умением человеку примитивной культуры кажется, что работа, которая веками выполнялась с использованием несовершенных инструментов, уже не стоит затраченного времени. Его цивилизация просто разваливается, уничтоженная одним присутствием культуры, намного превосходящей все, о чем он когда-либо мечтал. В результате он предается лени и впадает в депрессию.

Такая же реакция может лежать в основе депрессии современного мужчины или женщины. Ибо когда мы оказываемся перед необходимостью что-то сделать или что-нибудь организовать для себя без помощи родителей, то вполне можем быть остановлены ощущением, что «отец может сделать это намного лучше». Эта позиция может показаться невероятной человеку, давно расставшемуся с родительским домом и своими детскими установками; но даже для него эта проблема может оказаться не такой далекой, как он полагает. Ибо кроме влияния реальных родителей, в психике остается образ отца как человека, который может сделать то, чего я, сын, сделать не могу. Так, при возникновении необходимости в чем-то новом, на что я неспособен, бессознательное как бы шепчет: «Вот если бы здесь был отец, он смог бы справиться с этой ситуацией». Этот образ отца двулик. С одной стороны, он говорит: «Только отец сможет сделать это, поэтому сам можешь и не пытаться», тогда как с другой стороны — он подсказывает: «В твоей

психике скрыто то, что говорит голосом "старика", породившего все, когда-либо изобретенное человеком. Ты можешь найти его внутри себя и научиться у него всему тому, что он знает».

Когда жизнь ставит перед нами новую проблему, открывает новую главу, для которой старого опыта недостаточно, обычно наблюдается уход либидо. Один этап жизни закончился, а того, что необходимо для другого, непосредственно под рукой нет. Этот уход ощущается в сознании как чувство пустоты, зачастую как депрессия и, несомненно, как инертность с оттенком укора в отношении того, что кажется ленью или апатией. Не понимая, что для овладения новыми ситуациями требуется мобилизация новых сил, мы суеверно ожидаем волшебного появления новой позиции. Однако для того, чтобы появилась эта пригодная для жизненной ситуации новая позиция, она прежде должна всплыть из бессознательного, а для этого требуется творческое действие, занимающее определенное время.

Новую позицию, открывающую следующую главу жизни индивида, будет представлять сформированный в бессознательном символ. На принятие символа и его постепенное раскрытие посредством той сознательной работы, которую человек готов проделать, могут уйти годы. Тем не менее, возникший в период депрессии в сновидении образ будет предвещать результирующий облик судьбы. При таких обстоятельствах, очевидно, необходимо без какого-либо самопорицания принимать этот уход либидо из сознания и концентрировать свое внимание на внутренней сцене. Это единственный способ, которым в конце концов можно вернуть утерянную энергию и восстановить способность выполнять творческую задачу бытия.

1. R. Wilhelm and C.G. Jung, *The secret of the Golden Flower: A Chinese Book of Life*, p. 114. Эта книга — перевод с пояснением эзотерического даосского текста, датированного примерно восьмым столетием. [Рус. пер. — Юнг К.Г. Йога и Запад.— Львов, К.: Инициатива, Airland, 1994.]
2. Evans-Wentz, *Tibetan Yoga and Secret Doctrines*, p. 8.
3. Следуя примеру Юнга, я использую термин либидо для обозначения всех форм психической энергии, проявляющихся как интерес или желание. Я не ограничиваю его употребление исключительно сексуальным интересом, как это принято у последователей Фрейда.

М.Э. Хардинг

4. *The Integration of the Personality*, chap. II, p. 31.

5. *The Secret of the Golden Flower*, p. 47.

6. R.L. Stevenson, *Poems*, p. 115.

7. Юнг очень подробно обсуждал вопрос динамики психической энергии в работе «On Psychic Energy» in *The Structure and Dynamics of the Psyche* (C.W. 8), pp. 3 ff.

8. *Ibid.*, pp. 19-20.

9. *Ibid.*, p. 25.

10. См. с 17, 107 и слл.

ГОЛОД

Нужда и жадность

Насколько нам известно, впервые жизнь на земле появилась в форме одиночных живых клеток. Из этих простейших начал развились все остальные жизненные формы. Сегодня земля кишит живыми организмами, составляющими совокупность растительного и животного царств. Все они — потомки тех маленьких, но очень важных первоначальных клеток, которые жили и умерли миллионы лет тому назад. Те же самые физические и химические законы, что контролировали жизненные процессы предшествующих форм, до сих пор управляют физиологией сложных животных современности. В психической сфере, как бы далеко она не отстояла от этих простейших начал, тоже сохранилось множество отпечатков древнего образа жизни, оказывающих свое влияние на позиции и привычки современного человека, хотя обычно он остается в полном неведении относительно их воздействия.

Из всех характеристик, отличающих растительное царство от животного, наиболее выразительным является тот факт, что растение неподвижно и питается элементами, доставляемыми ему воздухом или водой, в которой оно обитает, либо солями почвы, в которой оно укоренено. Таким образом, растение полностью зависимо от своего окружения: если оно благоприятно, растение процветает; если нет — увядает и погибает. Какой бы плачевной ситуация ни была, растение не в силах изменить ее; оно не может переместиться на другое место, даже если на расстоянии в несколько футов условия идеальны.

Некоторые из самых примитивных животных организмов тоже ведут неподвижный образ жизни. Однако постепенно развились и свободно передвигающиеся формы. Эта адаптация отмечает са-

мый важный шаг в эволюции. Далее способность передвигаться в поисках пищи и по другим биологическим нуждам стала отличительной чертой животной жизни.

Поначалу свободно живущие организмы плавали по воле окружающих их течений; однако постепенно у них появилась возможность перемещаться вследствие собственной активности. Намного позднее развилась способность к целенаправленному передвижению. Но характер их поведения продолжал отличаться пассивностью и бездеятельностью, которые прерывались только в случае необходимости поиска пищи, опасности для жизни или вследствие проявления влечения к воспроизведению. Эти потребности действовали как стимулы к активности, которая сперва была не более чем механической или химической реакцией и только намного позднее стала достаточно дифференцированной для возникновения организованного рефлекса. На этой стадии пассивность была нормальным состоянием, активность — необычным.

Когда человек обнаружил, что условия жизни не адаптированы к его нуждам и необходимость защитить себя от голода толкает его на выполнение сложных задач, присущая всем организмам склонность к бездействию приобрела иной аспект. Из «естественного образа жизни» она превратилась в его случае в величайшую помеху выживанию. Вероятно, борьба с собственной инертностью была самым тяжелым сражением человека в его истории.

Однако Мать-Природа наделила всех своих детей, как растения так и животных, стремлением выжить во что бы то ни стало, называемым инстинктом самосохранения.

Этот инстинкт отвечает за удовлетворение естественных нужд, обеспечивающее нормальное состояние и продолжение жизни организма. Эти нужды разделяются на два типа: во-первых, потребность в утолении жажды и голода; во-вторых, необходимость защиты от неблагоприятных внешних условий, включая жару и холод, повреждения и заболевания, а также опасность от враждебно настроенных животных и людей. Для того чтобы человек мог отвечать этим фундаментальным требованиям, ему было необходимо преодолеть свою примитивную инертность.

Потребности в воде и пище, укрытии и защите от врагов настолько фундаментальны, что природа вознаграждает их удовлетворение, так сказать, ощущением блаженства. Голод и холод вызывают дискомфорт задолго до того, как возникает угроза самой жизни.

Состояние сытости, ощущение тепла и защищенности от

стихий доставляют величайшее удовольствие. Если бы это было не так, вряд ли человек и животные предпринимали усилия для обеспечения благоприятных условий жизни, так как недоставало бы стимулов, необходимых для пробуждения от летаргии.

Побуждающий к активности импульс¹, наблюдаемый даже у очень низко организованных животных форм, по всей вероятности не приводил бы к целенаправленному усилию по обеспечению еды и укрытия, если бы не управлялся фактическим неудобством или опасением дискомфорта. Эти соображения, очевидно, определяют активность людей примитивной культуры. Без таких стимулов даже современному человеку может не доставать инициативы, требуемой для преодоления летаргии и выполнения необходимой задачи, даже если разум подсказывает, что ее желательно выполнить.

Врачам хорошо известно, как нелегко убедить пациента продолжить лечение болезни, если она больше не вызывает боли или дискомфорта, даже если его неоднократно предупреждают о том, что это крайне необходимо. Если это верно по отношению к цивилизованным и образованным людям, то едва ли стоит удивляться, что представители примитивной культуры редко предпринимают какие-либо усилия в отношении заботы о собственном здоровье до тех пор, пока они не оказываются больны настолько, что не могут передвигаться, и откладывают поиски пищи до того момента, пока не ослабевают от голода. Совсем недавно отдельные, на первый взгляд совсем не примитивные народы, не смогли заставить себя подготовиться к своей защите вплоть до момента фактического нападения на них, даже несмотря на то, что их соседи уже подверглись опустошению со стороны агрессивного и воинственного противника. Эти реакции показывают, что инстинкт самосохранения еще не модифицировался под влиянием сознания² до такой степени, чтобы адекватно соответствовать сложным требованиям современной жизни. Вышеупомянутые народы — представляющие практически все нации мира — фактически далеко не сознательные и саморегулирующиеся организмы; тем не менее, они все же зависимы от грубо действующего инстинкта сохранения жизни.

В примитивных сообществах, где искра сознания едва тлеет и люди еще мало способны инициировать добровольные действия с целью улучшения своего положения, преодолеть внутреннюю лень их заставляет, главным образом, голод. В нашем собственном случае, во времена достатка и процветания, принято считать,

что первостепенной внутренней движущей силой служит сексуальность. Но это обусловлено лишь тем, что в результате организованной работы и разумного распределения достаточного количества продовольствия была снята безотлагательность давления голода. Подобные условия абсолютно неведомы народам примитивной культуры. Голод оказался строгим учителем, научившим человека возделывать поля и браться за многие утомительные дела, совершенно чуждые его естеству, которые не приносят немедленного удовлетворения, а лишь позволяют запастись продуктами, надобность в которых появится много позднее.

Для нас, как и для буддистов, олицетворением голода и жадности служит свинья, алчно пожирающая пищу. Однако в периоды голода эта человеческая потребность уже не представляется сознанию как собственный голод. В условиях крайней нужды образ свиньи, жадно набивающей свою утробу обильной едой, не может представлять внутренние ощущения и страдания. Голодающий человек ощущает, что его самого преследует и поедает демон, грызущий его внутренности и не дающий ему покоя. В народных сказках и мифах инстинкт голода при таких обстоятельствах изображается волком: голод, подобно прожорливому хищнику, крадетя по земле и угрожает поглотить все живое. Но человек примитивной культуры не понимает, что этот волк, которого он любой ценой должен «не подпустить к своей двери», в действительности является его собственным неудовлетворенным инстинктом, видимым в противоположной или проецированной форме. Когда голод уже не служит дружеским напоминанием, что пришло время принятия пищи, а из-за крайней нужды становится абсолютно безотлагательным, тогда инстинкт проявляется во всей ярости и мощи безличной силы. Он либо пожирает человека, и тот лишается сил и умирает, либо пронизывает его душу, и человеком овладевает демон, превращая его в хищного зверя, способного на крайнюю жестокость в поисках пищи.

Это двойственное лицо голода поразительно отображено в легендах и народных обычаях во всех уголках земли. Некоторые из этих обычаев связаны с мобилизацией энергии всего племени и с нацеливанием ее на охоту: например, танец медведя у американских индейцев³. В других случаях танец предназначен вызвать магическую силу, способную загипнотизировать оленя так, чтобы он позволил заманить себя в ловушку, либо же магия может быть использована для того, чтобы заставить стада остаться на

близлежащих пастбищах и не позволить им уйти в отдаленные районы. Или, если выслеживаемое животное опасно, магический ритуал должен успокоить его и убедить, что человек убивает своего «брата» только по необходимости, и тогда зверь не нападет на охотника и не разорвет его. Другие обряды связаны с умиловивлением духа убитого животного, чтобы он не преследовал своих убийц и не предупредил своих животных собратьев оставить окрестности. Обычаи такого типа характерны для народов, пропитание которых в основном или полностью зависит от охоты.

Общины людей, научившиеся возделывать землю, сеять и убирать урожай, а также разводить домашних животных для обеспечения себя мясом, имеют иные обычаи. Самые ранние религиозные церемониалы народов, занимающихся сельским хозяйством, — это ритуалы и магические обряды, связанные с севом и сбором урожая. Фрэзер⁴ описал многие из них, распространенные в районе Средиземноморья, в Греции, Центральной Европе, Франции и на Британских островах, а также у индейцев обеих Америк, в Африке, на островах Тихого океана и в Индии. У всех этих народов зерно, т.е. зерновые — пшеница, ячмень или овес в Европе, кукуруза в Америке и рис в Индии и других восточных странах — почти повсеместно считалось божеством. Во многих местах оно персонифицировалось как Мать; вполне естественное представление, ибо как мать является источником первой пищи младенца, так и зерно служит основой хлеба для человека.

В одних случаях Матерью считали сам колос пшеницы, в других боготворили облаченный в женскую одежду сноп колосьев. В Перу кукурузный початок (маис) одевали в богатое платье и называли *Zara-Mama*; Фрэзер говорит, что как Мать он обладал способностью родить и выращивать маис⁵. На вкладной иллюстрации I мы видим украшенный пером кукурузный початок на жердочке. Индейцы пауни называли его «Матерью Кукурузой» и почитали как таковую на своей церемонии *Нако*. В Древней Греции богиней зерна и Матерью Землей была Де-метра. Ее дочь Персефона, проводившая каждый год в подземном царстве три месяца, на протяжении которых поля стояли голыми, и девять месяцев на земле — период, соответствующий сезону выращивания зерновых — также олицетворяла пшеницу. На изваяниях матери с дочерью их обеих можно видеть с пшеничным венком на голове и со снопом колосьев, а иногда с одним колосом пшеницы в руках, как на рис. 1.



Рис. 1. Деметра и Персефоиа

Деметра, как царица жатвы, вручает колосья пшеницы своему воспитаннику, Триптолему (с характерным для него искривленным плугом), который, согласно легенде, первым посеял пшеницу в Греции. Позади него стоит Кора (Персефона) с факелом в руках как царица подземного мира.

В Элевсинских мистериях, праздновавшихся в сентябре во время сбора урожая, проигрывалась в лицах история поиска Деметрой пропавшей Герсефоны. Последний и самый торжественный день фестиваля посвящался празднованию ритуального бракосочетания иерофанта и жрицы, олицетворяющей богиню. Они уходили в темную пещеру, где их священный брак скреплялся символическим половым актом, ибо, как повествует Ипполит, автор *Philosophumena*, иерофанта «выхолащивали болиголовом, лишая всякого мирского потомства». Сразу же после этого жрец выходил наружу и молча демонстрировал благоговейному взору посвященных *liknon*⁶ с одним колосом пшеницы. Затем он громко восклицал: «Божественная Бримо породила священного сына, Бримо-на», т.е. «сильная [породила] сильного»⁷. Таким образом, колос пшеницы был «ребенком» богини зерна. Его называли «Сильным», потому что хлеб служит источником человеческой силы³. Это была *эпиптея* или богоявление, демонстрация — высшее откровение богини своим служителям.

Кажется несколько неожиданным, что священным животным Деметры была свинья. На изваяниях богиня часто изображается в сопровождении свиньи. Это животное обычно приносили в жертву на ее празднествах⁹. По всей вероятности, на самой ранней стадии богиня зерна сама была свиньей. Вначале божество в буквальном смысле является животным, затем это животное становится его спутником и это же самое животное приносится ему в жертву. Еще позднее предполагается, что это животное представляет или воплощает дух божества. Однако поначалу не совсем понятно, почему свинья — животное, отличающееся своей жадностью и разрушительностью — должна представлять богиню-мать, дарительницу зерна и всей пищи. Некоторый свет на этот вопрос проливает одна странная деталь мифа о Персефоне¹⁰. Когда богиню завлек Плутон, владыка подземного мира, бог богатства и достатка, и она сквозь расщелину в земле провалилась в Гадес, вместе с ней провалился и свинопас Евбулей со всеми своими свиньями. А когда Деметра в отчаянных поисках пропавшей дочери бродила по окрестностям, следы Персефоны оказались затоптанными свиньями. Эта история, вероятно, представляет собой последующую попытку скрыть тот неприглядный факт, что Персефона, прекрасная богиня весны и колосющейся пшеницы, первоначально сама была свиньей.

Во время Тесмофорий, священного для Деметры и Персефоны осеннего праздника, когда одновременно отмечались сбор урожая и сентябрьский сев пшеницы, женщины не только имитировали скорбные поиски Деметрой дочери, но и принимали участие в торжественной ритуальной трапезе, основным блюдом которой было свиное мясо. В этом обряде, так же, как и во многих других ритуальных приемах пищи, верующие ели плоть животного, представляющего божество, для того чтобы объединиться со своим богом. Аристофан сатирически намекает на этот обычай в «Лягушках». Когда мисты поют восторженный гимн, созывая на праздник посвященных, Ксанф, стоящий рядом со своим спутником, Дионисом, замечает:

«О высокоблагословенная Дева Деметра, Что за восхитительный аромат жареной свиньи!» И Дионис отвечает: «Тесс! Придержи язык! Может и тебе дадут немного»".



Рис. 2. Жертвоприношение свиньи. Три факела указывают на подношение богам подземного царства.

На этом же самом празднестве свиней и другие подношения бросали в расщелины скал, которые называли «расселинами Де-метры и Персефоны» (рис. 2). Чтобы свинья стала приемлемым для богини даром, ее необходимо было очистить. На нижеследующем рисунке (рис. 3) мы видим проведение обряда очищения. Весной останки животных доставали и закапывали на полях в период сева. Считалось, что таким образом дух зерна, сохраняющийся в плоти свиньи, оплодотворит семенное зерно и оно принесет обильный урожай.



Рис. 3. Очищение «Мистической» Свиньи

Свинья представляла пшеницу, или, более точно, дух пшеницы не только в Древней Греции. Фрэзер сообщает, что в Тюрингии, когда ветер волнует поля, обычно говорят: «Через пшеницу несется вепрь». В Эстонии аналогичным образом упоминают «ржаного кабана». В некоторых районах человека, принесшего последний сноп пшеницы или сделавшего последний удар цепом при обмолачивании зерна из колосьев, жнецы обвязывают соломенной веревкой и затем гоняются за ним, называя «свиньей». Это незавидное прозвище остается за ним целый год, он терпеливо выносит грубые шутки своих соседей, которые делают вид, что от него несет, как из свинарника. Если он попытается переложить ношу олицетворения духа свиньи на кого-нибудь из своих товарищей, что можно сделать, вручив последнему фигурировавшую в обряде соломенную веревку, то рискует быть запертым в свинарнике вместе «с другими свиньями». В придачу его могут даже побить или дурно обойтись с ним иным образом. В других местах связь между свиньей и урожаем сохраняется в менее бурных обычаях. В Швеции, например, из теста делают рождественского борова и сохраняют его в течение всего сезона. Он олицетворяет богатый урожай. Во многих районах Европы рождественский боров представляет собой зажаренное целиком реальное животное, блюдо с которым стоит на буфете как холодная закуска и угощение для всех гостей. По-видимому, этот обычай имеет аналогичное происхождение.

Мы видим, что в этих обычаях олицетворяемый свиньей человеческий голод, а вернее, алчность, тесно связаны с образом зерна, которое представляет мать, кормилицу. Как будто свинья и зерно вместе олицетворяют жадность и ее удовлетворение. Это олицетворение имеет двойной смысл: хотя свинье свойственна жадность к еде, а портит пищи она даже больше, чем съедает, вместе с тем она является очень плодовитым животным с сильно выраженным материнским инстинктом. Возможно, с человеком-«свиньей», действие которого завершает сбор урожая, дурно обращаются и гонят прочь потому, что он представляет не только изобилие, но и ненасытную алчность, а следовательно, и угрозу голода.

В более отдаленные времена людей, избранных представлять Дух зерна, действительно приносили в жертву во время сбора урожая, вероятно, в попытке покончить с отрицательным аспектом понятия еды, каковым является нужда. Такие человеческие жер-

твоприношения¹² каждый год регулярно совершали инки, мексиканские индейцы, пауни и другие племена в Америке. Они были также широко распространены в западной Африке, на Филиппинах и в Индии, особенно в дравидских племенах Бенгалии. В каждой из этих областей жертва выбиралась заранее, и несколько недель с ней очень хорошо обращались, сытно кормили и даже почитали до самого жертвоприношения как духа зерна во время ритуала, посвященного сбору урожая. Во всех этих случаях нужда и жадность в большей или меньшей степени отражены в составной идее духа зерна, однако в целом акцентируется положительный аспект, понятие достатка. Однако в некоторых областях Германии и славянских странах дух зерна представляет не утоленный аппетит и обилие, а голод и крайнюю нужду. У народов этих районов считается, что когда весенний ветер колышет поля, то это не свинья шелестит колосьями, а волк. Они предостерегают своих детей не ходить на поля за цветами, «иначе волк съест вас».

В этих местностях жнецы очень стараются «поймать волка», ибо говорится, что если он убежит — в стране наступит голод. Иногда этого волка представляет горсть колосьев с особенно длинными стеблями, иногда человек, выбираемый по причине какого-либо специфического жеста или действия. Затем этого человека одевают в волчью шкуру и ведут на веревке в деревню. В других местах говорят, что волк убит, когда пшеница обмолочена. В древние времена человека, представляющего волка, убивали на самом деле. Позднее убийства разыгрывались в лицах в ритуальной драме или же человека заменяли символической фигурой, например, чучелом или булкой хлеба, формой напоминающей человека. Во многих народных обычаях первоначальное реальное убийство до сих пор отображается символической игрой, часто грубой и бурной, в которой может присутствовать довольно жесткое обращение с жертвой. Однако происхождение и значение игры давно забыто.

Иногда роль духа зерна по имени «волк», вместо животного или человека, играет последний связанный во время жатвы сноп. Этот сноп не молотят, его перевязывают, а иногда обворачивают волчьей шкурой и хранят в амбаре всю зиму. Говорится, что за его «здоровьем» тщательно следят, дабы сохранить всю его силу. Весной зерно с этого снопа перемешивают с посевным зерном и высеивают. Если из-за крайней нужды или по оплошности этот особый запас будет съеден, то волк отомстит крестьянину. Он не

наделит духом зерна —■ способностью расти — следующий посев; урожай не вызреет и наступит голод.

Эти обычаи и верования отражают, по-видимому, большие трудности, испытанные человеком при попытках сохранять достаточное количество зерна для посева. Это было особенно сложно, когда урожай оказывался слишком скудным и зерна не хватало для утоления голода крестьянина на протяжении долгих зимних месяцев в условиях северного климата. Несомненно, последний сноп — волк — должен быш храниться в амбаре всю зиму для того, чтобы на весну осталось посевное зерно. Должно быть, этот урок быш одним из самых тяжелых, среди тех, что человеку пришлось усвоить на протяжении перехода от собирательства пищи к культуре выращивания продуктов питания, так как инстинкт, естественно, подталкивал его к утолению голода, заставляя съедать всю имеющуюся в наличии еду. Верование в то, что последний сноп содержал дух или даже действительно являлся пшеничным волком, — это единственное, что сдерживало его. Ибо если бы семенное зерно было съедено, то тогда волк голода действительно оказался бы выпущенным на волю на его земле.

У аборигенов островов Тробриан в Тихом океане бытуют некоторые любопытные представления и обычаи, касающиеся этой проблемы. Эти люди не считают, что пшенице присуща своя собственная жизнь или существование, которые воплощены в самом зерне, способном к возрождению, независимо от того в чьих оно руках. По их мнению, пшеница — это часть или принадлежность определенных людей, жизнь или *ману* которых она разделяет и вырасти без них не может. Каждая семья имеет свое родовое зерно, которое прорастет только в том случае, если его посадит один из членов этого семейства. Ни для кого другого оно не вырастет. Зерно передается из рук в руки, от поколения к поколению, и владение им возлагается на женщин семьи. Если бы мужчина допустил использование в пищу всего зерна своей семьи, новых семян он бы достать не смог, так как существует строгий запрет на передачу семян вне круга семьи. Он оказался бы перед лицом гибели, ибо не смог бы засеять свои поля весной, если бы не смог уговорить выйти за него замуж женщину, унаследовавшую семена. Такое верование налагает крайне строгую дисциплину в отношении потакания собственному аппетиту и, подобно обычаю сохранения волка — последнего снопа — в амбаре на протяжении всей зимы, имеет большое практическое значение.

М.Э. Хардинг

Когда дух зерна представлен пшеничной матерью, а не волком, в большей мере подчеркивается положительный, а не отрицательный аспект этого духа. Тем не менее, даже здесь присутствует отрицательное значение. Возможно, разница в позиции, представляемой контрастом между двумя символами, связана с возможностью выращивания достаточного урожая в данной местности. В плодородных районах человек склонен был представлять дух зерна матерью, тогда как в северных районах и на бесплодных почвах, где урожаи были под сомнением, — более подходящим символом выступал волк.

Там, где доминировал положительный аспект духа зерна, — сноп, олицетворяющий пшеничную мать, оберегался в период вегетации и почитался во время жатвы. Его одевали, как женщину, и хранили в амбаре всю зиму. Здесь мать зерна периодически церемонно навешали и спрашивали, хорошо ли она себя чувствует. Если казалось, что она ослабла, сноп сжигали, а на его место водружали новую пшеничную мать, так как обессилевшая мать не может разродиться крепким потомством.

Здесь мы видим переход от положительного аспекта духа зерна к отрицательному. Если мать зерна ослабевала, ее саму необходимо было сжечь, дабы она не принесла голод вместо изобилия. Таким образом, при определенных обстоятельствах дух зерна, похоже, становился пагубным для человека. В таком случае его следовало уничтожить или изгнать, то есть избавиться от угрозы голода. И человека, связавшего последний сноп, принимали за олицетворение этой потенциальной опасности и изгоняли из деревни, как козла отпущения. В некоторых случаях его действительно убивали. Древние мексиканцы во время сбора урожая регулярно убивали человека кукурузы, но не как козла отпущения, а в качестве жертвоприношения, а его тело съедалось в ритуальной трапезе, подобно тому, как съедали свинью в Элев-синских мистериях.

Постепенное развитие и совершенствование этого варварского обычая прослеживает Фрэзер. Поначалу обряд требовал реального убийства и поедания человека, считавшегося фактическим воплощением духа зерна. Позднее приносили в жертву и съедали зерновое животное; эту стадию иллюстрирует свинья Деметры и жатвенный бор. Затем последовало съедение хлеба из свежесжатой пшеницы, выпеченного в форме человеческого тела. И наконец появилась подлинная церемониальная трапеза.

подобная той, что отмечается по завершении сбора урожая риса на острове *Bum*, когда каждый член племени для участия в ритуале под названием «поедание души риса» должен был внести немного риса из своего нового урожая¹³. Это название ясно указывает на обрядовый характер трапезы. В этом пиршестве в ознаменование окончания сбора урожая мы видим ранние истоки причащения, во время которого верующие вкушают тело бога в символической форме, полагая, что тем самым они впитывают его естество и силу.

Эти легенды и обычаи, окружающие дух зерна, представляют два аспекта стремления человека разрешить проблему потребности в пище. С одной стороны, он пытается контролировать природу и таким образом расширить источник пополнения припасов. С другой стороны, он решает задачу управления своим собственным естеством. К собственной врожденной лености и инертности, порождаемых, как говорят буддисты, авидьей или незнанием, добавляется его непреодолимое влечение утолить сиюминутный голод, невзирая на последствия. Последнее также является следствием авидьи. ибо если бы человек действительно осознавал последствия съедения всего сразу, то, очевидно, так бы не поступал. Но поскольку муки сегодняшнего голода безотлагательны и неотвратимы, а переживание голода завтрашнего далеко, то человек может представить его лишь как жалкое подобие сегодняшних страданий. Поэтому представитель примитивной культуры — так же, как первобытный человек в современном индивиде — не желает задумываться над законом причины и следствия, осознание действия коего, согласно буддистам, — урок, который необходимо усвоить людям «малого ума»¹⁴. Он предпочитает поступать, руководствуясь изречением: «Давайте есть и пить; ведь завтра мы умрем».

Гонтран де Понсен¹⁵ сообщает, что живя среди эскимосов северной Канады, он обнаружил, что в первую ночь пути они съели пищу, приготовленную на весь период путешествия. К нему отнеслись с большим подозрением, когда он съел лишь часть своих припасов, оставив остальное про запас. В конце концов ему пришлось отдать все личные припасы своим спутникам, опасаясь их враждебного отношения к нему. Это было особенно тяжело, так как к тому времени он еще не привык к эскимосской пище и надеялся, что небольшого запаса продуктов питания «белого человека» ему хватит до конца путешествия. Одно лишь наличие за-

паса пищи большего, чем требовалось на один день, стало опасностью. Ибо его спутники не только съели все его припасы: после обильного пиршества они проспали весь следующий день, отказываясь подняться, несмотря на тот факт, что им предстояло долгое и опасное путешествие.

Кочевые и промышляющие охотой народы, такие как эскимосы, вынуждены периодически, но регулярно, заниматься добыванием пищи, и одна лишь эта необходимость не позволяет им спать все свободное время. Но когда племя оседает и начинает заниматься сельским хозяйством, оно в значительной мере освобождается от опасностей и неопределенности образа жизни, основанного на охоте. Оно может обеспечивать себя пропитанием с собственных возделываемых земель, и больше не зависит от наличия дичи. Однако само существование запаса еды являет новую опасность для жизни.

Если основную опасность прежней жизни человека (как охотника) составляла свирепость животных, а также непредсказуемое появление и исчезновение дичи, то теперь его главными врагами стали человеческая лень и жадность. Ибо когда группа людей впервые собирает урожай и получает большое количество еды, естественной реакцией является желание немедленно устроить пир. На наших современных праздниках сбора урожая мы сами поступаем аналогичным образом. Будучи благодарением Дарителю урожая, этот праздник одновременно служит удобным случаем устроить пиршество, где отмечается привычное сдерживание чувственных излишеств. Но человек примитивной культуры не только пирует; он к тому же разбрасывает и уничтожает то, что не может съесть. Затем, когда все разбазарено, неизбежно следует нужда, ибо в чисто сельскохозяйственной общине нет никакой иной возможности восполнить запасы продуктов до следующего урожая.

Эта стадия проблемы, с вытекающей необходимостью дальнейшего психологического развития, отображена в древней фригийской легенде о духе зерна¹⁶. В ней говорится, что Литиерс, сын царя Мидаса (такого же обладателя несметного богатства, как Плутон в мифе о Персефоне), был жнецом пшеницы. У него был непомерный аппетит, ибо как незаконнорожденный сын он представлял теневую сторону или противоположный, бессознательный аспект своего отца. Мидас, его отец, представляет богатство и достаток, а незаконнорожденный сын, не наследник и изгой в семье, неизбежно наделен всеми отрицательными аспек-

тами, которых избегает «сын и наследник». Таким образом, Литиерс — это подлинное олицетворение ненасытной жадности. Он промотал и разбазарил все накопленное отдам богатство.

Эта легенда особенно поучительна, так как дает ключ к современной проблеме сына, ощущающего себя отвергнутым отцом. Он может быть законнорожденным, в отличие от Литиерса, однако, если по какой-либо причине он ощущает, что один или оба родителя не вполне приемлют его (в случае мальчика это чаще всего отец, а в случае девочки — мать), то скорее всего он будет бессознательно реагировать так, как Литиерс из легенды. Такой сын сосредоточится на матери, он будет мягок и будет потворствовать своим желаниям. Он может быть и зачастую оказывается очень тучным, ленивым, требовательным и ужасно ревнивым по отношению к любому сопернику, трудолюбие и самодисциплина которого награждаются собственной независимостью и одобрением отца, а возможно, и всего мира. Ибо отрицательное или дефективное отношение мальчика к отцу неизбежно затрудняет развитие мужских достоинств в нем, и он рискует остаться «маменькиным сынком». Если девочка ощущает нелюбовь со стороны матери, то она сосредоточится на отце и разовьет в себе мужские качества, характерные для анимуса. Она может сделать карьеру в мире, а в более серьезных случаях, когда причиненный ущерб значительнее, может стать своевольной и озлобленной женщиной, внешне самоуверенной и властной, а в душе страдающей от чувства неполноценности и неуверенности в женских делах. Она не может себе представить, что будет привлекательной для мужчин и вполне возможно, что мужчины действительно сторонятся ее, отпугиваемые ее острым и злым языком.

В легенде Литиерс гордился своей силой и, тем не менее, вынужден был убеждать и себя и мир повторными победами. Обычно в период жатвы он завлекал какого-нибудь незнакомца на пшеничное поле и предлагал соревнование: кто больше выжнет. Соревнования такого рода до сих пор устраиваются во многих местностях. Однако, если сегодня это просто игра, в древние времена и в легенде к этим состязаниям относились серьезнее, ибо они могли заканчиваться зловеще. Литиерс, человек с непомерным аппетитом, всегда выигрывал. После чего он увязывал своего соперника в сноп пшеницы и обезглавливал.

Эта легенда, должно быть, относится к началу сельскохозяйственной стадии цивилизации, когда человек научился выращи-

вать урожай, но управлять своим аппетитом еще не умел. Его инстинкт был компульсивен и ни в коей мере не подвергался контролю или модификации со стороны разума. Пробуждаясь, инстинкт завладевал всем полем сознания. Никаких других соображений не существовало; для человека на этой стадии психологического развития, когда инстинкт побуждает к действию, все иное забывается. Именно это инстинктивное свойство и представляет Литиерс. Он — естественный человек, сильный, здоровый и гордый. Легенда гласит, что вплоть до встречи с Геркулесом никто не смог одолеть его. Приглашенный помочь в жатве незнакомец представляет собой новую позицию, аспект, который начал развиваться в людях того времени — зачаток самодисциплины. Однако этот новый человек все еще не знаком с проблемами, которые появились с возделыванием полей и выращиванием урожая. У него есть голова, это верно; он стал думать, осознавать закон причины и следствия, как говорят буддисты¹⁷, но голова еще не очень прочно сидит на плечах, ибо соревнование всегда выигрывает Литиерс (внутренний инстинктивный человек), а незнакомец (новое осознание в человеке) теряет голову. Аппетит побеждает, и урожай, вероятно, съедается во время пиршества. Прежде чем снова наступит пора сева, в деревне начнется голод.

Эта повторяющаяся борьба, очевидно, долгое время продолжалась без особых изменений. Затем на сцене появился Геркулес и, увидев, в насколько затруднительном положении находится деревня, решил жать вместе с Литиерсом. Он вышел на поле и вызвался участвовать в соревновании. Соперники жали бок о бок, и произошло нечто ранее никогда не виданное. Геркулес обогнал Литиерса и выиграл. Затем он завязал Литиерса в сноп, что так часто проделывал сам Литиерс с другими, убил его, а тело выбросил в реку. То есть инстинктивный фактор был возвращен в глубины бессознательного, аналогично тому, как сегодня жадность чаще подавляется, чем трансформируется. С тех пор во Фригии во время сбора урожая ежегодно проводился ритуал, в основу которого был положен этот удачный исход противостояния. Незнакомца, случайно проходившего мимо полей, с которых убирали урожай, жнецы принимали за воплощение духа зерна, хватали, обвязывали снопами и обезглавливали. Очевидно, Литиерс выступает не только духом зерна, но и духом жадности. Он олицетворяет ненасытный аппетит, неподвласт-

тный никакому обычному сдерживанию. Однако от этого аспекта духа зерна следует избавиться, для того чтобы человек смог наслаждаться достатком круглый год. Поначалу сознание слишком слабо, чтобы просветить слепой инстинкт, побуждающий человека есть до тех пор, пока остается какая-либо еда: по сравнению с силой требований желудка, влияние головы слишком ничтожно. Но в конце концов появляется Геркулес, солнечный герой, способный усмирить тиранствующий аппетит. Ибо он представляет божественную или полубожественную искру сознания, солнце в человеке, позволяющее ему предпринять усилие, необходимое для преодоления векового господства биологического влечения. Таким образом, осуществляется следующий шаг в процессе трансформации инстинкта.

Эта борьба с негативным аспектом духа зерна видна и в обычаях изгнания «старика» или «старухи» перед севом зерна. Эти обряды ранее были широко распространены в Германии, Норвегии, Лотарингии, Тироле и некоторых районах Англии. Идея заключается в том, что за зиму дух зерна ослабевает и дряхлеет; он может обеспечить лишь слабый рост новой пшеницы — а возможно, вследствие долгого зимнего поста, он из духа еды фактически превращается в дух голода. В славянских странах эту старуху называют Смертью, а проводимый перед первым севом обряд — «изгнанием смерти». Это напоминает нам о привычном представлении смерти в виде скелета с косой. Возможно, первоначально это было изображение жнеца, который, подобно Лити-ерсу, съедал весь урожай и таким образом приносил голод и смерть. Позднее этот образ стал представлять смерть независимо от ее причины. Аллегорическая интерпретация фигуры смерти как жницы людей, падающих под ее косой, подобно полевой траве, очевидно, является более поздней концепцией.

Этот старик, которого необходимо изгнать, равнозначен волку из обсуждавшихся выше верований. Он часто уравнивается «юношей», который, подобно Персефоне, символизирует молодую пшеницу. Например, в древние времена в Риме существовал обычай: 14-го марта — в ночь перед полной луной, отмечавшей начало сева — прогонять старого Марса, *Mamurius Veturius*. Марс был не только богом войны, но и духом растительности. В этой Церемонии к старому Марсу относились как к козлу отпущения и прогоняли его на территорию врага. Интересно отметить двойственный аспект Марса. Со своей положительной стороны он вые-

тупает духом растительности и дает название весеннему месяцу марту. Его зодиакальным домом служит Телец, ассоциируемый с месяцем изобилия. Но в своем отрицательном аспекте он является богом войны. Большинство войн в конечном итоге развязываются из-за пищи, плодородных земель или их современных эквивалентов: в корне своем причина всех войн — недостаток еды. Кроме того, гнев Марса — слепая ярость, овладевающая человеком в такой мере, что он теряет всякий рассудок — как правило, обусловлен фрустрацией одного из основных инстинктов; он представляет вторую фазу инстинкта самосохранения, а именно, импульс защиты от врагов. Постепенному развитию инстинкта голода способствовали **два фактора**: влияние людей друг на друга (социальный фактор) и убеждение человека в сверхъестественном происхождении всего того, что ему непонятно в природе. Сперва этот сверхъестественный элемент объяснялся как *мана* существа, предмета или человека; но постепенно действие *ман* стали рассматривать как проистекающее от сверхъестественных существ, богов или демонов, управляющих миром, хорошего расположения которых необходимо добиваться для того, чтобы выжить. Мы не знаем истоков социальных и религиозных факторов, формировавших психологическое и культурное развитие. Они появились задолго до того, как человек начал обрабатывать землю и двигали эволюцию инстинкта одновременно в двух направлениях, имеющих отличные конечные цели. С одной стороны, отношение человека к своему собрату сдерживало его инстинктивный эгоизм; с другой — он понимал, что несмотря на сознательную волю, важную для обеспечения безопасности в мире, перед лицом неуправляемых сил природы она все же оставалась беспомощной. В связи с этим становление отношения к этим силам выразилось в позиции, которая столетиями известна как религиозная. Когда место собирательства и охоты заняло сельское хозяйство, человек стал жить более многочисленными группами. Для облегчения защиты полей и домашних животных организовывались постоянные поселения. В результате человеческие взаимоотношения стали играть намного большую роль в жизни каждого индивида. Вдобавок, возделывание полей и сбор урожая как общественные мероприятия были успешными, и значение проблем взаимоотношения опять же возросло. Это привело к возник-

новению обычаев, предназначенных сдерживать инстинктивную жадность человека. Растущее человеческое эго с его стремлением владеть и управлять необходимо было контролировать различными социальными санкциями и запретами. По сей день большинство наших правил хорошего тона основываются на необходимости сдерживать собственный эгоизм и себялюбие: например, согласно культуре застолья, прежде чем приняться за еду, следует убедиться в том, что другим достались лучшие куски, и т.д. Многовековое следование правилам настолько развило дисциплину и контроль над инстинктами голода и самосохранения, что они стали «второй натурой» для всех цивилизованных людей. По большей части такое сдерживание оказывается действенным и устойчивым, если сознательная адаптация индивида или группы внезапно не подвергается сильному давлению. В этом случае примитивный инстинкт может вырваться на передний план и мгновенно сокрушить все то, что цивилизация большой ценой выстроила за века.

Кажется, что если бы других средств обуздания инстинкта не существовало, повторяющиеся откаты к варварству были бы неизбежными. Однако с самого начала действовал еще и второй фактор, а именно: представление человека о том, что его пища исходит от богов и что запас продовольствия лишь в незначительной мере зависит от него самого. Это, по крайней мере, давало надежду, что по воле богов в человеческой сущности может произойти реальная перемена. Ибо именно религиозные обряды впервые научили человека преодолевать свою инертность, а в результате поклонения духу зерна, а позднее богу или богине урожая, помогли высвободить энергию, замкнутую на немедленном удовлетворении инстинкта. Добившись этого высвобождения, человек стал творчески подходить к божеству, на которое переключилось освободившееся либидо. Религиозные обряды стали более сложными и содержательными, а храмы и образы богов — более прекрасными. Под влиянием религиозной установки проявляющееся в инстинктах либидо претерпело перемену. Оно перестало быть привязанным к психике и постепенно перешло к ней на службу. С самого начала человек крайне болезненно ощущал свою беспомощность перед лицом природы и полагал, что для получения хорошего урожая следует угодить богам. То, что он считал необходимым сделать для умиловления богов, не было продиктовано разумом или сознательно продуманно, и не основыва-

лось на наблюдении реальных условий, способствующих выращиванию урожая. Это ему подсказывала собственная интуиция или провидцы и жрецы, обладавшие особым знанием в таких вопросах.

Иногда эти обряды были просто фантастичными и, с нашей точки зрения, абсолютно бесполезными. Но удивительно, что часто они приводили к деятельности, расширяющей границы человеческого познания и увеличивающей продуктивность полей. Следует лишь вспомнить изобретение календаря, основанного на знаниях, обретенных благодаря поклонению луне как богине плодородия. Осирис, например, был не только богом луны, но и учителем земледелия. В то время как некоторые из ритуалов имели практическую сельскохозяйственную ценность, другие, несомненно, не обладали вовсе никакой. Но все они оказывали дополнительное, крайне важное действие: усиливали дисциплину и контроль над инстинктом, давали человеку определенную свободу действия, свободу от компульсивной слепой внутренней жизненной силы.

Религиозные обряды и народные обычаи, связанные с удовлетворением голода, появились спонтанно. Они не были задуманы намеренно, а зародились сами по себе, как наивные выражения инстинктивного представления человека о «природе вещей». Это означает, что в своих действиях, связанных с магией, человек лишь следовал интуитивному пониманию древних, архетипическим образам, возникающим в бессознательном¹⁸. Поэтому фактически эти обычаи связаны не с божеством или демоном, обитающим в пшенице, и даже не с живым духом зерна, как полагали их зачинатели, а с неизвестным фактором в рамках психики человека. Однако в связи с тем, что сам человек совершенно об этом не подозревал, бессознательное содержание, активированное необходимостью сделать что-то в связи с потребностью в пище, проецировалось на внешнюю ситуацию, где воспринималось как зародившееся во внешнем мире. Чтобы человек научился преодолевать регрессивные тенденции и инертность и мог прогрессировать не только в сельскохозяйственной науке, но и в психологическом развитии, он должен был отыскать способ прийти к согласию с этим неизвестным демоническим фактором.

Считалось, что **религиозные церемонии** и магические обряды, задуманные с целью увеличения урожая, оказывают влияние на богов, существующих независимо от человека: их гнев усмирял-

ся, преодолевалось их безразличие, пробуждался интерес и вызывалась благосклонность. Только спустя многие столетия в человеческом сознании созрела идея: его магия не оказывает никакого реального воздействия на порядок вещей во внешнем мире, а влияет на демоническую силу, проистекающую из глубин его собственной психики. Молитвы богам затрагивают внутреннюю установку просителя и возникающая в результате перемена его собственной позиции может, в свою очередь, изменить облик мира и ход событий. Но эта «вера», так же как и атеизм, ее неизбежный предшественник, и то, и другое — это продукты психологического инсайта, обретаемого лишь на значительно более поздней стадии исторического развития.

Две тенденции, одна — в направлении научного понимания мира, а другая — в направлении психической эволюции самого человека, развивались бок о бок. Однако постепенно они разошлись. Первая дала начало современной науке; вторая оставалась исключительно прерогативой религии. Современная психология, разъясняя психологические явления, обеспечила мостик между этими двумя противоположными взглядами. Нуминозные переживания — основа метафизической догмы — сейчас объясняются как обусловленные проекцией психических явлений. С таким пониманием они могут быть признаны как действительные. В результате их можно будет полностью отделить от внешних событий и изучать последние объективно.

Таким образом осуществилось постепенное изменение точки зрения. Демонический фактор, рассматриваемый теперь как выражение инстинктивного побуждения человека, проецировался на объект, ибо человек недостаточно осознавал его существование в самом себе. Едва ли стоит говорить, что процесс освобождения человека от своих внутренних компульсивных влечений до сих пор находится только на начальной стадии. У различных индивидов этот процесс существенно варьирует. Одни едва распознают субъективный фактор в своей страстной любви и ненависти, тогда как другие, хотя их и немного, осознают его в большей мере и потому более независимы от компульсивных затруднительных положений.

Когда внутренней движущей силой человека был просто биологический инстинкт, его заботило немедленное удовлетворение аппетита. Но в результате модификации инстинкта голода вследствие расширения сознания произошло две вещи: во-первых, че-

ловек благодаря самодисциплине и напряженному труду получил возможность контролировать запас пищи; во-вторых, он стал осознавать стремление, не облегчаемое удовлетворением физического голода. Пшеница превратилась просто в растение, подвластное законам природы: она больше не обладала жизненным духом, не ассоциировалась с демоном или богом. Но настоятельная потребность воссоединиться с присущей прежде пшенице невидимой потенцией осталась. Собственный дух человека стремился к единению с тем жизненным духом, который одухотворяет всю природу. Так человек осознал, что ритуальные действия, необходимость которых ощущали его предки, не были бессмыслицей, а представляли субъективные импульсы большого значения. Он начал понимать, что истинный смысл мифов и обрядов можно постичь только при их символическом рассмотрении.

Это не одно и то же, что метафорическая интерпретация. Метафора — это замена одного фактора другим. Вытеснение реального жертвоприношения символической человеческой фигуркой из теста могло произойти потому, что человеческое жертвоприношение стало отвратительным для более цивилизованной эпохи. В таком случае это можно назвать метафорическим использованием неодушевленного объекта вместо одушевленного. Такая замена не является символом в строгом смысле слова. Но если ощущение таинства, незримой силы, нумена, ранее свойственное ритуальному съедению зернового человека, остается, — хотя сейчас оно выражается необычным и незнакомым чувством духовного единства с Богом, осуществляемого в форме реальной трапезы, когда, съев пшеничный корж, человек объединяется с Богом, — то это переживание является символическим. Ибо если ясно осознается, что сама пшеница не является божеством, что дух, скрытая в зерне потенциальная способность к росту, также не является Богом, и что Бог — это нечто их превосходящее, но тем не менее некоторым образом представляемое или изображаемое ими, и если физическое действие принятия пищи распознается только как аналогия духовному акту слияния, действу, которое не может быть лучше представлено сознанию иначе, то мы вынуждены сказать, что это действие и эти объекты являются символами, «наилучшим из возможных описанием, или формулой, сравнительно неизвестного факта».

Эти знания вызвали постепенную перемену в человеческом отношении к демонической или нуминозной силе инстинктов. Тем

временем соответствующее изменение стало очевидным и в обычаях. На смену ритуалам, связанным с сохранением положительного аспекта духа зерна или с преодолением его отрицательного аспекта, пришел обычай посвящения первой, лучшей части урожая духу зерна. Этот дух или демон теперь рассматривался в более общей форме как бог урожая. Идея бога урожая одновременно более абстрактна и более личностна. Вместилищем *маны* служит уже не фактический колос пшеницы; его сменил урожай в целом. Одновременно дух становится более персонифицированным; начинает обретать форму реальное божество. Ему, или ей, подносят пшеницу, дарованную человеку. Обычно первые плоды, сменившие жертвенного пшеничного человека прежних времен, не съедались, а посвящались богу урожая.

Из этого ритуала возник другой, даже более содержательный. Человек начал вкушать пищу, подносимую богам, но не для удовлетворения собственного голода, а для того чтобы сблизиться со своим богом. Так как пшеница или другая еда считалась фактическим телом бога, дух которого заставлял зерно расти, то ритуальная трапеза в действительности была причащением реальным телом божества; считалось, что таким образом человеческое естество обогащается добавлением божественной субстанции. Там, где предполагалось, что дух зерна обитает в человеке, уже была заложена скрытая потенциальная возможность этого перехода. Ибо когда человека, воплощавшего дух зерна, убивали и съедали (как это было в древней Мексике), считалось, что его дух — олицетворяемый им дух или жизненная сила зерна — впитывается участниками трапезы. Этой пище приписывали удивительные животворные свойства. Она могла исцелять больных и даже воскрешать мертвых, а вкусившие ее — не будут испытывать голода годами.

Обычаи такого рода многочисленны и широко распространены. Они варьируют от едва понятных ритуалов до обрядов очень сходного содержания, ставших крайне важными и содержательными церемониями высокоразвитых религий, в которых подтекст приобщения к Богу и мистического возрождения посредством священной трапезы пришел на смену древним ожиданиям магического действия.

Католическая месса во многом напоминает эти ранние трапезы в честь сбора урожая. Предполагается, что облатка ритуальным действием священника превращается в подлинную плоть

Христа. Таинство мессы, основывающееся на обычаях и верованиях глубокой древности, пробуждает в человеке отклик, ибо взывает непосредственно к бессознательному и воздействует на область, не подконтрольную сознанию. Человек, для которого этот символ продолжает жить, через участие в ритуале ощущает себя действительно переродившимся. Там, где таинство способно затронуть глубины человеческой души, оно может оказать и трансформирующее влияние на бессознательное человека. Но с развитием рационального мышления эта способность ослабла. Психологические позиции средневекового человека больше не имеют широкого распространения, и в результате большинство интеллигентных людей оказываются совершенно неспособны принять иррациональный характер символического явления. Современный человек стремится охватить сознательным разумом всю жизнь и обнаруживает, что иррациональная жизненная сила не преодолена, а лишь отступила в бессознательное, и из этой скрытой твердыни оказывает мощное, часто губительное влияние на его жизнь. Сила примитивной алчности человека прорывается в захватнических войнах и проявляется в безнравственных деловых поступках, тогда как исключительная занятость внешними удовольствиями приводит к тому, что его душа изнемогает от голода. Ибо человек не может жить удовлетворенным, не может ощущать себя единым целым, если он не пребывает в гармонии с бессознательными корнями своего естества. Но как же он может быть заодно с самим собой, если в его бессознательном продолжают властвовать первобытные импульсы неукротенного инстинкта? Все это происходит потому, что поддерживаемые нами идеалы не отображают истину в отношении человечества, а олицетворяемые ими надежды мира и прогресса постоянно ускользают от нас. Тем не менее, мы боимся признать этот очевидный факт и ослабить наши усилия по самосовершенствованию, дабы снова не погрузиться в хаос и варварство.

Возможно, нам не следует бояться. Ибо в конечном счете первоначальный импульс к психологическому развитию и эволюции сознания пришел не от сознательного эго (которое является результатом, а не первопричиной развития), а из внутренних бессознательных источников жизни человека. Поэтому неудивительно, что его возрождение тоже следует искать в бессознательном, где жизненные процессы проявляются сейчас, как и на протяжении всей истории человечества, в символической форме. С по-

мощью изучения этой малоизвестной части человеческой психики можно распознать и понять символы, самопроизвольно всплывающие из сокровеннейших глубин естества индивида в сновидении или фантазии. Таким способом человека можно примирить с его другой стороной, потому что символы сновидения лично для него имеют такую же ценность, как организованные символы религиозного ритуала для его предков.

Сосредоточенная работа и внимание, уделяемое сновидениям, оказывает глубокое влияние на внутренние примитивные импульсы. Ибо сами символы воспроизводят древнюю, постоянно возобновляющуюся драму духовного возрождения или трансформации. Когда современный человек переживет эту внутреннюю драму, правильно ее поймет и надлежащим образомотреагирует на нее, он сможет достичь психического здоровья и внутренней зрелости точно так же, как их обретали предшественники посредством эмоционального соучастия в символической драме религиозного ритуала.

1. C.G. Jung, «Psychological Factors Determining Human Behaviour» (C.W. 8), pp. 117 ff.
2. Этот процесс Юнг называет «психизацией» (см. выше, с. 30—33).
3. J.G. Frazer, *The Golden Bough*, pp. 522ff. [Рус. пер.: Фрэзер Дж. Золотая ветвь. — М.: Политиздат, 1980. — 832 с. и Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Дополнительный том. — М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 1998, — 464 с]
4. Ibid., pp. 393ff.
5. Ibid., p. 412.
6. *Liknon* — корзина для провеивания зерна, использовавшаяся в качестве колыбели для маленького Диониса, сына Деметры.
7. Hippolytus, *Philosophumena*, пер. Legge, I, 138.
8. В отношении более подробного описания этих ритуалов см. J. Harrison, *Prolegomena to the Study of Greek Religion*, p. 549 и Frazer, *The Golden Bough*, pp. 142f.
9. Harrison, *op. tit.*, pp. 126, 547, illus.
10. Frazer, *op. tit.*, pp. 469f.
11. См. Harrison, *op. cit.*, p. 540.
12. Frazer, *op. tit.*, pp. 431ff.
13. Ibid., p. 482.
14. См. выше, с. 46.
15. См. Kabloona, pp. 90—91.
16. Frazer, *op. cit.*, p. 425.

М.Э. Хардинг

17. См. выше, с. 45—46.

18. Источник этих образов нам неизвестен, но Юнг отметил, что сходство обычаев и идей, возникших в ходе столетий в разных уголках мира и встречающихся в сновидениях и фантазиях современного человека, указывает на общий субстрат в психике, на универсальный паттерн психического переживания и поведения, соответствующий инстинктивным образцам, которые обуславливают физические реакции каждого. Элементы этого психического паттерна он называет архетипами: и точно так же, как инстинкты проявляются в типичных физических реакциях, так и архетипы проявляются в типичных психических формах, архетипических образах. В последние годы теория Юнга получила существенное подтверждение благодаря наблюдениям ученых в смежных областях. В этом же направлении указывают, например, работа Брейна (Brain) по изучению функционирования мозга и наблюдения таких биологов и исследователей психологии животных, как Элли (Allee), Портманн (Portmann), Лоренц и др.

19. См. Jung, *Psychological Types*, p. 473, где подробно обсуждается это различие.

САМОЗАЩИТА

Вражда и дружба

Существует довольно широко распространенное в нынешнем столетии заблуждение, что жизнь нам что-то должна. Нам кажется, что мы «можем ожидать» от жизни определенные вещи — как если бы она была некоторого рода сверхматерью. Например, говорится, что каждый имеет право на минимальный прожиточный уровень, хорошее образование или даже здоровье, тогда как народы заявляют, что они заслуживают «места под солнцем» или *Lebensraum*, как оно называлось в 1914 г. Каким-то необъяснимым образом мы считаем эти условия надлежащими, забывая, что большинство из них должны быть созданы собственными усилиями человека. Минутное размышление, несомненно, убедит нас в том, что такая позиция разума основывается на иллюзии. Чтобы понять ее абсурдность, следует лишь вспомнить о первозданных условиях жизни. У первых животных организмов, оказавшихся в мире, уже населенном растительной жизнью, не было ни матери, ни могучего государства, которые бы регулировали условия их существования. Старшее поколение перед лицом неумолимых окружающих условий было таким же незащищенным, как и молодое. Предшественники животной жизни, растения, развивались, приспосабливаясь к изменяющимся условиям климата и почвы по мере того, как последние действительно менялись в различных регионах мира, и мы не можем себе представить, что растение-мать было способно обеспечить своему потомству шанс выжить. Семя, упавшее в неблагоприятное место, не может предположить, что ему отказано в его правах, или заявить, что жизнь обязана предоставить ему лучшие условия для выживания и роста. Тогда почему человек дела-

ет такое иррациональное предположение? Животные формы, сумевшие адаптироваться к условиям, в которых они оказались, выжили; не сумевшие — погибли. Если местность неблагоприятна, растение ничего не может сделать; его рост останавливается и в конце концов, если условия не улучшаются, оно погибает. Но животные научились покидать неблагоприятные районы в поисках мест, более удовлетворяющих их потребностям. На такое развития потребовались тысячелетия. Тем временем животные осваивали новые способы адаптации к изменяющимся условиям. Этого они добивались не прямым изменением своего окружения, а развитием новых способностей. Способность к независимому передвижению привела к множеству революционных перемен в структуре тел. У них появились легкие, что дало возможность дышать воздухом, жить на суше и не быть привязанными к воде. У них развились зубы, конечности, нового типа пищеварительные и репродуктивные органы. Все это — лишь немногие радикальные изменения, увеличившие способность живых форм к распространению на земле. В течение многих тысячелетий все новые возможности, завоеванные животным царством, обретались вследствие физической адаптации самого организма. Они были достигнуты задолго до того, как революционная идея изменения условий жизни впервые осенила разум, который к тому времени уже следует рассматривать как человеческий. До этого момента выживание организма полностью зависело от инстинкта самосохранения, который с развитием самих организмов все более усложнялся. В попытке изменить окружение все большую роль стало играть согласованное усилие со стороны развивающихся единиц. Естественная общительность человека способствовала продвижению вперед, которое существенно увеличивало его власть над природой, но в то же время угрожало независимому развитию индивида. Ибо группа обладала силой, которой индивид не имел. В результате индивид все чаще и чаще смотрел на группу как на всемогущего кормилица и защитника, как на объединение, которое «должно» заботиться о своих членах. Группа или племя стали сущностью, в которой полностью сливались индивидуальности отдельных людей. Выживанию живого организма угрожает не только отсутствие пищи, но и многое другое. Опасности можно грубо разделить на три категории: угроза со стороны природных стихий; опасность

травмы или заболевания и угроза, исходящая от врагов. Детальное рассмотрение всех этих категорий потребует описания истории человеческой культуры, далеко выходящего за границы возможностей настоящей книги. Поскольку основной ее темой является психологическая проблема, вставшая перед человеком при попытке согласовать сознательное эго с собственными компульсивными влечениями, то наш главный интерес будет замыкаться на опасности, исходящей от врагов, обусловленных агрессивными склонностями человека.

Инстинкт самосохранения оказал положительное влияние на человеческое общество, ибо благоприятствовал развитию взаимоотношений между людьми. Индивидуальная жизнь, несомненно, защищена лучше, если группы людей объединяются для взаимопомощи. В таких группах легко завязывается дружба. Поэтому именно в области отношения человека к своему собрату можно проследить как самый ценный, так и самый деструктивный аспекты этого инстинкта. Здесь превратности усилий человека обуздать и приручить компульсивные инстинктивные реакции можно видеть на протяжении столетий. Движение к цивилизации никоим образом не является стабильным продвижением вперед. Усилия многих веков и лет, посвященные укрощению и психической модификации инстинктов, снова и снова сметались в коллективном неистовстве, ярости или безумии, овладевавших человечеством с регулярностью, способной заставить человека отчаяться обуздать и смирить демоническую силу.

Как это ни парадоксально, но инстинкт самосохранения, подобно голоду, наделенному особой энергией и компульсивной движущей силой, ответственен за некоторые из самых неуправляемых и разрушительных волнений в анналах истории. Время от времени значительные регионы земли опустошались по причине голода или наводнений; эпидемии также наносили тяжелый, иногда ужасающий урон жизни. В таких ситуациях люди инстинктивно объединялись против общего врага. Но когда человек выступает против человека, то кажется будто нет предела дьявольской изощренности, с какой он приводит к гибели не только собрата, но и человечество в целом. Война остается величайшим злом человечества. Просьба царя Давида, чтобы наказанием за его прегрешение были голод или чума, но не поражение в войне, отражает разумный выбор. Он заявлял: «Лучше отдаться на милость Господа, чем попасть в руки человека».

Действующий в человеке механизм самосохранения, оберегающий его жизнь от тысячи опасностей, до сих пор остается по преимуществу бессознательным. Меры, предпринимаемые человеком для самозащиты, лишь в небольшой степени находятся под его управлением или контролем. Чисто физические рефлексy, обеспечивающие благополучие, редко проникают за порог сознания, но их непрерывное бдение продолжается даже во время сна. Желудок человека изрыгает отраву, когда он даже не догадывается, что проглотил ее; глаз моргает, избегая попадания столь маленькой соринки, что человек даже не замечает ее. Число бессознательных механизмов и рефлексов, ежедневно оберегающих человека от физических повреждений, почти бесконечно.

Другие защитные реакции менее бессознательны, а потому менее автоматичны. Они подвержены психической модификации благодаря контролю сознания. Однако реакция, оказавшаяся под сознательным контролем, может снова вернуться в бессознательное, если порог сознания понизится. Обычно вполне кроткая домашняя собака может зарычать и укусить, если ее потревожить во время сна. Ибо во сне ею снова овладевают примитивные инстинкты, и она действует рефлексивно. Многие люди демонстрируют аналогичную регрессию к более примитивному состоянию, когда их сознательный контроль ослаблен усталостью, болезнью или каким-нибудь химическим препаратом (прекрасным примером служит действие алкоголя). То же самое может происходить, когда индивид охвачен сильной эмоцией или при подавлении сознания наплывом бессознательного материала, заполняющего психику. При таких обстоятельствах индивид также может реагировать на опасность, реальную или воображаемую, автоматической или компульсивной реакцией, почти чисто рефлексивной по характеру и не принимающей во внимание реальной ситуации.

Однако, когда автоматическая реакция претупает порог сознания, она подпадает под контроль индивида и частично утрачивает свой автоматизм. Инстинктивный механизм, прежде определявший ее запуск, попадает под модифицирующее влияние моральных, социальных и религиозных факторов, и начинается процесс трансформации инстинкта. На этот процесс огромное влияние оказала склонность представителей рода человеческого объединяться в группы с целью взаимной защиты и добывания пищи. Однако эти преимущества омрачались недостатками, ибо появилось множество благоприятных возможностей для краж,

результатом которых являлись ссоры. Таким образом, развитие инстинкта самосохранения сыграло очень большую роль в проблеме человеческих взаимоотношений. В действительности именно на основании вытекающих из этого инстинкта мотиваций человек классифицирует всех людей как врагов или друзей. Естественным оружием, — зубами, когтями и проворством — с помощью которого одиночное животное обычно может одолеть свою жертву или защитить себя от всего того, что угрожает ему или причиняет боль, человек пожертвовал в интересах сугубо человеческих качеств. В результате враги человека зачастую оказывались слишком сильными, чтобы он мог встретиться с ними один на один, особенно, если имелись дети, требующие защиты и кормления¹. Союзы между отдельными индивидами или семьями и между группами людей обеспечивали взаимную помощь при нападении и защите. В этом движении к становлению социальной жизни уже поразительно очевидна модификация инстинкта; ибо если бы он не претерпел некоторой трансформации, примитивные объединения распались бы вследствие междоусобных ссор. Люди, жившие в устойчивых группах, должны были научиться терпимо относиться друг к другу и сдерживать свои инстинктивные реакции. Кроме того, они должны были научиться сотрудничать и принимать беду одного человека как затрагивающую всю общину. Необходимо было каким-то образом утвердительно ответить на вопрос Каина: «Разве я сторож брату моему?»

С течением столетий человек обрел определенную независимость от своей апатии, достаточную для того, чтобы по собственному усмотрению принимать участие в групповом действии. Ущерб мог стать реальным, даже если лично он не страдал от него. Затем он научился запоминать прошлые события и в дальнейшем мог поступать по собственной инициативе и выбору, а не зависеть от раздражителей опасности или фактического повреждения. Тем не менее, у многих примитивных племен даже сегодня эта способность находится в зачаточном состоянии. Довольно часто мобилизация племени для выхода на тропу войны требует пантомимических танцев и постановок, даже несмотря на недавний и серьезный характер вражеских набегов. Для человека примитивной культуры, с его затуманенным сознанием, легче забыть жену, захваченную соседним племенем, или любимого ребенка, убитого волком, чем преодолеть собственную инертность. Он просто не в силах осознать — то есть, «сделать

реальной» для себя — подлость врага, причинившего ему боль. Как только пантомима сделала ее реальной, он уже не может удержаться от мщения, как раньше был не в силах сбросить оковы безразличия и летаргии.

В подобных ситуациях, большая часть племени, рядовые члены, полностью зависимы от инстинкта самосохранения. Однако может найтись один человек, поборовший свою инертность и бессознательность. Искра сознания уже зажглась у знахаря либо вождя, которые призывают к танцу или собственной пляской побуждают других к действию. У них психическая модификация инстинкта прогрессировала дальше, и благодаря этому развитию действия рядового члена племени направляются в русло укрепления группового союза. Благодаря своему более высокому психологическому развитию и ясному сознанию такие люди становятся лидерами.

Согласованное действие отмщения за причиненное зло, особенно в Ситуации, не требующей немедленного внимания всей группы, подразумевает зарождение дружбы и преданности группе. Таким образом, вражда становится стимулом для формирования дружеских отношений. Дружба, развивающаяся в общине, которой угрожает общий враг, будь то голод или агрессивный сосед, основывается на идентификации членов группы с группой в целом. Группа реагирует как организационная единица: отдельный ее член уже больше не является обособленной сущностью, а слит с другими, и ценности группы становятся его ценностями. Одна овца в отаре очень похожа на всех остальных, как внешне, так и по своему поведению. Точно так же примитивное племя, гражданский клуб, религиозная секта и политическая партия состоят из ряда личностей, значение которых определяется группой, а не их индивидуальными специфическими качествами. Там, где солидарность племени существенно необходима для выживания, для идентификации индивида с группой используются специальные приемы. По своему значению это прежде всего инициации в период наступления половой зрелости, во время которых, парней и юношей посвящают в секреты племени, после чего они становятся полноправными его членами. Испытания, через которые они должны пройти, также имеют своей целью разорвать их детскую зависимость от своих семей, предлагая взамен привязанность к группе как стоящую выше родства. Обряды, исполняемые в тяжелые времена, когда поселение находится в

опасности, укрепляют узы членства и чувство племенной солидарности.

Идентификация с группой имеет вполне очевидные достоинства, но она несет с собой и некоторые недостатки. Так, единственные в своем роде качества индивида в группе неизбежно игнорируются или строго подавляются. Неминуемым результатом этого является торможение внутренней способности индивида проявлять инициативу и полная зависимость от группы в отношении поддержки, защиты и, еще в большей мере, морального руководства.

Естественно, идентификация индивида с группой и ее членами редко, если вообще когда-либо, бывает полной. Даже среди овец в отаре существуют индивидуальные различия; некоторые из них чем-то выделяются на фоне своих собратьев, и такие отличия обычно порождают конфликт. Мы даже называем бунтовщика «паршивой овцой». Те, кто жаждет конформизма, пытаются навязать его индивидуалистам, а последние, в свою очередь, борются за собственную независимость. Вследствие этой борьбы (возможно, не меж овец, а среди людей — наверняка) происходит дальнейшее обособление индивида от группы. Если один такой бунтарь объединится с другими, придерживающимися тех же убеждений, образуется вторичная группа. Этот процесс имеет склонность повторяться до тех пор, пока некоторые, не находя понимания у остальных, не отваживаются выступить в одиночку.

В ходе этого процесса более четко выступают индивидуальные отличия. Человек обнаруживает, что начинает отдаляться от других, даже от тех, кто во многих отношениях похож на него. Обособление может даже стать самоцелью, хотя часто и бессознательной. Такой мотив обычно стоит за бунтарством юности и склонностью спорить у взрослых, многие из которых вступают в дискуссию просто для того, чтобы высказать собственную, отличную точку зрения, а не для того, чтобы убедить своих оппонентов или чему-либо научиться у них. Сходная потребность в разъяснении может мотивировать индивида, вступающего в спор не по поводу идей, а по поводу действия или позиции, затрагивающих его эмоционально, хотя он может совершенно не осознавать природы своего бессознательного мотива — а именно, побуждения обособиться от кого-то, кто слишком близок к нему или оказывает на него слишком сильное влияние. Цель — найти себя, собственную уникальность.

В современные времена акцент на эго и его обособленность привел к индивидуализму, ошибочно принимаемому за индивидуальность и повлекшему за собой значительное ослабление уз, связывающих человека с соплеменниками. Этой ложной обособленности всегда бросается вызов, когда группа или нация вступает в войну: тогда она отмечает, что индивиды снова должны слиться в коллективное единое целое, воссозданное для достижения общей цели. Каждый человек сближается с другими благодаря общим переживаниям, страданиям и жертвам. Результатом является глубокое, доставляющее удовлетворение ощущение единства. В своей преданности группе и делу, выходящему за рамки личных амбиций, даже ничтожный человек может пренебречь заботой о собственной безопасности и комфорте. В этом случае бескорытность, отвага и героизм занимают место себялюбия и эгоизма.

Таким образом, примитивный инстинкт самосохранения, приводящий к враждебности и конфликту, может стать движущей силой, позволяющей индивиду порвать детские узы, связывающие его с семьей, и разорвать традиционную связь с группой, в которой он родился. Он может даже помочь ему освободиться от влияния референтной группы, обособиться от нее. Сделав это, человек должен самостоятельно встать перед лицом мира. Эта задача настолько трудна, что совсем неудивительно, когда при встрече с первой же трудностью он стремится назад, к безопасности группы. Если бы вследствие выпустившего его на волю конфликта дверь обратно не оказалась бы закрытой, то его триумф мог стать всего лишь пирровой победой. Но, отделившись в результате конфликта от группы, он не может вернуться, не отказавшись от притязания на собственную индивидуальную точку зрения и не подчинившись закону большинства. Он вынужден нести свой крест дальше.

Можно было бы ожидать, что, оставив всех оппонентов позади, он обретет покой. Ибо рядом уже нет противоречащих ему семьи или группы. Однако он слабо осознает реальную суть проблемы. Верно, что он завоевал право следовать своей собственной дорогой. Но как только между ним и теми, чей контроль он отверг, окажется приличное расстояние, он обнаружит, что в действительности не одинок. В нем просыпается «второе Я». Что-то внутри него начинает озвучивать групповую позицию, которой он так усиленно противостоял. Возникает необходимость снова раз-

решать конфликт, но уже не как внешнее противостояние, а как внутреннее противоречие. Групповой дух присутствует в нем в той же мере, что и в других членах общины, и для того чтобы он смог обрести свою индивидуальность, ему необходимо бороться с этим внутренним коллективным импульсом.

Антуан де Сент-Экзюпери в своем произведении «Ночной полет» описывает внутренние переживания молодого французского летчика во время последних страшных дней Французской кампании. Лишенная иллюзий и несколько пресыщенная позиция студента университета 30-х годов отдаляла того от окружающих. Он был довольно одиноким молодым человеком, ощущавшим себя выше среднего гражданина. Когда основная часть армии отступила, а его эскадрон остался позади для выполнения никому не нужных разведывательных полетов, все ценности знакомой жизни исчезли.

Эмоциональный горизонт сузился до существования горстки товарищей, которые были отрезаны от остального мира, как если бы находились на другой планете. И в таких условиях герой наконец почувствовал эмоциональное единство с группой.

Эта идентификация заглушила неловкий эгоизм молодого интеллектуала. Впервые в своей жизни он был неотъемлемой частью целого, чего-то большего и более значительного, чем он сам. Его цинизм рассеялся. Он обнаружил, что любит этих людей и к своему немалому удивлению понял, что его, как никогда ранее, принимают за своего, и не только друзья, но и семья простого фермера, у которого он жил. Во время последнего полета он сделал еще один шаг вперед в собственном духовном развитии, так как в эти памятные часы над облаками, наедине с самим собой он увидел, что дух группы лишь служит примером ценностей человечества. В действительности их следует искать не в группе, а в самой сущности каждого человека: именно они делают его человеческим. Это качество представляет собой надличную величину, присущую каждому, но тем не менее не являющуюся ни личностью, ни эго. Скорее, это — искра жизни в человеке, нечто божественное и вместе с тем в высшей степени человеческое. В своем уединенном размышлении, в своем ощущении полного одиночества, которые Сент-Экзюпери передает таким простым и убедительным языком, молодой пилот коснулся восприятия того, что Юнг называет Самостью, центром сознания, выходящего за пределы эго.

Таким образом, оппозиция и мотив самозащиты могут обеспечить импульс, необходимый для осуществления обособления от группы, и привести к открытию уникальности индивида. Тем самым инстинкт самосохранения с его семенами войны и потенциальной возможностью уничтожения всего рода человеческого демонстрирует способность функционирования в новой области, и теперь его сила переключается на поиск высшей ценности в человеческой психике. В результате такого поиска могут быть трансформированы примитивные, первобытные силы, до сих пор спящие тревожным сном за цивилизованной маской современного человека.

Историческая эволюция этого инстинкта проходила через ряд довольно ясно очерченных этапов. Кое-где некоторые индивиды, также как и небольшие группы людей, обретали способность к самоконтролю и разумному действию и тем самым поднимались над общим уровнем почти рефлекторной реакции на опасность или повреждение. Аналогично, большие группы постепенно учились управлять своими реакциями, и постепенно даже целые народы согласились признать некоторую дисциплину и контроль.

Особенно трудной представляется трансформация инстинкта агрессии, возможно, потому, что, в отличие от голода, он неизбежно использует примитивные средства для своего удовлетворения. Во время еды один индивид не обязательно попирает права другого, тогда как борьба, даже в целях самозащиты, включает механизмы как защиты, так и агрессии. Несмотря на это, данный инстинкт претерпел существенную модификацию.

В модификации инстинкта самосохранения участвовали те же самые факторы, что сыграли столь важную роль в укрощении человеческой жадности, а именно: социальная необходимость и религиозные влияния. По мере того, как давление этих двух сил оказывало свое характерное действие, иницирующее и облегчающее психическую модификацию, инстинкт все больше и больше подпадал под контроль сознания. Он стал, или как будто бы стал, менее произвольным и навязчивым. Продвижение вперед было неуверенным и часто замедлялось вспышками примитивных реакций, регрессивная направленность которых снова и снова угрожала уничтожить все, что цивилизация ценой больших усилий отвоевала у неосвоенных пространств бессознательной психики. Повсюду, где люди живут группами, примитивная вспыльчивость и воинственность всегда будет представлять опасность для

жизни группы. Чтобы община не была истреблена междоусобным насилием, необходимо изыскать определенные меры. В этом и состояло главное предназначение постепенно развивающихся социальных ограничений и запретов. В ходе столетий они набирали силу и адаптировались. По мере возрастания численности и усложнения организации группы эти инструменты укреплялись и приобретали престиж. Хотя эти меры привели к тому, что агрессивность в определенной степени действительно была обуздана, инстинкт самосохранения оказался в исключительной степени устойчивым. Развитие взаимной терпимости в группе создало подобие культуры и благоразумия, которые зачастую оказывались в высшей степени обманчивыми. Ибо члены группы, сдерживаемые страхом наказания и неодобрения со стороны своих братьев, на людях могли соблюдать действующие законы и установившиеся обычаи, тогда как в глубине души или даже в поступках наедине с самим собой продолжали руководствоваться старым примитивным инстинктом. Большинство членов группы в психологическом отношении находятся ниже уровня развития, представляемого групповым идеалом и законом, хотя некоторые из них могут стоять и выше коллективного стандарта. Таким образом, нередко существует значительное расхождение между видимым уровнем цивилизации в общине и степенью действительной трансформации инстинкта. Это расхождение между общепринятым поведением и реальностью, скрывающейся за фасадом цивилизации, помимо прочего, маскируется существенным различием в правилах поведения, затрагивающих отношения индивида в собственной общине, с одной стороны, и, регулирующих отношения между различными группами, — с другой. Сдержанность индивида в своей общине обычно развивалась более быстро, и правила, регулирующие его поведение, были более строгими, чем соответствующие законы, определяющие поведение одной группы по отношению к другой. Человек научился уважать права своего брата задолго до того, как признал, что и чужак также обладает какими-то ни было правами. Например, индейцы кроу ранее считали, что воровство лошадей у соседнего племени — это всего лишь развлечение, предаваться которому можно при каждом удобном случае, даже несмотря на то, что в своих деловых отношениях друг с другом они научились быть безупречно честными. Во многих общинах воинственный дух считается высоким моральным достоинством

группы еще долгое время после того, как он отвергается в качестве идеала для индивида. В условиях стресса даже цивилизованные индивиды, как уже отмечалось, часто регрессируют к первобытной манере поведения. Существует множество примеров, иллюстрирующих возврат к насилию и убийству отрезанных от цивилизации и поэтому оказавшихся вне сдерживающего влияния закона и общественного мнения людей.

Следует лишь вспомнить хорошо известную историю о команде корабля, высадившейся на необитаемом острове Питкэрн. Ссоры едва не привели к гибели всех его членов, несмотря на очевидный для всех факт, что большая группа имеет больший шанс выжить. В качестве противопоставления этому служит в равной мере убедительная иллюстрация подлинного внутреннего развития Адамса, человека, который в конечном итоге сплотил и образумил остатки этой несчастливой группы. Даже сегодня обитатели Питкэрна славятся высоким уровнем социальной культуры и поведения, поддерживаемых исключительно их собственной честностью, а не силами полиции. Немалое психологическое значение имеет тот факт, что единственной имевшейся у Адамса книгой, на которой основывалось воспитание как детей, так и взрослых, оказалась Библия, ибо религиозный фактор играет весьма существенную роль в укрощении и модификации инстинкта самосохранения.

На заре человечества, так же как и у младенцев в наше время, реакцией на повреждение является чисто инстинктивный рефлекс; это реакция тела, а не разума или сознательного намерения. Если судить по наблюдениям за животными и детьми, то поначалу эта реакция не сопровождается тем психологическим явлением, которое мы называем ощущением. Но когда инстинкт начинает модифицироваться, рефлекторная реакция меняется на эмоциональную; то есть теперь это физическая реакция с оттенком ощущения.

Ощущение признается как присущее в некоторой степени самому человеку. Физиологическая реакция протекает в человеке, но не воспринимается как «принадлежащая ему самому». Физиологические реакции, имеющие явно эмоциональный характер, могут протекать без какого-либо сопровождающего сознательного ощущения. Когда человека «тошнит от чего-то», или он «выходит из себя», или «чувствует, что у него засосало под ложеч-

кой», — что указывает на отвращение, гнев или страх — иногда возникает впечатление, что все это происходит с кем-то другим. Затем, когда реакции достигают определенной силы, цитадель сознания оказывается покоренной, человека охватывает эмоция, и он вынужден подчиниться ей, хочет того или нет.

У некоторых людей эта одержимость эмоцией может возникать без осознания того, что происходит с ними. В одно мгновение индивид выглядит внешне спокойным и хладнокровным, а в следующее — уже не контролирует себя: в нем говорит и действует эмоция, которую едва ли можно признать как свою собственную. Однако другие осознают вздымающуюся внутреннюю волну эмоции и, хотя полностью контролировать ее не способны, по крайней мере, могут удержаться от совершения непоправимого поступка для поспешного выхода из этой ситуации. В особенности дети, у которых сдерживающие нормы цивилизации еще слабо развиты, почувствовав смутение, бросаются бежать из комнаты, чтобы разобраться во всем в одиночку. В этих случаях эго, сознательное Я, пытается удержать контроль над «вторым Я», той психической силой, что угрожает захватить сознание.

Человек примитивной культуры принимал «второе Я» за бога или демона, вселившегося в него, и мы до сих пор употребляем аналогичные выражения для объяснения этого. Мы говорим: «Он действовал как одержимый», или «Я не знаю, что на него нашло». Мы склонны снисходительно относиться к одержимостям подобного рода, как если бы это были естественные явления, — возможно, неприятные, но неизбежные. Конечно, когда человек сам оказывается жертвой наплыва примитивного либидо, он не считает себя полностью ответственным за свои действия. Именно потеря самоконтроля представляется извинением эмоциональной вспышки. Насильственное действие оправдывают такими словами, как: «Я был не совсем в себе», или «Когда он мне это сказал, я обезумел», или «Когда я ударил его, то едва ли понимал, что делаю». Но вместе с тем, когда сознательное эго обретает способность контролировать или подавлять эти инстинктивные реакции, его влияние становится преобладающим в психике, и человеку приходится брать на себя все большую ответственность за собственные эмоции: индивид вынужден признавать, что это его собственный гнев или страх вызвали взрыв. Если, несмотря на все старания преодолеть эмоции, он остается подвержен приступам, не контролируемым эго, то признается, что при определенных обстоятельс-

по

М.Э. Хардинг

твах может испытывать неподвластные человеку гнев, страх или ненависть — непреодолимые влечения демонической энергии.

Для определенной стадии психологического развития характерно проецирование этих, исходящих от безличной части психики эмоций, на внешнее для человека существо. На этом уровне вместо того, чтобы признаться в одержимости демоном, человек говорит, что это разгневался Бог. Таким образом он игнорирует собственную ответственность за ярость, ибо превращается просто в инструмент, избранный Богом для выражения божественного гнева.

«Мне отмщение, и аз воздам, — говорит Господь» — эти слова были сказаны пророком бога войны, прикрываясь именем которого, израильтяне провели множество сражений. Их учили, что гнев принадлежал Богу и что их собственная месть в действительности — это отмщение за нанесенные ему обиды.

«Выстройтесь в боевой порядок вокруг Вавилона: все натягивающие лук, стреляйте в него, не жалейте стрел, ибо он согрешил против Господа.

Поднимите крик против него со всех сторон: он подал руку свою; пали твердыни его, рушились стены его, ибо это — возмездие Господа; отмщайте ему; как он поступил, так и вы поступайте с ним»¹.

Этот боевой клич подразумевал призыв к отмщению за нанесенные Господу обиды, но гнев народный, несомненно, обострился страданиями, которые довелось вынести самим евреям. Их приписывание гнева Богу было не более чем рационализацией или предположением, что Господь также переживает те эмоции, что бурлили внутри них; то есть, они проецировали демонические эмоции на внешнюю по отношению к ним божественную фигуру. Они сотворили Бога по своему образу и подобию.

Но когда мы подходим к христианской вере, пройденным оказывается еще один шаг.

Павел пишет своим новообращенным в Риме:

«Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: "Мне отмщение, и аз воздам, говорит Господь".

Итак, если враг твой голоден, накорми его: если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья.

Не будь побежден злом, но побеждай зло добром»³.

Бог все еще представляется как пребывающий вне психики; более того, персонификация продвинулась на шаг вперед. Имен-

но на этой стадии предполагается, что Господь один, без содействия человека, ниспошлет надлежащую кару на тех, кто ослушался божественных законов. Эта смена позиции шла рука об руку с появлением идеи беспристрастного правосудия или закона. Человек уже больше не мог не считаться ни с чем, кроме собственного мнения: теперь над личным впечатлением и суждением возвышался закон. Способность каким-либо реальным образом подчиниться суду закона подразумевает контроль инстинктивных и спонтанных реакций, на достижение которого, должно быть, потребовались столетия. И действительно, в каждом из нас власть цивилизованного человека над примитивным все еще столь ненадежна, что приходится постоянно переживать реальные физиологические реакции, присущие неистовому гневу, тогда как сознательные мысли, слова и суждения остаются вполне уравновешенными и под полным контролем. Кто не ощущал себя физически «пылающим» от оскорбления, открытое возмущение которым нельзя представить даже в воображении, или мысленно не сжимал кулаки во время внешне совершенно миролюбивого спора?

При физической опасности даже самые отважные могут заметить, что их тела действуют, находясь во власти малодушного страха; это влияние может быть настолько выраженным, что индивид вынужден иногда на мгновение уступить ему. В то же самое время его разум будет оставаться ясным, и как только физиологическая реакция утихнет, он сможет сделать все необходимое для того, чтобы справиться с кризисом, совершенно игнорируя личную опасность. Таких людей ни на мгновение нельзя обвинить в трусости, тем не менее их физиологические реакции являются формой примитивного и неуправляемого ужаса. Можно даже сказать, что их мужество более высокого порядка, чем отвага менее чувствительных людей, не так остро переживающих воздействие страха.

Согласно традиционному воспитанию, сильные эмоции требуют подавления или сознательного контроля. В цивилизованных странах всех детей обучают управлять как своими действиями, так и эмоциями. Этот урок усваивается с различной степенью успешности, однако в определенной мере он познается всеми. В действительности некоторые люди настолько искусно скрывают свои инстинктивные реакции (не только от окружающих, но и от самих себя), что именно самоконтроль подвергает их другой

опасности. Ибо с ослаблением внутренних барьеров при снижении порога сознания (вследствие усталости либо употребления алкоголя или иного наркотика) и с исчезновением внешних ограничений в результате изменений в окружающей обстановке подавленные реакции могут вырваться наружу и оказаться вдвойне деструктивными — именно потому, что данный индивид совершенно не осознавал их существования. Если такое может происходить у современных людей, то насколько более серьезной, должно быть, была опасность на заре цивилизации? На самом деле значительная часть энергии человека столетиями уходила на борьбу с компульсивными эмоциями и управление ими. В некоторых цивилизациях необходимость самоконтроля была столь настоящей, что проявление вообще какой-либо эмоции означало потерю престижа. В других — вся культура базировалась на военной дисциплине: национальным героем был воитель, а черты воинственного духа представляли социальный идеал. Примером такого военизированного государства служит древняя Спарта. Это название до сих пор остается синонимом позиции абсолютной стойкости и самоконтроля. Римская империя также в значительной степени строилась на милитаристском идеале. Некоторые из племен американских индейцев, например, ирокезы, основывали всю свою мораль на войне и ее дисциплине, этим объясняется упадок, постигший их, когда белый человек лишил воинов-ирокезов возможности выходить на тропу войны. Совсем недавно в Германии и Японии кадровые военные занимали элитное общественное положение; превыше всего ценились такие качества, как: повиновение, дисциплинированность и пренебрежение во имя военных целей всеми остальными ценностями, включая даже саму жизнь. Утверждалось даже, что периодические войны необходимы для духовного здоровья нации, в связи с благотворным влиянием военной дисциплины на человека. Военная подготовка не только может превратить одержимого кровожадным демоном примитивного человека в воина или рыцаря, но и преобразовать ленивого и потворствующего своим желанием юношу в бдительного и полагающегося на свои собственные силы гражданина. Кроме того, когда люди вместе противостоят общей опасности и их безопасность зависит друг от друга, формируются особого рода товарищеские отношения, имеющие высокую моральную ценность; ибо личная выгода и безопасность переносятся на второй

план, а люди сплачиваются настолько, как не под силу их сплотить никакому иному человеческому переживанию. К тому же общая опасность и преданность общему делу, порождаемые войной в не меньшей степени, чем крайней нуждой, побуждают народ к новым усилиям. С энтузиазмом осуществляются давно просроченные социальные реформы, а научные исследования обретают новую жизнь. Как правило, заметно повышается даже уровень рождаемости. Кажется, будто бы жизнь нации обновилась благодаря высвобожденным войной психическим силам.

Тем не менее для **того чтобы люди** могли жить вместе в деревнях или племенами и сотрудничать с целью самозащиты, с самого начала цивилизации было очевидно, что для обуздания примитивного негодования и убийственного гнева требуется нечто большее, чем дисциплина воинского соединения. Ибо после своего пробуждения инстинкт убивать может продолжать действовать автономно, постоянно отыскивая новые жертвы как среди врагов, так и меж друзей. Поэтому по всему миру встречаются сложные обычаи, регулирующие как войны, так и ссоры между индивидами.

Например, некоторые племена в добавок к *rites d'entree**, предназначенных поднять боевой дух воинов, практикуют после сражения *rites de sortie****; при этом говорится, что, однажды отведав крови, копьё жаждет ее снова и не тревожится о том, кого оно убьет. Поэтому, когда молодые воины возвращаются с тропы войны их не чествуют как героев и не позволяют расхаживать по деревне, демонстрируя окровавленное оружие. Вместо этого их разоружают, изолируют в хижинах за деревней, дают слабительное или устраивают горячее купание, кормят хлебом и водой до тех пор, пока дух войны не оставит их и они снова не станут самими собой. Затем воины возвращаются в деревню в смиренном настроении, и опасность кровопролития предотвращается.

Такие сдерживающие ограничения агрессивных инстинктов человека, заложили основу для крайне важного культурного развития, начиная с десятого века и пять столетий спустя. Это развитие связано, главным образом, с обретением контроля над воинственным духом и агрессивным инстинктом. Фактически эта

* Ритуал входа (фр.). — Прим. ред. **Ритуал выхода (фр.). — Прим. ред.

эпоха называется «веком рыцарства» — из-за культурных достижений, явившихся результатом особого воспитания мужчин в отношении применения оружия. В то время уважались эмоции, порождающие ссоры между индивидами, и войны между группами. Для управления этими эмоциями без их подавления была разработана сложная система. Они действительно служили подлинным источником храбрости и отваги, столь высоко ценимых и так необходимых для группового выживания в условиях беспокойного положения в Европе того периода.

Примерно с наступлением половой зрелости подростки семей из высшего общества начинали обучаться в школе рыцарства. Если они усваивали мастерство владения не только оружием, но и самими собой, собственными эмоциями, то по истечении юношества их посвящали в ряды рыцарей, составлявших элитное сословие. Добиться рыцарского звания считалось большим достижением; кроме ознаменования вступления в период зрелости оно имело особое духовное значение.

Психологическое движение, частью которого являлось средневековое рыцарство, сопровождалось глубоким изменением в отношениях между полами. Мужчины стали искать нового типа близости с женщинами. Женщина из биологического объекта — источника сексуального удовлетворения, матери и хранительницы очага — превратилась в фокус новых, необычных эмоций. В мужском мышлении заметная роль теперь отводилась романтической любви. Рождение этой новой приверженности к «прекрасному полу» шло рука об руку с развитием подобающих мужчине рыцарских качеств. Связь между этими двумя идеалами хорошо видна в литературе той эпохи — кельтском «Мабиногионе», родственном Артуровом цикле и ранних французских романах, таких как *Au-cassin et Nicolette* *. Интересно отметить, что немного более раннее произведение *Chanson de Roland*** является рыцарской эпической поэмой, почти полностью посвященной ратным подвигам и дружбе товарищей по оружию, в которой практически отсутствует тема «прекрасной дамы».

Связь между выучкой и управлением воинственным инстинктом, с одной стороны, и началом романтической любви, с другой, не случайна. С психологической точки зрения, мужчина

Юкассен и Николетта (фр.). — Прим. перев. **Песнь Роланда (фр.)- — Прим. перев.

перестал быть просто марионеткой бессознательного, а в определенной мере превратился в хозяина собственной судьбы. Сформировалась психическая функция, содержательно связывающая его сознательную личность с теми темными источниками психической энергии, во власти которых он находился ранее. Эту психическую функцию осуществляла его неведомая, вторая половина, его неотъемлемая женская часть, или душа, названная Юнгом анимой⁵. Основной духовной потребностью мужчины стало знакомство с этой «прекрасной дамой», освобождение ее из лап дракона или тирана — символов необузданных влечений — и служение ей. Естественно, он не мог непосредственно наблюдать этот процесс, который зародился от культурного движения, явления, протекавшего в бессознательном сотен людей и формировавшего сам дух того времени. Индивид всегда представляет бессознательные события в душе в проецированной форме, его внимание привлекает и приковывает к себе внешнее явление, черпающее очарование из бессознательной энергии, которую оно символизирует и отражает. Душа мужчины, его анима, появилась, когда ему удалось отделить себя от полной идентичности с бессознательными побуждениями. Будучи по своему характеру женской, она проецировалась на реальную или воображаемую женщину, и таким образом персонифицировалась .

Когда отдельный мужчина оказывался перед опасностью быть вновь ввергнутым в более примитивное состояние, его анима казалась угрожающей. Тогда он видел женщину бесстыдной или сатанинской. Но по мере того, как ему постепенно удавалось разрушить идентификацию с собственными компульсивными инстинктами, анима изменялась и представлялась в желательном облике. Затем проекция падала на женщину, казавшуюся желанной. В своей замкнутости, в тонкой привлекательности своей несхожести, в отличие от мужчины, женщина несла некоторую часть маны, чар, таинственной силы, сопутствовавших слепой страсти нецивилизованного мужчины. Женская привлекательность, очаровывающая мужчину, теперь помогала ему в борьбе с варварскими элементами своего естества. Ради прекрасной дамы он был готов на любую муштру, какой бы суровой она ни была; или отправиться на поиски приключений во имя «distressed dam-

sel»*, которую, по крайней мере в легендах, он непременно спасал. Мы, с нашим более глубоким психологическим чутьем, понимаем эти поиски приключений как путешествие во внутренний мир в поисках собственной души, постоянно ожидающей появления героя.

Интерес всего общества сосредотачивался на подвигах представителей элитного рыцарского сословия. Они выстраивали свою жизнь, так сказать, ритуально, жили не только для самих себя, но и для группы в целом. Их отделяли от остальных для того, чтобы они смогли выполнить этот императив жизни. Личную месть заменили турниры и дуэли, которые проводились и выигрывались в присутствии всей общины. Рыцарю не разрешалось реагировать на зло немедленным возмездием: это считалось варварским и недостойным поведением. Он должен был ждать возможности назначить время официальной встречи со своим обидчиком. Но даже во время самой встречи противники не имели права бросаться в скандальную схватку, а должны были сдерживать себя и действовать согласно предписанным нормам, под руководством судей. Постепенно мастерство сражающихся стало приобретать большее значение, чем количество физических увечий, которые они могли нанести друг другу с помощью одной только грубой силы. Друзья бросали один другому вызов на турнире, чтобы узнать, кто из них лучший. Соблюдение правил стали называть «честной игрой». Смертельный бой теперь стал игрой!

Во времена рыцарства, когда турнир занимал такое важное место в образовании и воспитании мужчин, а также в укрощении их инстинкта самозащиты, подчинение правилам и соблюдение ритуала стало целью само по себе. Эта цель вклинилась между сражающимися и их непосредственным намерением убить друг друга. В результате примитивное влечение инстинкта было отклонено от его первоочередной цели и нашло, по крайней мере частично, удовлетворение в другой области. Этой модификации способствовали правила, регулирующие рыцарское противостояние. Во-первых, между нанесением оскорбления и возмездием протекало определенное время, в течение которого страсти угасали. Во-вторых, после того как акцент переместился на мастерство, несомненным преимуществом обладал более хладнокровный из противников. Когда первостепенную роль играет грубая сила, эмоция полезна, ибо она придает мощь удару; но дело оборачи-

*Букв, девица, снимающая стресс (фр.) — *Прим. ред.*

вается совершенно иначе, если победа зависит от ловкости. Человек, держащий себя в руках и не выступающий беспомощным рабом собственной страсти, имеет преимущество над менее тренированным противником.

Когда схватка проводилась на открытом турнире, в игру вступала побочная цель. Часть внимания сражающегося переключалась с усилия нанести своему противнику повреждение на желание угодить зрителям, играя роль идеального воина во всех ее деталях. Таким образом, удовлетворение его гнева и желания отомстить осуществлялось на ином уровне. Оскорбленный или обесчещенный рыцарь в одинаковой мере ощущал себя восстановленным в своем положении как через одобрение общества, так и через пролитие крови противника. Позднее это общественное одобрение стало считаться достаточным удовлетворением, даже если побежденный противник получил лишь незначительное ранение или вообще остался невредимым, но терял свой авторитет. Осуществившуюся таким образом трансформацию инстинкта самозащиты иллюстрируют легенды «Мабиногиона» и всего Ар-турова цикла. Вместо сражения исключительно ради отмщения за физический или материальный ущерб, мужчина борется, дабы защитить собственную честь или восстановить свое доброе имя в глазах дамы, представляющей идеал женственности. Эти цели отражают более возвышенные аспекты устремлений эго. Или же отвага мужчины посвящалась более обезличенному образу, такому как: Гроб Господень или Чаша Грааля. — ради которых многие рыцари Средних Веков рисковали собственной жизнью. Ибо для них они являлись символами бесценного значения, превосходящими даже требования их личной безопасности и чести. Мы не можем знать, насколько эта перемена оказалась действенна в мужчине средневековья на самом деле. Легенды о рыцарях Круглого Стола, несомненно, — либо идеализированные, либо полностью вымышленные описания. Однако, отражая смену идеала того времени, они служат веским свидетельством протекания реальной психологической трансформации. Отдельные люди, возможно, и не достигали героического уровня, приписываемого рыцарям короля Артура. Однако поколения людей, которые передавали из уст в уста или даже сочиняли подобные легенды, свидетельствуют о способности человека мысленно представить такую модификацию инстинкта и восхищаться ею. С тех пор само слово «рыцарь» обрело новое значение. Оно боль-

ше не означает просто воина или солдата. Такие понятия, как «рыцарская доблесть» и «рыцарский поступок» — по сей день отражают преданность надличному мотиву.

Первый урок, который должен был усвоить претендент на рыцарское звание, — это преодоление самого себя. Идеал самообладания и обязанность преодоления животного инстинкта в собственном характере представлены также в ритуале испанского боя быков. Каким бы жестоким и отвратительным, по мнению большинства жителей Запада, этот пережиток варварского века ни был, тем не менее, он весьма поучителен, ибо демонстрирует, что символ, обладающий *in potentia* всеми факторами, необходимыми для укрощения примитивной энергии, все же может не вызвать никакого изменения в психологии ни участников ритуала, ни наблюдателей, так как остается просто обыкновенным зрелищем. Если бы все воспринималось как символическое действие, то, вероятно, драма арены для боя быков смогла бы инициировать внутреннее покорение животного инстинкта и перемену в бессознательном испанского народа.

Бык, крупнейшее, сильнейшее и опаснейшее из одомашненных или полуодомашненных животных, символизирует полудикое, лишь отчасти укрощенные инстинкты и страсти человека. Ритуал начинается с процессии, в которой бык, увешанный гирляндами цветов, занимает почетное место. В былые времена быка обожествляли, и здесь также воздается должное его неукротимой силе и необузданной энергии, которые признаются как сверхчеловеческие, даже божественные.

Когда бой начинается, быка атакуют сперва пешие противники, а затем всадники, но им не удается одолеть животное. Этим демонстрируется его превосходство над рядовым человеком, собирательным человеком; то есть, инстинкт признают более сильным, чем эго. Наконец появляется матадор, герой, один и пеший. Он служит олицетворением героического качества человека и его задача состоит в том, чтобы выступить против разъяренного быка и победить. Но это не обычное убийство, не забой опасного зверя. Это — ритуальное действие, и матадор должен исполнить ритуал во всех его деталях даже с риском для собственной жизни. Быка необходимо убить особым образом; всякий матадор, неаккуратно и неумело расправившийся со своим противником, будет освистан и выдворен с арены. Его задача заключается не в том, чтобы забить животное, а продемонстрировать особую пози-

пию по отношению к нему: ибо бык — это носитель или символ надличностной ценности — сущности, являющейся одновременно слепой эмоцией и богом — и через его смерть человек освобождается от влияния собственных страстей.

Большинство людей, посещающих бои быков, совершенно не осознают происходящего перед их глазами, хотя само действие захватывает и волнует, заставляя полностью отключиться от реальности. Очевидно, оно затрагивает глубоко залегающий в бессознательном корень, насыщенный жизненной силой и энергией. В случае правильного понимания эта символическая драма, несомненно, имела бы глубокое психологическое влияние. Когда такая драма разыгрывается без понимания, она низводит до звероподобного состояния как актеров, так и зрителей, выступая просто дозволенным потаканием грубой и животной жажде крови.

Однако, если бы бой быков воспринимался как символическое отображение вековой потребности человека одолеть собственный животный инстинкт, то реальный поединок стал бы ритуальной драмой. В этом случае бой мог стать переживанием, помогающим человеку понять, что он должен контролировать свой слепой компульсивный инстинкт и освободиться от его господства. Подобная трансформация соответствовала бы развитию ритуалов спасения во многих религиях. Обычно такие обряды имеют своей первоосновой древние жестокие жертвоприношения, аналогичные бою быков. Ибо матадор служит символом того, что лишь героическим усилием, даже героической позицией, человек может успокоить свои страстные влечения. Если он способен сохранять спокойствие и самообладание даже в порыве собственного гнева и при пробуждении звериных инстинктов, то, возможно, он окажется их достойным противником, невзирая на значительно большее количество энергии в их распоряжении, по сравнению с тем, что доступно его новообретенному эго-сознанию. Мастерство, самодисциплина и ритуал или религиозная позиция — вот факторы, которые склоняют чашу весов на его сторону.

Этот аспект ритуального сражения с животным обыгрывался и на древнем Крите, где плененных юношей, мужчин и девушек обучали «играть» с быками и в конце концов убивать для демонстрации власти дисциплины над слепым инстинктом, представляемым быком. Такое ритуальное жертвоприношение представлено на рис. 4. Изображение воспроизводится с золотой шаровидной печати, найденной в микенском захоронении возле Фисбы (город в Беотии).

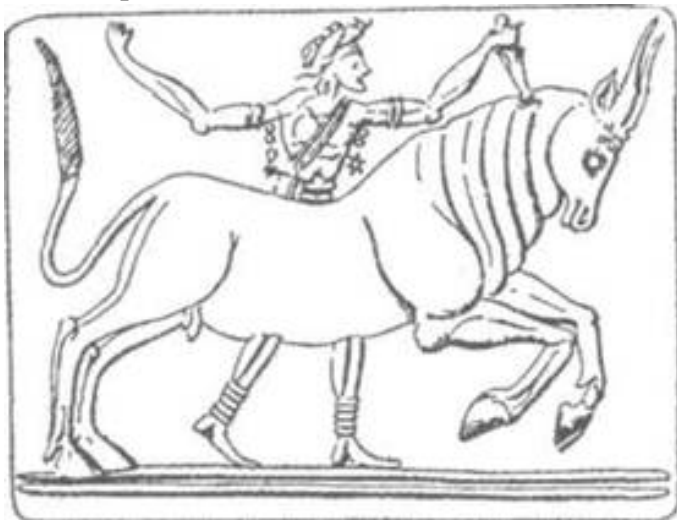


Рис. 4. Критское жертвоприношение быка

Когда в процессе психологического анализа индивид сталкивается с проблемой укрощения мощных инстинктов, вновь пробудившихся вследствие конфронтации с его "тенью", эта проблема может быть представлена в сновидениях как схватка с сильным диким зверем. Одной современной женщине, столкнувшейся с проблемой такого рода, приснилось нападение свирепого быка на первобытного человека. Завязалась отчаянная борьба, но в конце концов человек убил быка ударом под лопатку — так, как в давно минувшие времена ритуально убивали быков на Крите, (см. вкладную иллюстрацию П.) Существует множество легенд и сказаний, как и реальных исторических событий, иллюстрирующих становление такой героической позиции. Очень поучительный пример — поединок между Давидом и Голиафом. Армии израильтян и филистимлян стояли лагерем друг против друга, и день за днем Голиаф, огромного роста и силы великан, выходил от филистимлян и бросал израильтянам вызов: выставить своего воина для схватки с ним один на один. Исход поединка решал все сражение, хотя, согласно обычаю того времени, битва должна была продолжаться до последнего, с тем чтобы победитель уничтожил поверженного врага и разорил его страну. Дети Израиля исполняли свой священный долг, к которому призывал голос Иеговы, воинственного Бога, воплощавшего бессознательные побуждения народа,

лишь недавно с оружием в руках пробившего себе путь к земле обетованной. И вот пришел черед схватки с филистимлянами, занимавшими более выгодную позицию и превосходившими израильтян по силе. Голиаф, силач-филистимлянин, представлял опору на грубую силу. Давид, вызвавшийся добровольцем на поединок с ним от израильтян, заметно отличался от своего противника. Это был юноша — почти еще мальчик. Тем не менее, он одолел своего соперника благодаря мастерскому владению вовсе не боевым оружием, а своей пастушьей пращей, предназначенной отгонять диких зверей, угрожавших отаре по ночам. Эта победа означала, что сила уже больше не являлась наиважнейшим фактором в мире. Владыка сил небесных менял свой характер. Как сказал Давид: «Не мечом и копьем спасает Господь». Наступило время, когда воинствующие кочевые племена должны были осесть, а мастерство — сменить могущество.

В этой истории, будь она легендой или историческим фактом, Давид и Голиаф вступают в реальный бой, но их поединок предвещает изменение позиции, постепенно приведшее к замене настоящей схватки ритуальной. Таким образом, претерпели перемену сам характер и значение сражения. Борьба человека с врагом стала драмой, представляющей покорение животного инстинкта, возможно, даже духа страсти, — гнева или враждебности — олицетворяемого противником. В легендах Артурова цикла противник — будь то легендарный рыцарь, колдун или дракон — является для рыцаря Круглого Стола подлинным воплощением зла: уничтожить его значило избавить мир от чего-то ненавистного. На этой стадии психологического развития затаившееся в бессознательном зло проецировалось на «врага». Его ненавидели и искореняли, как если бы между ним и главным героем не было никакой связи, кроме ощущения, что предстоит бороться с этой угрозой и одолеть ее либо умереть в схватке. Однако на еще более поздней стадии к человеку пришло осознание того, что следует преодолеть именно собственный варварский дух, быть может и в лице внешнего противника. На турнирах, где воплощением враждебной силы выступал не реальный злодей, а иногда и друг, избранный играть эту роль, осознание ритуального характера поединка находилось на самом пороге сознания. Лишь одного короткого шага вперед недоставало до признания того, что реальный враг — это не личность, а

деструктивный инстинкт, психологическая сила, дух, но дух не в примитивном понимании как демон или призрак, а как психологический фактор безличного происхождения, во многом подобный воинственному духу или духу приключений. Однако, когда такая движущая сила поднимается из бессознательного и действует в индивидуе компульсивно и автономно, кажется, будто он одержим демоном или духом в древнем смысле слова. Как говорит Павел: «Мы боремся не с плотью и кровью, а с силами тьмы вышестоящей».

Идея борьбы со злом часто представлена в виде настоящей войны — «воинов Христа» призывают «храбро сражаться» и т.д. — и это действительно сражение. Однако слишком часто такое столкновение не осознается как поединок в субъективной сфере, в собственной душе человека. Вместо этого индивид видит силы зла только извне: они проецируются и персонифицируются в другом как в смертельном враге.

В течение столетий этот психологический механизм проекции служил причиной многих жестокостей. Религиозные преследования — инквизиция, погромы и крестовые походы — творили люди, верившие в исключительность своей правоты. В результате их противникам доставалась лишь ее противоположность — заблуждение. Такая однобокая и фанатическая позиция всегда указывает на полное незнание собственного бессознательного. Фанатику кажется, что сам Господь требует атаковать и одолеть зло в другом человеке. Снова и снова проводились жестокие кампании борьбы со злом. Все это делалось по наущению Бога, — как считали их участники — Бога, который подобно Господу Сил из времен Ветхого Завета, не выносил никаких возражений. Это был один из множества воинствующих богов, которым поклонялись люди и от чьего имени они потворствовали своим варварским импульсам. Вавилонская Иштар также была богиней сил, как и Великая Мать, дарительница пропитания и олицетворение растительности. Марс был богом войны и одновременно — духом весны. И множество других божеств представляли отрицательные-положительные энергии, имеющие началом инстинктивные влечения человека.

Для осознания того факта, что бог на самом деле — всего лишь персонификация духовной силы, господствующей в бессознательном индивида, требовался инсайт, превосходящий психологические возможности человека древности. Ему казалось, что этот бог, существующий независимо от него, имел крайне деспо-

тичный характер. Он не подозревал, что сердитый, ревнивый и ненадежный бог, даривший жизнь и достаток только для того, чтобы все отобрать, в действительности был проекцией собственных внутренних мощных и непредсказуемых сил.

Однако, даже характер богов может изменяться; то есть, залегающие глубоко в бессознательном человека инстинктивные влечения подвержены эволюционному психическому развитию или трансформации, которая отражается в изменении характера Бога. Я уже кратко упоминала о перемене в представлении израильтян о Иегове. Из кровожадного Бога сражений времен вторжения захватнических племен израильтян на Ханаанскую землю он превратился в намного более духовного Господа, Пастыря Израиля, Бога морали, для которого справедливость значила больше, чем отмщение. Аналогичная трансформация произошла в характере греческих богов. И наконец наступило время, когда человек стал понимать, что в действительности боги представляют его собственный внутренний закон.

В ранней античности Зевс был Громовержцем, мечущим молнии во всякого, кто оскорбил его: будь то животное или человек. Он представлял силу звериного инстинкта. Но пришло время, когда бог установил различие. Его закон для зверей остался прежним, ими должны были продолжать управлять инстинкты. Животные остались под властью Зевса Громовержца. Но человеку теперь следовало постичь иной закон. Для него конфликт должен был разрешаться не насилием, а правосудием. «Рыбы, звери и птицы небесные пожирают друг друга», пишет Гесиод, «но человеку Зевс дал правосудие. Рядом с восседающим на троне Зевсом, расположилась Фемида»⁷.

Отрицательный аспект враждебности очевиден; ее положительные плоды распознать не так легко. Отвага, самопожертвование и другие добродетели, пробуждаемые войной, возрастают пропорционально угрожающей опасности. Опасность может пробудить в индивиде или нации такое глубокое осознание фундаментальных ценностей, что личное благополучие игнорируется, по крайней мере до тех пор, пока существует ее угроза. Однако наряду с этим имеется другое потенциальное достоинство совершенно иного плана. Инстинкт самосохранения способен пробудить динамические силы, которые характеризуются интенсивностью, позволяющей переступить границы сознатель-

ной психики. В начале текущего столетия мы едва поверили бы, что страсти и качества, от которых мы давно избавились, лишь дремлют под внешним спокойствием и позицией *неограниченной свободы*. Наша жизненная философия выражалась маленькими удовольствиями, небольшими удобствами и ограниченными амбициями и идеалами. Затем в быстрой последовательности разразились две мировые войны, развязанные людьми, которые презирали маленькие удовольствия и незначительные преимущества и распахнули дверь безграничному желанию и беспредельной жестокости. Время маленьких вещей минуло.

Немногим более двадцати лет тому назад⁸ на лекции перед небольшой группой людей Юнг заметил, что когда силы бессознательного дремлют, человек живет ограниченной жизнью, заполненной только мелочами. Но если у такого человека рождается великая идея, будь она добропорядочной или злонамеренной, она пробуждает энергии, относящиеся к безличному уровню, и для него начинается жизнь, несоизмеримая с прошлым существованием. Он становится инструментом, выразителем силы, превосходящей эго. Фактически человек превращается в борца за идею, и в такой роли он может изменить облик мира. Вот другая сторона войны, которая может быть положительной, но может нести с собой и величайшую из трагедий.

Вполне вероятно, что группа, собирательный человек, не может продвинуться дальше описанной Гесиодом стадии. Если нации смогут поставить рядом с восседающим на троне Зевсом Фемиду, то уже будет достигнуто очень многое. Чтобы произошла дальнейшая трансформация агрессивных инстинктов, мы должны обратиться к индивиду. Только в нем возможно достижение психологического понимания и развития. Я уже говорила о роли конфликта в освобождении индивида от господствующего влияния группы и от его собственной зависимости от поддержки группы, а также о том, что, оказавшись в одиночестве, без поддержки группового одобрения и морали, человек вновь вступает в конфликт при столкновении с какой-нибудь ситуацией, пробуждающей инстинктивный эмоциональный ответ. В такой момент индивид оказывается во власти невольных реакций, угрожающих отбросить его обратно к старому паттерну поведения. Для того чтобы избежать этой регрессии, требуется сделать еще один шаг, позволяющий понять собственную психику и адаптировать или модифицировать инстинкт.

Эту проблему очень хорошо проясняет психологический ин-сайт, предоставляемый индуcской религиозной мыслью. В «Бха-гавадгите» повествуется история о герое Арджуне, которому предстояло отомстить своему родственнику. Всей душой он быш против неизбежного убийства представителя кровной родни, однако, по существующему закону, он был обязан вступить в поединок. В состоянии серьезного внутреннего конфликта и глубокой депрессии он Уединился, чтобы разобраться и попытаться более ясно взглянуть на создавшуюся ситуацию. Когда он сидел в своей колеснице, к нему под видом возничего подошел бог Кришна и растолковал значение поединка. Бог, объяснил ему, что поскольку он относится к касте воинов, то должен сражаться и выполнить долг воина. Так и только так он может исполнить свою карму или участь. Кришна пояснил, что преступный родственник, которого должен одолеть Арджуна, в действительности представляет его собственную тень, его внутренние силы агрессии и эгоизма. Сражаясь в реальном поединке, он будет участвовать также и в символической схватке, ибо сам он тоже быш врагом. Одолев родственника, он освободится от кармы воина.

Таким образом круг замыкается. Вначале индивид проецирует неосознаваемое зло. Затем в гневе и негодовании он порывает с бессознательной идентификацией с группой, понимает, что боролся со своим собственным злом. Благодаря этому осознанию из глубин психики оказывается возможным высвободить еще немного безличной энергии инстинкта и индивид может сделать следующий шаг вперед в своем психологическом развитии.

1. В случае человека эта проблема была более критической в связи с продолжительным периодом младенчества и беспомощности его потомства.

2. Иер.. 50:14, 15.

3. Рим., 12:19-21.

4. Выражения *rites d'entree* и *rites de sortie* обозначают определенные ритуалы, предназначенные, соответственно, ввести индивида в необычное или табуированное состояние и вывести его из него по истечении нужного периода времени или выполнения требуемой функции. Таким образом индивид подготавливается для выполнения определенных обязанностей, которые в остальное время запрещены. Предполагается, что в него вселяется демон или дух, в особое царство которого он вступил и коим остается одержим до тех пор, пока его не «очистит» и не освободит *rite de sortie*. Примером табуированных состояний,

М.Э. Хардинг

требующих *rites de sortie*, служат военное положение для мужчин и период родов у женщин, тогда как *rites dentree* практикуются не только в связи с войной, но и перед выступлением на охоту и при других видах деятельности.

5. См. C.G. Jung, *Two Essays on Analytical Psychology* (C.W. 7); M.E. Harding, *The Way of All Women*; E. Bertine, *Relationships: in the Family, in Friendship, in Love*.

6. См. ниже, примечание на с. 293-294.

7. Труды и дни, D, 276—281. См. пер. Evelyn-White, pp. 23—25.

8. Это было написано в 1947 г.

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ

I. Сексуальность: Любовь и вождение

Инстинкт самосохранения оберегает жизнь и обеспечивает благополучие индивида: благосостоянию расы аналогичным образом служит инстинкт сохранения расы. Однако этот инстинкт действует не в самой расе, как едином целом, а в составляющих ее индивидах. В то же самое время в связи с тем, что существование расы предшествует жизни текущего поколения и будет продолжаться еще долгое время после его смерти, как сущность раса представляет собой нечто большее суммы жизней ее живых составляющих. Вследствие этого импульс, обеспечивающий продолжение существования расы, будет функционировать независимо от своекорыстия индивида. Он может вредить его личным интересам и даже погубить его. Таким образом, иногда возможно противостояние двух мощных импульсов, оберегающих жизнь.

Такой конфликт очевиден в условиях естественного состояния, когда инстинкты обладают полной властью. Всякий раз при пробуждении инстинкт сохранения рода, по-видимому, берет верх над инстинктом самосохранения отдельной особи. Например, замечено, что поврежденное или пораженное болезнью плодовое дерево может принести невиданный урожай. Когда его жизнь оказывается под угрозой, дерево дает больше плодов, чем прежде, невзирая на то, что растрачиваются жизненные энергии, необходимые для восстановления. В результате аналогичной реакции увеличивается число пчел в улье, когда пчелиной семье грозит нехватка пищи. Похоже на то, что природа делает последнюю отчаянную попытку продлить жизнь сообщества посредством одного только увеличения численности особей, не принимая во внимание, сколько их может погибнуть от голода. Пчелы

сами придерживаются этой самоубийственной линии поведения, хотя в других случаях они безжалостно убивают большое количество собратьев, если благополучие улья требует такой жертвы. Похоже, что природа в большей степени беспокоится о сохранении рода и в меньшей — о благосостоянии отдельной особи.

Однако, когда в результате активного вмешательства индивидов, отличающихся самосознанием, изначальные условия модифицируются, естественный ход событий нарушается. Так, люди часто стремятся сохранить собственную жизнь даже в ущерб интересам коллективной жизни расы. Когда на сцене появляется эго-сознание и в результате психической трансформации инстинкты частично теряют свой компульсивный характер, порядок значимости инстинктивных сил меняется. Природа отдает предпочтение расе; с точки зрения эго более важным является благополучие индивида. Эго говорит: «Что станет с существованием расы, если погибнут составляющие ее индивиды?» Или, как гласит негритянский духовный гимн: «Это я, это я, это я, о Господи». В борьбе двух инстинктов благодаря сознательному вмешательству чаши весов иногда могут склониться в сторону индивидуального выживания; однако способность человека изменять естественный порядок в свою пользу не так велика, как он думает. Ибо он подчиняется внутреннему закону инстинкта, а не навязанному извне правилу. И обычно верх одерживает древний естественный образ действия.

Женщина с серьезным заболеванием (к примеру, раковым) может перенести нормальную беременность. У нее может родиться здоровый и полноценный ребенок, хотя болезнь матери будет прогрессировать быстрее. В случае такой беременности ребенок формируется и развивается за счет жизни матери, невзирая на ее собственные желания в этом отношении. Здесь выбор остается за природой. С другой стороны, мать сознательно может предпочесть спасение ребенка, даже если это решение будет стоить собственной жизни. Или же женщина может намеренно забеременеть, даже если рассудок подсказывает, что это — безрассудство и возможно даже, роковое безрассудство.

Сила инстинктивного механизма, обеспечивающего продолжение существования расы даже ценой жизни индивида, в особенности проявляется в военное время. Заметное увеличение рождаемости, обычно наблюдаемое в такие периоды, указывает, что импульс к воспроизведению становится сильнее, когда су-

существование расы находится под угрозой, даже если с точки зрения индивида целесообразность рождения ребенка в такое время вызывает серьезные сомнения. Инстинкт воспроизведения проявляется в двух аспектах: сексуальности и родительском долге. Инстинкт родительского долга будет обсуждаться в следующей главе, а здесь мы сосредоточимся на анализе инстинкта сексуальности.

Фундаментальное значение сексуальности в психологическом складе современных мужчин и женщин было выявлено благодаря исследованиям Фрейда и его последователей. Демонстрация того, что разнообразная творческая деятельность — культурная, художественная и научная — черпает свою энергию из инстинкта сексуальности, уже не так шокирует нас, как предшественников. Фрейд убедительно показал инстинктивные корни романтической и эротической любви. Юнгу осталось только продемонстрировать направление развития, характерное для этого фундаментального инстинкта¹.

Тенденция к психической модификации биологических инстинктов, присущая человеку, дала начало множеству культурных достижений. С помощью редуктивного анализа их происхождение можно проследить до инстинктов, немного более дифференцированных, чем элементарные рефлексy: тем не менее, мы не можем заключить, что конечный культурный продукт — это не более чем результат смещения действия сексуальности. Ибо грубый импульс инициировал творческую работу, итогом которой стала культурная ценность, и в добавок к этому сам инстинкт трансформировался во благо общества. Именно этот аспект процесса особенно интересовал Юнга. Его сильно впечатлял тот факт, что живому организму свойственна тенденция к развитию. Она не является ни чем-то навязываемым извне, ни изобретением сознания. Живые формы эволюционировали совершенно независимо от сознательной цели. Цель, если она вообще была, определялась источником, неизвестным организму, — то есть, мотивация была бессознательной. Более того, по-видимому, эта «цель» передавалась от поколения к поколению; ибо для большинства адаптации потребовались многие поколения развития. В своих исследованиях бессознательного плана человеческой психики Юнг наблюдал содержание, которое нельзя удовлетворительно объяснить, исходя из фрейдистской теории вытеснения; его значение становилось понятным только

при теологической интерпретации. Доказательства, подтверждающие эту точку зрения, нельзя назвать малочисленными или недоступными. С ними может ознакомиться всякий, кто способен понять происходящее на втором плане его собственной психики. В глубине бессознательного постоянно повторяются древние, давно установившиеся паттерны; в то же самое время природа непрестанно порождает новые формы, ставит новые эксперименты. Мы признаем, что так обстоит дело в биологической сфере; изучение бессознательного демонстрирует, что это справедливо и в отношении психологической сферы.

Проследить этапы эволюционного процесса сравнительно легко. Намного труднее поверить в идею, что в человеке нашего времени еще имеются зародышевые, незаконченные структуры, что они далеко не бесполезны, а несут в себе зачатки важных новых форм, характер которых мы не можем даже представить. Тем не менее, если предположить, что с наступлением нашей эры эволюционный процесс не завершился и современный человек еще не достиг вершины своего возможного развития, то следует признать, что незавершенные структуры, находящиеся сейчас в процессе эволюции, действительно наличествуют в теле и психике. Если мы не признаем этого, то просто допустим, что человек двадцатого столетия по своему значению значительно ниже своих предшественников, ибо он утратил свою величайшую способность — развивать новые формы. Если это так, то современный человек не стоит на вершине эволюции; он находится далеко внизу, по другую сторону горы, и вскоре его заменит более жизнеспособный организм, сохранивший способность развиваться. Именно свидетельствами способности к развитию, проявляющимися в психологической сфере, так сильно интересовались Юнг и его последователи.

Первоначальный импульс, выражающий сексуальный инстинкт, связан с удовлетворением физиологической потребности организма. На этом уровне интерес к сексуальному объекту ограничен его пригодностью как раздражителя и вспомогательного участника действия. На животном уровне, по-видимому, отсутствует осознание того, что половой партнер движим теми же импульсами, что и субъект, и ищет аналогичного удовлетворения; нет здесь и никакого осознания последствий полового акта в форме воспроизведения потомства. Осведомленность об этих двух факторах появилась в сознании только после существенно-

го продвижения процесса психической трансформации инстинкта. У крайне примитивных племен, похоже, даже взрослые люди не осознают их, тогда как в цивилизованном обществе сексуальные импульсы могут волновать детей задолго до того, как они начинают понимать значение подобных чувств или осознавать их цель. Более того, компульсивное действие инстинкта выражено настолько, что часто само знание мало связано с поведением.

Древние племенные ритуалы и табу, касающиеся сексуальной функции, имели своей целью освобождение индивида от господствующего влияния его сексуальных импульсов. Участие в этих обрядах инициировало процесс, называющийся психизацией: — изменение, характеризующееся развитием способности отчасти контролировать автоматическую реакцию на сексуальное возбуждение. С ростом этой способности появилась возможность выбирать партнера и не находиться в полной власти неуправляемой физиологической реакции на случайный раздражитель.

Когда пришло осознание связи между сексуальностью и деторождением, в психической модификации инстинкта начался новый этап. У человека возникла мысль о существовании зависимости между собственной репродуктивной способностью, с одной стороны, и урожайностью полей и плодовитостью скота, с другой: для него и то, и другое определялось деятельностью «духа плодородия»³. Управляя собственными импульсами, он надеялся воздействовать на плодородие земли. Магические церемонии и религиозные обряды, вызванные к жизни этим представлением, имели огромное влияние на отношение человека к сексуальному инстинкту. Эти ритуальные обряды, не только помогли ему в некоторой мере освободиться от требования инстинкта; они способствовали и осознанию того, что сексуальное желание, зарождавшееся в теле и казавшееся выражением самой сокровенной человеческой сущности, в некотором смысле, было чем-то обособленным — демонической силой или духом.

Таким образом, в сексуальном инстинкте, как и в инстинкте самосохранения, наблюдаются две тенденции; одна из них имеет сексуальную направленность, а другая — религиозную. Социальный компонент *libido sexualis* нацелен на человеческие взаимоотношения. Продуктами этой направленности являются любовь к партнеру и потомству, стремление создать семью и обустроиться в общине. Религиозный компонент способствует объединению мужских и женских элементов психики. Для религиозных мисти-

ков во все века этот внутренний союз всегда служил символом объединения души с Богом. Для психолога он обозначает объединение сознательной личности с бессознательной частью психики, в результате чего индивид становится единым целым.

Постепенное развитие или трансформацию сексуального инстинкта можно проследить на протяжении всей истории человечества. И каждый индивид для достижения психологической зрелости должен снова пройти этот путь в своих переживаниях.

Сперва сексуальный инстинкт представляет собой простое физиологическое влечение, не связанное с любовью к партнеру или каким-либо знанием о возможных последствиях в виде потомства. Это всего лишь влечение, которое сродни другим биологическим импульсам, таким как голод, позыв к опорожнению или желание спать.

Насколько нам известно, на земле нет племен настолько примитивных и бессознательных, чтобы им ничего не было известно об этом физиологическом влечении. Но представители некоторых племен, таких как арунта в Австралии, все же заявляют, что якобы не знают о связи между половым актом и беременностью⁴. Однако, скорее всего, она им известна, но распространенные верования, основанные на традиции, не признают ее существования. При этом утверждается, что женщина забеременела по той причине, что заснула под определенным деревом, или набрала воды из особого ключа или потому, что на нее упал лунный свет: таковы приемлемые объяснения беременности. Если расположить рассказчика к большей искренности, то он признает, что женщина, возможно, вступала также и в половую связь с мужчиной. Это пример того, как традиционное учение заменяет рациональное мышление у народов примитивной культуры.

Во многих мифах и преданиях примитивных народов обнаруживаются следы раннего отношения к сексуальной функции. Например, существует легенда о Трикстере, мифическом герое виннебаго, племени американских индейцев⁵. Здесь же представлены и другие варианты отношения Трикстера к частям своего тела.) Трикстер был странным юношей, новичком среди племенных героев, не всегда полностью осознающим происходящее. Он постоянно совершал промахи, нарушая табу и пренебрегая священными обычаями. Он был подобен обезьянке Сун из китайской мифологии, образ которой, несомненно, представляет ранние за-

чатки человеческого сознания. Сун символизирует человека, ловкого простака, который, в отличие от других животных, никогда не довольствуется следованием древнему закону природы, а постоянно ищет, импровизирует и изобретает новые пути.

Легенда гласит, что Трикстер был обременен огромным, массивным половым членом, который ему приходилось носить на спине. Он не знал, зачем он ему и почему ему выпало нести это тяжелое бремя. Другие животные смеялись над ним, говоря, что эта штука властвует над ним и он не может избавиться от нее. Но Трикстер возражал, что может снять ее в любой момент, но просто не хочет, ибо такая ноша позволяет ему демонстрировать собственную силу. В свою очередь, он тоже высмеивал животных, заявляя, что ни одно из них не способно вынести такой большой груз. Такая ситуация длилась до тех пор, пока сам Трикстер не стал беспокоиться. Он понял, что носит эту тяжесть столько, сколько помнит себя, никогда не снимая ее. Он отправился в укромное место в лесу, где мог остаться наедине с самим собой, и попытался избавиться от своей ноши. Но к своему большому раздражению обнаружил, что это ему не под силу. Тогда он попробовал оторвать фаллос, но каждое его усилие причиняло ему ужасную боль и грозило разорвать его пополам. Ноша была частью его самого.

Эта история, очевидно, является изложением постепенного осознания человеком собственной сексуальности. Поначалу ее запросы считались большим достоинством, показателем силы, источником гордости. Но с ростом сознания биологическое влечение воспринимается как бремя, демон, служение которому требует времени, усилий и энергии, отзываемых от выполнения более полезных задач. Затем человек начинает бороться со своим демоном. Его сознательное «Я» и безличный демон больше уже не пребывают в согласии, и, пытаясь избавиться от внутреннего непреодолимого влечения, человек обнаруживает, что разрывается на части.

Бремя сексуального инстинкта женщины проявляется в иной форме. Мужская сексуальность, главным образом, исходящая, и направлена она на поиск объекта для облегчения напряжения и устранения дискомфорта посредством физического контакта. Она порождает стремление к деятельности, беспокойство и напористость, которые можно унять только снятием возбуждения. В противоположность этому женская сексуальность проявляется в томной пассивности, желании, чтобы с ней что-то сделали; она

обуславливает бремя инертности, являющейся прямой противоположностью инстинктивному побуждению мужчины.

Таким образом, женщина обременена двумя типами инертности: изначальной леностью бессознательного, общей для мужчины и женщины, и дополнительной, которая является следствием бессознательной нереализованной сексуальности. Подобно тому, как Трикстера обременяла его фаллическая ноша, так и женщина должна бороться с инертностью, чтобы освободиться от идентификации с демоном биологического инстинкта. Именно этот аспект женской психологии ответственен за высокую чувственность полных женщин с большими кроткими глазами. В сновидениях он довольно часто персонифицируется в образе женщины «неженки и белоручки». Он означает не только леность, но и непризнанную сексуальность. Если бы Трикстер узнал, что представляет собой его бремя, он смог бы начать освобождаться от него. Так же и современная женщина, осознающая, что ее инертность может быть обусловлена сексуальностью, а не ленью, в состоянии предпринять попытку избавиться от нее.

Человек, все еще идентифицирующийся с демоном сексуальности, способен реализовать свою сексуальность только на ауто-эротическом уровне. Это верно как в том случае, когда импульс находит себе применение в мастурбации, так и тогда, когда он приводит к сексуальным сношениям с человеком того же или противоположного пола. На этой стадии развития интерес и желания индивида полностью устремлены на собственные ощущения и физиологические потребности. Его сексуальный инстинкт еще не достиг той степени психической модификации, которая обязательно предшествует реальной заинтересованности объектом. Поэтому на данном уровне для удовлетворения подходит почти любой партнер, при условии наличия раздражителя, способного запустить физиологический механизм снятия возбуждения.

В результате люди на этой стадии развития обычно неразборчивы и непостоянны и иногда могут быть гонимы истинным демоном желания, пренебрегая всякими нормами человеческих взаимоотношений и элементарным приличием. Для мужчины на этом уровне женщина — всего лишь сексуальный объект, и одну женщину можно очень легко заменить другой. Женщина на сходной стадии психологического развития может просто желать мужчину, любого мужчину, при условии, что он хочет секса, так

как для нее мужчина — это просто обладатель фаллоса. Привлекательность многих непристойных шуток и порнографической литературы в целом основывается на устойчивости этого аспекта сексуальности.

Преобладающе аутоэротический аспект сексуальности проявляется у того типа женщин, которых влечет к мужчине ради детей, а не для удовлетворения сексуального голода.

Сама женщина может считать инстинктивное стремление иметь детей достаточным оправданием для поиска сексуального контакта с мужчиной, даже если между ними нет никаких реальных взаимоотношений. Она даже может считать свой импульс «довольно славным» — похвальным доказательством любви к детям — ибо материнский инстинкт в нашем обществе имеет выраженный оттенок сентиментальности. Такая женщина, по-видимому, не понимает, что, используя мужчину для удовлетворения собственного желания иметь потомство, она злоупотребляет его чувствами. Ее желание представляет собой инстинктивное влечение, не более достойное одобрения и не более предосудительное, чем стремление к удовлетворению любого другого основного инстинкта; но там, где удовлетворение требует взаимодействия с другим человеком, необходимо осознавать, что именно представляет собой влечение. Себялюбие, на котором оно основывается, не должно прятаться за маской любви к объекту.

У народов примитивной культуры аутоэротический аспект сексуальности может быть единственным действующим в общине. Например, в полигамных племенах западного побережья Африки мужчины могут брать себе в жены сколько угодно женщин и жить с ними как господа. В действительности же они являются сексуальными узниками собственных гаремов, хотя сами признали бы этот факт в последнюю очередь. Им приходится делить свою благосклонность среди множества жен по правилам, устанавливаемым самими женщинами. Причем за нарушение этих правил налагается очень строгое наказание. Да, женщины выполняют всю работу, что позволяет мужу бездельничать, если не в роскоши, то в достатке; но если он не удовлетворяет собственных жен, они могут оставить его, забрав с собой детей. Таким образом, его господство больше кажущееся, чем реальное. Такой мужчина является рабом не только собственного сексуального влечения, но и женщин, дающих ему удовлетворение.

На этой стадии психический эквивалент или образ сексуального инстинкта, называемый Юнгом архетипом, представлен в художественных произведениях фаллосом и йони или маткой. На таких скульптурных сооружениях как греческая герма или *Shee-la-na-Gig*, на необычных кельтских скульптурах женщин, демонстрирующих свои гениталии, половой орган используется для представления всего человеческого существа, причем остальная часть тела либо умалчивается, либо полностью игнорируется. На иллюстрации III показана подобная фигурка женщины, схватившей за горло двух животных. Она известна под названием «Повелительница животных». Этот экземпляр имеет этрусское происхождение, однако фигурки аналогичного характера, представляющие связь божества с его животной сущностью, найдены также в Греции и на Крите, в Центральной Азии и Китае. Обычно половые органы человека на них сильно акцентируются, как и в приведенном примере. Подобные искажения широко используются в порнографии. Они также часто встречаются в непристойных набросках подростков, заинтересованность биологическим аспектом секса которых вполне естественна, так как они еще не познали эмоционального потенциала инстинктивного влечения.

На следующей стадии развития сексуальность определенно связывается с эмоцией. Взаимная привлекательность, ощущаемая мужчиной и женщиной, больше не ограничивается физиологической сферой: она сопровождается эмоциональным элементом, приобретающим все большее значение по мере дальнейшего развития инстинкта. Такая эмоция должна называться любовью, хотя ее природа существенно варьирует в зависимости от достигнутой индивидом степени психологического развития. В действительности по характеру эмоциональной вовлеченности, на которую способен индивид, можно составить весьма точную картину его психологического развития.

На более примитивных стадиях особенности строения тела или умственные качества партнера не имеют никакого значения, при условии, что он или она способны возбудить и удовлетворить физиологическую потребность. Но когда сексуальной увлеченности сопутствует эмоциональный фактор, объект притяжения уже не является просто обладателем полового органа, а рассматривается как имеющий человеческие черты. В живописи, например, сексуальный объект уже представляется не йони или фаллосом, а фигурой красивой девушки или мужественного юноши. К этой фазе отно-

сится культ «ню» в живописи⁶. Но даже при этом притягивающий объект не имеет никаких индивидуальных отличий: он все еще остается *неопределенной* красивой девушкой или *неопределенным* привлекательным мужчиной. Для любовника желаемый объект не является той или иной конкретной личностью; реальной любви к объекту как к личности пока еще не существует. Эту позицию мужчины невольно выдают такими высказываниями, как: «Я люблю девушек» или «Мне нравится секс», а женщины — такими выражениями, как: «Мне нужен мужчина, с которым я могла бы выходить в общество» или «Мужчины такие славные». Абсолютное сходство мужского и женского вариантов этого состояния в совершенстве иллюстрирует сцена «петуха» из «Оперы нищего», в которой герой расхаживает меж дам, как хозяин, напевая: «Я собрал медок с каждого цветка»; и слова хора из «Терпения»: «Нет сомненья, что в море рыб осталось больше, чем вышло из него», которыми отвергнутые девушки заявляют о своей готовности сойтись с другим мужчиной, любым другим мужчиной, если возлюбленные оставят их.

Легенды и мифы, отражающие эту психологическую позицию мужчины, изображают его в окружении множества обольстительных женских образов, таких как девушки-цветы из сцены искушения Парсифаля. Прекрасные девушки представляют его собственные изменчивые эротические импульсы. Они совершенно неотличимы одна от другой, и герой не может узнать, что в действительности они собой представляют. Это не женщины, а лишь персонифицированные страстные стремления. Они — «отчасти души», его души. Классический пример предоставляет нам эпизод из путешествия Одиссея, когда на пути домой его окружили sireны, соблазняя его повременить с возвращением домой и заманивая в глубины океана на поиски немыслимого блаженства. Эти искушительницы пытались подавить у путешественников чувство ответственности по отношению к своим женам и детям и удержать их пустым времяпрепровождением в чувственных удовольствиях. На языке психологии это означает, что, поддавшись искушению, путешественники оказались бы в глубинах бессознательного в результате регрессии к стадии идентификации с сексуальным инстинктом. Одиссей очень мудро велел своим мореплавателям заткнуть уши, дабы не слышать колдовской музыки и не последовать за сиренами к своей гибели.

В другом варианте легенды Улисс (или Одиссей, как его называли ранее) велел своим товарищам привязать его к мачте, так

как не был уверен, что способен противиться соблазнительницам. Эта сцена представлена на рис. 5, где мы видим Одиссея, окруженного, по-видимому, не очень желанным вниманием трех крылатых сирен. На рис. 6 показана сирена из bestiaria двенадцатого столетия. Она также изображена крылатой и с птичьими лапами, но ее рыбий хвост, похоже, указывает на некоторое родство с русалкой, которая по поверьям также завлекает моряков к гибели.

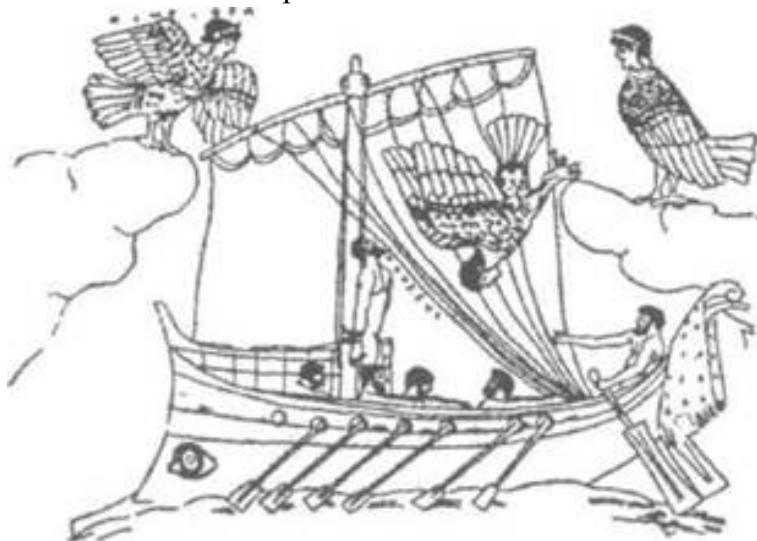


Рис. 5. Привязанного к мачте Одиссея окружили три крылатые сирены

Для этих легендарных мореплавателей очарование таких фантомных существ, как сирены и русалки, представляло весьма серьезную опасность. Ибо они воплощают в себе образ анимы в коллективной и недифференцированной форме, и представляют желание, мечту человека, у которого развитие эроса еще не продвинулось дальше аутоэротической стадии. Такой индивид мечтает о ситуации райского наслаждения, например, о пребывании в гареме восточного правителя, где его будут привлекать и возбуждать чувственные женские танцы и очаровывать отчасти скрытая и отчасти выставленная напоказ красота девушек, единственная забота которых — угодить ему. Это другая стадия аутоэротизма, себялюбия, хотя и более прогрессивная, чем чисто соматическая, которой она приходит на смену.



Рис. 6. Сирена

Соответствующее женское состояние представлено сиренами похищения и изнасилования сатирами, кентаврами и дикими по-лу-людьми. Хорошим примером служит похищение сабинянок. Фантазии женщин на соответствующей стадии развития могут быть связаны с «пещерным человеком», так называемые любовные ласки которого кажутся в фантазии столь желанными. Такая женщина может мечтать о властном и сильном мужчине, полностью поглощенном желанием пленить ее. Его привлекательность заключается в грубой силе, контрастирующей с ее беспомощностью, и исключительном интересе к ней. Она хочет, чтобы этот пещерный человек похитил и изнасиловал ее. Таким образом, оставаясь внешне холодной и сопротивляющейся, она смогла бы предаться оргии противоречивых эмоций. На фризе из храма Зевса в Олимпии, изображающей драку между кентаврами и ла-пифами во время свадебного пира, представлено и похищение двух женщин кентаврами. (См. фрагмент на вкладной иллюстрации IV.) Во многих уголках мира «похищение с целью женить-

бы», такое как мы видим здесь, было прежде широко распространенным обычаем. Юноша, искавший себе жену, тайком пробирался в деревню другого клана, хватал там девушку и уводил ее как свою будущую невесту. Возможно, иногда случалось так, что юноша и девушка ранее уже были хорошо знакомы, но они могли быть и совершенно незнакомыми людьми. Но в любом случае вполне вероятно, что она не сопротивлялась, хотя ее братья и родственники в гневе преследовали бежавшую пару, досадуя из-за потери одной из своих женщин.

Даже сегодня, на современной свадьбе, это давно отжившее свое «похищение с целью женитьбы» часто имитируется обычаем преследования супружеской пары, как если бы жених похищал невесту. Молодожены убегают, а преследующие их друзья играют роль разъяренных родственников невесты, спешащих освободить ее и наказать похитителя. На этом уровне женский инстинкт выражается почти неутолимым желанием быть использованной другим человеком. Такая женщина ощущает себя опустошенной, ничем; она страстно желает не что-то делать или как-то действовать, а действия над собой — не создавать, а быть заполненной. Это не бескорыстие или самоотречение, как может показаться с первого взгляда; ее действия и позиции могут диктоваться весьма активным себялюбием и эгоизмом, даже если эти мотивы остаются скрытыми от нее самой. Такое состояние обычно представляет скорее бессознательный, чем сознательный аутоэротизм и часто вводит в заблуждение сексуального партнера. Или же он может действительно желать такую женщину, ибо ее инстинктивная позиция является полным соответствием его собственного физиологического влечения.

Сегодня этот аспект женской сексуальности, как правило, скрыт за светской маской, современная женщина редко принимает его за то, чем он является. Однако он часто просматривается в том случае, когда женщина не осознает, что делает. Наиболее выраженные примеры такого бессознательного поведения наблюдаются во время истерических припадков, когда установки и жесты женщины могут быть вульгарно сексуальными, хотя сама она может совершенно не осознавать сексуального мотива своего заболевания. Аналогичная позиция полного самоотречения, самоотдачи, взывания к сильному мужчине заполнить пустоту, ясно просматривается в душевном состоянии, описанном в нижеследующей поэме Лоренса Хоупа:

«Меньше, чем пыли под колесами твоей Колесницы, Меньше, чем ржавчины, никогда не пятнавшей твой Меч, Меньше, чем доверие твое ко мне, о Владыка, Даже меньше всего этого!

Взгляни на свой Меч, Я сделала его острым и блистающим; Любви последняя награда, Смерть, придет ко мне сегодня ночью. Прощай, Захир-у-дин»⁷.

Такая позиция описывается также в весьма популярных среди молодежи романах со следующей распространенной темой: молодая девушка становится жертвой какого-нибудь незначительного несчастного случая, предпочтительнее как раз с наступлением ночи, оказываясь в условиях, оставляющих ее беспомощной в руках мужественного героя.

Страстное желание снять ощущение томящей пустоты, которая является выражением женской восприимчивости на этом уровне, часто выступает темой сновидений и других продуктов бессознательного. Фантазии и рисунки на вольную тему, так же как и сновидения, могут отображать это желание с удивительной прямоотой, делая его легко распознаваемым для специалиста. Но вместе с тем, женщина, рождающая такие образы, может совершенно не осознавать этого желания.

Говоря о физиологической стороне сексуального влечения, я не хочу внушить мысль, что в собственно физиологическом аспекте есть нечто предосудительное или даже нежелательное. Он — не только существенно необходимый фактор процесса воспроизведения, но и крайне важная, возможно даже наиважнейшая основа любовных отношений между партнерами. Однако сам по себе он не имеет ценности для психологических взаимоотношений, и при определенных обстоятельствах удовлетворительная физическая близость невозможна при отсутствии психологической связи между партнерами, которая позволяет им свободно любить друг друга⁸. Только при наличии такой связи половая близость может быть действительно удовлетворяющей. Или, подходя с другой стороны, если психологическая структура не будет построена на фундаменте физиологической сексуальности, то для любовной связи постоянной основы не будет. Физиологичес-

кое желание и удовлетворение играют важную роль во всей психической деятельности, основанной на инстинкте. Аналогично тому, как прием пищи играет определенную роль в дружеских отношениях и даже в религиозных ритуалах, так и сексуальные объятия могут служить проводником эмоциональных или психических переживаний, превосходящих физические ощущения.

Когда чисто физиологические аспекты сексуальности уже не удовлетворяют потребностей индивида, существование которого включает не только животные функции, но и психологические, то есть, духовные и эмоциональные стремления, тогда меняется характер привлекающего его сексуального объекта. Эту перемену можно легко наблюдать в поведении подростков, когда они перестают интересоваться исключительно физиологической сексуальностью и открывают для себя романтическую любовь. Их развитие соответствует культурному изменению, произошедшему в период средневековья, вследствие которого в западном человеке впервые зародилась, а затем приобрела огромное значение романтическая любовь, в то самое время, когда человек завершал эволюционную стадию, характеризующуюся акцентированием физической доблести и грубой силы.

На этой новой стадии психической трансформации сексуальности объект желания дифференцируется от всех остальных как любимый; однако любовь индивида относится здесь не к самому объекту, а к ценностям, проецируемым из собственного бессознательного индивида⁹. Это ясно демонстрирует частота, с которой романтическая любовь возникает полностью сформированной, — «с первого взгляда» — и аналогичным образом может также неожиданно и необъяснимо исчезнуть. Очевидно, объект любви — например, женщина, привлекательная и очаровательная — любим не сам по себе, ибо любящий не может знать его реальных качеств; скорее сексуальную и романтическую любовь субъекта привлекают ценности, отражаемые или символизируемые объектом. Возможно, более правильным будет сказать, что объект любви инициирует некоторые вибрации глубоко в бессознательном любящего и они вызывают иллюзию наличия у объекта определенных атрибутов. Этот процесс во многом аналогичен тому, как некоторые раздражители могут вызывать зрительные иллюзии. Например, — «искры в глазах» после удара по голове. А некоторые яды вызывают галлюцинации, представляющиеся объективной реальностью. В обоих случаях кажущийся зритель-

ный образ, очевидно, является иллюзией, зарождающейся в самом субъекте.

Когда мужчина влюбляется в женщину с первого взгляда, в его глазах она обладает всеми самыми желанными для него качествами. Вдобавок он ощущает в себе тонкую, почти чудесную пронизательность в том, что касается ее. Он заявляет, что хорошо знает ее, знает, о чем она думает и что она чувствует, даже если не слышал от нее ни единого слова и совершенно незнаком с ней. То же самое может происходить и в случае с женщиной. Просто удивительно, какую слепоту и неразборчивость может проявить женщина к чувствам мужчины, завладевшим ее воображением и желанием. Она как будто зачарована и убеждена, что он тоже любит ее. И что бы он ни сделал — ничто не может вывести ее из заблуждения. Ибо ее убежденность проистекает из собственного бессознательного инстинкта, а не от объективной реальности ситуации. Там, где проекция взаимна, мужчина и женщина ощущают удивительное родство душ, необъяснимое взаимопонимание и гармонию. Они естественно принимают это за чудо, особое благословение, дар богов и считают себя избранниками благосклонности небес. И, возможно, они правы — если любовь не угасает. Именно здесь находится уязвимое место данной ситуации: их ощущение единства основывается на иллюзии, которая может рассеяться при первом соприкосновении с реальностью.

Это явление вполне объяснимо, если понимать, что такое притяжение обусловлено тем, что мужчина видит в женщине отражение своей другой стороны, а в женщине работает аналогичный механизм. Качества, проецируемые индивидом, бессознательны, неизвестны ему самому и не являются его собственными качествами. Он никогда сознательно не считал их своими и не развивал их. Возможно, он даже подавлял их зачаточное существование, ибо они противоречили тем факторам, на которых он решил построить свою сознательную личность. Тем не менее, они представляют латентные потенциальные возможности его собственного характера. Они являются психическими факторами, избежавшими его сознательной адаптации, и их отсутствие означает его односторонность и неполноценность. Сам факт необычного распознавания этих качеств при встрече с женщиной, которая может их представлять, доказывает их принадлежность его собственной психике.

Каждый человек состоит из элементов, унаследованных от предков обоих полов. В мужчине доминантными являются мужские элементы, а рецессивными — женские, тогда как для женщины верно обратное. Эта двойственность существует как в биологической сфере, так и в психологической. Так, целостный человек должен быть и мужественным и женственным. Общая сумма присущих индивиду элементов противоположного пола (женских в мужчине и мужских в женщине) составляет душу¹⁰. Юнг, следуя классической формулировке, дал этому комплексу души в мужчине название «анима», а комплексу бессознательных мужских элементов в женской психике — «анимус». Он отмечает, что эти рецессивные аспекты психики, будь то мужские или женские, обращены к бессознательному и формируют автономный комплекс. Как и другие аналогичные комплексы, он стремится быть персонифицированным и функционировать в качестве отдельной личности или части души, как его называют народы примитивной культуры.

Индивид, создающий такую персонификацию, как правило, не видит в ней внутренний фактор собственной психики. Но многие люди время от времени слышат внутренний голос, отличающийся от собственного, или ощущают себя одержимыми другой личностью, вызывающей настроения и аффекты, которые не могут привести в соответствие с более одобряемой и сознательной частью самих себя. Чаще всего этот автономный комплекс души обнаруживает себя благодаря проекции на подходящий объект внешнего мира. В этом случае женские элементы в мужчине находят свое воплощение в проекции на женщину, тогда как мужские элементы в женщине ищут мужчину, способного их выразить.

Взаимное притяжение полов всегда содержит элемент этой проекции анимы или анимуса — элемент, увеличивающийся пропорционально недостаточности развития индивида. Когда психическая функция, замещающая комплекс души, развита недостаточно, тогда архетип существа противоположного пола — женского в случае мужчины и мужского в случае женщины — властвует безраздельно, делая индивида слепым в отношении фактических черт и качеств реальной личности. Мужчину, например, может привлечь женщина, более или менее точно отражающая состояние его души, во всем остальном он будет пребывать в иллюзии, что она полностью воплощает в себе искомые душев-

ные свойства и будет реагировать на нее так, как если бы она имела над его судьбой власть, в действительности присущую его собственной душе. Так как его душа — это неотделимая часть его совокупной психики, он будет безоговорочно привязан к женщине, воплощающей образ его души.

Понятие анимы и анимуса — сложное¹¹. В начальных главах оследней книги Юнг в системной форме обсуждает свои идеи о лоях психики. Вначале идут *эго* и *персона*, — более или менее ознательные факторы психики; за сознательным *эго* стоит *тьень*, бессознательная или полусознательная фигура, персонифицирующая личное бессознательное, а далее следует *анима*, в случае мужчины, и *аниму с*, в случае женщины. Эта схема связывает личностную часть психики с безличной, где господствуют архетипы. Так как *тьень* и *анима* (анимус) являются бессознательными компонентами психики, они обычно проецируются на внешний мир, где персонифицируются в какой-нибудь подходящей личности, которая выступает носителем представляемых ими ценностей.) Данная теория постепенно развивалась и дополнялась Юнгом как соответствующая реальным проявлениям человеческой психики, открывшихся ему в наблюдениях на протяжении многолетних профессиональных исследований. Он определяет аниму как психическую функцию, цель которой состоит в том, чтобы связать человека с содержанием коллективного бессознательного — архетипами, психическими паттернами или склонностями функционирования, являющимися психологическими репрезентантами физиологических инстинктивных механизмов.

Когда *анима* или *анимус* еще не развились до статуса психической функции, они остаются автономными и проявляются в сновидениях в персонифицированной форме, — в образе женщины у мужчин, и в образе мужчины у женщин — а в реальной жизни в виде проекций на других людей. Комплекс души в мужчине представляет женские элементы его психики, поэтому проекция его *анимы* падает на женщину, которая, как ему кажется, вследствие этой проекции воплощает все его неосознанные потенциальные возможности, как полезные, так и деструктивные. В случае же женщины мужчина, удостоившийся проекции ее *анимуса*, аналогичным образом будет обладать очарованием и неотразимой притягательностью ее собственных нераспознанных мужских способностей.

Таким образом, характер сексуальной проекции индивида отражает состояние его анимы, то есть незнакомой части его собственной психики, комплекса души. Если она примитивна и не-дифференцирована, то не сможет эффективно выполнять свою интрапсихическую функцию посредника между сознательной личностью и коллективным бессознательным. Приливные волны этого обширного внутреннего океана не встретят на своем пути никакого действенного барьера и нахлынут непосредственно на психику, в результате чего человек окажется подвержен необъяснимым настроениям и компульсивным влечениям, характерным для инстинктивного поведения. Когда бы проекция анимы ни произошла, такой индивид будет действовать почти автоматически, находясь под полным влиянием возникающей в нем страсти, подталкиваемый безотлагательностью, с которой природа заставляет свои творения служить ее целям. Околдованный такой проекцией мужчина едва ли отвечает за свои поступки. Когда им овладевает инстинктивное влечение, ничто не может удержать его от подчинения. Он подобен гонимому зверю и приходит в себя, снова становясь человеком только после того, как инстинкт настоит на своем. Такой тип проекции, очевидно, связан не с индивидуальной женщиной, а с женщиной в ее биологической роли — наименьшим общим знаменателем женственности.

Проекция комплекса души выступает психологическим явлением, лежащим в основе сексуальной притягательности. Мужчина и женщина взаимно дополняют и притягивают друг друга, стремясь к физическому слиянию и биологической целостности не только на физиологическом уровне. Аналогичное страстное стремление к подобной цели действует — очень сильно — и на психологическом уровне.

В долгой истории культурного развития человечества и, соответственно, в истории личного развития индивида мы наблюдаем теперь постепенное изменение характера удовлетворения, требуемого сексуальным инстинктом. *Libido sexualis*, уже больше не довольствующееся одной целью, начинает требовать дополнительного удовлетворения в совершенно иной плоскости. Физического удовольствия, хотя оно и остается важным, больше недостаточно. Его первенству бросает вызов настоящее желание эмоционального удовлетворения. Физиологический аспект полового акта во все большей мере оказывается зависимым от эмоционального фактора. Если не будет сформирован надлежащий ка-

нал для выхода эмоции и будет отсутствовать ответная эмоциональная реакция партнера, физический контакт не сможет удовлетворить настойчивого влечения мужчины или женщины; в действительности сам сексуальный механизм может быть заторможен до наступления временной или постоянной фригидности у женщины и функциональной импотенции у мужчины. Но если вдобавок к физическому притяжению между двумя любовниками существует еще и эмоциональный раппорт, полученное ощущение усиливается не только благодаря эмоциональному или духовному значению, но и вследствие повышения качества физиологического удовлетворения.

При достижении этой стадии психической модификации сексуального инстинкта его выражение больше не служит единственной цели воспроизведения рода. Вмешательство сознания вызвало раскол единства первостепенной задачи природы. Рождение нового поколения всегда будет оставаться первоочередной целью, которой природа заставляет служить своих доверчивых детей посредством взаимного притяжения полов и удовольствия полового сношения. Но по мере постепенной модификации сексуального инстинкта он в своем отношении к психике становится более тесно связанным с сознанием и из бессознательного появляется другая цель — эмоциональная или духовная. Психологическая энергия или либидо, присущие этой дополнительной цели, также разделяются на два потока, внешний и внутренний. Первый из них имеет объективную цель, а второй — субъективную. Исходящий поток либидо направлен на построение долговременных взаимоотношений с любимым объектом и на создание семьи — то есть, он имеет социальную цель. Внутренний или субъективный поток, в первую очередь, касается эмоционального переживания, достигаемого благодаря половой любви, и внутренней или психологической сферы, куда он нацелен; следовательно, он имеет психологическую цель.

Социальная направленность либидо, приведшая к формированию семейной ячейки, самой основы общества, в течение многих столетий цивилизации оказывала самое глубокое и существенное влияние на сдерживание и дисциплинирование сексуального влечения, вдобавок стабильная эмоциональная обстановка, которая обеспечивалась младшему поколению семейной жизнью, и продление периода воспитания, которое она сделала возможным, оказались культурными факторами величайшего значения.

Так, репродуктивный инстинкт, первоначально функционировавший исключительно как физическое влечение, со временем привел к развитию человеческих взаимоотношений и появлению любви. Ибо когда половой партнер становится постоянным, взаимодействие двух личностей делает необходимым развитие дальнейших взаимоотношений. Создание общего дома и воспитание детей вывели часть сексуального либидо в родительскую стадию выражения репродуктивного инстинкта, где умеряются и дисциплинируются личные аутоэротические желания родителей нуждами и потребностями потомства. Семейная ячейка, в свою очередь, связана с другими аналогичными структурными единицами, и ее члены учатся занимать свое место в общине. Таким образом, в результате реализации того, что представляется в высшей степени личным физиологическим и эмоциональным влечением, мужчины и женщины приходят к выполнению социальной обязанности безличного, или лучше будет сказать, не личного характера. Дисциплина этого пути, вместе с постепенным изменением цели при его прохождении, обеспечат дальнейшее развитие самого инстинкта в той мере, в какой он будет принимать участие в реальной жизни и окажется задействованным в ситуации; к тому же будут развиваться и созревать характер и личности вовлеченных индивидов. Они больше не будут интересоваться только своим собственным удовлетворением, освободятся от исключительного господства аутоэротического принципа, и в их сознании появится более далекоидущая цель. Таким образом, эго заменит аутоэ. Появление эго как руководителя сознательной личности открыло широкую дорогу прогрессивному развитию. Ибо только эго обладало достаточной ясностью для эффективного противостояния примитивным и инстинктивным потребностям чисто физиологического или аутоэротического характера. В естественных условиях индивид живет настоящим, реагируя на импульсы, вызываемые реальной ситуацией, в которой он оказался, не принимая во внимание иные ситуации или интересы, которым может навредить эта однонаправленная реакция. Но с появлением эго — центра сознания — становится возможным сохранение памяти о прошлых событиях. Это приводит к конфликту между различными импульсами и желаниями, возникающими у индивида непрерывным потоком, и он вынужден выбирать из них, соглашаясь с какой-то шкалой ценностей. Выбор может определяться на осно-

вании себялюбивых или эгоистических желаний, отражающих низкий уровень развития; или же может определяться более важными целями, которые, однако, все равно представляют собой волеизъявления эго, хотя уже и не такие глубоко эгоистичные. На более прогрессивной стадии развития выбор может пасть на ценность, которая превосходит даже высшие цели эго. Например, если мужчина и женщина действительно любят и уважают друг друга, между ними со временем может установиться подлинная психологическая взаимосвязь¹². В таком случае может представляться, что сама эта взаимосвязь имеет большее значение, чем какие-либо из обычных удовольствий эго — такие, как желание добиться своего или всегда быть правым. В других случаях деятельность, предпринимаемая для поддержания семьи и поэтому своим энергетическим содержанием косвенно зависящая от сексуального инстинкта, приобретает собственную ценность совершенно независимо от радостей, которые она приносит эго в смысле «возврата вложенного» или престижа. Такие ценности можно найти, например, в служении отечеству, в борьбе за права человека, в посвящении себя научным исследованиям, в заботе о людях в сфере образования, медицины и социального обеспечения или же в почти религиозной позиции художника либо ремесленника по отношению к своему творческому идеалу.

В каждой из этих типичных ситуаций, где личная цель замешена, по крайней мере отчасти, безличной, психологическая эволюция индивида может продвинуться еще на шаг вперед. Ибо эго, как имеющее центральное значение в психике, начинает вытесняться новым фактором.

Значение роли, которую сыграло становление супружества и семейной жизни как социальных институтов в психологическом и культурном развитии человека нельзя переоценить. Действительно, современный человек обязан, возможно, много большим, чем он осознает, этой конкретной социальной форме, столь много сделавшей для контроля и обуздания энергии примитивной сексуальности и позволившей творчески использовать ее в областях, непосредственно не связанных с сексуальностью. Так, благодаря дисциплине брака сексуальный инстинкт подвергся существенной психической модификации. Однако, запреты и правила, предназначенные сдерживать этот мощный инстинкт, обеспечивали эффективный контроль и трансформацию только части эго энергии. Всю силу и потенциальную возможность первичного

инстинкта они обуздать не могли, и значительная часть его энергии — насколько значительная определить невозможно, ибо резервы инстинктов кажутся безграничными — неизбежно вытеснялась и терялась в бессознательном.

С течением столетий вытеснение ширилось и в конце концов стало таким чрезмерным, что возникла угроза почти полного отсечения современного человека от этого источника энергии. В пуританских странах вытеснение достигло такой величины, а вытекающий внутренний раскол индивида стал настолько серьезным, что в начале нынешнего столетия его состояние напоминало то, что, по словам вавилонского мифа, постигло мир, когда Иштар, богиня плодородия и сексуальной любви, отправилась в подземный мир в поисках своего сына Таммуза, бога весны. Пока она отсутствовала, все пребывало в состоянии застоя, депрессии и инертности; ничего не происходило, ничто не свершалось, все чахло до ее возвращения на землю.

Страх и сопротивление, встретившие открытие Фрейдом пути восстановления контакта между сознательным человека и сексуальными корнями инстинкта за порогом его сознания, а также активность, с которой оно позднее было подхвачено, раскрывают, насколько современный человек был отделен от внутреннего источника жизни и каким важным это восстановление контакта представлялось.

Одним из самых ранних запретов, налагаемых на сексуальный инстинкт, и до сих пор соблюдаемым повсеместно, является запрещение инцеста. В большинстве человеческих обществ экзогамия практиковалась не из-за какого-либо отсутствия сексуального влечения к родственникам, а по причине ограничительной культурной формы, запрещавшей половую связь и брак между близкими родственниками, вдобавок к своим биологическим преимуществам, это правило имело очень важное психологическое следствие. В ранних сообществах, как только юноша достигал половой зрелости и начинал испытывать сексуальное влечение, его заставляли покинуть тесный круг своей группы и попытаться счастья в поисках сексуального партнера в мире за пределами селения. Для этого он должен был преодолеть собственные детские страхи и научиться полагаться на самого себя. Девушка, в свою очередь, должна была найти в себе отвагу встретить гостя из чужого клана, который именно по этой причине мог оказаться нежелательным для ее деревни. Или же, как принято в некоторых примитив-

ных брачных церемониях, она должна была позволить похитить себя, невзирая на яростное сопротивление братьев и дядьев. Благодаря этому приключению в поисках сексуального партнера молодые люди расширяли свои познания об окружающем мире и развивали собственное сознание. Для них это было индивидуальным психологическим продвижением вперед, — а тем самым и культурным прогрессом группы в целом — возможно, таким же важным, как физиологическое преимущество, получаемое от межродового скрещивания.

По мере укрепления семьи дети окружались любовью и заботой не только в период беспомощного младенчества, но и на стадиях созревания, уже как индивиды, и семейная жизнь давала все большее эмоциональное удовлетворение, в результате чего уменьшалась настоятельность импульса покинуть ее в поисках партнера. Ребенок в таком доме привязывается к одному из родителей либо к брату или сестре настолько сильно, что это мешает его дальнейшему эмоциональному развитию. Чем более благоприятна и культурна домашняя жизнь, тем выше опасность семейной фиксации, которая лишает молодежь очень сильной побудительной причины вырваться из дома — а именно, осознания неудовлетворенных сексуальных влечений, которые обычно побуждают молодое поколение к самостоятельной жизни.

Это еще раз демонстрирует, как культурное достижение, делая часть энергии примитивного инстинкта доступной для обогащения сознательной жизни, в то же самое время может вызвать расщепление примитивного либидо на позитивные и негативные формы, функционирующие в тесном соприкосновении. Автор «Книги Ламбспринка» говорит об этом следующими словами:

«Мудрецы поведают тебе, Что есть две рыбы в нашем море, Без плоти и костей.

К тому же Мудрецы глаголят, Что две эти рыбы — лишь одна, не две. Их две, но все ж они — одно»¹³.

В море — то есть в бессознательном — позитивные и негативные аспекты разделены не четко. В случае инстинкта самосохра-

нения, например, уверенность в достатке, проистекающая от трудолюбия, и боязнь нужды, проистекающая от жадности, оказались в фокусе сознания благодаря дисциплинированности, позволившей человеку заниматься выращиванием урожая. В случае сексуального инстинкта возникает аналогичная ситуация: как только часть влечения «одомашнивается» и его устремления создают брак и семейный очаг, мы находим, что в следующем поколении эти же ценности действуют в противоположном направлении. Чрезмерно ограждающая или слишком поглощающая семейная жизнь может затормозить созревание детей. Влечение, которое должно побудить молодых людей к выходу в мир, недостаточно сильно, для того чтобы разорвать привязанность к дому. Их эмоциональный голод не столь выражен, чтобы заставить отправиться на поиски удовлетворяющей любовной связи за рамками семьи. Их эмоции довольствуются реакцией родителей или братьев и сестер. Даже демон сексуальности может оставаться в состоянии покоя почти бесконечно, если не слишком тщательно всматриваться в характер любви между членами семьи. Но если эту любовь изучить более внимательно — как показал Фрейд своим анализом бессознательных корней таких ситуаций — за видимостью вполне может скрываться инцестуальная связь с семьей. Когда эти факты впервые были преданы гласности, мысль о возможности существования подобного состояния вещей оказалась крайне шокирующей для большинства «приличных» людей. Такую естественную реакцию частично объясняет очень распространенное заблуждение, которое заключается в том, что употребление Фрейдом термина «инцест» люди склонны понимать слишком буквально и это привело к довольно широко распространенному превратному пониманию. Ибо концепция бессознательного психологического инцеста предполагает не открытую сексуальность и не сознательное стремление к половой близости с близким родственником, а фиксацию психологической энергии или либидо в пределах семейной группы, которая мешает связанному таким образом индивиду искать подходящих половых и эмоциональных взаимоотношений вне семьи. Бессознательные сексуальные желания, направленные на лиц из домашнего круга, конечно же, могут существовать, но чаще всего выявленный в ходе анализа сексуальный материал следует рассматривать как символизирующий психологические семейные узы, а не доказательство подлинных сексуальных устремлений.

Исследования Фрейда полностью выявили эти скрытые тенденции; но основа семейной фиксации была известна проницательным умам человечества, начиная с времен авторов греческих трагедий. С признанием правильности заключений Фрейда эти тенденции представляются настолько очевидными, что мы все свыклись с идеей их существования, и тема бессознательной инцестуальной фиксации сегодня совершенно открыто затрагивается как в биографической, так и в художественной литературе и драматургии. Инцестуальная фиксация рассматривается как один из самых важных мотивов, мешающих мужчинам и женщинам сочетаться браком или освободиться от детской привязанности к семье и родителям.

В прошлом кровосмесительные связи не всегда считались пагубными. Иногда социальные законы и обычаи, обеспечивавшие соблюдение сексуальных запретов, игнорировались, а при определенных обстоятельствах эндогамные браки были даже правилом. Например, там, где все еще преобладало наследование по женской линии, иногда для сохранения семейной собственности фактически рекомендовались браки между близкими родственниками, притом, что другие обычаи раннего матриархального общества уже могли и не соблюдаться. В других случаях распространенной культурной формой являлось бракосочетание двоюродных родственников. Лэйярд полагает это естественным¹⁴. В некоторых случаях супружество близких родственников было обязательным по религиозным соображениям. В особенности этого правила придерживались в царствующих семьях (до сих пор считается, что супруга короля должна быть из королевского рода) и в жреческих. Предполагалось, что члены таких семей являются воплощениями или, по крайней мере, ставленниками богов, а браки между ними — воспроизведением на уровне человеческой семьи мифологических бракосочетаний богов. Таким образом, на земле повторялось объединение двух аспектов божества, мужского и женского; а так как в мифах такой брачный союз богов всегда знаменовал начало периода благополучия и плодородия, то считалось, что бракосочетание царственной пары также принесет процветание стране и всем ее гражданам¹⁵. Прекрасным примером инцеста между братьями и сестрами, продолжающегося из поколения в поколение, служит род фараонов. Фараоны считались воплощениями Исиды и Осириса, божественной двойней, брачный союз которой имел огромное зна-

чение в основании Египетского царства и становлении духовной культуры, принесшей египтянам заслуженную известность¹⁰.

Совершенно иное положение складывается у детей в неблагоприятных условиях семейной жизни. Если родителям не удастся наладить удовлетворительных взаимоотношений между собой и они ведут себя беспокойно и неуверенно, то дети также будут испытывать нехватку эмоциональной устойчивости. Они вряд ли смогут создать прочную семью, ибо никогда не имели перед собой примера супружеского счастья. В такой семье молодое поколение чаще обнаруживает, что любовь и сексуальность разделены непроходимой пропастью, что приводит либо к промискуитету*, либо к полному подавлению чувств по той причине, что любовь представляется только в неприемлемых формах.

В любом случае, будь домашняя жизнь слишком безмятежной или чрезмерно неудовлетворительной, существует высокая вероятность недоразвития сексуального инстинкта. В первом случае его усыпит поверхностная удовлетворенность, и он останется погребенным в бессознательном; во втором — он будет либо принудительно подавлен в попытке жить согласно общепринятым стандартам, либо выразится в асоциальном поведении, которое вполне может оказаться как неуправляемым, так и деструктивным.

Именно этот демонический аспект сексуальности задействован во второй мотивации либидо. Если супружество и дети представляют культурные ценности, обретенные посредством сексуального инстинкта, то и внутренний аспект, связанный в первую очередь только с физиологическим и аутоэротическим удовлетворением, также имеет культурную цель. Она проявляется в субъективных переживаниях и творениях, имеющих не меньшее значение, чем объективные достижения брака и связанные с ним формы социального прогресса.

Внутренний или субъективный аспект сексуальности всегда имел большое значение. На примитивной, аутоэротической стадии развития наибольшее удовлетворение достигается, когда физическое напряжение поднимается до наивысшего возможного уровня. В романтический век истории (что верно и в отношении соответствующей психологической стадии у современных индивидов) конечной целью становилась сама интенсивность эмоционального

"Половая распущенность. — *Прим. ред.*

переживания. Раздельнополое воспитание, уединенность девушек, форма одежды и целый ряд правил и обычаев, регулирующих социальные взаимоотношения мужчин и женщин, предназначались (вероятно, более чем на половину бессознательно) для того чтобы углубить таинство и очарование женственности и увеличить эмоциональное и физическое напряжение между полами.

Эта новая позиция нашла свое выражение в импульсе отправиться на поиски и спасение девушки, оказавшейся в бедственном положении, или покинуть жену и дом ради некой Троянской Елены. Такой импульс рожден не одомашненной стороной сексуального влечения, которая нашла бы свое удовлетворение в браке. Он берет свое начало от необузданной черты характера, свойственной как мужчине, так и женщине, которых пленяет нетрадиционное, труднодостижимое. Этим фактом объясняется особая привлекательность любовника в сравнении с брачным партнером. Непреодолимая сила импульса являлась выражением еще не вышедшей из бессознательного части сексуального инстинкта, не привязанной к сознательной личности вследствие развития эго. Этот безличный фактор, подобно демону, может заставить человека пуститься на поиски опасных и неизведанных впечатлений в ту область, где он может оказаться в эмоциональных ситуациях, сильно выходящих за рамки его личного контроля.

В повседневной жизни сложившаяся между мужчиной и женщиной фактическая ситуация усиливается или даже искажается при наличии проекции образа души. Носитель этого образа, олицетворяющий душу партнера, притягателен вне всякого сравнения или, напротив, угрожающ. Поэтому он обладает необыкновенным влиянием и привлекательностью, вызванными не его реальным характером или личностью, а тем, что он отражает, то есть непознанной, неосознанной половиной своего партнера. Объединение со своей потерянной душой имеет столь жизненно важное значение, что всякий раз, когда жизнь предоставляет благоприятную возможность приблизиться к ней, пробуждаются психические силы, присущие сокровенным глубинам человеческого естества. Однако фактически ощущаемое влюбленным индивидом непреодолимое страстное влечение не заявляет о себе сознанию на каком-либо подобном психологическом языке. Объект любви просто кажется безмерно желанным. Партнерша притягивает с неотвратимой силой и очарованием, избежать которых невозможно. Из-за безотлагательности любви человек мо-

жет превзойти самого себя, преодолеть все препятствия, стоящие между ним и его возлюбленной, и, если удача улыбнется ему, даже добиться объединения с ней. Это объединение — одновременно средство удовлетворения его человеческой любви и символическая драма, разыгрываемая на сцене реальной жизни; однако его более глубокое значение сокрыто в самой психике. Ибо оно является ритуальным представлением тесного единения индивида с собственной душой.

По этой причине глубоко влюбленный мужчина (то же самое в равной мере относится и к женщине) оказывается способным, даже вынужденным превзойти свои возможности. Во время ухаживания обычно изменяется характер и психологическая позиция и кажется, будто произошла радикальная перемена. У некоторых людей она является всего лишь отблеском периода «влюбленности», таким же мимолетным, как эмоции, его породившие. Но у других любовь может инициировать перманентное изменение характера, сохраняющееся даже после ослабления первой волны чувств. Это говорит о том, что посредством переживания внешнего события в реальной жизненной ситуации пережита, по крайней мере отчасти, душевная драма.

Ибо объединение влюбленных — это нечто большее, чем просто акт физической сексуальности, благодаря которому снимается напряжение и достигается биологическая цель, воспроизведение потомства. Оно затрагивает более сокровенные инстинктивные глубины — области, выходящие за рамки сознательной личности. Удовлетворение сексуального желания слиться воедино с любимым человеком, усиленного проекцией образа души, требует, чтобы любящий отрекся от себя и своего ограниченного личного эго и принял в себя другого. Это означает некоторого рода духовную смерть.

Объединяясь с чем-то отличным от себя, с тем, что одновременно и в нем и вне его, человек ощущает себя потерянным для себя.

В акте воссоединения с любимым ищут высшего удовлетворения. Но даже в момент самых жарких физических объятий из-за интенсивности самого переживания любящему кажется, что окончательное обладание любимым ускользает от него. Ибо наивысшим блаженством является экстаз, выход из себя. Экстаз подразумевает потерю себя в чем-то вне себя. Когда экстаз достигается посредством сексуального выражения (существуют и другие пути переживания экстаза), вся сила страсти любящего

должна быть сосредоточена на партнере. Однако само переживание отражает не слияние с любимым, а совершенно обособленную и обособляющую поглощенность внутренним явлением величайшего значения. Любящему кажется, что его личность растворилась и слилась с чем-то большим или что он является существом, объединившимся с безличным другим внутри себя — это явление делает его одновременно меньшим и намного большим, чем собственное эго.

Мистики многих эпох и различных религий использовали образность этой архетипической сексуальной консуммации для описания субъективных переживаний экстаза, который они объясняли реальным ощущением воссоединения души с Богом. Когда Сан-Хуан де ла Крус писал нижеследующие стихи, он описывал внутреннее переживание любви к Богу и тесную общность души с Богом, однако его слова в равной мере применимы и к человеческим взаимоотношениям:

Отрадной ночью тою,
За темнотою других не различая
И скрыта темнотою,
Без вехи и луча я
Шла, жарким сердцем путь свой освещая.
Оно мой шаг несмелый
Вело верней полдневного сиянья
К пустынному пределу,
Где ждал, томя и раня,
Кого везде узнала бы заране.
О мрак, огонь дорожный!
Мрак, что желанней яркого светила!
О мрак, приют надежный
Для Милого и милой,
Где с Милым милую в одно сплотило!
Забылась я, затмилась,
Склонясь над Милым и забыв унынье,
И больше не томилась,

М.Э. Хардинг

Теряясь в белом крине

На благодатной горней луговине¹⁷.

В «Песни песней», хотя она и имеет форму эротической поэмы, несомненно, также отобразено мистическое переживание воссоединения души с Господом. Рабия, посвященная из секты суфиев (мусульманских мистиков), постоянно говорит о Боге как о своем возлюбленном. Многие другие, включая христианских святых, также писали о своих глубочайших и сокровеннейших переживаниях словами, применимыми к сексуальной любви.

Это никоим образом не означает, что такое переживание есть «ничто иное» как смещенная сексуальность. В некоторых случаях это явление можно объяснить именно так; в других оно, несомненно, относится к внутреннему переживанию, протекающему не в физиологической, а в психологической сфере. Религиозные мистики в результате таких переживаний ощущали себя заново родившимися или преобразованными; это перерождение часто объяснялось возрождением души и иногда называлось внутренним рождением божественного ребенка.

Стремление к экстазу, хотя оно ощущается не каждым, говорит о широко распространенной и прочувствованной потребности людей. Она находит выражение во множестве форм и значений. Только что я обсуждала его в весьма положительном аспекте. Но не следует забывать, что желание окунуться в бессознательное — даже страстное стремление такого рода — может иметь совсем иное значение и исход. Иногда это — *au fond** регрессивная или отступническая тенденция, желание «уйти от самого себя». В этом случае действительно наблюдается желание на некоторое время затеряться или забыться — с выраженным акцентом на бегство от ответственности и трудностей реальной жизни. Человек, ищущий такого рода забытья, надеется на некоторое время успокоить ощущение собственной неполноценности, если только удастся усыпить сознание с его критической позицией. Ибо тогда на передний план может выйти бессознательная инстинктивная личность и взять ситуацию под свой контроль, и можно будет некоторое время не беспокоиться о личной ответственности. Человеком будет управлять некто иной и поэтому его нельзя считать ответственным за последствия.

Таковы-

*По существу (фр.). — *Прим. перев.*

ми могут быть доводы ренегата. Но он никогда не излагает их вслух, даже самому себе; ибо иначе не сможет оставаться невиновным, прикрываясь непониманием того, что изменил делу человеческой свободы.

Избавления от придинок сознания и чувства долга можно достичь с помощью сексуальных объятий, когда индивид теряется в океане инстинкта. Или его можно найти в пристрастии к алкоголю или какому-нибудь из наркотиков, приносящих забытие и эйфорию. Сходную этиологию могут иметь невротическая сонливость и крайняя усталость при неврастении. В наиболее серьезных случаях, когда вызванный жизнью и темпераментом конфликт оказывается неразрешимым, погружение в материнские глубины бессознательного может быть столь глубоким, что сознательная психика окажется во власти архетипического материала, результатом чего может быть психотическое состояние.

Однако в стремлении к экстазу отнюдь не всегда просматривается отступническая тенденция. Как уже отмечалось, экстаз является частью переживания воссоединения обособленных частей психики. Многие считают его средством освобождения от ничтожности эго посредством растворения или объединения с силой, превосходящей самого индивида. Если характер и значение этого переживания таковы, то оно не мешает человеку в выполнении его жизненной задачи; скорее оно обеспечивает вдохновение, с помощью которого, наконец, оказывается возможным решение задач, ранее казавшихся невыполнимыми.

Художнику его искусство (или его гений) представляется безличным творческим духом, почти божественным созданием, существующим и творящим совершенно независимо от эго-сознания. Когда его охватывает порыв к творчеству, он чувствует себя приподнято; он возбужден и воодушевлен духом. То, что он изображает, он придумывает не сам; оно приходит неизвестно откуда даже для него самого. Это творчество совершенно иного рода, чем творчество рационального мыслителя. Здесь творение не является продуктом мышления. Оно представляется, слышится или преподносится. Например, Ницше утверждает, что практически все произведение «Так говорил Заратустра» громко прозвучало в его ушах, когда он бродил по горам, в состоянии экстаза повторяя звучавшие слова для себя. Вся работа была преподнесена ему практически в завершенном виде. В такие периоды вдохновения и экстаза поэты всех времен ощущали приток божес-

твенной энергии; это переживание очищало их от налета смертности, обуславливающей внутренний раскол. На короткий период времени такой индивид, отдаваясь во власть превосходящей его силе, ощущает себя единым целым.

В культовых религиях, где благоговение перед богом и вдохновенность ощущались частью ритуала, цель религиозных обрядов заключалась в достижении экстаза, в котором верующий чувствовал себя одержимым своим богом¹⁸. Во многие периоды человеческой истории такое состояние стремились вызвать намеренно, прибегая к различным средствам. Экстатическое, подобное трансу состояние, вызывают дикие, продолжительные танцы дервишей в мусульманских странах. С той же целью практикуют всевозможные воздержания шаманы некоторых племен американских индейцев и эскимосов, голоданием, отшельничеством и самоистязанием доводя себя чуть ли не до сумасшествия. Самобичевание играло также роль в ритуально вызываемом экстазе средневековых *флагеллантов*, культ которых сохранился до нынешних времен. Аналогичным образом, наверное, можно объяснить сообщения о том, что христианские мученики во время пыток на дыбе или даже при сожжении заживо часто не выказывали признаков боли, а напротив, всем своим видом выражали восторг. В Индии йоги добиваются такого экстатического состояния, называемого самадхи, посредством медитации и других упражнений системы йогов, из которых на Западе наиболее известными, вероятно, являются упражнения по управлению дыханием, или прана. Во многих уголках земного шара в ритуальных обрядах, предназначенных вызывать состояние транса или возбуждения, в дополнение к алкоголю использовались такие наркотики, как: гашиш, сома, марихуана или мескалин.

Особое значение ритуалы-оргии имели в поклонении Дионису. Ибо он был не только фаллическим богом плодородия, но и богом вина, поэзии, экстаза и просвещения. Его празднества отмечались менадами — женщинами, упивавшимися вином, которое считалось духом самого бога. В этом состоянии они устраивали оргии в лесах, убивали оленей, символизировавших самого Диониса, и сырым ели их мясо. Как говорит Гаррисон:

«Менады — безумные священные женщины, посвятившие себя поклонению Дионису. Но они представляют собой нечто большее, ибо не только прислуживают богу, но и *удостаиваются его наития* [курсив мой]»¹⁹.

Она цитирует из «Вакханок» Еврипида следующее:

«Я видал там диких белых женщин, о Царь, Конечности которых метались как стрелы, но сейчас, Оставив Фивы далеко позади, я пришел поведать тебе О странных их деяниях»²⁰.

Далее этот же автор пишет:

«Менада — сумасшедшая, вакханка [тоже из поклонниц Диониса] — стремительная и безумная, или нечто в этом роде... Сумасшедшая, Безумная, Чистая — это просто различные способы описания женщины, находящейся под влиянием бога Диониса. ... Когда люди становятся высокоцивилизованными, безумие, за исключением поэтов и философов, уже не представляется богоданным, каковым оно есть на самом деле»²¹. Именно желание возвыситься до состояния божественного сознания или достичь божественного безумия, быть вдохновленным до уровня, настолько превышающего нормальный, что его можно описать только как ощущение пребывания вне себя, лежит в основе многих религиозных обрядов эмоционального или даже оргиастического характера. С точки зрения рационального или обычного человека эти проявления возбуждения, эти крайности, практикуемые во имя религии, больше напоминают распущенность, чем религию. Но для тех, кто испытывает эти переживания, они имеют ценность, необъяснимую рациональным языком и не соответствующую традиционному образу мышления. Благодаря им индивид соприкасается с могущественной и неотвратимой энергией инстинкта, залегающей в глубине человеческой психики. Он воссоединяется с безличным источником жизни; он добивается внутреннего брачного союза со своей душой. Благодаря такому объединению с внутренним духом в нем восстанавливается первоначальный поток жизни.

А что касается иного аспекта этих переживаний — разврата, неистовства, отречения от самоконтроля, попирания культуры и пренебрежения благопристойностью, то они также могут явиться результатом объединения с силами бессознательного; ибо высвобождаемые таким образом энергии могут быть как созидательными, так и разрушительными. Примером этого аспекта воссоединения с коллективными инстинктивными силами бессознательного служит волна динамизма, поднявшаяся в Европе в наше время. Отдавшиеся этому динамизму испытали облегчение, аналогичное

экстазу менад, что, вероятно, объясняет его широко распространенное и глубокое влияние.

Могло бы оказаться чрезвычайно полезным, если бы изучение религиозного переживания экстаза предоставило какую-либо информацию относительно того, как человек может установить положительную связь с подобным динамизмом, а не беспомощно поддаваться его очарованию. Нет никакого сомнения в том, что контакт с инстинктивными глубинами обновляет жизнь, каким бы опасным подобный контакт ни был для всей системы сознательных ценностей, с таким трудом построенной. Кроме того, когда экстаз переживается, за неимением лучшего выражения, скажем — «правильным образом», то он оказывается не деструктивным, а благотворным. Индивиды, имеющие опыт таких переживаний, утверждают, что благодаря объединению с динамической силой, кажущейся им Богом, испытали чувство освобождения или целостности.

При всем при этом новое осознание может серьезно противоречить сознательным позициям, которые ранее считались правильными и нравственными. По этой причине прямое соприкосновение с внутренними безличными силами всегда представляет собой сложную проблему для человека, осознающего моральное обязательство поиска целостности. Ибо это соприкосновение, несомненно, принесет с собой необходимость переоценки многого из того, что ранее считалось само собой разумеющимся. Оно может поставить задачи, на решение которых потребуются годы сознательных усилий.

Высказывание Христа: «Не мир я принес вам, но меч» — сегодня настолько же отвечает истине, как и в былые времена.

Те, кто пытается описать состояние экстаза, обычно используют язык эротической любви. Сущность переживания, по-видимому, заключается в том, что во время экстаза индивид теряет свое собственное «Я» и сливается с чем-то вне себя самого. Он ощущает это не как потерю, а как приобретение, как если бы он тем самым обновляется или преобразуется, или превращается в единое целое. Нечто иное, превосходящее силой, достоинством и властью его эго, овладевает его обителью, которая охотно освобождается. Это иное может быть добрым демоном или злым. В момент экстаза индивид не в состоянии определить его характер, ибо все его существо сосредоточено на внутреннем объединении.

Эго исцеляется от своей ограниченности и обособленности и, объединяясь с безличным демоном инстинктивной жизни, обретает целостность.

В момент этой внутренней капитуляции может случиться так, что индивид окажется не в состоянии волноваться относительно характера иного, куда он позволяет себе погрузиться. Однако воздействие на все его существо будет во многом зависеть от того, демоническое или божественное это иное. Вспомним, как Иоанн предупреждал своих учеников: «убедитесь от Господа ли духи» или от дьявола. Он не одинок в предостережении тех, кто следует по экстатической дороге; ибо место бога, к которому они взывают, могут насильственно захватить вероломные или злые духи. Вероятно, именно по причине сомнительного исхода этих экстатических переживаний и были введены ограничения, которыми человек пытался контролировать внутренние безличные силы психики. Эти сдерживания, издавна практикуемые римско-католической церковью, достигли своего апогея во времена пуритан, пытавшихся подавлять все спонтанные или врожденные порывы внутреннего духа посредством развития контроля со стороны сознательного эго.

При слишком жестком подавлении инстинктивного выражения жизни оно рано или поздно должно вырваться из своего заточения. И тогда его проявление будет не адаптированным, а скорее всего примет атавистическую или деструктивную форму. Например, во времена пика пуританских сдерживаний в Западной Европе и Америке появилась архаическая и извращенная форма фаллического культа в виде ведовства²². Центральные ритуалы шабашей ведьм носили сексуальный характер. Их главным действующим лицом был мужчина, олицетворяющий дьявола. Женщины поклонялись ему как фаллическому богу и выполняли с ним сексуальные обряды, часто извращенного характера. Этот культ удалось искоренить лишь с огромнейшими трудностями и фантастической жестокостью, которая, несомненно, являлась порождением ада, а не небес. Сотни людей отречению предпочли пытки и сожжение заживо. Переживаемый в их орги-астических обрядах экстаз отличался такой реальностью и значимостью, что они были готовы скорее пойти на смерть, чем отказаться от него. Этот исторический факт свидетельствует о ценности и важности такого переживания, даже если оно облечено в извращенную форму. Насколько же больше должно озна-

чать ощущение воссоединения с Богом для тех, кто испытал его? Тем не менее, и оно небезопасно. Если в результате обретения целостности психическая структура не окрепнет — если односторонность сознательной позиции не будет уравниваться признанием и одобрением другой стороны — индивид не сможет выдержать наплыва бессознательных, примитивных сил и потеряет человеческое лицо в потоке инстинктивных влечений. Но если он достигнет достаточной внутренней стабильности, чтобы выдержать этот натиск, то высвободившиеся новые энергии преобразуют его.

В романе Чарльза Моргана *Sparkenbroke* представлено очень интересное обсуждение поиска экстаза и освобождения от рабства собственного «я», которое он может дать. Главный герой повествования страстно стремится к этому состоянию, полагая, что оно может принести ему озарение или даже преобразование. Морган описывает его в трех аспектах или формах: экстаз свершившегося полового акта, достигаемый слиянием с любимой женщиной, которая в романе, очевидно, символизирует фигуру анимы; экстаз акта художественного творения, являющийся результатом объединения художника со своим гением; и экстаз смерти, воссоединения с мировым духом — с Богом.

Буддисты²³ описывают четыре стадии или аспекта самадхи, или просветления, в наивысшей из которых ограниченный разум ищущего достигает гармонии с его источником, дхарма-кайя, божественным телом (или состоянием) совершенного просветления. В этом состоянии экстаза разум ищущего перестает быть ограниченным и вливается в разум безграничный.

Такие описания, очевидно, отражают субъективные переживания, которые психолог должен признать действительными, даже если не может согласиться с теологическими или иными гипотезами, выдвигаемыми для их объяснения. Во время экстаза, вне всякого сомнения, появляется ощущение расширения сознания, при котором, выражаясь словами буддистов, ограниченный разум или личное эго замещается безграничным разумом, все-разумом или, на языке психологии, безличным психическим фактором, превосходящим сознание как по силе, так и по масштабу. Ощущение отдачи себя чему-то вне эго приносит с собой чувство целостности, которое сохраняется после того, как экстатическое состояние проходит, и может иметь своим результатом дальнейшее развитие и объединение личности. В человеке сильнее

выражается подлинная индивидуальность, он становится менее разобщенным и более целостным. Все это можно видеть со стороны. Испытавшему это индивиду кажется, что переменялся целый мир. Это объясняется тем, что изменилась сама структура его психики. Его настроения, реакции, мысли — все его ^восприятие самого себя — уже не такие как прежде. Его восприятие окружающего мира также изменилось, и в результате конфликты, ранее казавшиеся неразрешимыми, теперь видятся с иной стороны. Его реакции вместо частичных, а потому не вполне адекватных, становятся объединенными, так как теперь они исходят из более глубокого и фундаментального уровня.

Переживания западных религиозных мистиков столь часто выражаются в сексуальных терминах вероятно потому, что их интересует аспект поисков целостности, символизируемый слиянием с фигурой души, анимой или анимусом. Возможно, там, где это переживание связано с дальнейшим изучением бессознательного, а участвующая в воссоединении фигура имеет тот же пол, что и сознательное эго (Мудрец в случае мужчины, Великая Мать в случае женщины), экстаз имеет иную форму.

Для жителя Запада добиваться экстаза как самоцели или следовать по пути восточных йогов либо средневековых религиозных мистиков, очевидно, было бы совершенно неправильно и даже опасно. Ибо на Западе мы традиционно придерживаемся поиска истины, следуя лишь дорогой науки, и отрекаемся от обретенного на этом пути сознания только на свой страх и риск. Для того чтобы мы испытали расширение личности, являющееся результатом присовокупления безличных сил вне нашего ограниченного сознания, это переживание должно сопровождаться не отрицанием всего того, что построили наши отцы, а расширением их завоеваний. Проигнорированные ими аспекты данного переживания, в свою очередь, должны быть включены в наше *мировоззрение*. Другими словами, к этим странным и неизведанным областям психики мы должны подходить, основываясь на психологических научных наблюдениях. Позволяя себе соприкоснуться с внутренними безличными или архетипическими реалиями, мы должны стремиться понять их и включить в свою совокупную психику.

Если индивид без оглядки погружается в экстатическое переживание и в результате временного жертвования индивидуальной сознательной позицией позволяет безличным силам психики

поглотить себя, он обретает ощущение целостности, это верно; но когда он снова придет в себя, то может вернуться в прежнее состояние ограниченного сознания, безоговорочно управляемого сознательным эго, тогда как тот аспект личности, который пробудился во время экстаза, снова уйдет в бессознательное. Таким образом, его сознание окажется расколотым, и он будет жить как две отдельные личности.

В других случаях, испытавший такое переживание человек, может остаться в экстатическом состоянии, полностью перейдя на уровень «высшего» сознания. Если это случится, он потеряет контакт с повседневной реальностью: отдалившись от самого себя, он может стать фанатиком или даже психически больным человеком, когда то, что ранее было его сознательной личностью, погрузится в пучину бессознательного и исчезнет из виду. Этому человеку удастся избежать ощущения конфликта точно так же, как это удастся индивиду, полностью идентифицирующему себя с собственной рациональной сознательной личностью и подавляющему иррациональные переживания. Но если человеку, испытавшему экстатическое переживание, удастся сохранить свою сознательную точку зрения и ее ценности и к тому же удержать хлынувшую из самых глубин психики волну, то ему придется вытерпеть конфликт, который неизбежно создадут два столь отличающихся компонента, ему придется искать способ примирить их. Такая позиция является единственной мерой предосторожности от попадания под чары безличных, демонических сил бессознательного; в этом состоит современный способ следования совету Иоанна «испытать духи»²⁴. Если предпринятое усилие окажется успешным, будет заключен тесный внутренний союз, зарубцуется раскол между **личностной** и **безличной** частями психики, и индивид станет целостным, завершенным существом.

Это краткое обсуждение проявляющихся в сексуальности инстинктивных сил только лишь указало на множество аспектов жизни, которые вытекают из *libido sexualis*, служащее не только удовлетворению физиологического влечения и биологической цели воспроизведения. Многие другие направления культурного и религиозного развития также берут свое начало из этого первоисточника. Многое из того, что наиболее характерно для человека, было достигнуто благодаря его борьбе за освобождение от

господства этого необыкновенного и могучего инстинкта, потенциальные возможности которого так мало понимались. Буддисты справедливо утверждают, что петух, олицетворение сексуальности, — это одно из трех существ, неутолимое желание которого поддерживает вечное вращение колеса жизни²⁵.

1. См. C.G. Jung, *Symbols of Transformation* (C.W., 5).

2. См. выше, с. 34—36.

3. В отношении Духа Плодородия и связанных с ним обрядов см. M.E. Harding, *Woman's Mysteries*.

4. См. B. Spencer and F.J. Gillen, *The Northern Tribes of Central Australia*, p. 265. См. также R. Briffault, *The Mothers*, II, 46.

5. Эта история взята из лекции П. Радина См. P. Radin, *The Trickster*, с комментариями К. Г. Юнга и К. Кереньи. [Рус. пер. *Радиус П. Трик-стер*. — СПб: Евразия, 1999. — 288 с].

6. На более прогрессивной стадии психологического развития обнаженность часто используется для выражения символического значения. Приведенные выше интерпретации к таким случаям не относятся.

7. *India's Love Lyrics, including The Garden of Kama*. p. 1.

8. См. Jung, «Manige as a Psychological Relationship» в *The Development of Personality* (C.W. 17). [Юнг К.Г. Брак как психологическое отношение. // Юнг К.Г. Конфликты детской души. — М.: Канон, 1995, с. 209-225.]

9. Эта тема подробно обсуждается в Harding, *The Way of All Woman*, chaps. I and II. См. также Jung, «Anima and Animus», в *Two Essays on Analytical Psychology* (C.W. 7) и «Mind and Earth», в *Contributions to Analytical Psychology*, pp. 128—132.

10. Слово *душа* употребляется здесь в психологическом, а не в теологическом смысле. Согласно Юнгу термин душа «в действительности является обозначением полусознательного психического комплекса, достигшего частичной автономии функционирования. ... Автономия комплекса души, естественно, поддерживает идею невидимого личностного существа, живущего, по-видимому, в мире, весьма отличающемся от нашего». [*Two Essays on Analytical Psychology* [C.W. 7], pp. 215, 216). См. также определения «души» и «образа души» в работе «Психологические типы»; и в Harding, *The Way of All Womans*, chaps. I and II.

П. Я бы посоветовала читателю обратиться к таким работам Юнга, как:

Two Essays on Analytical Psychology (C.W. 7) и *Aion*. 12. См. Jung, «Marriage as a Psychological Relationship», в *The Development*

of Personality (C.W. 17); Bertine, *Human Relationships*. 13. *Николаас Барно Дельфин*, Книга Ламбспринка, в White (tr.), *The Her-*

М.Э. Хардинг

metic Museum, vol. I, p. 276. См. также фронтиспис.

14. «The Incest Taboo and the Virgin Archetypes», *Eranos-Jahrbuch* XII, 254-307.

15. См. Юнг К.Г. *Mysterium Coniunctionis*, §108—109: «Психопатологическая проблема кровосмешения является отклоняющейся от нормы, естественной формой единения противоположностей, которое либо вообще никогда не было осознано, как психическая задача, либо, если и было когда-то осознано, то потом вышло из поля зрения. Актерами в этой проблемной драме являются мужчина и женщина, в алхимии — Царь и Царица, Солнце и Луна».

16. См. Юнг К.Г. Психология переноса.

17. *Сан Хуан де ла Крус*. Темная ночь. Перевод Б. Дубина. //Поэзия испанского Возрождения. - М.: Художественная литература, 1990. — С. 187-188.

18. См. Harding, *Woman's Mysteries, Ancient and Modern*, chap. XV, «Rebirth and Immortality».

19. J.Harrison, *op. cit.*, p. 401.

20. *Ibid.*, p. 395.

21. *Ibid.*, p. 396.

22. См. М.А. Murray, *The Witch-Cult in Western Europe*.

23. Эванс-Венц В.И. Тибетская йога и тайные доктрины.

24. См. в работах Юнга обсуждение следующих тем: инфляция личности в результате включения безличных факторов на примере отца Кристины Альберты («The Mana Personality», in *Two Essays on Analytical Psychology* [C.W. 7]); позиция современного психолога по отношению к религиозному переживанию ("Psychology and Religion», in *Psychology and Religion: West and East* [C.W. 11]); западная научная позиция и восточная йога («Секрет Золотого Цветка» в Юнг К.Г. Йога и Запад).

25. В отношении обсуждения роли, которую сексуальность может играть в психологическом развитии см. ниже, «Coniunctio» в гл.12; см. также Юнг К.Г.

Психология переноса, Юнг К.Г. *Mysterium Coniunctionis*.

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ

П. Материнство: Лелеющее и Пожирающее

Инстинкт, обеспечивающий продолжение рода, достигает своей цели через удовлетворение сексуальности лишь отчасти. Наслаждение от этого удовлетворения соблазняет индивида играть активную роль в оплодотворении яйцеклетки. Но конечный результат этого акта, в том, что касается самого сексуального влечения, является сопутствующим явлением — случайным следствием, которое ничего не прибавляет и не убавляет от переживания полового акта как такового.

У всех живых существ, за исключением человека, отсутствует осознание связи между половым сношением и беременностью. Даже у людей, полностью осведомленных о такой связи, знание может быть чисто интеллектуальным; обычно оно не является неотъемлемой частью ни стремления к сексуальному контакту, ни фактического переживания полового акта. Это особенно справедливо в случае мужчин, но не относится в такой же мере к женщинам. Материнский инстинкт настолько важен, что репродуктивное влечение может появиться в форме желания иметь детей без какого-либо внутреннего физиологического или психологического осознания стремления к половому сношению. У таких женщин сексуальный аспект репродуктивного инстинкта подавлен или недостаточно развит. Тем не менее, некоторые фригидные или полностью нечувствительные в сексуальном плане женщины страстно хотят забеременеть — странное явление, вероятно, встречающееся только в условиях современной цивилизации.

Эта ситуация имеет психологический аналог: иногда в процессе развития любви перескакивается стадия, на которой акцент фокусируется на любви к партнеру, эта стадия должна занимать промежуточное положение между детской стадией любви к родителям и родительской стадией любви к ребенку. Многие молодые люди переходят непосредственно, или почти непосредственно, из детства в положение родителя не только внешне, но и по характеру любовных отношений, которые они способны устанавливать. Например, девушка в детстве и юности сосредотачивает свою любовь на ком-то старше и мудрее себя, на том, кто может защитить и направить ее — другими словами, на реальном или суррогатном родителе. Затем она выходит замуж.

Практически немедленно она либо превращает своего мужа в отца, либо принимает его за ребенка и соответственным образом поступает по отношению к нему. Переход аналогичного типа может происходить и у мужчин. Однако в связи с большей настоятельностью сексуального импульса у мужчины, этот переход встречается у мужчин не так часто, за исключением случаев, когда отношение к матери явилось особенно важным элементом в эмоциональном развитии мужчины.

Сам сексуальный импульс удовлетворяется совокуплением, и это, по-видимому, отмечает завершение цикла. Но если происходит оплодотворение и начинает развиваться зародыш, в организме женщины и, как правило, в ее психологическом состоянии, происходят изменения. Такая физиологическая и психологическая трансформация мужчину не затрагивает; он может даже не знать того факта, что результатом акта, в котором он принимал участие, явилась беременность, ибо после того, как сперматозоид покидает его тело, их дороги расходятся.

Однако в случае с женщиной ситуация совершенно иная. Если она достаточно сознательна и интроспективна, для того чтобы критически оценивать свое субъективное состояние, то заметит, что реагирует по-новому. Ее ощущения, мысли и те глубинные импульсы, которые поднимаются из бессознательных уровней, претерпевают характерную для беременности перемену. Такая психологическая перемена каким-то образом связана с протекающими в женском теле физиологическими процессами. Эти процессы протекают за порогом сознания, и женщина не может ни непосредственно наблюдать их, ни контролировать; они дают знать о себе только своим физиологическим следствием. Новые

психологические факторы, связанные с биологическими изменениями, также зарождаются за порогом сознания, и их действие проявляется в необычных настроениях и изменившихся взглядах на жизнь, которые совсем не зависят от возможных представлений о материнстве; они возникают сами по себе и могут казаться странными. Они составляют новое восприятие жизни.

Может наблюдаться реакция и на более глубоком уровне бессознательного.

Беременность обычно высвобождает образы загадочного и архаического типа, поднимающиеся из бездонных кладезей бессознательного. Это явление связано с тем фактом, что вынашивание плода является коллективной или родовой задачей, навязываемой инстинктом для сохранения рода. В то же самое время это и личное дело, имеющее индивидуальное значение для каждого мужчины и каждой женщины. Но с их стороны было бы ошибкой считать его исключительно личным; ибо, производя на свет потомство, они подчиняются одному из древнейших законов природы, а именно тому, что жизнь индивида должна быть посвящена не только самосохранению, но и продолжению рода. По этой причине переживание материнства приводит женщину к непосредственному соприкосновению с изначальным женским естеством, дремлющим в глубине ее, которое пробуждается ото сна, когда начинается выполнение вековой задачи воспроизведения. Эта архетипическая женщина принимает большее участие в управлении ситуацией, чем представляет себе большинство женщин. Если бы это было не так, то как бы смогла женщина, не имеющая никакого опыта или инструктажа в отношении беременности и деторождения, так сказать, инстинктивно знать, как кормить ребенка в матке и как его рожать, когда придет нужное время?

Несколько неуместно употреблять слово «знать» в обсуждении бессознательных инстинктивных функций, которые может безошибочно выполнять каждое живое существо женского пола. Тем не менее, для каждой женщины, становящейся матерью, они составляют новое переживание, по крайней мере часть которого требует сознательного содействия. Она не знает, в чем заключается это содействие до тех пор, пока не наступит соответствующий момент. И тогда, у нее возникает несколько иррациональное ощущение, что она знала это испокон веков. Однажды одна молодая мать сказала мне: «Роды беспокоили меня, ибо я боялась, что по незнанию могу сделать что-нибудь не так. Однако,

когда пришло время, я неожиданно поняла, что знала о них все, начиная с сотворения мира». Это неосознаваемое «знание» исходит от архетипической женщины в бессознательном, пережившей бесконечное число деторождений в далеком прошлом. Материалы, касающиеся этого архетипа, наличествуют в большом изобилии. С самого начала истории он являлся темой мифов и легенд, демонстрирующих его действие в духовной и эмоциональной сферах, а также развитие и изменение на протяжении столетий. Так, примитивные космогонии часто вполне буквально рассматривают землю как мать, породившую человеческую расу. Дополнительные свидетельства предоставляет нам унаследованный миром запас статуй и изображений, представляющих Великую Мать.

Эти произведения искусства чрезвычайно помогают в изучении значения материнского архетипа. Фигура матери привлекала художника в человеке всех времен и народов, и он ощущал необходимость выразить в живописи и скульптуре то, что она означает для него. Юнг пишет:

«Ближайшим изначальным образом является мать, так как она во всех отношениях представляет собой самый близкий объект и источник чрезвычайно сильных переживаний; кроме того, эти переживания приходится на самый впечатлительный период человеческой жизни. Так как в детстве сознание развито еще слабо, то мы не можем говорить здесь об "индивидуальном" переживании. Однако мать является архетипическим переживанием; она известна более или менее бессознательному ребенку не как определенная индивидуальная женская личность, а как мать, как архетип, наделенный существенными возможностями»¹.

Своими попытками выразить эти «существенные возможности» в конкретной форме человек пытался освободиться от их внутреннего бремени. Впоследствии посредством исполняемых перед облеченным в конкретную форму образом обрядов он мог выразить свое отношение к ценности, представляемой этими возможностями; одновременно он мог отделить себя как свободного индивида от безличного демонического инстинкта, выражаемого этим образом.

По этой причине художники обычно изображали Мать не в личной форме, воспроизводящей сходство с их собственной матерью, а в универсальной — как Мать Землю, Мать Богиню или Великую Мать. Миссис Ольга Фройбе-Каптейн собрала коллекцию²

насчитывающую более тысячи изображений этой богини, относящихся ко всем периодам исторических и доисторических времен со всех уголков земли. Эта коллекция, существенно пополненная, была использована Эрихом Нойманном в основе его классической интерпретации значения этого фундаментального архетипа'.

Универсальность образа просто впечатляет. И действительно, тот факт, что на протяжении веков создано столь великое множество изображений женщины-матери, является свидетельством страстного интереса человека к переживанию женщины как существа, вынашивающего и вскармливающего жизнь. Представляем ли мы себе ее как мать или просто называем символом плодородия, — остается фактом, что женщина как создательница и кормилица жизни имела потрясающее значение для человечества.

Художники стремились сотворить общий, универсальный образ женщины, который бы воплощал в себе присущие ей силу и влияние: каждый пытался запечатлеть свой внутренний образ этого аспекта женственности.

Этот внутренний образ воспроизводился бесчисленное количество раз. Часто для того чтобы он сохранился как нетленное изображение, его вырезали из самых твердых и долговечных материалов. Например, многие статуи высечены из камня во времена, когда человек использовал самые простейшие из инструментов. Нас поражает удивительная сила и настойчивость, побуждавшая первобытного человека, внимание которого было крайне неустойчивым, к целенаправленному усилию, необходимому для выполнения такой работы.

Похоже, глубокий инстинкт, заставлял человека отразить в долговечной форме образы самых важных переживаний. Совершенно естественно, что наиболее часто воспроизводились образы, олицетворяющие человеческие переживания наиболее общего или универсального характера, так называемые архетипические образы. Ибо архетипы сформированы в результате накопления бесчисленных реальных переживаний, пронизывающих всю историю человеческой расы. Они служат психологическими аналогами инстинктов, выступая, так сказать, инстинктивными паттернами. Один из самых фундаментальных архетипов — это образ матери. Воспоминания о матери универсальны и простираются в глубокое детство каждого индивида. Мать была самым важным и неизбежным фактом в жизни ребенка задолго до того, как отец начал играть какую-либо существенную роль. Воспоми-

вания о матери уходят своими корнями в самую отдаленную родовую память. В ранних обществах семья состояла из матери и детей; отец был лишь приходящим гостем. Так, для расы, так же как и для ребенка, мать представляется тем, «кто всегда рядом». Она служит извечной, нескончаемой, изначальной первопричиной.

Соответственно, мать или зрелая женщина является универсальным персонажем почти всех мифологий. Иногда почитаются мать и дочь, как в греческом поклонении Деметре и Персефоне; временами — это мать и сын, например, Иштар и Таммуз, Афродита и Адонис; или изредка — бабушка и ее внук-герой, как в некоторых мифах американских индейцев. Самые ранние религиозные обряды человечества в значительной мере связаны с этой Великой Матерью, ее делами, атрибутами и отношением к людям. Тот биологический факт, что мать служит источником жизни на физическом уровне представляет собой, вероятно, самую раннюю форму архетипического образа, вошедшую в религиозный ритуал. Однако религиозные символы не являются неизменными и твердо установившимися на все времена. В ходе длительных стадий истории они подвергаются очень медленному изменению, тесно связанному с эволюцией культуры. Трансформация символов соответствует психологическому развитию людей, протекающему по мере модификации инстинктов, осуществляющейся на протяжении столетий в процессе, названном Юнгом психизацией. Эволюция греческих богов от бесшабашных искателей приключений «Илиады» до безмятежных обитателей Олимпа более поздних греческих поэтов и философов — замечательный пример перемен, происходящих в характере народных богов в процессе перехода людей от варварства к цивилизации.

Аналогичное изменение претерпевают символы, появляющиеся в сновидениях современных индивидов. В переходный период, например, в процессе анализа, архетипические образы часто возникают в сновидениях и фантазиях в довольно архаических формах. Это указывает на активацию в психике древних или глубоко укоренившихся в психической структуре проблем или тем, требующих внимания. Например, когда отношения с родителями развиваются не должным образом и индивид начинает понимать, что его продвижение вперед блокируется, в сновидениях начинают появляться архетипы родителей. Поначалу они могут возникать под маской современности; но если проблема не может быть разре-

шена на этом культурном уровне, то встречающиеся в сновидениях и фантазиях образы начнут принимать все более и более отдаленные и архаические формы. Сперва в содержании сновидения может быть представлена реальная мать, затем бабушка и наконец образ обобщенной пожилой женщины. Это может быть старуха из прошлого — в случае европейца, возможно, старомодная крестьянка или средневековая фигура, а в случае американца — старая няня-негритянка или индейская скво. Иногда этой фигурой выступает мифологическая старая карга, едва сохраняющая человеческий облик и отличающаяся архаическим или диким поведением.

При подобных обстоятельствах проблема должна разрешаться более фундаментально. Такой индивид не способен принять психологическое мировоззрение своего поколения, считая его само собой разумеющимся. Он должен вернуться к психическим истокам и повторить в своих переживаниях историю расы. Этот процесс может протекать бессознательно, в сновидениях или фантазиях, не понимаемых человеком. Но вся ценность данного процесса не может быть усвоена, если повторение не переживать сознательно, ибо уроки прошлого способствуют осуществлению адаптации к современной жизни только посредством сознательного понимания.

Индивид, по какой-либо причине неспособный безоговорочно обосноваться на стадии, достигнутой его поколением, должен самостоятельно прожить долгую историю развития человечества и прийти к психической цивилизованности путем сознательного процесса. Поскольку он не разделяет культурного развития своей эпохи, которое ко многим приходит совершенно естественно как унаследованный дар, то ему необходимо добиться этого уровня культуры собственными усилиями. Развитие должно стать индивидуальным достижением. Этот процесс соответствует психической эволюции, способствовать которой предназначены религиозные инициации. В некоторых религиозных системах такой воспитательный процесс разработан лишь приблизительно; однако в других, особенно на Востоке, достигнута весьма высокая степень специализации. На практике обнаружено, что выделяемые этими системами уровни сознания, соответствуют стадиям развития, через которые проходит индивид в процессе психоанализа, вдобавок, используемые в религиозных ритуалах символы часто удивительным образом соответствуют тем, что по-

являются в сновидениях и фантазиях в ходе анализа. Считалось, что индивиды, посвященные в обряды древних религиозных систем, тем самым освобождаются от животной или инстинктивной сущности. Таким образом, они наделялись душой и из простых животных превращались в людей: мы бы сказали, что они становились сознательными индивидами.

Отношение индивида к матери — это один из решающих факторов психологического развития ибо ранние отношения с матерью означают зависимость и потому что для ребенка она представляет женскую сторону жизни. Как отмечает Юнг:

«В бессознательном мать всегда остается сильнодействующим изначальным образом, определяющим и окрашивающим в индивидуальной сознательной жизни наше отношение к женщине, к обществу и к миру материи и духа. Однако это влияние настолько тонкое, что, как правило, сознательно данный процесс не распознается»⁴. Таким образом, мать представляет принцип привязанности, чувственных ценностей и любви. Юнг назвал его *принципом spoof*.

До тех пор, пока эрос находится под влиянием матери и символизируется ее образом, он продолжает оставаться неразвитым. Ибо, когда чувственными ценностями наделяется мать, инициатива неизбежно принадлежит ей. Ребенок выступает лишь реципиентом чувства, а не его инициатором, и поэтому не исследует и не развивает потенциальные возможности своего характера. Для человека, чье отношение к матери осталось неизменным и не вызывающим возражений, любовь означает не «Я люблю», а «Я любим». Способность любить как зрелый человек можно обрести только после того, как индивид избавится от детской привязанности к матери. До тех пор, пока будет нуждаться в материнской любви, он будет оставаться зависимым. Если он не может сам дарить любовь и теплоту чувств, значит он не способен ни к какой личной инициативе в сфере любви. Его позиция может казаться доминирующей, ибо он требовательный реципиент — «семейный божок», которому мать всегда готова услужить. Но его любовная жизнь скована априорной близостью с матерью — которая, будучи первой, определила условия, регулирующие весь мир ребенка.

Повзрослев, такой ребенок может оказаться в достаточной мере приспособленным к жизни вне семейного круга и даже выработать высоко дифференцированное отношение к интеллектуальной и мужской стороне жизни, где он вполне компетентен.

Однако в своих эмоциях он склонен оставаться весьма инфантильным, ибо ему не удалось освободиться от материнской зависимости. Такое состояние настолько распространено, что многие люди едва ли осознают его существование. Представление зрелых мужчин и женщин о связи между ребенком и матерью как об идеале любви можно назвать почти нормальным. Однако хотя такие отношения абсолютно приемлемы для детей, они едва ли соответствуют эмоциональным нуждам взрослых. До тех пор, пока эрос остается под влиянием матери, мужчины и женщины не могут представить себе нового идеала взаимоотношений, не говоря уже о том, чтобы наладить их в реальности.

Следует помнить, что предшественником эмоции, называемой нами любовью, является не сексуальный инстинкт и не отношения между половыми партнерами, а материнский инстинкт и отношение матери к ребенку. Поэтому, если это отношение не будет позитивным и не будет развиваться благоприятным образом, вся жизнь взрослого человека будет затруднена отсутствием фундамента, на котором он смог бы выстроить свои последующие взаимоотношения. Материнская забота о потомстве, даже среди животных, несла в себе зачатки любви задолго до появления каких-либо отношений между зрелыми представителями противоположных полов — не считая мимолетных сближений с целью полового удовлетворения. Совершенно справедливо, что такая забота, будучи не более чем биологическим побуждением, основывалась на идентификации с потомством; тем не менее, в ней можно видеть верные признаки предшественницы любви.

В древние времена, как и в некоторых примитивных племенах сегодня, половой контакт сопровождался не нежностью, а борьбой. В сексуальной игре искушенных любовников элемент борьбы часто присутствует как инстинктивный признак, обычно проявляющийся в виде игры вследствие психической модификации инстинкта. Тем не менее, он все равно еще несет на себе отпечаток более примитивного и дикого прошлого. Действительно, даже современные, так называемые цивилизованные личности могут обнаружить в себе скрытые элементы садизма или мазохизма, вытесненные в бессознательное и ожидающие лишь момента половых сношений, чтобы поднять свои уродливые головы. Когда — относительно поздно в человеческой эволюции — появилось устойчивое спаривание, возникла определенная преданность по отношению к партнеру. Однако вначале такой союз

заклучался в большей мере для защиты потомства, а не из-за эмоциональной связи в паре. Даже теперь в браке, где умерла любовь, муж и жена могут решать семейную проблему, ставя во главу угла потребности детей, в ущерб своим желаниям или требованиям ситуации. Ибо любовь, известная нам сегодня, выросла из отношения матери к ребенку, и с самого начала она была любовью матери к ребенку, а не любовью ребенка к матери.

Однако на своем самом примитивном уровне — среди необразованных аборигенов какой-нибудь отсталой страны или у якобы цивилизованных и развитых жителей Запада — любовь матери к собственному ребенку является бессознательной инстинктивной реакцией. Это пока еще не реальная забота об отпрыске как отдельном существе; такая любовь скорее основывается на идентификации. Мать реагирует на своего ребенка так, как если бы он все еще оставался частью ее собственного тела, как это было в период беременности. Ребенок — это часть ее, она любит его так же, как любит себя и распоряжается им по своему усмотрению. Инстинктивная идентификация служит основой и источником материнской любви, какие бы изменения та не претерпевала. У животных и людей примитивной культуры не существует законов, защищающих молодое поколение, даже если им пренебрегают и плохо обращаются или воспитывают и кормят лишь так, как диктует бессознательный инстинкт матери. Если младенец кажется ей лишним, она может бросить его или убить так же легко, как при иных обстоятельствах может пожертвовать собственным благополучием или даже жизнью ради его защиты.

По этой причине архетипическая фигура матери⁶ в самых примитивных мифах и скульптурах изображается огромной, всемогущей и подавляющей. Соответственно, практиковавшиеся в связи с ней ритуалы были направлены не на поиск любви, а на умиротворение. В этих мифах мать представлена в ее варварском или животном аспекте, крайне отталкивающим для цивилизованных людей. С другой стороны, сегодня мы нередко слышим, как отчаявшиеся матери бросают или убивают нежелательных младенцев даже в христианских странах. А при близком знакомстве с неприглядной стороной семейных историй обнаруживается, что так называемые отвергнутые дети вырастают даже в ситуациях, когда физическое и материальное благополучие ребенка всегда служило объектом пристального внимания. В сновидениях таких детей или мужчин и женщин, вырастающих из них, обнаружива-

ются следы архетипической, первобытной матери. Ибо она оказала намного большее влияние на их психологическое развитие, чем показная сознательная позиция реальной матери, забота которой о их счастье и здоровье была поверхностной.

Эту ситуацию иллюстрирует история одного очень впечатлительного художника, вся жизнь которого была исковеркана страхом и горечью. Эти отрицательные чувства были направлены на его покойную мать и старшую сестру, а в особенности — на католическую церковь. Он ощущал, что его сестра и церковь (*Mater Ecclesia*) стремятся подавить его, задавить и уничтожить. В ходе анализа он весьма эмоционально вспомнил один эпизод, имевший место, когда ему было шесть или семь лет. Он играл на пустыре возле дома, куда ему было запрещено ходить, поскольку там собирались городские бродяги и хулиганы. Однако он был мальчишкой, и пустырь привлекал его своей атмосферой неизведанности и приключений. На этот раз, пробравшись через дыру в заборе, он увидел двух полицейских, которые шли через площадку навстречу друг другу. У одного из них в руках был сверток. Мальчишка нырнул за куст и оставался там незамеченным. Мужчины встретились как раз напротив его укрытия и развернули сверток. Мальчик с ужасом увидел, что в нем было тело мертвого ребенка. Интуитивно он понял, что младенца «выбросила» его собственная мать. Тут в игру вступило его бессознательное, и он почувствовал, что и его собственная мать хотела избавиться от него, но ей помешали, и в этом причина ее постоянных придирок к нему, вдобавок он почувствовал, что это тайное желание матери было известно его сестре, которая только и ждала удобного случая, чтобы претворить его в жизнь. Нет необходимости говорить, что он не осмелился рассказать об увиденном матери; и хотя со временем этот эпизод утратил свою яркость, образ бесчеловечной матери остался в нем, оказывая травмирующее влияние на всю его жизнь до тех пор, пока в возрасте сорока восьми лет он не обратился ко мне за помощью. Эта проблема, как и следовало ожидать, явилась фокальным моментом его анализа, и незадолго до его смерти в нем родилось новое чувство и впервые в своей жизни он смог любить и доверять. Это переживание для него было подобно возрождению, и он отразил его в рисунке, на котором ребенку открывает глаза красивая обнаженная женщина, очевидно, представляющая одновременно аниму и мать в ее божественном аспекте⁷. Ибо его глаза действительно открылись,

чтобы увидеть совершенно новый мир. Он возродился маленьким ребенком, но к сожалению через неделю умер в результате несчастного случая.

В этом случае присутствовали реальные и весьма травматические переживания, вполне объясняющие негативный аспект представляемого образа матери, который сохранялся у пациента на протяжении значительной части его анализа. Они были настолько тяжелыми, что, невзирая на пришедшие в конце концов ин-сайт и обновление, этот человек не смог создать для себя новую жизнь. Однако существуют и другие случаи, когда, несмотря на отсутствие подобных переживаний в детстве, которые могли бы стать фокусом негативного аспекта архетипического образа в бессознательном, этот образ все же появляется в сновидениях в негативной форме⁸, в особенности в том случае, когда индивид стоит перед новым начинанием, но его удерживает детская потребность в одобрении или поддержке. В такой момент ему может присниться старая колдунья, убивающая и поедающая маленьких животных, мгновенно превращающихся в человеческих младенцев. Это его собственные жизненные усилия поглощаются архетипической матерью, представляющей бессознательный источник, от которого не удалось освободиться.

На протяжении многих веков человек пытался каким-то образом изобразить этот источник — темную пучину, из которой он появился как отдельное существо. Его всегда завораживала полость женской утробы, откуда выходит ребенок, омываемый там изначальными водами. Таинство рождения, казалось, хранит в себе секрет самой жизни — жизни и тела и духа. Это таинство олицетворяется как беременной женщиной, так и женским чревом. Поэтому большому округлому камню часто поклонялись как матери⁹, а темная пещера или круглое здание использовались в качестве аналога женской утробы, где можно было разыгрывать таинство второго рождения.

Встречается множество каменных форм, представляющих Мать Богиню. Иногда это просто закругленный конус; или же на его вершине может находиться шишка, а по бокам располагаться выпуклости или поперечины, так что он грубо напоминает человеческую фигуру и имитирует каменную женщину. В прошлые времена подобным каменным матерям приносили в жертву человеческих младенцев. Мать Богиня, дарительница жизни и плодо-

родия, хранительница рожениц, является одновременно Ужасной, Пожирательницей и Смертью. Она представляет компульсивное влечение породить жизнь, независимое от воли и функционирующее в женщине совершенно слепо. После того как молодое потомство покидает ее чрево, она кормит его грудью и лелеет, пока к этому ее побуждают собственные биологические влечения; но впоследствии ни само потомство, ни его благополучие ее не беспокоят. Для нее оно существует только лишь как средство реализации собственных инстинктов.

В кельтских странах Мать Богиню представлял большой каменный котел¹⁰, над которым свершались человеческие жертвоприношения. Сцена такого жертвоприношения вычеканена на внутренней стороне серебряного сосуда «Cauldron of Gundestrup» (см. вкладную иллюстрацию VI). Нам сообщают, что умерщвление жертв — обычно это были плененные воины, а не младенцы, которых во фригийском ритуале приносили в жертву родители — возлагалось на верховную жрицу. Когда в жертву приносились младенцы, считалось, что богиня выпитывает их кровь, которая восстанавливает ее собственное плодородие. В кельтских жертвоприношениях кровь жертв, убитых над котлом, представляющем утробу Великой Матери, служила еще одной цели, так как котел становился некоторого рода крестильной купелью. Предполагалось, что искупавшиеся в нем люди наделялись вечной жизнью, тогда как испившим из него крови даровалась благодать озарения.

Этот ритуал, очевидно, связан с легендами о магическом котле, часто упоминающемся в романтической литературе двенадцатого и тринадцатого столетий. Эти темы относятся к намного более раннему времени: многие из них датируются дохристианским и даже доисторическим периодом. К ним принадлежит и история о Бранвэн, дочери Лера, повествующая о котле, который мог воскрешать мертвых:

«И Bendigeid Vran начал свой сказ и поведал: "Я дам тебе котел, ценный тем, что если в него бросить одного из убиенных твоих людей, то на завтра он будет в расцвете своих сил, вот только речь к нему не вернется"»¹¹.

Позднее Bendigeid Vran рассказал, как к нему попал этот котел из Ирландии. По-видимому именно этот котел ранее принадлежал богам древней Ирландии *Tuama de Danann*, что означает «племена богини Дану» (Дану была лунной матерью богиней). Одна легенда рассказывает, что когда племена богини Дану оби-

тали в Азии и воевали с сирийцами, они смогли одержать победу, так как владели искусством возвращать к жизни павших в сражении. Говорится также, что в Ирландии у племен богини Дану был колодец, вода из которого исцеляла смертельно раненых¹². Маккаллох¹³ пересказывает другой кельтский миф, упоминающий о котле, который приносил изобилие и даровал жизнь умершим. Он принадлежал Керридвен, жившей у озера Бала в Уэльсе, которая «добыла» его в Стране под Волнами. Она была богиней изобилия и вдохновения, ибо ее отец, Огувен, был богом языка, поэзии и алфавита, то есть, богом магических рун. Этот котел связан с «Граалем», также называемом котлом, который, благодаря Артуру, был доставлен — или украден — из Ан-нувна, потустороннего мира. Котел также обладал животворной силой, а эликсир, готовящийся в нем в течение одного года, даровал вдохновение и знание всех вещей тем, кто отведал его.

Этот символизм знаком нам по христианскому таинству крещения. Купель, или источник живительной воды, известна как *uterus ecclesiae*. В старых церквях, в особенности нормандского стиля, она имеет форму выдолбленного камня. Предполагается, что погружение в эту купель наделяет участника обряда бессмертной душой, аналогично представлениям о том, что погружение в кельтский котел воскрешает умерших или дарует вечную жизнь. Идея матери, первоисточника жизни тела, здесь развивается в идею божественной матери, дарующей бессмертный дух бренному существу, которое в результате погружения в живительные воды купели рождается вторично.

Представляющий мать символ претерпел аналогичное развитие и в Египте. Амфора с водой символизировала Мать Исиду, чьей эмблемой был амулет, вероятно, представляющий льняной бант, завязанный так, что он очень напоминал Пафосскую каменную Великую Мать. На празднестве *Phallegphoria*¹⁴, эту амфору с водой несли перед огромным изваянием фаллоса Осириса. Она символизировала женский созидательный принцип, матку, а вода в ней представляла влагу, дарующую плодородие. На рис. 7 мы видим Нут, вариацию Исиды, изображенную в виде дерева-нуме-на. Рисунок воспроизводит виньетку из «Книги мертвых», текст которой гласит: «"Слава тебе, сикоморра богини Нут! Даруй мне немного воды и воздуха, что пребывают в тебе." Богиня стоит в дереве... Она окропляет водой [умершего], стоящего на коленях у подножия дерева»¹⁵.



Рис. 7. Богиня Нут в виде Дерева-нумена, дарующего воду

Но Исида была не только матерью, дарующей жизнь. Некоторые элементы из легенды о ней¹⁶ указывают на негативный аспект матери. Например, дважды в своей жизни она с большой нежностью выхаживала укушенных змеей, которую она сама же сотворила для нападения на них. Это свидетельствует о материнском инстинкте, во что бы то ни стало требующем какого-нибудь

объекта материнской опеки. Этот инстинкт примитивен, следование ему может даже ранить объект любви, если в результате он окажется в руках матери подобно беспомощному младенцу. Непреодолимое влечение матери кого-нибудь лелеять и воспитывать может привести к возникновению потребности, в ходе разрешения которой будут удовлетворяться ее собственный инстинкт и страстное стремление.

В легенде об Исида подобные эпизоды описываются примитивно просто. Не наблюдается никакой попытки скрыть выражение инстинкта за маской добропорядочных чувств. Мать-Исида следовала своим импульсам, не подавляя их: слияние негативного и позитивного аспектов не вызывало у нее никакого конфликта, и, по-видимому, не ощущали его и поклонявшиеся ей. Противоречивый характер богини мог быть несколько непонятен ее поклонникам более поздних столетий, но, возможно, они относили его к числу божественных загадок. Ибо в процессе выработки сознательной и этической позиции человека противостояние «да» и «нет» в примитивном инстинкте во все большей мере вытеснялось на задний план. Боги продолжали проявлять двойственность, от которой человек стремился избавиться отчасти посредством психической модификации инстинктов и отчасти посредством вытеснения. Так, история об Исида, ее ядовитом черве и магии, с помощью которой она изгоняла его яд, превратилась в заклинание, произносимое для лечения змеиных укусов. Действительно, если Исида создала яд, то она может и нейтрализовать его действие. Мать, в самый древний период представляемая холодным твердым камнем, в более цивилизованные времена символизируется животворной водой. Эта перемена соответствует эволюции материнского импульса. В самый отдаленный период материнство представляло собой не более чем биологический факт. Ребенок оберегался просто как часть матери. Мягкость, нежность и любовь не считались добродетелью; если такие чувства существовали вообще, то их, вероятно, принимали за слабость. Преобладала дикость, грубость и негибкость бессознательного функционирования. Однако шаг за шагом, с постепенной модификацией материнского инстинкта, появилась доброта. Мать стала заботиться о своем ребенке и его благополучии независимо от собственного. Ребенок стал осознаваться как нечто обособленное: он обрел определенные

индивидуальные права и не приносился полностью в жертву инстинктивным запросам матери. Мать Исиду, достопамятную своей любовью и тоской по умершему Осирису, представлял не камень, а амфора с водой, хотя ее собственная эмблема напоминала множество священных камней культа матери примитивных культур.

На следующей стадии амфору заменил кубок с духовным напитком. Мать из первоначальной дарительницы физической жизни превратилась теперь в дарительницу жизни на духовном уровне. На этот переход уже указывал символизм кельтского котла — предшественника Святого Грааля" из Артурова цикла. Форма самого Грааля варьирует. Определенно и наверняка нам никогда не сообщают, что же он собой представлял. Часто — это камень с магическими свойствами, или блюдо, дававшее каждому его любимую еду; иногда — это чаша с нектаром богов или котел, способный возвращать к жизни умерших. В средневековых вариантах этих историй Грааль обретает форму христианского символизма и представлен чашей, которой пользовались во время Тайной вечери. В чаше находится копьё, с него все еще стекает кровь. Этим копьём римский сотник Лонгин пронзил тело Христа. Изнутри чаши струится неземной свет. Это кубок, превратившийся в божественный сосуд с эликсиром бессмертия, в непревзойденное сокровище.

С течением столетий постепенно изменилась и сама идея бессмертия. Начиналась она как конкретное материалистическое желание избежать физической смерти, тогда как изображение жизни после смерти в точности повторяло земное существование. В Египте, например, в могилу клали копии обычных домашних предметов, чтобы ка, или душа, не была лишена того, что ей может понадобиться в загробной жизни. Американские индейцы, придерживавшиеся несколько иных представлений, надеялись, что покинув знакомые охотничьи угодья на земле, они попадут в места, изобилующие дичью. Эти благодатные места всегда «счастливые», то есть лучше земных. В этом видна попытка превзойти физическую жизнь посредством восхваления ее особенностей в потустороннем мире. Этот процесс знаком нам по представлениям о небе как о городе с золотыми улицами, белыми одеяниями и несмолкаемой музыкой. Подобное стремление подойти к духовному посредством выхода за границы физического отражает мышление средневековых философов, пытавшихся постичь характер нематериального, представляя вещи все меньшего и

меньшего размера из все более и более тонкой субстанции. Но у средневекового человека материальная субстанция не исчезала, как бы сильно он не утончал ее. Эта попытка постичь сущность внутренней реальности, путем освобождения ее от материальности, привела к многим необычным размышлениям, таким, например, как вопрос, сколько ангелов может одновременно разместиться на острие иглы.

Постепенно желание жить после смерти сменилось надеждой на бессмертие в нематериальном, духовном теле. В конечном итоге оно превратилось в стремление создать в психике безличную, бессмертную искру, которая бы представляла совокупную или целостную индивидуальность. Эта бессмертная искра не может быть создана сознательным усилием или силой воли, так как ее существование аналогично жизни физического ребенка, который должен родиться. Таким образом, человек снова возвращается к матери, дарительнице жизни, первоисточнику как земного, так и духовного рождения, Великой Матери. Земная мать трансформируется в небесную мать — *mater coelestis*, Софию, божественную мудрость.

Подобную эволюцию можно наблюдать и в олицетворениях Великой Матери. В смутные времена далекого прошлого Богиню Мать символизировало животное — подтверждение того факта, что у людей материнский импульс мотивируется животным инстинктом. Чем глубже во времени мы прослеживаем образ матери, тем ближе подходим к животной концепции. Артемида какое-то время была медведицей; Кибела — львицей, так же как и Атаргатис; Геката, богиня Луны — трехглавой собакой; а Исиду отождествляли с Хатхор, богиней-коровой. В последующие столетия, когда широкое распространение приобрела эллинизированная форма египетских мистерий, Осирису, богу Луны и супругу Исиды, в Серапеуме поклонялись в облике священного быка Аписа. Объясняя этот культ животных, должно быть казавшийся необычайно варварским культурным грекам, Плутарх заявляет, что бык Апис — это не сам Осирис, а его дух. Это дает нам ключ к эволюции религиозной мысли.

Сперва бог выступает животным. Позднее он сопровождается животными, как показано на вкладной иллюстрации III и многочисленных других изображениях со всего мира. Еще позднее животная сущность бога представлена маской, которую он носит. Даже сегодня американские индейцы, изображая богов в своих

ритуальных танцах, надевают маски животных. На вкладной иллюстрации VII показана каменная статуя с маской львицы. Она изображает египетскую богиню Сехмет, противную сторону или супругу Птаха. Она была не только защитницей душ, но и олицетворением страшного, обжигающего и разрушительного жара солнечных лучей¹⁸. Именно эти качества представляет маска львицы на нашей иллюстрации. Но дух бога все еще остается животным, и животные-спутники Великой Матери, должно быть, постоянно напоминали верующим о более диких и жестоких аспектах ее характера, которые отчасти исчезли в результате эволюции образа богини. Однако животные продолжают сопровождать ее, ибо богиню можно постичь только в свете ее прошлого. Психологическое значение этой постепенной перемены понятно. В далеком прошлом материнский инстинкт по своему характеру был всецело животным. Мать, будь то звериная или человеческая, при определенных обстоятельствах могла отдать собственную жизнь, защищая потомство; в другой ситуации она с такой же легкостью могла убить и съесть его. Такая жестокость была полностью инстинктивной и бессознательной; в ней не было никакого эгоизма или себялюбия. Однако с развитием цивилизации материнские эмоции выросли в нечто, приближающееся к тому, что называется любовью.

В то же самое время Мать Богиня постепенно возвысилась над своей животной сущностью. Начиная с грубого анималистического представления, ее изображения постепенно достигли возвышенного духовного выражения. Например, существует небольшое грубое каменное вавилонское изваяние Артемиды, или Иштар, на котором она едва напоминает человеческий облик; ее фигура — не более чем каменный столб, опоясанный множеством грудей, а изо рта выступает язык. Статуя более позднего периода изображает эту Артемиду, в такой же ритуальной позе, все еще с множеством грудей и в окружении своих детей-животных. Однако произошла большая перемена. Изящество и красота линий отражают утонченность чувств, оставившую далеко позади ощущения людей, которые создавали грубые, почти нечеловеческие фигурки, символизировавшие Великую Мать на заре человечества¹⁹.

Великая Мать — почти повсеместный религиозный символ. Этот факт отражает универсальность проблемы, присущей отношению человека к собственной матери, а также его зависимости от безличной или архетипической матери, источника самой жиз-

ни. Ибо если его жизнь время от времени не будет обновляться контактом с ее инстинктивными истоками, она зачахнет. Его тело должно восстанавливаться во сне, а дух — погружением в темные течения, протекающие за пределами понимания сознательного интеллекта. Его устремление к материнским глубинам служит выражением потребности обновления; но в то же время оно является и угрозой, опасностью на его пути. Ибо в этих глубинах он может затеряться сам, вместе со своими проблемами и конфликтами; может обрести вечный покой, растворившись в изначальных водах бытия. Но это означает смерть для сознательной личности. Как пишет Юнг:

«На заре жизни сын отрывается от матери и домашнего очага для того, чтобы с боем подняться до предначертанных ему высот. Он всегда видит своего злейшего врага перед собой, но он носит его в себе — смертельную устремленность к пучине, страстное желание утонуть в своих собственных истоках, быть затянутым в царство Матерей. Его жизнь — непрестанная борьба за выживание, отчаянное и вместе с тем мимолетное освобождение от вездесущей ночи. Этой смертью грозит ему не внешний враг, а его собственное внутреннее стремление к неподвижности и глубокому покою всеведущего небытия, к всевидящему сну в океане приходящего и уходящего. Даже в своих возвышенных устремлениях к гармонии и равновесию, к глубинам философии и восторгу художника, он ищет смерти, неподвижности, удовлетворенности и покоя»²⁰. Часть проблемы, связанной с этим безличным источником жизни, остается. Но та ее часть, что связана с детским отношением к собственной матери, должна разрешаться, уступая место проблемам и реакциям взрослой жизни. Детство — лишь переходная стадия. Ребенок вырастает и сам становится родителем. Таким образом, проблема детей и родителей постепенно меняет полярность. На физиологическом уровне это изменение в большинстве случаев происходит без особых осложнений; соответствующая психологическая трансформация зачастую отстает. Несмотря на это, у девушки двадцати с небольшим лет, независимо от того есть у нее дети или нет, начинает развиваться материнский комплекс. В ней начинает психологически выражаться женственность, и не только пробуждением архетипа партнера, но и действенностью образа матери — взрослея, она должна стать матерью внутренне²¹.

Проблема ребенка и его усилий освободиться от матери очень подробно обсуждалась современными психологами. Тогда как проблема женщины и ее отношения к собственному материнскому инстинкту, несмотря на ее значимость, не удостоилась большого внимания.

Когда архетип матери, представляющий женскую сущность, проявляется в современной женщине в своей наименее развитой форме, то есть, просто в виде биологической функции рождения и выращивания потомства, в отношениях женщины к своему сексуальному партнеру скорее всего будет превалировать инстинктивная тяга к материнству, а не сексуальное влечение. Ее действиями и эмоциями будет управлять стремление иметь детей независимо от того, будет ли оно осознанным желанием или просто инстинктивным импульсом. Если она поддастся этому сугубо материнскому импульсу, то, вероятно, вынуждена будет искать отношений с мужчиной, даже не любя его, а брак с ним будет просто возможностью забеременеть. Она может вступать с ним в половые сношения исключительно в целях зачатия ребенка.

Как ни удивительно, мужчина не всегда распознает подобную стратегию и не замечает хладнокровной эксплуатации собственных чувств ради удовлетворения безличного инстинкта. Мужчина не чувствует, что его используют, напротив, его может привлекать подобная позиция женщины: он может считать ее милой и благородной, и даже идеализировать недостаток естественной сексуальности, который часто сопутствует такой некомпенсируемой власти материнского инстинкта, принимая его за свидетельство духовности или бескорыстия. «Любви» такой женщины в действительности недостает подлинного чувства, и вполне вероятно, что ее отношение к ребенку, явившемуся результатом такого союза, также будет эгоистичным и эгоцентричным. Если желание иметь детей оказывается лишь выражением инстинкта, исключительной целью которого является удовлетворение биологической потребности, и если это желание не будет иметь содержательной сознательной связи с совокупной личностью женщины, то оно будет лишено психологической или эмоциональной ценности. Такая женщина может оказаться в демонической власти материнского инстинкта, вынуждающего ее вынашивать детей, которых впоследствии будет считать лишь своим придатком, личной собственностью без индивидуальных или человеческих прав.

Женщина, находящаяся на ранней стадии развития, метафорически выражаясь, пожирает своих детей. Неподконтрольная сила побуждает ее к эмоциональной подпитке за счет тех, на ком она сосредотачивает материнскую заботу и внимание. Она выглядит в высшей степени нежной и заботливой, но всегда остается сомнение: не ищет ли она в действительности эмоциональной пищи. Она процветает в своем «самопожертвовании», тогда как объекты ее благодеяний часто слабеют и увядают. В таком случае материнский импульс действует наподобие каменной матери далекого прошлого.

Нет необходимости говорить, что сама женщина так называемого «очень материнского» типа не осознает реального характера собственных импульсов. Она убеждена, что ее мотивы вполне сердечны и альтруистичны. Однако истинная сущность ее участия часто обнаруживается, когда объект опеки становится независимым и больше не нуждается в ее заботе или же переносит свою зависимость на кого-нибудь другого. Если «любовь» женщины представляет собой искреннее расположение к ребенку, то она будет продолжать любить, даже потеряв права на него. Однако, если враждебность и негодование пробуждаются, когда дитя перестает цепляться за подол ее платья, то мы должны подвергнуть сомнению основу привязанности.

Древнему царю Соломону был хорошо известен такой критерий материнской любви. Однажды он выступал судьей в споре двух женщин, которые явились к нему с младенцами: одним мертвым, а другим живым. Каждая из них называла себя матерью живого ребенка.

«И сказал царь: эта говорит: мой сын живой, а твой сын мертвый; а та говорит: нет, твой сын мертвый, а мой сын живой.

И сказал царь: подайте мне меч. И принесли меч царю.

И сказал царь: рассеките живое дитя надвое, и отдайте половину одной, и половину другой.

И отвечала та женщина, которой сын был живой, царю, ибо взволновалась вся внутренность ее от жалости к сыну своему: о, господин мой! отдайте ей этого ребенка живого, и не умерщвляйте его. А другая говорила: пусть же не будет ни мне, ни тебе, рубите.

И ответил царь и сказал: отдайте этой живое дитя, и не умерщвляйте его; она его мать»²².

Настоящая мать скорее потеряет своего ребенка, чем даст убить его. Но если мать не способна расстаться со своим ребенком, даже когда ему приходит время начинать собственную жизнь, она будет отчаянно пытаться удержать его, возможно, выдвигая внешне разумные причины, стараясь помешать его уходу или ссылаясь на собственное незавидное положение, либо же прибегая в качестве последнего средства к традиционному сетованию, что это горе доведет ее до седых волос и сведет в могилу. Когда ребенку удастся вырваться на волю — в ответ на реальную внешнюю необходимость или перейдя к вызывающей бунтарской позиции — мать, неспособная примирить естественное горе, вызванное расставанием, с собственным, равно естественным желанием психологического роста и развития ребенка, начинает яростно противиться судьбе. Ее эмоциональное расстройство, вызванное ренегатством ребенка, может инициировать серьезный психологический кризис. Женщина, казавшаяся до этих пор сильной, «донором», может эмоционально сломаться или впасть в невротическое состояние, и это совершенно ясно покажет, что ее так называемая любовь касалась не действительного благополучия ребенка, а ее собственного эмоционального удовлетворения. Исходя из этого, понятна ее решимость помешать разлуке. Ее материнство может удовлетворить только осознание эмоциональной зависимости ребенка и реагирование на нее: она настолько же зависима, как и он. Такая «осиротевшая» мать стонет: «В моей жизни больше нет смысла. Я никому не нужна». Мы видели, что в самых ранних и наиболее архаичных символизациях Мать Богиня требовала жизни детей, ибо только их пожиранием могла поддерживать свою жизнь. Ритуал жертвоприношения сына в намного более поздних мистериальных культурах античности основывался на мифе о жертвоприношении, принесенном Богиней-Матерью, однако здесь оно имело совершенно иное значение, так как цель состояла в освобождении человеческой матери от компульсивной силы инстинктивной привязанности к ребенку. Впечатления или переживания²³, посредством которых современная женщина может избавиться от варварского аспекта инстинкта, соответствуют этому последнему ритуалу, где богиня жертвует своим сыном, отпуская его, или, в более позднем варианте, даже заставляя его уйти на свободу: она добро-

вольно отказывается от ребенка и от его зависимости и остается наедине со своим горем. Особенно четко этот двойственный аспект матери отображен в индусской мифологии.

Генрих Циммер в своей статье на тему индусской Мировой Матери пишет: «Она остается самой собой: совокупностью, поддерживающей равновесие' противоречиями: укрывающей женской утробой, безмолвно и щедро кормящими грудью и рукой — и пожирающими челюстями смерти, перемалывающими все на кусочки»²⁴.

Ритуальное жертвоприношение сыща, составляющее центральную тему тайных учений Ближнего Востока, касающихся Великой Матери, имеет иную форму. Знаменитые легенды, описывающие ее, опять же демонстрируют эволюцию и постепенную модификацию материнского инстинкта на протяжении столетий.

Самая ранняя из этих легенд повествует о фригийской богине Кибеле, влюбившейся в своего сыща Аттиса²⁵. Однако он полюбил другую девушку, царскую дочь, и мать, расвирепев от ревности, наслала на него безумие. После чего Аттис оскопил себя под сосной — символом Великой Матери — и умер, истекая кровью. Но в другом варианте мифа говорится, что его убил вепрь — животная форма самой Кибелы. Адониса, юного любовника Афродиты, которого богиня с пеленок растила как собственного сына, убил медведь, — служивший одно время ее олицетворением — ккогда она пассивно сидела рядом. Обращение к этому мифу до сих пор можно видеть в Ghineh, где фигуры Адониса и Афродиты вырезаны на поверхности большого камня²⁶. Адонис изображен с копьем наизготовку в ожидании нападения медведя, а Афродита — сидящей в скорбящей позе. В этих легендах мать любит свое дитя, но не хочет ни с кем делить его. Ему не позволено уйти, и мать готова в ревнивой ярости скорее убить его, чем потерять. В подобном духе Иштар приговорила собственного сыща Таммуза к ежегодной смерти, а Исида не позволила казнить своего врага, Сета, убившего ее мужа, Осириса, и ранившего ее сыща, Гора; в результате он остался жить и повторил свое вероломное нападение. В каждом случае мать допускает смерть своего сыща или юного любовника, или даже непосредственно вызывает ее, а затем скорбит о своей утрате.

В наиболее варварские времена Мать Богиня пожирала человеческих младенцев, принесенных ей в жертву, и нет никаких намеков на то, что она не испытывала удовлетворения своей кро-

вавой трапезой. Последующие богини не требовали смерти детей своих поклонников. Вместо этого они жертвовали собственными сыновьями. По-видимому, архаический материнский инстинкт все еще продолжал функционировать у них автономно, так как они не противились гибели собственных сыновей, — на что ясно указывается там, где жертвоприношение совершает животный аналог богини — но впоследствии они оплакивали утраченных любимцев. Тем не менее, если запускающие инстинктивную реакцию условия возникают вновь, богини повторяют свое смертоносное действие. Эти мифы отображают трагическую дилемму, с которой столкнулось человечество. Как говорит Павел: «Я делаю то, что не должен был бы делать». Кажется, будто эти несчастные богини просто не могут усвоить урок — точно так же как человечество, несмотря на весь ужас кровопролития, не в состоянии отыскать пути избавления от войн и нескончаемой бойни.

Переворачивая страницы истории, мы встречаем более позднее сказание, напоминающее своим сюжетом мифы о Кибеле и Афродите. Эта история также разворачивается на восточном побережье Средиземноморья. И снова мы встречаемся с девственной матерью горячо любимого сына. Он должен покинуть ее, чтобы наставлять на путь истинный человечество. Она всеми силами пытается удержать сына, но он должен продолжить дело отца, и мать сдается. Когда же сыш попал в немилость к властям и его казнили, подобно его предшественнику Аттису, мать вместе с другими любившими его женщинами стоит у креста и оплакивает его смерть. Мария, в свою очередь, также известна как Великая Мать; но она отличается от своих предшественниц тем, что ее отношение к сыну характеризуется сочувственной нежностью и добровольным содействием его миссии.

В каждом из этих примеров сыш отправляется в иную сферу, чтобы пойти по пути, предначертанному судьбой, без участия матери. Он — ее ребенок, но вынужден оставить ее, и она не осмеливается удерживать его. Таким образом, она освобождается от привязанности к собственному ребенку. Или, выражаясь несколько иначе, она избавляется от идентификации с ролью матери.

В мифе эта идентификация матери с ребенком должна быть разрушена посредством удаления сына в результате фактической смерти. В наше время многие женщины приносят такую жертву, отпуская сыновей бороться за нечто более ценное, чем сама жизнь. На психологическом уровне подобную жертву должны

принести все женщины, чтобы не оставаться во власти слепого инстинкта. Современная женщина не предает своего сына смерти, она должна «убить» или забыть свои притязания, не требовать, чтобы тот оставался ребенком, ориентированным только на нее, и позволить ему пойти своей жизненной дорогой. Именно таким способом женщина должна бороться с аспектом материнского инстинкта, побуждающим ее считать потомство личной собственностью, которой она вольна распоряжаться по собственному усмотрению ради удовлетворения своих пожеланий. Кажется, что такое психологическое жертвоприношение имеет столь же высокую цену, как и фактическая смерть сына. С его помощью преодолевается навязчивый, нечеловеческий аспект материнского инстинкта каменной матери: этой жертвой женщина обучается давать, не требуя отдачи, и находить в этом удовлетворение. Таким образом осуществляется новый шаг в психической модификации инстинкта, соответствующий последовательности символов Великой Матери — от выдолбленного камня к амфоре и сосуду с живой водой. Достигшая этой стадии внутреннего развития женщина продвинулась далеко вперед в разрешении проблемы взаимоотношений матери и ребенка. Однако у средней женщины современности материнский инстинкт, как правило, еще не достиг подобного уровня. Традиционный образ жизни внешне соответствует этому идеалу, но освобождение сына обычно не достигается.

Большинство современных женщин стремится соответствовать этому идеалу путем совершенствования инстинктивного материнского чувства с помощью эго-сознания и вытеснения неприемлемых элементов. Это состояние представляет наивысшую, доступную лично для них стадию культуры. Однако существует множество женщин, которых не удовлетворяет такое решение проблемы, ибо они понимают, что необходимость играть роль матери может помешать их желанию стать целостным индивидом. Они осознают, что материнский инстинкт должен занять свое место как единственный фундаментальный мотив, на котором основывается целостная человеческая личность. Такое осознание может привести к чрезвычайно болезненному психологическому конфликту, либо стать причиной плохого состояния здоровья. В таких случаях образы, появляющиеся из бессознательного в сновидениях и фантазиях, могут дать понять культурной женщине, что за внешней благожелательностью глубоко

внутри нее дремлют импульсы и эмоции, характерные для каменной матери, и что они даже могут мотивировать ее внешне самоотверженные действия. Именно эти неприемлемые импульсы служат причиной несчастья или невроза.

До тех пор, пока женщина считает свой материнский инстинкт приятным, ее не беспокоит его компульсивность. Ибо доброта и благородство возвышают ее в собственных глазах и вызывают уважение у людей ее круга. Но осознав лежащую в его основе сущность, женщина уже больше не может гордиться своей так называемой добродетелью. Действительная любовь к объекту, желание любить ребенка ради него самого, которое есть у большинства женщин, вступают в прямой конфликт с желанием обладать и повелевать им. То есть, потребность быть самой собой, стать целостной, противостоит материнскому инстинкту. Ибо эти импульсы противоречивы; если женщина не может избавиться от идентификации с собственным ребенком (то есть с функцией или ролью матери), они будут нейтрализовать друг друга или создадут неразрешимый конфликт. Ибо роль матери представляет собой архетип — древнюю внутреннюю каменную мать.

Когда женщина подобным образом идентифицируется с ребенком, она отказывает ему в праве быть отдельной личностью со своей собственной индивидуальностью. В то же время ее индивидуальность будет столь же стесненной и несвободной, как и у него. Ее судьба и задача выходят за рамки материнской функции, а также обязанностей и переживаний, которые, по сути дела, дети не могут разделить с ней. Отказывая своему ребенку в праве быть самим собой, она лишает себя той же привилегии. Поэтому приходит время, когда мать должна пожертвовать сыном — не только внешне, позволяя ему ступить на свой путь, но и на более глубоком, духовном уровне.

Эту жертву современная женщина может осуществить, отказавшись идентифицироваться с ролью матери. Когда она относится к ребенку так, как взрослые люди относятся друг к другу, она «жертвует сыном». В глазах многих матерей этот акт кажется крайне предосудительным. Довольно часто женщина пребывает в заблуждении, считая похвальным то, что она отказывает себе во всем, давая больше своим детям.

Требуется значительный инсайт для понимания того, что это лишь привяжет детей к ней и помешает развитию их индивидуальности. Кроме того, это будет оз-

начать, что ее погубят не дети, а внутренний архетип матери, ее собственный бесконтрольный материнский инстинкт.

Если она откажется подчиниться примитивным импульсам и для того, чтобы освободиться от их влияния, противопоставит свое эго безоговорочным требованиям материнского инстинкта, возникнет новая проблема. Если эго насильственно займет место материнского инстинкта, присвоив его энергию в неизменном виде, женщина станет деспотичной матерью; ибо в этом случае материнский инстинкт объединится с инстинктом власти. Эта реакция может представлять инстинктивную попытку женщины освободиться от материнского архетипа, во многом аналогичную тому, как некоторые женщины цепляются за материнство и роль матери как за средство избежать притязаний секса. Но для собственных детей женщина нечто большее, чем мать, как и для мужчины она нечто большее, чем сексуальный объект. Как целостный организм она реагирует на оба типа этих инстинктивных импульсов, но ей следует выработать свое отношение к ним, а не беспомощно поддаваться их господству. Инстинктивная энергия может стать доступной для развития сознательных ценностей личности только после трансформации. В современной культуре аспект материнского инстинкта, символизируемый каменной матерью, дремлет нераспознанным. Матери обычно любят и лелеют своих детей, а их позиция самопожертвования общеизвестна. Мы привыкли быть сентиментальными и некритическими в вопросах таких взаимоотношений. Мы говорим о «священном материнстве» и даже отмечаем День Матери, когда каждый сын и каждая дочь шлют своим матерям подарки. Такая позиция кажется выходящей за рамки требований личных взаимоотношений, — должным образом подкрепляемых подарком на день рождения каждой конкретной матери. Существует необходимость общего признания, требующего, так сказать, объединенного усилия для того чтобы помнить не твою или свою мать, а просто «Мать». В этом состоит обобщение личного чувства, результатом которого является перерождение эмоций детей по отношению к родителям в сентиментальность. Мать, принимающая подарки, которыми ей воздают должное в День Матери, принимает на свой счет уважение и почет, в действительности принадлежащие материнской роли, идентифицирует себя с архетипом. Хотя ее индивидуальность представляется обогатившейся, это сознательное превосходство компенсируется и сводится к ну-

лю в бессознательном. Ибо она стала *только лишь* матерью, а ее личность принесена в жертву архетипическому образу, занявшему место индивидуальности.

Если бы это почтение вполне искренне воздавалось «матери» в религиозном духе, то оно имело бы совершенно иное значение. Тогда оно являлось бы ритуалом, целью и следствием которого были бы разрыв привязанности к собственной матери и укрепление связи с безличной матерью, Великой Матерью, источником всей жизни.

Сама мать может достичь стадии личного развития, позволяющей ей отказаться от привязанности к собственному ребенку, но если сын или дочь не подвергнутся соответствующему развитию, то они не смогут избавиться от детской зависимости, ибо намного легче оставаться ребенком, чем пускаться навстречу всем опасностям, которые подразумевает свобода. Поэтому необходимо, чтобы и ребенок прошел посвящение, включающее ритуальную или жертвенную смерть. Он переживает эту смерть в том, что касается его собственной матери, и таким образом освобождается от детской привязанности к ней, возрождаясь как дитя всеобщей матери, матери земли, матери его физического тела, которая в результате этого акта становится матерью его духа, ибо она — это и небесная мать. Древние представляли себе подобное возрождение вполне конкретным образом. Об этом свидетельствуют изображения фараона, где его, взрослого мужчину, кормит грудью Мать Богиня²⁷ — Хатхор, как небесная корова, или Исида, Великая Мать в ее человеческой форме.

Великая Мать — это не только мать одного сына, она еще и всеобщая мать; она — материнская способность всех живых существ женского пола порождать жизнь (как животную, так и человеческую). Она — источник воспроизводства, несущий в себе зачатки всего живого. Поэтому ее представляют несущей бога в самой себе. Эта тема прекрасно отобразена как в христианском, так и в языческом искусстве. Св. Анна, человеческая мать Девы Марии, изображается с дочерью на руках; но и Дева Мария держит на руках своего ребенка, маленького Иисуса. Если мы вернемся к античности, то обнаружим множество других изображений этого же архетипа матери, дочери и ребенка. Например, обнаруженный в одной из комнат дворца бронзового века под фундаментом греческого храма в Микенах небольшой предмет из слоновой кости представляет три переплетенные фигурки: мате-

ри, дочери и мальчика. Как отмечает Wase, они вполне могут символизировать двух богинь, Богиню Мать вместе с ее более молодой подругой, и их юного спутника»²³. (См. вкладную иллюстрацию DC.) Он продолжает: это «изображение двух женщин и мальчика напоминает ... Элевсинскую триицу.... В любом случае эта группа, очевидно, представляет богинь, имеющих множество имен: Деметру и Персефону, Demia и Auxesia, или просто Владычиц. Мальчик — это, естественно, одновременно и Иакх, и юный бог минойско-микенской религии... Найденные на Родосе и Кипре терракотовые фигурки Деметры и Кору [изображают] двух богинь, укрытых одной накидкой. Поэтому шаль, покрывающую спины двух женщин в группе фигурок из слоновой кости, можно истолковать как аналогичный предмет одежды и как свидетельство того, что они являются микенскими предшественницами Элевсинских богинь»²⁹. Эта группа, по-видимому, олицетворяет идею универсального материнского качества женщины: женщины как источника жизненной силы, представляемой ребенком. Этого ребенка можно рассматривать как бога. Именно так изображали Гора — сидящим в чреве всеобщей матери. Эта концепция перешла и на христианские символы. Например, существуют статуи девы Марии в форме саркофага с небольшой дверцей в области живота, открыв которую можно видеть внутри Христа, иногда как младенца, а иногда как взрослого мужчину на кресте. В других случаях фигурки внутри живота представляют Бога Отца с Сыном на руках. Кроме того, деву Марию изображали склоняющейся с небес после вознесения и накрывающей своим звездным одеянием всю верующую паству — то есть, она представлена матерью всех тех, кто возродился благодаря крещению.

На буддистских изображениях мы видим Майю в ее ужасном аспекте, она вмещает в своем чреве все миры — миры небес и преисподней. В этом ее отличие от девы Марии, признающей лишь верующих; ибо Майя приемлет всех, хороших и плохих. Возможно, именно по этой причине ее изображают пожирающей матерью. Ибо эта мать (Мать-Природа, как ее следовало бы называть) не только дарует жизнь, но и отнимает ее. Она и плодovита, и жестока. Ее законы направлены на продолжение существования рода. Молодые особи важны, поскольку представляют новое поколение. Тем не менее, если многие из них умрут, на смену им всегда придут другие. Как индивиды они очень мало значат в глазах Матери Природы, создающей живые существа в

большом изобилии, а затем всех уничтожающей. Таков естественный ход событий.

Эта двойственность Матери Природы неизменно находила свое отражение в культурах Великой Матери. Она была как черной, так и белой, как разрушающей, так и созидающей. В современной культуре мы пренебрегаем темной или неприглядной стороной материнского инстинкта и обращаем сознательное внимание только на благожелательный, лелеющий, бескорыстный аспект. Однако, если доброта женщины обусловлена идентификацией с лучшей стороной материнского инстинкта, в то время как его темный, жестокий аспект подавляется, порой она будет проявлять жестокость, даже если ею будет двигать лишь самый искренний, по ее мнению, альтруизм. Необходимо понимать тот момент, что хорошим или плохим, добродетельным или порочным является не инстинкт, а человек. Инстинкт — демоничен, он выходит за пределы сознательной личности. Он действует в женщине и через нее, а ее задача заключается в том, чтобы отделиться от его побуждений и установить с ним содержательный контакт. После чего женщина будет добровольно служить жизни, подчиняясь требованиям инстинкта и содействуя его целям; и тогда действие трансформированного инстинкта будет нести жизнь, а не смерть. Желание иметь детей и защищать их уже не будет функционировать просто как биологическое влечение, которое может подавить все порядочные человеческие чувства и заставить игнорировать все иные цели, оно займет соответствующее место в ее совокупной личности. Но основательная трансформация инстинкта может быть осуществлена только посредством тренировки и ценой серьезного конфликта и страданий. Материнский инстинкт не является исключением из правил. Для того чтобы люди не голодали, необходимо обуздать жадность; дабы не испытывать духовного голода, следует взять под контроль плотские побуждения; для того чтобы между противоположными полами возникла любовь, требуется усмирить вождление; и аналогичным образом, для того чтобы мать не лишила сына права на собственную жизнь, необходимо разрушить ее инстинктивную идентификацию с «плодом собственного чрева». Как мы видели, трансформация материнского инстинкта включает «пожертвование сыном»³⁰. Такая жертва требовалась от матери всегда. Она имеет несколько стадий, начиная с момента рождения ребенка вплоть до достижения им зрелости.

Если мать шаг за шагом добровольно не осуществит это жертвоприношение, то не сможет избавить ребенка от обоюдной привязанности друг к другу. Во время войны необходимость в такой жертве встала с новой душераздирающей реальностью. Мать должна была отпустить сына исполнить долг, — возможно, трагический. Она не могла ни помочь ему, ни защитить, ни утешить его и даже не знала, где он находится и как ему живется.

Интересный обычай, связанный с этим аспектом материнского переживания, существует во многих районах Индии³¹. В день своего рождения мать вместо причитающихся ей поздравлений и подарков сама должна отдать жрецу самую дорогую свою собственность — в знак того, что однажды ей придется расстаться со своим сыном. Это служит ей напоминанием о том, что в роли матери женщина полностью не распоряжается собственным ребенком и не может требовать вознаграждения для себя. Другими словами, она не должна ставить себе в заслугу благословение сыновьями, тогда как другие женщины, возможно, бездетны. Она выступает всего лишь инструментом исполнения воли богов, которые предопределили плодородность человека и предписали ему размножаться. Мать должна быть благодарна за то, что она избрана для выполнения этой роли, которая сопровождается горечью и радостью, болью и восторгом — возможно, столь же важной, как и любая другая роль, что может выпасть на долю женщины. Но так как ребенок не является ее личным творением, то она не может претендовать на владение им. Он и она связаны теснейшими из биологических уз, которые обычно служат основой единственной в своем роде духовной близости; но и мать и сын должны освободиться от этой бессознательной инстинктивной привязанности, разграничив человеческую мать и присущий ей архетипический образ. Женщина, понимающая недостаточность «естественной» или инстинктивной позиции по отношению к своей материнской функции и неудовлетворенная традиционной манерой поведения по причине своего более тонкого осознания внутренних скрытых тенденций, может усомниться в характере собственных чувств. Моральный конфликт, возникающий в результате этого подозрения, может побудить ее вернуться в прошлое и самой испытать силу древних установок, которые давно отброшены или вытеснены. Кажется, будто конфликт каким-то непонятным образом обособляет ее с целью перенести прошлое в настоящее. Она вынуж-

дена сознательно в сжатой форме пережить эмоциональную историю расы. Собственной ассимиляцией древних грубых аспектов материнского инстинкта она выполняет культурную задачу, имеющую реальную ценность: своим актом она делает возможным развитие новой позиции. Каждая женщина, способная удержать в сознании древний хладнокровный аспект материнского инстинкта вместе с его мягким и благожелательным аспектом и примирить их друг с другом не только в мыслях, но и в фактической реальности, на шаг опережает культуру своих современниц. Она свершила творческий акт; ибо она переступила границы сознания того поколения, в котором родилась. Она выступает первооткрывателем новой, более культурной позиции, когда индивид освобождается от непреодолимой власти слепого материнского инстинкта и становится способным истинно любить объект.

1. «Mind and Earth» in *Contributions to Analytical Psychology*, p. 122. [Рус. пер. Душа и земля//Проблемы души нашего времени. — М.: Прогресс, 1994, с. 84-112].
2. См. также Eranos-Jahrbuch 1938, посвященный теме «Великой Матери».),
3. Neumann, *The Great Mother*. См. также M.E. Harding, *Woman's Mysteries, Ancient and Modern*.
4. «Mind and Earth», in *Contributions to Analytical Psychology*, p. 123.
5. «Woman in Europe», *ibid.*, p. 175ff: «Перед этим последним вопросом [т.е. вопросом психических или человеческих взаимоотношений между полами] бледнеет значимость сексуальной проблемы. Вместе с ним мы вступаем в истинно женскую сферу. Психология женщины основывается на принципе эроса, великом связующем и избавляющем факторе; на современном языке мы могли бы выразить понятие эроса как психическое взаимоотношение». См. также Harding, *op. cit.*, pp. 34 ff.
6. Очень интересное обсуждение этой темы см. в C.G. Jung, *Symbols of Transformation* (C. W., 5), chap. VII, «The Dual Mother».
7. См. вкладную иллюстрацию V.
8. В отношении анализа материала сновидений этого типа у ребенка см. J. Jacobi, *Complex Archetype/Symbol in the Psychology of C. G. Jung*.
9. См. Harding, *op. cit.*, pp. 39 ff.
10. J. A. MacCulloch, *The Religion of the Ancient Celts*, p. 383: *idem* «The Abode of the Blest», in J. Hastings, *Encyclopaedia of Religion and Ethics*, II, 694.
11. C. Guest (tr.) *The Mabinogion*, p.37. См. также J.A. MacCulloch, *Celtic Mythology*, in L. H. Gray (ed.), *Mythology of All Races*, III, 112.

М.Э. Хардинг

12. Guest, *The Mabinogion*, p. 295.
13. *Celtic Mythology*, in Gray, *Mythology of All Races*, III, 109 ff.
14. *Плутарх*, Исида и Осирис, пер. в G.R.S.Mead, *Thrice Greatest Hermes*, I, pp. 279, 312.
15. E.A.W. Budge, *The Gods of Egyptians*, I, p. 107.
16. Frazer, *op. cit.*, p. 260.
17. MacCulloch, *The Religion of the Ancient Celts*, p.383; idem, «The Abode of the Blest», in Hastings, *op. cit.*, II, p.694; idem, *Celtic Mythology of All Races*, III, p. 202.
18. Budge, *op. cit.*, I, p. 515.
19. См. Neumann, *The Great Mother and The Archetypal World of Henry Moore*.
20. *Symbols of Transformation*, (C.W., 5), pp. 355—356.
21. См. историю о Коре и Деметре. Деметра, как мать, несет в себе свою собственную юную сторону, тогда как Кора в свою очередь становится Деметрой. См. Jung and Kerényi, *Essays on a Science of Mythology*, pp. 168 ff.
22. Третья книга царств, 3:23—27.
23. Harding, *op. cit.*, chap. XIV.
24. «The Indian World Mother», Spring, 1960.)
25. Jung, *Symbols of Transformation*, (C.W., 5), pp. 204, 423; Harding, *op. cit.*, pp. 141-142.
26. Frazer, *op. cit.*, p. 329.
27. См. вкладную иллюстрацию VIII.
28. Wace, *Mycenae*, p. 115.
29. *Ibid.*, pp. 84, 86.
30. Эта тема более подробно обсуждается в Harding, *op. cit.*, chap. XIV.
31. H. Zimmer, «The Guidance of the Soul in Hindooism», Spring, 1942.

ЭГО И ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ

Самоуважение и стремление к господству

В предшествующих главах мы рассматривали психические силы, лежащие в основе жизни и переживаний человека. Стремительные волны желания, вздымающиеся и опускающиеся подобно приливам в огромном психическом океане, накатываются и пульсируют, увлекают за собой, невзирая на личные желания или намерения. Будучи одержимым инстинктивным влечением, индивид забывает о сознательных желаниях и полностью отдается служению целям непреодолимой силы, удерживающей его в своей власти. То, что в действительности является наименее личным, наименее индивидуальным, кажется жертве коллективной безличной силы самым что ни на есть его собственным, наиболее тесно связанным с ощущением «Я». Лишь только после того как рассеивается дурман, он смутно видит, как далеко его «затянуло», насколько серьезно утрачен контакт с ценностями, отличающими человека от животных собратьев. При обсуждении человеческой природы, основных инстинктов и проявлений безличной части психики, я могла поговорить о том, что выступает против слепого принуждения инстинктов и связано с желаниями и интересами, отличающимися от устремлений природы и даже внутреннего естества человека¹.

Это очень странное явление, но мы настолько привыкли к нему, что обычно принимаем его во всей необычности. Насколько нам известно, то, что мы называем природой, не является силой, а тем более личностью, обособленной от естественных явлений мира. Камни, деревья и животные — это выражения природы: только через них, их строение и функции мы имеем какое-то представление о природе. Можно было бы ожидать, что и чело-

век, со своей стороны, будет служить выражением природы, и только природы — то есть, его существование будет подчиняться тем же законам, что управляют всеми другими явлениями. Однако, если мы обратим внимание на себя и вспомним историю человечества, то станет очевидным, что в человеке действует сила, отличная от слепого инстинкта.

На заре жизни человеческой расы, как и в жизни каждого младенца, на сцене господствовали силы инстинкта. Но в какое-то время появилась иная сила, установившая границы беспрепятственному требованию последнего. Такая сила действует у всех народов, даже самых примитивных. Мы называем ее силой воли. Она черпает свою энергию из инстинктов и служит эго, которое появилось *pari passu** с обузданием инстинктов.

Неизвестно, как возникло в человеке сознание. Мы располагаем рядом мифов, повествующих о том, что древний человек думал об этой проблеме. Кроме того, мы можем и сегодня наблюдать это явление у очень маленьких детей. Точно так же, как каждый ребенок требует воспитания и обучения, так и примитивный характер человека требует укрощения и одомашнивания, сдерживания и адаптации, чтобы индивид мог развиваться в культурном отношении и совершенствоваться в способности контролировать свое окружение.

Сдержанность и дисциплинированность, требуемые от ребенка, достаточно тяжелы, несмотря на то, что он живет в окружении, где нормы поведения твердо установлены и безоговорочно принимаются окружающими людьми. Все, что ему остается — это достичь уровня самоконтроля, присущего взрослым. Насколько сложнее, должно быть, протекало зарождение соответствующей дисциплинированности в общинах, еще не достигших цивилизованного состояния, смутно представлявшегося отдельным индивидам. Тем не менее, сознание и эго, вероятно, зародилось спонтанно. То, что человек способен противостоять слепой настоятельности инстинкта, удивительно. Функция эго из всех живых существ развилась только у человека. Лишь он один украл у богов часть священной прерогативы власти, способность что-то делать по собственной инициативе, создавать нечто новое. Лишь он один научился познавать, помнить, предвидеть и судить о вещах соответственно их значимости для его благополучия.

"Одновременно (лат.). — *Прим. перев.*

Для человека появление сознания означало, что все стало ориентированным на него. Каждое происшествие, каждое состояние уже больше не принималось просто как существующее: начиная с этого времени, все рассматривалось сквозь призму эго. Оно было хорошим — для *него*; или плохим — для *него*. Все вещи, единые в своем существовании, разделились надвое. Для него сознание разделило первичное единство природы на пары противоположностей. «Ка» — сказали об этом алхимики, психологи средних веков, «две рыбы плавают в нашем море» — то есть, в океане бессознательного бок о бок плавают неразделенными пары противоположностей, но сознательное эго знает, что они разделяются надвое².

Как мир раскололся для человека на пары противоположностей, так и сам человек оказался внутренне расколотым. Ибо часть его психики — эго-сознание — восстала против внутреннего господства природы. Он больше не действует под диктовку естества, а взвешивает, обдумывает, рассуждает и выбирает; в некоторой мере он может поступать так, как желает его сознание, хотя временами природа может заставлять его действовать иначе. В этом внутреннем разделении, вызове природе, заключается грех Люцифера, а также и грех Адама и Евы, которые, отведав плода дерева знания добра и зла, то есть знания пар противоположностей, обрели способность самостоятельного выбора. Таким образом, вместо того чтобы оставаться в слепом повиновении законам, управляющим всеми другими природными явлениями, прародители человечества объявили себя свободными. Но Господь, как нам говорят, разгневался и изрек следующее: «Очень хорошо. Берите свою свободу и делайте с ней, что хотите. Но природа уже больше не будет вам доброй матерью» — или, как сказано в Писании: «Терние и волчицы произрастит она [земля] тебе».

С одной точки зрения, такой подход к рассмотрению истоков сознания обоснован; эту позицию отражают мифы, в которых предполагается, что сознание было украдено у богов и потому не может быть естественным продуктом жизни на земле. Но мы, психологи, едва ли можем рассматривать эго как относящееся к другой системе или как принцип, отличающийся от всех остальных. Мы обязаны исходить из того, что эго появилось в ходе естественного развития жизни на земле: то есть, сознание зародилось из бессознательного в результате естественного эволюционного процесса. Поэтому точнее будет сказать, что человеку присущи два внутренних естества, находящихся в противоречии

друг к другу, нежели заявлять, что человек пребывает в конфликте с природой. Ибо если бы последнее было верным, то это значит, что человек сам создал собственное эго. Когда в Египте встал вопрос о появлении первого бога, создателя, Хепри, ответом было то, что вначале Хепри сотворил себя сам, произнеся собственное имя. Каждый ребенок, впервые называющий себя «Я», повторяет этот акт творения. До этого момента он говорил о себе только в третьем лице: «Детка сделает»; «Масик пойдет». Затем наступает день, когда он говорит: «Я сделаю», тем самым провозглашая рождение новой индивидуальности, нового эго.

Все это верно, но все же остается проблема: что или кто произносит имя. Возможно, пролить свет на нее поможет история культуры. Способность человека противостоять компульсивнос-ти инстинктивных влечений выработалась в результате воспитательного процесса, начавшегося с магических или религиозных обрядов, с одной стороны, и социального давления — с другой. В далеком прошлом все происходящее в мире без личного вмешательства человека приписывалось богам, демонам или магическим силам, присущим естественным объектам и естественным явлениям. Для примитивного разума силы природы (как и внутренние инстинктивные силы человека) по закону находились в распоряжении богов. Всякие желания человека, затрагивающие эти силы, сдерживались запретами и табу, налагаемыми богами. Благодаря подчинению божественно установленным ограничениям и окружавшему их суеверному страху человек научился говорить себе «нет». Рассматривая ситуацию с этой стороны, мы вынуждены сказать, что установить различие между собой и внутренним влечением естественного желания человека побудило чувство собственности богов. Но в действительности это не дает ответа на вопрос. Проблема лишь немного сместилась; для толкования воли богов и установления запретов требовался человек — знахарь или жрец. Но откуда этот человек знал, какие табу учредили боги, и кто дал ему право требовать от своих соплеменников подчиняться законам, идущим вразрез с естеством именно в тех областях, где требования естественных импульсов наиболее властны? Единственный возможный ответ состоит в том, что действенные запреты основывались на реакции на архетипические образы, которую знахари или жрецы способны были распознать благодаря своей незаурядной интуиции: эти запреты выражали нечто из бессознатель-

ного всего племени. В действительности табу отражали религиозный инстинкт человека, имеющий несколько иную цель, чем естественные влечения. То есть, потенциальная возможность появления эго-сознания существует в самом бессознательном. Именно это означают искры света в океане, о которых говорят алхимики³, и которые иногда появляются в сновидениях современного человека.

В условиях групповой жизни сдерживанию естественного инстинкта активно способствовали не только религиозные запреты. Соответствующее давление на инстинкт оказывали и социальные ограничения. Ибо контакт между людьми и их воздействие друг на друга также сыграли свою роль в развитии способности противостоять давлению врожденных импульсов. Индивид признавал существующий социальный порядок и придерживался его отчасти из-за совместной групповой деятельности, которая требовалась для выживания, а отчасти из-за своей природной общительности.

Таким образом, один инстинкт противопоставлялся другому, один инстинкт препятствовал другому и сдерживал его. Это породило конфликт целей и желаний, который вызвал к жизни сознание, ибо человек оказался перед выбором: нерешительность привела бы его к полному бездействию, результатом которого стало бы вымирание. Как было сказано, сознание пробуждается только в момент дискомфорта. Аналогично распространенной: «необходимость — мать изобретательности», конфликт можно назвать матерью сознания. Если все хорошо, мы плывем по течению; и лишь когда положение ухудшается, мы начинаем осознавать условия окружающей жизни и готовы играть активную роль в собственной судьбе. Это одна из причин того, почему война приводит к быстрому прогрессу во многих областях деятельности, например, в научных исследованиях. Кажется, будто бы угрозы и опасности войны ускоряют человеческую жизнь. Когда для комфортного существования большинства всего достаточно, жизнь идет своим чередом. Однако, при появлении угрозы самой жизни и возникновении дефицита в разного рода неожиданных местах, сложившаяся ситуация взывает к творческому гению, который спит или, по крайней мере, дремлет в безмятежные дни мира, и люди снова начинают жить творчески. Сознание пробуждается — во всяком случае осознание внешнего мира. Мы можем надеяться на психологическое пробуждение.

Если безличными силами распоряжаются боги, если именно они даруют человеку достаток, дождь и солнечный свет, плодородие, здоровье и силу для победы над врагами, то человек должен повиноваться велениям богов. Как еще он может избежать опасностей и несчастий, которые серьезно угрожают жизни примитивных народов. Божественные заповеди прежде всего выражают императив: «Ты не должен!» Они — запреты или табу. Человек считает, что для умилоствления богов должен воздерживаться от действий или поступков, кажущихся совершенно естественными. Или он должен угождать богам дарами или жертвоприношением — часто самого дорогого — либо практиковать воздержания, выступающие самопожертвованием жизни. Он считает, что эти вещи угодны богам и не понимает, что реальной причиной растущего благополучия служат налагаемые на себя дисциплинированность, воздержанность и самоконтроль. Ибо из способностей, обретенных человеком в ходе тысячелетнего развития с момента появления первой искры сознания, интроспекция является одной из последних. Вначале сознание развивалось относительно внешнего мира; в результате явления, составляющие внутренний мир, проецировались и потому казались человеку свойственными внешним сущностям, богам и демонам, существам и силам невидимого, но весьма реального мира.

Животные подчиняются только закону природы. Он говорит и управляет силой их собственных инстинктов. Животные безоговорочно подчиняются этому закону и не ведают внутренних конфликтов; они истинно «благочестивы» и верны, ибо голос естественных инстинктов полностью выражает их собственную сущность, и ничто не восстает против этого закона. Человек — совсем другое дело. Он не пребывает в согласии с самим собой. Он подчиняется двум редко совпадающим законам. В результате в человеке наблюдается внутреннее разделение.

Будем ли мы рассматривать раскол в человеке как обусловленный конфликтом между человеком и природой (или человеком и богами) либо же признаем его как результат расхождения двух естественных линий внутреннего развития — зависит от того, в каком контексте мы будем рассматривать безличные инстинктивные силы: либо как присущие человеческой психике, или же мы присоединимся к теологической гипотезе, и будем считать эти силы относящимися к богам или демонам. До расцвета современного материалистического мировоззрения гипотеза существо-

вания божественных существ пользовалась столь широким признанием, что эта проблема практически не возникала. Но с развитием интеллекта боги были свергнуты, и их место заняли законы естествознания. Все, что нельзя было объяснить этими законами, игнорировалось. Было широко распространено представление о том, что рациональное мышление может решить все проблемы. Но оставалась иррациональность самого человека. Если бы только человек мог вести себя рационально, то, вероятно, можно было бы избежать войн, кризисов и безумия; но, к сожалению, сегодня человек способен поступать разумно не более, чем тысячу лет тому назад. Мы продолжаем сталкиваться с иррациональным поведением человека и внутренними необузданными силами его психики.

В двадцатом столетии мы живем в переходный период. Нашему рациональному научному мышлению, сопоставляющему каждый факт с известными или познаваемыми причинами, претит гипотеза о божественных существах. Однако остающийся в нас первобытный человек продолжает создавать богов и демонов для объяснения переживаний, характеризующихся иррациональной импульсивностью. а наше религиозное естество в благоговении склоняется перед таинствами жизни, которых наша наука не в состоянии ни объяснить, ни опровергнуть.

Психолог занимает промежуточную позицию. От него не требуют ответа на загадки вселенной. Полем его деятельности является изучение человека. Психолог наблюдает за энергиями и силами, которые поднимаются из бессознательного и действуют как самостоятельные существа. Это *как* служит очень ценным дополнением, ибо оно позволяет научно изучать законы, управляющие этими силами, и влияние на них сознательной позиции, не связывая себя догматическими суждениями относительно их характера или происхождения. При определенных обстоятельствах эти автономные факторы могут накопить столько энергии, что фактически овладевают всем полем сознания и смещают все остальное во второстепенное положение. Они могут уничтожить все, что было построено за жизнь индивида. С другой стороны, когда сознательная позиция по отношению к ним модифицируется, они могут лишиться своего угрожающего аспекта и вместо смертельного исхода или безумия нести с собой обновление жизни, подлинное возрождение.

Таким образом мы с полной уверенностью можем говорить о личностной части психики, состоящей из сознательных и контролируемых элементов, и безличной, складывающейся из тех элементов, что не управляются сознательным «Я», а стоят выше его, действуют независимо, часто подчиняют его своим интересам и заставляют поступать наперекор желаниям. Когда сознание все еще составляет лишь незначительную часть психики, ограничиваясь осознанием тела и физических потребностей, его центром выступает аутоэ. Когда же в результате захвата части присущей инстинктам энергии и направления ее на иные цели сознание расширяется, развивается новый центр сознания: его мы называем эго. Эго обладает способностью видеть себя, по крайней мере частично, в связи с остальным миром. Аутоэсу это недоступно. Эго понимает, что другие тоже обладают эго-сознанием и способностью к критическому анализу. Таким образом, оно осознано то, что думают и говорят другие, и вдобавок собственные мысли и намерения. Оно может сказать: «Я есть то, что мыслит и делает».

Но дальше эго продвинуться не может. Например, человек на этой стадии самосознания, как правило, не понимает, что мысли возникают вне зависимости от его желания, что в своих действиях выступает лишь исполнителем, что он — инструмент мыслей и импульсов, исходящих от чего-то отличного от «Я». И лишь проделав следующий шаг в освобождении от инстинктивных влечений, он начинает осознавать собственную обособленность от других, то, что другие не ориентируются на него и не зависят от него — осознавать, что эго эго не тождественно эго новой самости, которая теперь, в свою очередь, говорит «Я». Такое положение вещей соответствует развитию на предшествующей стадии, когда человек пришел к пониманию, что эго эго не тождественно аутоэсу, ибо оно может желать и добиваться целей, которые чужды и неинтересны эго аутоэротическому «я».

Проницательные мыслители древней Индии давно (во всяком случае еще до седьмого столетия н.э.) поняли, что в психике присутствуют несколько факторов, способных называть себя «Я», и очень важно отличать эти факторы друг от друга — чтобы знать, какой из них говорит, когда человек заявляет «Я хочу» либо «Я сделаю то или это»; и для того (что еще более важно), чтобы каждый человек выяснил для себя какое «я» говорит в нем. Эту проблему разъясняет весьма поучительная история из «Чхандогья

Упанишады»⁴. В ней говорится о том, как боги и демоны (дэвы и асуры), дети Праджапати, Бога Отца, услышали его рассказ об Атмане — Самости, — свободном от печали, старости и смерти. Он сказал: «Тот достигает и всех миров, и [исполнения] всех желаний, кто находит и познает этого Атмана». Желая получить благословение Самости, и те и другие послали к великому богу своих представителей, дабы те подробнее разузнали о ней. Асуры послали Вирочану, а боги — Индру. Когда эти двое явились к Праджапати, он на тридцать два года взял их в ученики, а затем спросил, зачем они пришли. Они поведали об этом, и Праджапати велел посмотреть в сосуд с водой и рассказать, что же они там увидели. Они ответили, что увидели самих себя. Далее сказание гласит следующее:

«Праджапати сказал им: "Разукрасьте себя получше, наденьте прекрасные одежды, нарядитесь и поглядите в сосуд с водой... Что вы видите?"

Они сказали: "Какие мы есть, почтенный, — разукрашенные, одетые в прекрасные одежды, наряженные, — таковы и эти [наши подобия]: разукрашенные, одетые в прекрасные одежды, наряженные." "Это Атман, — сказал он, — это бессмертный, бесстрашный, это Брахман". И они удалились с успокоенным сердцем.

И, глядя им вслед, Праджапати сказал: "Они ушли, не постигнув и не найдя Атмана. Те, которые будут следовать этому учению, боги то или асуры, погибнут". И вот Вирочана с успокоенным сердцем пришел к Асурам. Он передал им это учение: "Лишь тело следует здесь почитать, о теле следует заботиться. Почитающий здесь тело, заботящийся о теле достигает обоих миров — и этого и того".

Индра же, не дойдя до богов, усмотрел в этом [скрытую] опасность [и подумал]: "Ведь подобно тому как этот [Атман] разукрашен, когда тело разукрашено; прекрасно одет, когда оно прекрасно одето... точно так же он слеп, когда оно слепо; хром, когда оно хромот; изувечен, когда оно изувечено. Он гибнет вслед за гибелью этого тела. Я не вижу в этом добра"».

И он вернулся к Праджапати, который согласился с тем, что такое решение неудовлетворительно и пообещал Индре дать дальнейшие наставления и глубже разъяснить проблему, если тот останется у него еще на тридцать два года.

Если считать, что исходящие от безличной части психики инстинктивные влечения отражают непреложные божественные законы, тогда развитие эго, способного противостоять их требо-

ваниям и следовать по собственному пути, будет эквивалентно преступлению Люцифера, бросившего вызов Господу и изгнанного с небес. Люцифер действовал по собственной инициативе. Он утверждал, что является самим собой и хозяином самому себе. В действительности он заявлял, что является создателем самого себя и брал на себя всю ответственность за свои поступки и их последствия. Если перевести миф на язык психологии, то это означает, что эго, бунтовщик, Люцифер в человеке, создало человеческое сознание — что оно развивалось не так, как другие естественные явления. Такая позиция, несомненно, абсурдна, и если объяснять ее с подобной точки зрения, то никакой серьезной поддержки она иметь не будет. Вместе с тем, если проанализировать некоторые из наших установок и реакций, то нельзя не предположить, что за ними стоит такая предпосылка. Это похоже на то, как если бы мы бессознательно допускали, что человек сам ответственен за собственное существование и деяния: кажется, что мы действительно предполагаем, будто человек создал самого себя. Не является ли такая позиция, хоть и бессознательная, повторением преступления Люцифера? Высокомерное предположение о том, что человек сам создает собственное сознание, принесло миру невыразимые страдания и, аналогично низвержению Люцифера в ад, в наказание за безграничную гордыню. И это несмотря на то, что эго-сознание представляет собой один из величайших шагов вперед в психологической эволюции за всю историю мира. С появлением эго человек взял на себя ответственность за свою судьбу. Однако его бунт против богов не помог в создании идеальной ситуации, а Господа и Судьбу за свои несчастья он больше уже винить не может, поэтому появилось мучительное чувство неполноценности и вины. Ощущение вины и неполноценности, обусловленное этим бессознательным допущением, в особенности мешает современному человеку. По какой еще причине человек, имея физический недостаток, ощущает себя неполноценным, если не вменяет этот изъян себе в вину или, по крайней мере, не считает себя ответственным за него? Или, возможно, он полагает, что имеет право быть таким же подвижным и сильным, как его сосед? В любом случае снедающее его чувство неполноценности выступает лишь одной стороной проблемы, ибо оно основывается на бессознательной исходной посылке превосходства, на высокомерном требовании собственного со-

вершенства, мешающих ему просто и естественно взглянуть на свой дефект так, как это делают животные и простые люди.

Это стесняющее чувство неполноценности связано как с моральными недостатками, так и с изъянами характера. Но здесь мы не имеем твердой почвы под ногами, ибо если человек не утвердит себя как свободно действующее лицо, противостоящее слепым влечениям своей инстинктивной природы, он останется марионеткой внутренних безличных сил психики. С этой точки зрения мятеж Люцифера представляется моральным поступком. Ибо когда человек начал отвечать за самого себя, он не мог больше утверждать, что все происходящее обусловлено волей богов и перекладывать на них ответственность. Он больше не мог проецировать свои бессознательные влечения на внешние по отношению к себе, невидимые, но всемогущие существа. Человек вынужден был следить за последствиями своих действий и учиться управлять собственной судьбой, исходя из результатов своих наблюдений. Он пришел к осознанию закона причины и следствия, который, согласно тибетскому тексту⁵, служит хорошим учителем для людей «малого ума» или незначительного психологического развития. Кроме того, у него начинает развиваться нравственность, совесть — внутренний голос, сменяющий указания богов. Вместо непреложного наставления непостижимого божества, пребывающего во внешней вселенной, где-то из глубины человека начали исходить законы морали. Таким образом, он взял на себя некоторую часть прерогативы богов. С развитием эго сместился центр сознания. Ранее в теле существовало лишь смутное сознание, ощущение потребностей, благополучия или неблагополучия: этот тусклый свет мы называли ауросом. Это, так сказать, соматическая осведомленность, которую можно наблюдать у маленьких детей задолго до развития конкретного «Я». Она продолжает функционировать в течение всей жизни. Результатом изоляции сознания от нее могут быть серьезные последствия. В мифах и сновидениях это телесное осознание часто представлено животным. В сказках его символизирует готовое прийти на помощь животное, появляющееся в критический момент — когда, например, эго-сознание не отвечает требованиям ситуации — и подсказывающее герою, что необходимо сделать, подобно тому, как лошадь способна доставить наездника домой, даже если он сбился с пути в тумане или темноте. Таким же образом может реагировать на опасность и смут-

ное сознание тела, иницируя шаги, необходимые для защиты, до того как пробуждается и включается в ситуацию эго-сознание. Когда эго организовано неадекватно или когда оно остается в бессознательном просто как потенциальная возможность, ауто продолжает функционировать как управляющий принцип даже у взрослого человека.

Для таких людей наивысший интерес представляют вопросы физического комфорта и благополучия. Излюбленную тему разговоров составляет еда, уютная постель и погода с точки зрения комфорта и удобства; любая возникающая ситуация будет рассматриваться и оцениваться по критерию удовольствия или неудобства. Такая эгоцентричность не результат намеренного игнорирования прав или удобства других; она возникает просто из-за непонимания того, что для другой стороны ситуация может оказаться иной.

Тем не менее человек, сознание которого не перешагнуло стадию аутоа, все же может развиваться и совершенствоваться. Фокус его интересов может сместиться от вульгарно физического к эстетическому. Такой человек может овладеть всеми тонкостями понимания культурных ценностей. Однако если сознание будет ориентировано только на последствия, касающиеся его самого, он будет оставаться на аутоэротической стадии развития. Его сознание может расширяться и включить других, но если и для них человек будет добиваться только аутоэротических удовольствий, то будет продолжать свое пребывание под властью аутоа.

Такой человек будет создавать впечатление индивидуалиста, но его эгоизм — не результат силы воли или сознательной решимости добиться своего; скорее, он обусловлен полным незнанием и неведением иных аспектов ситуации, кроме тех, что затрагивают его самого. Эго бессознательный, произвольный эгоизм и сопровождающее его стремление к власти также бессознательно. Такой человек не понимает, что подчиняет себе окружение или требует больше, чем положено. Он был бы удивлен, узнав истинный характер своей позиции.

Исходно человек, подобно другим животным, — просто марионетка инстинкта. Если младенцем не движет инстинкт, он остается пассивным или спящим. С пробуждением инстинкта он реагирует стремительно, с характерной реакцией типа «все или ничего». Он действительно осознает происходящее в окружающем его пространстве и свои действия. Но у младенца отсутствует са-

моосознание: психические образы проносятся в его сознании, не оставляя или почти не оставляя следа, никакого, так сказать, отпечатка — как кинокадры на экране. До тех пор пока картина проецируется на экран, она находится в центре внимания, но когда включается свет, изображение исчезает, не оставляя никакого следа. Таким является и сознание человека до развития эго.

На следующей стадии мы наблюдаем у младенца или молодого животного формирование так называемых условных рефлексов. Некоторые повторяющиеся раздражители запоминаются не как образы в памяти мозга, а как соматические реакции, как память тела, так сказать, либо как психические образы, остающиеся в бессознательном и недоступные до тех пор, пока они не будут активированы соответствующими раздражителями.

Например, некоторые смутные образы не может восстановить в памяти даже взрослый человек, однако с возникновением ассоциации, часто сенсорного типа, они всплывают спонтанно. Некоторые запахи могут воскресить давно забытые переживания далекого прошлого. Либо же, отправляясь в места, где человек не был с раннего детства, он вспоминает прошлые события по мере того, как дорога открывает взору окрестности. Пейзаж кажется удивительно знакомым, и человек снова ощущает себя маленьким ребенком, топаящим на коротеньких ножках по пыльной дороге, не обращая внимания на проезжающие автомобили. Он снова видит заборы и дома как маленький ребенок из прошлого. Или же с поворотом дороги в ушах звучит давно забытый разговор, возможно, о чем-то незначительном. Именно эту смутную бессознательную память имеет в виду Уолт Уитмен, когда пишет о зеленых дубах, навевающих мысли, которых он не может уловить в другом месте: «Иногда мне кажется, что они витают там в ожидании».

Существуют и другие «воспоминания» — память о том, что никогда не происходило с данным конкретным человеком. Они дремлют в бессознательном в виде архетипических образов. Их предназначение — определять и направлять переживания, оставаясь совершенно неизвестными. Сознание индивида может их различать только в том случае, если оно достигло стадии, на которой способно отыскать точку опоры, дающую возможность наблюдать происходящее внутри человека.

Те неясные отпечатки памяти, будь то личного или архетипического характера, которые требуют для воспроизведения присутствие внешних раздражителей, являются переживаниями, не

имеющими непосредственной связи с эго, и поэтому они недоступны произвольному припоминанию. Изначально сознание состоит из обособленных фрагментов осведомленности, но с постепенным развитием центра сознания эти островки сливаются, и восприятие жизни индивидом становится привязанным к эго и подпадает под контроль воли. Так сознание обретает большую степень целостности, чем ранее. Сила эго увеличивается с каждой дополнительно завоеванной областью психических переживаний, так как присущая переживанию энергия прибавляется к общему запасу и оказывается в распоряжении нового центра сознания, то есть эго.

С самого начала общинной жизни, человек, обладавший памятью, обладал и властью, авторитетом, отличающимся от веса людей обычных; это была власть, помогавшая оспорить влияние «сильных» людей и постепенно добиться превосходства. Человек, обладавший памятью, обретал власть над самим собой и окружающими. Он мог предсказать, что произойдет, и предпринять необходимые шаги. В этом заключается основа авторитета «стариков», старейшин.

Индивиды, способные помнить, что ухаживая за посевами одним способом, получаешь хороший урожай, а иначе — плохой, несомненно находились в более выгодном положении. И, как отмечалось ранее", научившиеся управлять своими инстинктами имели преимущество над теми, кто был не способен на это. Например, человек первым сумевший контролировать свой аппетит и сохранить достаточное количество посевного зерна, в следующем году имел лучший урожай, чем у соседей. Но примитивному человеку для удержания в памяти информации с прошедшей зимы до грядущего урожая и соответствующего сдерживания своего аппетита требовалось значительное напряжение памяти. Зарождение такой власти над собой можно наблюдать у маленького ребенка. Мне запомнился один поучительный случай, свидетелем которого я была сама. Однажды, когда я была в гостях у подруги, в комнату, поздороваться, вошел ее маленький сын, ребенок четырех лет. Ему разрешили взять кусочек пирога к своему чаю в детской. Он тут же направился к обильно глазированной шоколадом тарту, но мать напомнила ему: «Ты не забыл, что случилось на днях, когда ты ел шоколадный торт?» Мальчик на мгновение задумался, а затем кивнул с серьезным видом.

Мать добавила: «В таком случае, может тебе лучше бы выбрать кусочек обычного пирога?»

Ребенок взял его и спокойно отправился в детскую.

Этот маленький мальчик поборол инстинктивное желание полакомиться более сладким тортом, так как понял, что теперешнее удовольствие может привести к будущей боли, и тем самым обрел власть над собой.

В первобытных общинах человек, научившийся дожидаться удобного времени для мести, обмена или каких-нибудь других целей, также имел преимущество над теми, кто мгновенно отвечал на появление раздражителей, не учитывая последствий. Укротив свои инстинкты, такой человек обретал власть над своими соседями, действующими более инстинктивно. Авторитет знахарей основывался, главным образом, на подобном самоконтроле.

Такие религиозные обычаи, как табу и ритуалы, первоначально задуманные для умилоствления богов, неизменно требовали от придерживавшегося их индивида дисциплинированности, тем самым укрепляя власть эго. Позднее стали считать, что аскетизм угоден богу сам по себе и что бог ниспослет свою благосклонность и благословение тем, кто будет практиковать самоограничение, сдержанность и воздержание. Затем богу начали совершать жертвоприношения, дабы убедить его даровать различные блага. С этой же целью практиковались и аскетические обряды. Считалось, что бог не может отказать. В этом веровании мы видим смутный предвестник понимания того, что существование богов не является полностью обособленным и независимым от человеческой жизни, что оно связано с человеком, определяется его действиями и установками. Казалось бы, что отсюда не очень далеко до признания богов олицетворением бессознательных факторов человеческой психики; но прошло почти три тысячи лет с тех пор, как египтяне говорили, что боги должны являться тогда, когда человек вызывает их, и почти столько же с того времени, как индусские мудрецы поведали историю о Золотом Платье.

В египетских гимнах говорится о том, что богов притягивает дым жертвоприношений, и они не могут оставаться в стороне от него: «они витали над жертвоприношением, подобно мухам». Индусские мифы изобилуют рассказами о людях, практиковавших аскетический образ жизни, дабы обрести способность заставлять богов даровать блага, которой они просто не могли бы противостоять. Одним из таких аскетов был Золотое Платье⁷. Он

был одним из Асуров, демонов, которые, как мы знаем, почерпнули из наставлений Вирочану, что наивысшее добро следует искать в украшении и заботе об эго. Золотое Платье замыслил получить власть над всем миром. По этой причине он практиковал аскетизм, голодание и безбрачие вместе с крайне изнурительными упражнениями йоги. Он упорствовал в своем начинании долгие годы и очень многого достиг. Затем он отправился к Брахме и потребовал награды за самодисциплину. Брахма согласился исполнить желание Золотого Платья, которое заключалось в том, чтобы его не могли убить никаким оружием ни в доме, ни на открытом воздухе, ни зверь, ни человек. Когда это ему было обещано, Золотое Платье, чувствуя себя в полной безопасности, начал угнетать людей, которые, естественно, не обладали защитой, тогда как он был неуязвим. Постепенно он покорил и поработил весь мир, и построил себе замок на вершине самой высокой горы. Там он и жил в пышной роскоши, в то время как остальное человечество стонало под ярмом. Стенания страдающих, подобно запаху, поднялись к обители богов, созвавших совет для обсуждения того, что можно предпринять для избавления мира от тирана. Никто из богов не мог найти способа одолеть его, ибо он был защищен словом Брахмы. И тогда поднялся Вишну, вызвавшийся попытать счастья. Он превратился в чудовище, полу-человека, полу-льва, и спрятался в колонне банкетного зала, где обычно пировал Золотое Платье. Когда пир был в полном разгаре, он расколол колонну на кусочки, схватил тирана и разорвал его на части. Таким образом Золотое Платье был побежден не оружием, не зверем и не человеком, не дома и не на открытом воздухе. (См. рис. 8.)

Если человек соблюдает строгую дисциплину, для того чтобы обрести власть над собой и подчинить или поработить окружающих, он становится угрозой обществу, ибо претендует на положение бога. Весьма удачным примером служит современный диктатор. Золотое Платье в конечном итоге не только вызвал ненависть человечества, но и настроил против себя силу и изобретательность богов. Так и в случае каждого тирана найдется спаситель, который отыщет совершенно новый путь разрешения проблемы, вырастающей из высокомерия эго. Этот спаситель, будь то бог или человек, будет обязан силой собственной бескорыстности — он будет бороться не ради своего престижа, не ра-

ди личной цели, а во благо человечества . Таким образом, эго вытесняется новой высшей ценностью.

Из всего сказанного очевидно, что проблема эго и его места в человеческом развитии не проста. Вполне уместно обобщить наши знания о нем. Эго — центральный элемент проблемы отношения личностной части психики к безличной. Эго представляет высшую стадию развития сознания, достигнутую в данной культуре. Некоторые члены группы отстают от этого уровня; другие уже перешагнули его; но общий уровень культуры можно оценивать по преобладающей степени развития эго. То, чему эго еще не научилось, достигается лишь посредством героического поступка со стороны индивида, развитие которого превосходит данный уровень организации эго — подобного рыцарю, бросающему все во имя своих поисков, или мистика, отрекающемуся от всего земного ради духовных благ.



Рис. 8. Вишну в аватаре льва убивает Золотое Платье

Но таких людей неизбежно очень мало, они живут обособленно и не находят понимания у окружающих; они редко приспо-

соблены к существующему миру, так как интересуются тем, что еще не стало частью повседневной культуры. Однако если их начинания успешны, и дракон бессознательного будет побежден, то эти достижения могут стать основой новой культуры, нового мирового порядка. Высшая ценность, способная освободить индивида или мир, сперва появляется в смиренной и презируемой форме. Новое всегда выступает врагом старого, ибо рождение нового означает смерть старого. Первооткрывателей новой эры редко признают или приветствуют современники. Тем не менее, новое развивается из старого. Новая самость или центр сознания могут быть найдены, лишь когда эго-сознание окажется на пределе своих возможностей.

Так как эго возникло спонтанно, зародившись из бессознательной части психики в результате объединения различных элементов (таких, как образы памяти и тому подобное), мы обязаны говорить об эго-комплексе как о предшествующем формированию сознательного эго⁸. Если у современных взрослых индивидов эго развито недостаточно, мы обнаруживаем, что эго-комплекс функционирует бессознательно. В сознании индивида на этом уровне развития может серьезно недоставать той концентрации или сосредоточения, которые характерны для людей с большим развитием сознательного эго; однако эгоизм и стремление к власти, не осознаваемые недоразвитой личностью, могут влиять на всех, с кем она контактирует. Типичным примером такой ситуации является мягкая, довольно невыразительная женщина, кажущаяся совершенно кроткой и уступчивой. Вместе с тем ей удается подчинить себе всю семью, причем не силой или агрессивными требованиями, а своей беспомощностью. Никто не может перечить ей, а если кто-нибудь сделает что-то не так, как ей хочется, результатом становятся невротические симптомы — головная боль, приступы учащенного сердцебиения, заставляющие семью не только заботиться о «мамочке», но и сожалеть о случившемся. У нее эгоизм и своеволие полностью бессознательны, они не воспринимаются, а лишь проявляются в соматической, то есть пред-психологической форме.

Когда эго станет сознательным и индивид начнет осознавать себя как «Я», реакция на трудности или препятствия уже не выражается в физиологической форме (в виде симптомов), а будет представлена в сознании как эмоция. То есть реакция будет пси-

хологической. Это — шаг вперед, имеющий большое культурное значение. Свершив его, женщине из нашего примера придется взглянуть в лицо неприятному факту своего бессознательного влияния в семье. Она обнаружит, что в действительности является не скромной личностью, как себя представляет, а существом совершенно иного характера. Таким образом, выход эго из бессознательного несет с собой новую проблему, проблему стремления к власти. Для того чтобы избавиться от своих невротических симптомов, этой женщине следует отказаться от прежнего бессознательного метода добиваться своего. В связи с этим ей необходимо выработать новый способ реагирования на жизнь; ей придется начать смотреть на вещи более прямо и самой создавать подходящие условия, а не позволять неосознаваемому эгоизму манипулировать окружением в свою пользу. Таким образом, она увеличит свою реальную власть как над собой, так и над своим окружением.

Присутствие эго — как сознательного «Я» либо как эго-ком-плекса в бессознательном — в психологии современного западного человека настолько универсально, что мы фактически вынуждены говорить об «инстинкте» власти. Но мотив власти не находится на том же уровне, что и первичные инстинкты, ибо он, похоже, черпает свою энергию от одного из двух инстинктов жизни, связанных с самосохранением и воспроизведением. Когда эго-комплексу удастся вырвать энергию у одного из этих инстинктов и присвоить ее, эго идентифицируется с ней, и появляется комплекс власти.

Я чувствую некоторые колебания, разделяя «инстинкт» власти и основные инстинкты, ибо стремление к власти, несомненно, функционирует так же компульсивно, как инстинкт и связано с реакцией типа «все или ничего»; но оно так тесно переплетено с чувством собственного «Я», что, вероятно, предпочтительнее считать его частью эго-комплекса. Однако в буддистских текстах, уже упоминавшихся нами, влечение к власти рассматривается, наравне с голодом и сексом, как одно из основных желаний или *kleshas*, энергия которых поддерживает вечное вращение колеса жизни. В этой системе стремление к власти называется гневом и символизируется змеей. Последнюю нельзя научить любить, она гипнотизирует жертву своим стеклянным взглядом и пожирает ее живьем, а будучи встревоженной или расстроенной, — автоматически нападает как на врага, так и на друга.

Как мы видели выше, первоначально человек начал борьбу с компульсивностью своих инстинктивных влечений для того, чтобы более эффективно добиваться естественных целей. Например, он научился укрощать природную ненасытность, чтобы накопить запас зерна, достаточный для пропитания зимой и для следующего посева. Это получилось, и обладание запасом продовольствия стало источником удовлетворения само по себе, превратилось в средство привлечения внимания, вызова, престижа. Ощущение власти стало желанным само по себе, совершенно независимо от той ценности, которую имело имущество в качестве реального богатства, предмета обмена и т.п. Влечение к власти переплелось с вопросом собственности.

Чувство власти тесно связано также и с реальной физической силой. Самый сильный индивид в группе вдобавок к престижу воина или охотника, несомненно, может подчинить себе других. Он становится «доблестным героем». У народов примитивной культуры такая власть имеет простое выражение. Ее обладатель может расхаживать с напыщенным видом и скандалить; он использует свою силу подобно животным, обычно проявляя при этом чувство собственного достоинства, которое его собратья уважают так же, как и его силу. Нередко такого индивида выбирают вождем, и он стоит во главе племени до тех пор, пока остается самым сильным его представителем. Когда его сила убывает, уступая мощи более молодого мужчины, его заменяют и могут даже убить⁹. Но с развитием эго у индивида возникает тенденция использовать силу для подчинения собратьев, в корыстных интересах. Так рождается тиран, громила, гангстер.

Аналогичное развитие можно проследить в сфере сексуальности. Поначалу инстинктивный процесс непосредственно связан с физическим влечением. Он безусловен и прост. Затем, когда компульсивное влечение сексуальности сдерживается настолько, что беспорядочная половая жизнь может быть отвергнута в пользу супружества, энергия вновь достается эго, и появляется потребность в обладании сексуальным объектом и потомством. В своей негативной форме выражение этой энергии в жизни проявляется как ревность, представляющая собой манифестацию власти. Здесь также на сцену выходит фактор престижа. Человек, неспособный удержать свою жену, высмеивался товарищами. Поведение женщин начало отличаться холодностью, ибо они понимали, что в связи с настоятельностью мужских сексуальных потребностей об-

ладают властью над мужчинами и что, спекулируя своей благосклонностью, они могут получить желаемое. Мужчины стали похваляться своими победами над женщинами. Так объединились секс и стремление к власти.

Материнский инстинкт также вносит свою долю в комплекс власти. Чувство собственного «Я» матери усиливается детьми либо непосредственно — по причине их количества или красоты, либо в связи с ее властью над ними, либо благодаря их преданности ей, или же косвенно, посредством престижа, который дети могут принести ей своими достижениями в мире. Материнская гордость и честолюбие — это аспекты комплекса власти, принимаемые сегодня, возможно, более терпимо, чем какие-либо другие.

В большинстве случаев связь власти с первичными инстинктами естественна. Я говорю здесь не о комплексе власти или идентификации со стремлением к власти, а о способности контролировать себя и свои действия, а также о возможности выбирать цель и делать то, что необходимо для ее достижения. Это — положительный фактор, ведущий к самодисциплине и культуре. От его развития в значительной мере зависит цивилизация. Однако там, где стремление к власти становится доминирующим, возникающий в результате комплекс оказывает крайне неблагоприятное воздействие на личность. Любовь к собственности становится непреодолимой амбицией; жажда власти несет с собой желание господствовать над другими людьми; сексуальное влечение выражается в компульсивных попытках подчинить себе партнера или управлять им, часто деспотичными методами, варьирующими от садистских привычек до душевной пытки посредством необоснованной ревности и присвоения права полного обладания так называемым объектом любви.

Тем не менее, несмотря на эти недостатки, эго, вероятно, — величайшее достижение человечества. Своей способностью предпринимать и выполнять сложные задачи, требующие месяцев и лет концентрированного и направленного усилия, современный человек обязан только развитию эго — сосредоточению сознания под началом «Я». Примитивный человек на это не способен. Его заинтересованность и внимание слишком легко рассеиваются: перед лицом реалий момента отдаленная цель не может представляться достаточно ясно для того, чтобы стать реальной. Без развития эго и его дисциплины был бы невозможным рост современного мышления, современной науки и современной

технологии. Человеческий интеллект, по-видимому, не вырос, — во всяком случае за исторический период времени — но весьма значительно расширилась способность человека управлять им и направлять в нужное русло.

Для какого бы то ни было прогресса вообще абсолютно необходимо, чтобы свет сознания, столь рассеянный у примитивного человека, сфокусировался, а его неустойчивое внимание управлялось. Особенно впечатляет достигнутый успех при сравнении современного западного человека с примитивным аборигеном какого-нибудь удаленного острова. Способность цивилизованного человека не упускать из виду свою цель, его относительная независимость от компульсивности инстинктов и значительное количество либидо в распоряжении эго — все это свидетельствует о прогрессе, достигнутом благодаря эго-сознанию. Нынешний человек способен обеспечить себя не только тем, что может создать его собственное сознание, но и воспользоваться плодами усилий других людей. Он не ограничен тем, что может быть достигнуто в течение короткого периода собственной жизни; он может использовать приспособления и изобретения бесчисленного множества других людей, создавших и распространивших нужную информацию.

Все это действительно впечатляет. Но если мы обратим внимание на недостаточность человеческой свободы, на его зависимость от влечений, инертность, приступы ярости и страстные желания, то увидим обратную сторону картины, мрачную и ужасающую. Либидо, вырванное современным человеком у бессознательного и организованное под началом эго, революционизировало жизнь на земле. Но эта мощь — ничто по сравнению с необузданными силами природы, способными в один миг смести человека со всеми результатами его труда; обретенная им власть над собой только-только бросила вызов внутренним примитивным силам. Силы инстинктов и неукротимой природы добровольно не расстаются с притязаниями на энергию, которую человек стремится присвоить; напротив, зачастую они забирают то, что эго предполагало использовать само.

Как было показано выше, «инстинкт» власти питает достижения эго-сознания, и нередко человек, пытающийся изъять часть силы бессознательных инстинктов, сам становится жертвой тех же самых непреодолимых влечений. Он не управляет тем, что, по его мнению, находится под контролем, напротив, влечения уп-

равляют им: его волеизъявление, цели, сознательно выбранные или бессознательно навязанные, заставляют его трудиться, действовать, думать под диктовку. Человек все еще не свободен. Однако его импульсы претерпели изменение. Они больше не отличаются невинностью, присущей простой инстинктивности. Теперь, под пагубным влиянием эго, они целенаправленны, часто отравлены своекорыстием и имеют отрицательный характер. Они составляют то, что мы называем эгоизмом. Эго, казавшееся ценнейшим и самым человеческим качеством индивида, утратило свою человечность и снова функционирует как нечеловеческая движущая сила.

Дальнейшее продвижение вперед, для освобождения человека от непреодолимых влечений инстинктов и последующего развития, требует усовершенствования эго и расширения его власти. Каждое поколение людей, каждый человек в своем поколении, должны заняться дисциплинированием и развитием эго. Хотя эго-комплекс и формируется спонтанно, чтобы он не оставался в варварском состоянии, необходимо поднять его до уровня сознания посредством настойчивых направленных усилий. Без этого никакие шаги в психологическом развитии невозможны. Превзойти же эго, если оно не достигнет должного состояния, нельзя. Обычно первое робкое появление эго можно наблюдать у ребенка, только-только выходящего из периода младенчества. В возрасте трех-четырёх лет ребенок начинает вести себя как личность. Он говорит «Я» и постепенно понимает, что обладает внутренней властью над своими действиями.

Мудрые родители или учителя подхватывают первые проявления эго и поощряют их. Там, где недалекий родитель говорит: «Ты должен делать это так, как я сказал», более проницательный советует: «Ты теперь уже большой мальчик, иди и сделай это сам».

Меня часто удивляла реакция, которую можно получить в ответ на подобный подход даже от очень маленьких детей. В период прохождения интернатуры в больнице, я обнаружила, что, взывая к ощущению собственного «Я» у трехлетних детей, можно почти всегда добиться их содействия. Если перед безболезненным уколом сказать маленькому ребенку: «Ты уже большая девочка, *ты* не должна плакать», то она обычно собирается с духом и стойко выносит боль.

Воспитывать и стимулировать эго нужно в детстве. Ребенка стоит уверить, что развитие эго приветствуется, и одновременно

научить сдерживать крайности волеизъявления, которые будут ущемлять права других. Таким образом разрешаются самые серьезные проблемы своеволия, и ребенок может набраться мужества и вступить в реальную жизнь, где львиную долю воспитания берет на себя закон причины и следствия.

С приближением отрочества эго-импульсы разделяются на два потока. Один продолжает усиливать желание власти и престижа: в это время обычно становится выраженным стремление господствовать над другими, а ощущение собственного «Я» определяется стремлением к власти. Второй поток, дающий о себе знать, направлен в сторону ослабления влияния личностного эго в пользу группы. В этом возрасте дети естественно начинают объединяться вокруг лидера, образуя группировки, команды или клубы.

Престиж группы приносит авторитет каждому из ее членов лично, тогда как индивидуальные эго-потребности, похоже, находят удовлетворение в престиже лидера. Период этого спонтанного развития современной молодежи соответствует времени инициации в возрасте достижения половой зрелости у народов примитивной культуры.

С его помощью осуществляется дальнейшая дисциплинированность и совершенствование эго-импульса. Это период, когда развивающийся ребенок восприимчив к групповой культуре, и прискорбно, если удобный момент для этого типа воспитания упускается и развитие эго у молодежи пускается на самотек. Довольно часто развитие принимает асоциальное направление, тогда как при должном руководстве оно может получить толчок, необходимый для переориентации поколения от чисто эгоцентрической направленности к заботе о социальной группе¹⁰.

Ближе к концу юности обычно наблюдается еще один интересный феномен развития. В возрасте двадцати лет юноши и девушки часто проявляют интерес к безличным ценностям. Это может выглядеть как желание социальных реформ, стремление посвятить себя какой-нибудь альтруистической деятельности во благо человечества (например, социальное обеспечение или научные исследования); или выразаться в поглощенности романтической любовью идеального типа, либо любовью к поэзии, погруженностью в религию и т.п. Это выглядит так, словно в момент кульминации физического роста эго собирается вытеснить безличный принцип. Однако вскоре требования взрослой жизни возвращают юношу или девушку к необходимости зарабатывать

средства на существование и заводить семью — цели, требующие дополнительных усилий со стороны эго и дальнейшего его развития и тренировки. А стремление заменить желания эго надличностной целью возвращается, как правило, только по прохождении зенита жизни, когда человек начинает свое нисхождение к старости и смерти.

К этому времени индивид должен понять, что для достижений, возможных под руководством эго, существуют определенные границы. Появляются признаки неудовлетворенности эго властью. Затем бессознательное начинает указывать на новую область приложения сил. Человек, все еще пытающийся удовлетворить свои стремления с помощью эго и его достижений, будет оставаться таким же недовольным и несчастным, как юноша, цепляющийся за свойственные младенчеству аутоэротические удовольствия. Но если он сумеет отыскать способ пожертвовать идентификацией с точкой зрения собственного эго, то в его жизни образуется новый центр; в служении ему он сможет исследовать новые области, имеющие большее значение и ценность чем те, что доступны для эго.

Развитие эго несет с собой положительные ценности, имеющие большое значение как для созревания индивида, так и для завершения его начинаний. Наиболее важной из них является самоуважение. Вместе с ним следует назвать честолюбие положительного типа, выражающееся в желании хорошо выполнить работу, преуспеть в жизни и адекватно сыграть свою роль не только из-за ожидаемого престижа, но и во имя собственных внутренних стандартов. Эти качества связаны с ощущением себя личностью, «Я», индивидом, обладающим правами и гордостью — более того, человеком, способным занять достойное место в обществе и быть готовым защитить себя, будучи отрезанным от социальной поддержки. Индивид с достаточно развитым эго не только компетентен в преодолении препятствий внешнего мира, хорошо выполняет свою работу и социально успешен, но и может выйти из состояния инертности, которое истощает энергию при решении внешних проблем. Ибо эго — это функция, развившаяся у человека для того, чтобы справиться с первичной инертностью.

Когда индивиду удастся добиться хорошей регуляции на уровне эго, он, как правило, вознаграждается не только достижением объективных целей, но и обретением престижа. Этот престиж,

обусловленный одобрением товарищей, в свою очередь, становится мотивом дальнейших усилий преодолеть себя и контролировать свое окружение. Казалось бы, такой человек преуспел на пути к достижению образа жизни, доставляющего удовольствие. Но обычно он обнаруживает, что возжеланные цели, издали казавшиеся столь чарующими, утрачивают свою привлекательность, оказавшись в пределах досягаемости. Поначалу он с легкостью добивается их и немедленно переходит к борьбе за достижение следующей цели, отстоящей немного далее. Возможно, ему не удастся добиться своего, и честолюбие ущемляется снова и снова. В любом случае наступает время, когда каждый человек, способный к интроспекции, начинает спрашивать себя: «Какой в этом смысл? Для чего я это делаю?» Вознаграждение за предпринятые усилия не удовлетворяет честолюбия. Некоторые смиряются с судьбой, прикрываясь циничной отговоркой, что все — суета. Однако другие начинают задаваться вопросом, не были ли их усилия направлены на ошибочную цель. Возможно, искомая награда была подобна моркови, болтающейся на веревке перед носом осла, и реальная цель заключается, как говорят индусы, в самом приложении усилий, а не в «плодах деятельности?» В результате деятельности человек оказывает воздействие на самого себя и происходит внутренняя перемена. Ощущение себя личностью становится сильнее и более определенным.

В примитивных общинах существование племени или группы было более значимым, чем существование индивида, который едва ли представлял собой обособленную индивидуальную личность, о чем свидетельствует фаталистическая позиция, с которой он принимал смерть. В ходе эволюции сознания люди пришли к осознанию группы как реально существующего целого задолго до того, как они стали осознавать себя как личность. В примитивных племенах инициации периода созревания предназначены сделать мальчика или девочку членом племени; с другой стороны, религиозные мистерии более развитых общин вселяют в юношу или девушку отдельную душу, или, как говорится, превращают из животного в человека.

Сильная озабоченность личной жизнью, столь характерная для западной цивилизации, чужда народам примитивной культуры. Жителей Востока она также занимает в намного меньшей степени, чем жителей Запада. В Индии, например, господствующее религиозное учение гласит, что цель жизни заключается в

избавлении от личностного эго посредством объединения или слияния со Всеобщим Сознанием, Атманом. Эта доктрина контрастирует с западной концепцией значения личной души. Не дает ли это ключ к тому, какая стадия сознания должна следовать за разочарованием, столь часто приходящим в середине жизни? Не должен ли новый центр сознания сменить эго — аналогично тому, как ранее само эго заменило аутоэго? Индусы, несомненно, изучили внутреннюю область человеческой психики намного глубже, чем мы, ибо если мы были озабочены проблемами внешнего мира, они основательно занимались вопросами души. Мы не можем перенять их учения, принять их на веру: это означало бы регрессию наших собственных сознательных достижений. Но, возможно, следуя в своем развитии по западному пути и изучая скрытые глубины психики с помощью психоанализа, мы обнаружим, что некоторые учения действительно отвечают реальным фактам.

Появление эго влечет за собой проблему стремления к власти. Ибо по мере постепенного выхода из бессознательного состояния и развития способности укрощать свою инстинктивную сущность, человек овладевает энергией, ранее присущей естественному процессу. Этот прогрессивный переход энергии происходит всякий раз, когда личность пытается познать и понять. Такой процесс продолжается как в необъятной сфере отношения человечества к миру, так и в более узкой области, затрагивающей развитие каждого индивида. Благодаря завоеванию мира и растущему пониманию законов природы человек стал обладателем несметных ресурсов и власти. По сравнению с обнаженным дикарем из джунглей, современный человек — царь. Но ему грозит опасность забыть то, что, несмотря на свои впечатляющие достижения, он лишь едва прикоснулся к тайнам природы и ее запасу энергии. Человек все еще продолжает оставаться во власти естественных сил, неподвластных его контролю. Кроме того, завоевание внешнего мира оказалось возможным благодаря покорению собственных внутренних естественных сил; а сегодня, к сожалению, западного человека не очень интересует проблема умения владеть собой. Эти факты подробно освещены в предшествующих главах, где показано, что борьба против лености, жадности и примитивной сексуальности была, по меньшей мере, лишь половиной проблемы, возникшей перед челове-

ком в его борьбе за выживание. Здесь же мы займемся вопросом о том, каким образом человек распоряжается способностями, обретенными в борьбе с природой, с одной стороны, и против непреодолимой силы собственных инстинктов — с другой.

К несчастью для человечества, эти два процесса протекали неравномерно; между ними не поддерживалось никакого равновесия. На Востоке, особенно в Индии, идеал культуры связывался с покорением природных сил внутри человека, с идеей избавления его от власти собственных инстинктов и от конфликта противоположностей.

Религиозное воспитание в форме системы йоги Индии и Тибета и Дзэн-буддизма в Китае и Японии направлено на осознание психологических влияний, в норме протекающих за порогом сознания. Благодаря специальным упражнениям адепт обретает сознательный контроль над энергиями, обычно функционирующими автономно. Это сопровождается определенными психическими переживаниями, описанными в текстах как расширение сознания с избавлением от страстей и желаний, привязывающих людей к миру.

Для уроженца Запада в идее, что культура и воспитание могут опираться на такую основу, присутствует нечто весьма необычное, ибо западный человек выбрал противоположный путь в своем культурном развитии. Если жители Востока обратились внутрь, добиваясь овладения внутренней сферой, то западный человек направил свой взор вовне и разработал методику управления внешним миром. Это, соответственно, интровертивный путь и экстравертивный. Каждый из них дал человеку контроль над энергией, отвоеванной у неизвестного в природе, в самой жизни. Однако, в связи с тем, что развитие было односторонним, и экстравертивные народы мало знали об интровертивном пути, а интровертивные — не интересовались экстравертивными достижениями, прогресс человечества в целом имел серьезные недостатки и представители обеих культур оставались незрелыми в том или ином отношении. В случае западной культуры проделанная над силами природы работа высвободила энергию для эго. Однако эго идентифицировалось с обретенной властью, вызвавшей его инфляцию. Возможно, более правильным будет сказать, что сформировавшемуся эго не удалось полностью отделиться от остального бессознательного, и оно продолжало идентифицироваться с ним. С увеличением контроля над природой возрастала и инфляция.

Внутренне человек ощущал себя творцом жизни или, по крайней мере, ее хозяином. Однако, к сожалению, это поставило это в очень неудобное положение. Ведь если оно было хозяином и ставило себе в заслугу ситуации, когда все шло хорошо, то и в случае неблагоприятного положения вещей оно должно было брать вину на себя. И так как даже сегодня, имея за собой весь опыт прошлых столетий, человек еще ни в коей мере полностью не способен управлять природой, его отягощает чувство вины и неполноценности, являющееся оборотной стороной собственного могущества.

Когда событие внешнего мира делает очевидной недостаточность его сил и понимания для предотвращения катастрофы, современный человек чувствует себя виноватым. Мы нередко слышим как кто-нибудь называет «ужасным» голод или иное несчастье — ведь с нашими техническими знаниями нужно уметь предотвращать такого рода вещи. При этом говорящий возлагает ответственность и вину на кого-то другого, но, тем не менее, предполагает, что человечество в целом должно быть способно управлять силами природы. Чувство вины оказывается еще сильнее, если несчастье обусловлено недостаточным пониманием психологических условий. В современной истории имеется пример, в значительной мере коснувшийся нас всех. Пацифистская позиция демократических государств после первой мировой войны определялась искренним желанием мира и честной игры всех сторон. Тот факт, что она потерпела крах и из бессознательного в мир вырвался разрушительный динамизм, — в немалой степени обязанный своим начальным успехом этой самой позиции пацифизма — глубоко шокировал множество людей, испытывающих вину и озадаченных тем, что в своем стремлении к миру и доброй воле их поколение на деле порождало ненависть и войну. Это поистине отрезвляющая мысль. Но порок заключается не столько в неспособности создать утопические условия, сколько в бессознательном «божественном всемогуществе», предполагающем способность человечества построить утопию, если только оно захочет. Это предвзятое мнение зависит от инфляции эго за счет сил, берущих начало от источника самой жизни. И эго настраивается на такое всемогущество. В действительности же оно выступает лишь марионеткой в руках этих сил, и высокомерное допущение нереальной власти обуславливает в корне ошибочное отношение к жизни.

Человек, переполненный чувством вины за неудачу человечества, страдает и от инфляции, но из-за отрицательной идентификации с безличными силами результат инфляции сугубо негативный. Это бывает у людей, считающих себя самыми плохими, ничтожнейшими из живущих. Подобное душевное состояние парализует все усилия и оправдывает полную инертность. «Зачем мне пытаться сделать это?» — говорит такой индивид. «Я только все испорчу. Кто-нибудь другой, кто угодно может сделать это лучше меня». Негативная инфляция мешает жить. Эго безмятежно занимает позицию отрицания. Оно никогда не берется ни за что сложное, поэтому ничему стоящему не обучается и не развивается, а индивид остается изолированным от жизни.

Отрицательная инфляция приводит к застою. Аналогичным образом и положительная инфляция, заставляющая эго чувствовать себя могущественным, господствующим и «всегда правым», также мешает жизни. Ибо личность, чье эго страдает от вторжения безличных сил, не контактирует с жизнью напрямую. Такой индивид смотрит на жизнь и ее задачи не реалистически, на уровне своих достижений, а подходит к ним с самонадеянностью хозяина. Он бессознательно идентифицирует себя с какой-нибудь известной личностью — Наполеоном, Бетховеном или Христом. Такой образ в специальной терминологии называется архетипом «мана-личности»¹¹. Иногда предположение индивида о своем превосходстве оказывается действенным, окружающие относятся к нему с почтением, которого требует такая установка, и следуют за ним как за лидером. В этом случае он может преуспевать до тех пор, пока будет действовать его идентификация. Но сам будет оставаться недоразвитым как человек, как мужчина, ибо вместо того чтобы жить своей собственной жизнью, он живет жизнью архетипической фигуры, наделенной безличными силами. Пока идентификация длится, он владеет ситуацией; однако фактически его психика одержима, и сам он лишь в незначительной мере определяет свои поступки и мысли. Если инфляция прекратится, он останется опустошенным, разуверившимся в своих силах и беспомощным; если идентификация с сильнодействующим архетипом станет полной, он потеряет свою человечность, то есть рассудок.

Когда же предположение о собственном могуществе совсем не соответствует реальным способностям человека, оно вызывает не одобрение, а насмешку и враждебное отношение. Такая реакция

со стороны окружающих может образумить и помочь скорректировать свою позицию. Но если идентификация с мана-личностью окажется глубокой, ее нельзя будет нейтрализовать сознательным усилием, так как в этом случае сознательное эго окажется заполненным инстинктивной энергией бессознательной роли. Индивид будет одержим идеей, что его неправильно понимают и преследуют. Сознательно он ощущает себя мучеником — идентифицируясь с той фигурой из бессознательного, которая представляет другую сторону мана-личности и уравнивает ее. Такой человек не воспринимает разумных доводов; все происходящее он рассматривает в свете своей одержимости и оценивает каждую ситуацию с искаженной точки зрения. Эти примеры показывают, каким образом архетипические силы бессознательного могут вторгнуться в эго и наводнить его даже после существенного развития и обретения сознания. В этом состоит одна из опасностей, постоянно угрожающих психике. Ибо эго — это всего лишь малая часть психики, и для того чтобы вырвать у природы даже незначительную часть ее энергии для своих целей, оно должно усиленно бороться. И как только эго обретает свободу, то тут же подвергается риску оказаться захваченным вновь. Но теперь оно считает, что действующая через него сила является его собственной. Динамическая энергия живых организмов проистекает от основных инстинктов. Они наделены энергией самой жизни. Когда эго обособляется от остальной части психики, оно очень мало; эго голо и беззащитно перед лицом громадных сил жизни, остающихся недоступными, оно пребывает в полном неведении относительно характера и величины этих сил. То есть эго не осознает их. Или, выражаясь иначе, с позиции эго эти силы находятся в бессознательном. И когда эго пытается овладеть этой энергией, роли могут поменяться местами, и само эго окажется во власти сил бессознательного. Данная ситуация вызывает в памяти старую историю об охотнике и медведе: «Эй, я медведя поймал!» «Так тащи его сюда!» «Не могу, он не пускает!» Во времена, когда человек еще ничего не знал о законах природы, он считал, что все незнакомые силы проистекают от жи-

вых существ, духов или богов. Он персонифицировал непознанные силы мира, а так как собственная психика также была неизведанной, то и ее силы он проецировал и аналогичным образом персонифицировал. Поэтому ему казалось, что мир населен множеством невидимых демонов, владеющими вселенной и всеми ее сокровищами, за исключением незначительной части, которую человек может себе отвоевать.

Для увеличения своей власти эго необходимо было изъять часть энергии, принадлежащей основным инстинктам. Так оно одолело аутоэротический аутос и подчинило его. Но в действительности аутоэротический аутос, как это и должно быть, полностью не подавлен, ибо информация, предоставляемая им, крайне необходима для здоровья и благополучия не только тела, но и всего организма. Некоторые люди так сильно подавляют эту сторону жизни, что отсутствие сведений, которые может обеспечить только аутоэротический аутос, серьезно затрудняет их жизнь. Некоторые, например, не понимают, что не так, когда они голодны, замерзли или устали. Вместо того, чтобы уделить внимание естественным физиологическим потребностям, они продолжают эксплуатировать переутомленный организм до тех пор, пока он в конце концов не выходит из строя. Многие считают себя выше или лучше других, так как могут не прерывать работу для принятия пищи или отдыха, заявляя, что, не обращая внимания на свои маленькие неудобства и боль, добиваются большего сосредоточения. Для того чтобы эго имело в распоряжении какую-либо психологическую энергию, нужна дисциплина аутоэротического аспекта психики. Но если подавление практикуется ради увеличения власти и престижа эго, а не в пользу самой жизни, оно неизбежно окажется деструктивным.

Ибо когда эго в своей решимости быть хозяином положения отдаляется от инстинктов слишком сильно, оно теряет контакт с внутренним течением жизни. Оно все более и более замыкается в себе, ограничивается собственными ресурсами, которые весьма незначительны, так что с течением времени внутренняя живительная энергия иссякает. Жизнь, протекающая в тесных пределах сознательного эго, становится сухой и бесплодной, подвергаясь опасности смерти. Этот момент ясно иллюстрируют мифы и легенды из многих уголков мира.

Как говорят, Адам и Ева изгнаны из райского сада за то, что они вкусили плод древа жизни. Отведав плод с дерева познания, они обрели способность отличать добро от зла и стали смертны-

ми. То есть, в них родилось сознательное эго и, противопоставив свое волеизъявление воле Бога, олицетворяющего вечный закон природы, они были вынуждены смириться с ограничениями смертного сознания.

Золотое Платье из индусского мифа¹² представляет эго. Он обрел контроль над инстинктивными силами благодаря своим упражнениям и аскетическому образу жизни, но использовал его только для собственной выгоды. Вишну же, служивший высшей ценности, а не своим личным интересам, символизирует психический фактор, превосходящий эго.

Борьба между двумя позициями, занимаемыми Золотым Платьем и Вишну, фактически представляет собой конфликт, который должен быть разрешен в душе человека. Этот конфликт возникает в жизни каждого великого лидера. Одним из таких лидеров был Моисей. Нам говорят, что во время своих блужданий сыны Израилевы пришли в пустыню Син и оказались в опасности погибнуть от жажды. Моисей обратился с молитвой к Господу ниспослать им воду:

«И явилась им слава Господня.

И сказал Господь Моисею, говоря:

Возьми жезл и собери общество, ты и Аарон, брат твой, и скажите в глаза их скале, и она даст из себя воду: и так ты изведешь им воду из скалы, и напоишь общество и скот его».

Но Моисей был зол на народ и обратился к нему с упреками.

«И сказал он им: послушайте, непокорные, разве нам из этой скалы известь для вас воду?»

И поднял Моисей руку свою, и ударил в скалу жезлом своим дважды, и потекло много воды, и пило общество и скот его»¹³.

Магический ритуал сработал, люди были спасены; но Моисей заявил, что способен сделать нечто такое, на что его собственных сил, несомненно, недостаточно; он посягнул на могущество, присущее только Господу.

Рассматривая это повествование как легенду, а не реальную историю, необходимо интерпретировать лежащий в его основе символизм. До этого происшествия Моисей был «героем», спасшим израильтян от египетского гнета. В своих предшествующих подвигах, остро осознавая свою человеческую способность ошибаться, он проводил четкую границу между собой и вверенной ему миссией¹⁴, и поэтому относится к героям, которые будут об-

суждаться в следующей главе; но в случае со скалой он регрессировал и опустился до эгоизма. Как мы помним, он только что спустился вниз после продолжительной беседы с Богом на горе Синай, где получил уникальное доказательство благоволения Господня. Говорится, что лицо Моисея сияло таким ярким светом, что ему пришлось прикрыть его — он стал одним из просветленных.

В такие моменты в человеке всегда просыпается дьявол, сильно искушая его. Обычно это Люцифер, дьявол власти, высокомерное эго. Так было и в случае с Моисеем; он идентифицировал себя с Богом, говоря: «Разве *нам* из этой скалы известь для вас воду?» Извлекать воду из скалы означает обладать властью над скрытыми течениями жизни. И как бы намереваясь показать, что считает себя важнейшим действующим лицом, он не только сказал: «Разве нам известь для вас воду», но и ударил в скалу, хотя, согласно указанию, ему следовало только обратиться к ней. Последствия были вполне естественными: Моисей не был допущен в землю обетованную. Этот факт свидетельствует о том, что человек, эго которого раздуто безличными силами психики, не может войти в рай.

Окончание этой истории с Моисеем заметно контрастирует с итогом другой, содержание которой во всех иных отношениях весьма сходно. Когда Иисус из Назарета пришел к Иоанну Крестителю принять крещение, на него снизошел Божий Дух в виде голубя: «И се, глас с небес глаголящий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение. Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола»¹⁵.

Здесь, как и в случае с Моисеем, за просветлением следует искушение самомнением и искушителем опять выступает дьявол власти. Если бы Иисус действительно был Сыном Господним, то он мог бы доказать это самому себе, прыгнув с вершины Храма; тогда все люди, увидев это, признали бы в нем Мессию. Если бы он преклонился перед дьяволом власти, то получил бы все царства мира и их богатства. Если бы власть стала для него богом, объектом поклонения, то он смог бы править миром, подобно второму Александру, второму Цезарю. Но Иисус из Назарета распознал характер искушавшего его духа и не поддался соблазну личного могущества.

Выше отмечалось, что стремление к власти действует подобно инстинкту, и мы должны спросить себя, какой ценности служит этот инстинкт. Каждому индивиду присуще ощущение неприкосновенности собственного «Я». Как только его права ущемляются, пробуждается реакция власти, как если бы возникла угроза самой жизни индивида. Очевидно, здесь затрагивается существенная или безусловная ценность. Поначалу она кажется относящейся к телу или физическому лицу, то есть, аутосу, соматическому «Я»; но позднее она сливается с эго, сознательным «Я». Однако эта высшая ценность принадлежит всей психике и не может быть присвоена эго, не вызвав последствий, описанных в легенде о Золотом Платье.

Поэтому всякий раз, когда у индивида возникает эмоция, превышающая своей интенсивностью требования ситуации, в основе «силовой» реакции, по-видимому, лежит беспокойство о высшей ценности. В осуждении асоциального поведения мы не должны упускать из виду этой скрытой ценности. Это важный момент в обращении не только с детьми, но и с более зрелыми личностями. Например, когда ребенка возмущает подчиненность превосходящей силе взрослого, эта ценность скрывается за одержимостью властью аутоса. Аналогичным образом, когда взрослый человек принимает в штыки крушение какого-то своего волеизъявления, то это происходит из-за опасения, что ущемляется сердцевина его личности. Затрагиваемая в этой реакции сила представляет фундаментальную жизненную энергию. Эту энергию необходимо высвободить из-под влияния аутоса и эго, так как она может быть адекватно использована для совокупной личности только в том случае, если перейдет под контроль самости. В истории о Золотом Платье за эту трудную задачу взялся Вишну, символизирующий более просветленное сознание, которое сменяет эго-сознание, представляемое Золотым Платьем.

Для того чтобы обрести Самость — центр совокупной психики, — человек должен избавиться от желаний эго и конфликта противоположностей. Он должен научиться действовать ради самого действия, а не его результатов. Но этого невозможно достичь, отказываясь вступить в борьбу или избегая трудностей и проблем, связанных с развитием и воспитанием эго. От эго нельзя отвернуться до того, как оно полностью не исчерпает своих возможностей. Необходимо всецело исследовать способности эго-сознания, и только тогда, пожалуй, можно будет перешагнуть

за общепринятый культурный уровень своего времени и вытащить из глубин бессознательного ценность, которая принесет с собой расширение и трансформацию самого сознания.

Подобно Индре¹⁶, пришедшему к заключению, что это с его достижениями, как бы о нем ни заботились и как бы его ни приукрашали, не может дать длительного удовлетворения, множество людей на протяжении столетий, заполучив все, что может предложить мир, оказались неудовлетворенными и разочарованными. Нынешнее столетие не является исключением из этого правила. Как сказал Индра: «Гот (отраженный в воде) хорошо ухожен, когда хорошо ухожен этот, и несчастлив и болен он, когда болен этот». Как мы помним, достигнув этого момента в своей медитации, Индра вернулся к Праджапати с просьбой о дополнительной информации. По-видимому, он все еще не был готов к дальнейшему инсайту, и ему пришлось прослужить еще тридцать два года, прежде чем оказалось возможным посвящение в следующую стадию. После чего Праджапати рассказал ему о грезящей Самости, то есть, о том, что можно отрешиться от окружающего мира и смотреть на события как на происходящие в сновидении, даже если они затрагивают человека лично. Но Индра все еще был неудовлетворен, и Праджапати рассказал ему о Самости, спящей без сновидений — то есть, о том, что индивид может достичь небытия на лишенной снов стадии самадхи. Но Индра возразил: «Сударь, но в таком случае он сам (его самость) не знает, что он — «Я», и не знает о существовании чего-либо вообще в мире. Он превращается в абсолютное ничто. Я не вижу в этом ничего хорошего».

И тогда Праджапати согласился наконец на окончательное посвящение, в случае, если Индра согласен на последний, пятилетний испытательный срок, что в целом составит сто один год. Ибо такое просветление — это сокровище, которое тяжело дается. На этот раз Праджапати объяснил, что за ушами находится тот, кто слушает, для которого уши — лишь инструмент слуха; аналогичным образом кто-то есть за носом, кто-то — за глазами, и для них это тоже только лишь инструменты. За разумом, за сознанием, также стоит тот, кто знает:

«Я думаю, что тот, кто знает, есть Атман, а разум [сознание] — его божественное око. Он, Атман, лицезрел своим божественным оком удовольствия (которые сокрыты от других подобно золотому

кладу под землей), радуется... Тот, кто знает Атман, обретает все миры и удовлетворенье всех желаний»¹⁷.

Ценность этой истории для нашего обсуждения очевидна. В индусской философии проблема Самости, сознания, стоящего за эго, включающего и превосходящего эго, столетиями была предметом глубокого психологического изучения и фокусом длительных целенаправленных усилий мыслителей, стремящихся постичь тайны, скрывающиеся за фасадом сознательной жизни. Описания этого состояния сознания ясно показывают, что оно заключается не в растворении эго-личности в туманной нирване, а скорее представляет собой состояние повышенного осознания, более интенсивного и экстенсивного, чем любое возможное при ограничениях эго. Ибо если тот, кто знает, что он видит, и знает то, что он видит, более сознателен, чем тот, кто просто видит, то и тот, кто знает, что его разум или сознание видит или воспринимает, и кто понимает увиденное, более сознателен, чем тот, у кого мысли и впечатления просто тенями проносятся в голове.

Сказанное можно пояснить примером. Неспециалист, посмотрев в микроскоп, увидит в поле зрения предметное стекло и окрашенный препарат, но не поймет увиденного. Если же на это же самое стекло посмотрит опытный специалист, его глаз увидит и распознает то, что перед ним. Он не только будет знать значение увиденного, но и фактически заметит намного больше, чем необученный наблюдатель. У первого сознание шире, чем у второго.

Следующий шаг в психологическом развитии направлен за уровень эго-сознания и заключается в осознании этой Самости, деятеля или мыслителя, стоящего за действием или мыслью. Если это будет достигнуто, то расколу между эго и инстинктивной сущностью человека, несомненно, будет положен конец.

1. См. противопоставление человека естественного цивилизованному, или человека плотского духовному.

2. См. выше, с. 151—152.

3. См. Юнг К.Г. *Aion*.

4. Чхандогья Упанишады. — М.: Наука, Ладомир, 1992. — С. 137—139.

5. См. выше, с. 46.

6. В главе 4.

7. Н. Zimmer, *Myths and Symbols in Indian Art and Civilization*, p.180, п.; A.B. Keith, *Indian Mythology*, in Gray, *Mythology of All Races*, VI, 123.

8. См. Jung, «Spirit and Life», in *The Structure and Dynamics of the Psyche* (C.W., 8), pp. 323-324.

9. См. J.G. Frazer, *op. cit.*, p. 265.

10. Необходимо отметить, что эти преждевременные устремления к групповой идентификации делают молодых людей особенно подверженными влиянию понравившегося им лидера. Это можно использовать как в полезных целях, так и во зло. (Ср. бойскаутов, с одной стороны, и гитлерюгенд, с другой.)

11. Jung, *Two Essays on Analytical Psychology* (C.W., 7), Second Essay, pt.II, chap.IV, «The Mana Personality». [Рус. пер. — Юнг.К.Г. Психология бессознательного. — М., Канон, 1994, — С. 299—316]

12. См. выше, с. 1216—219.

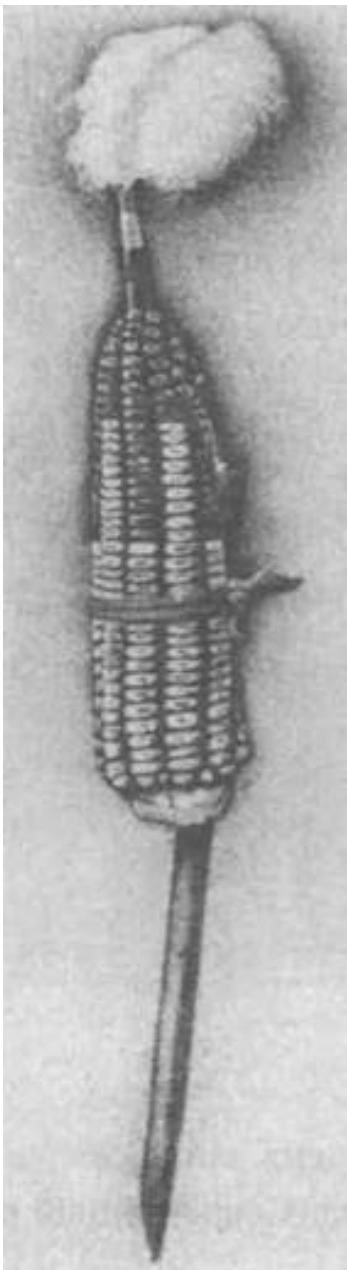
13. Чис, 20:6-11.

14. См. его позицию в истории с горящим кустом, Исх., 3.

15. Мф., 3:17; 4:1.

16. См. выше, с. 211

17. Max Muller, «The Upanishads», I, 142.



Мать Кукуруза индейцев пуни. Рисунок из этнологического музея

I



Забой быка. Современный рисунок



Повелительница животных. Этруская бронзовая пластина, VI век



Вождь кентавров похищает невесту. Фрагмент западного фронтона храма Зевса
IV



Анима открывает глаза ребенку. Современный рисунок
V



Человеческое жертвоприношение.

Деталь с внутренней панели (внизу) серебряного котла.

Кельты I в. до н.э. (археологическая находка 1891 г.,

Gundestrup, Дания)



VI



Маска, представляющая животную природу Бога. Гранитная статуя Сехмет, Фивы, 19-я династия
VII



Исида, кормящая грудью фараона.
Известняковый рельеф, храм Сети I,
Абидос, 19-я династия
VIII



Две женщины с ребенком. Слоновая кость, Микены, Бронзовый век
IX



Квентин Метею (14667—1530).
Святой Иоанн с кубком и драконом.
Деталь запрестольной перегородки
X



Пьеро ди Козимо (1462—1521): Святой Иоанн с кубком и змеей
XI



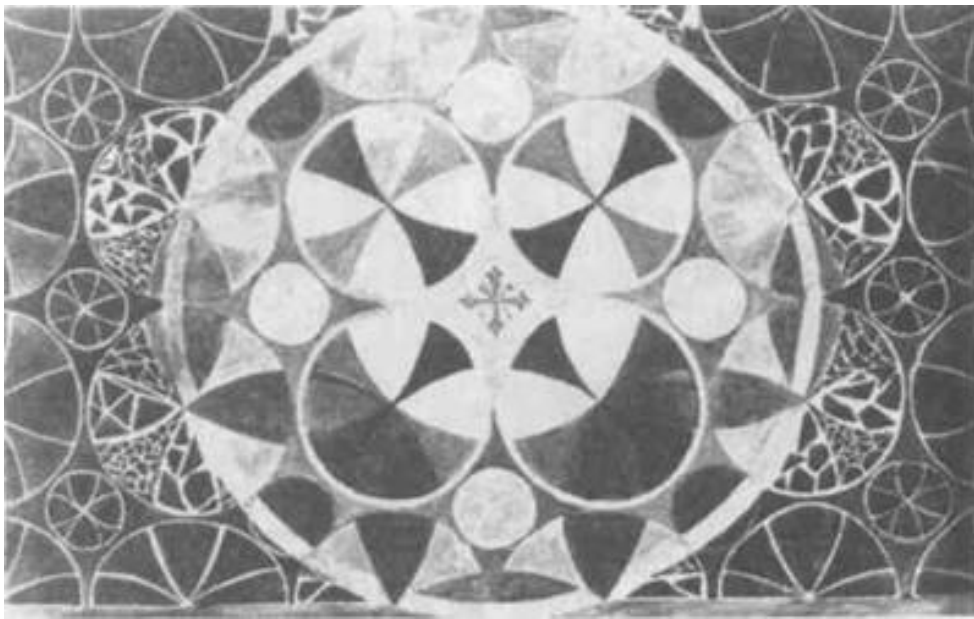
Иона, появляющийся из пасти кита.

Миниатюра гуашью из персидского
манускрипта (ок. 1400)

XII



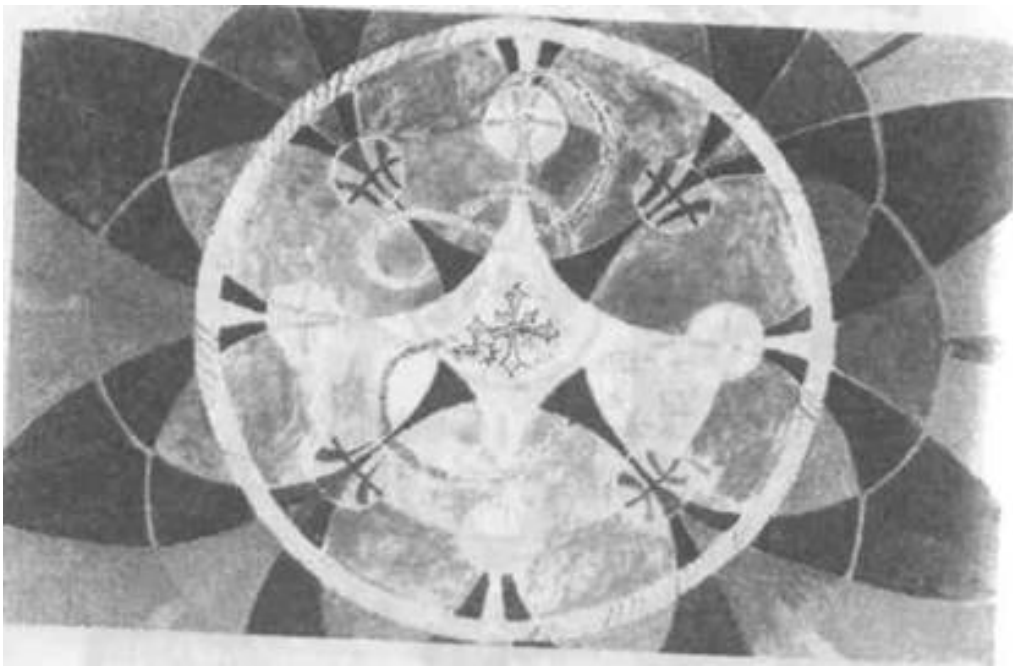
Спасение Черного Человека из моря.
Рисунок из манускрипта: Соломон Трисмозин,
"Splendor soils" (1582)
XIII



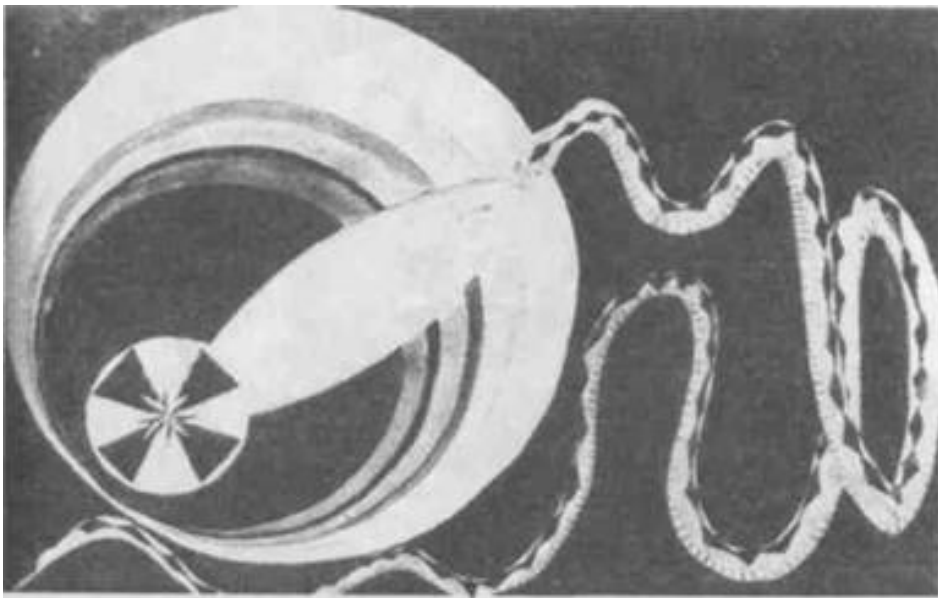
Круг Психе. Современный рисунок
XIV



Ваджра мандала. Тибет, ламаистское священное изображение
XV

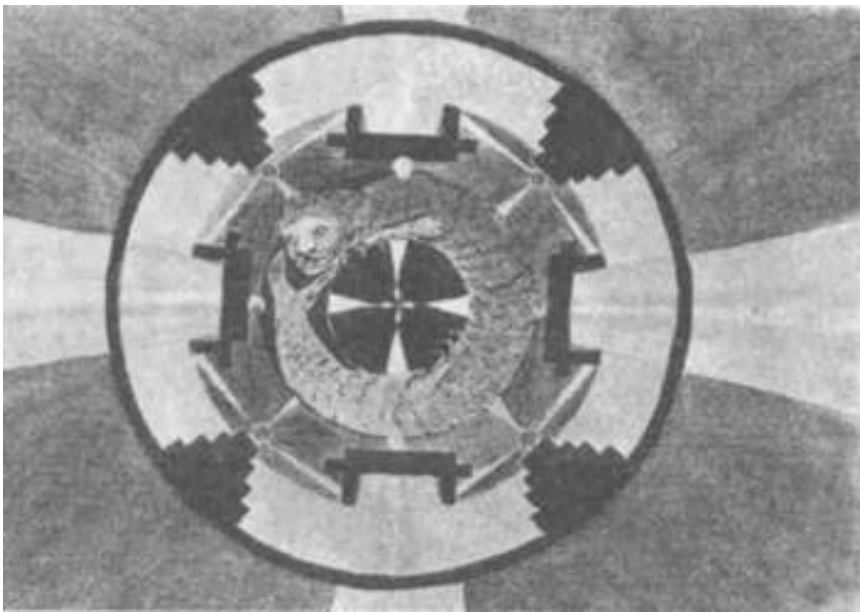


Оплодотворение центра укусом змеи. Современный рисунок
XVI

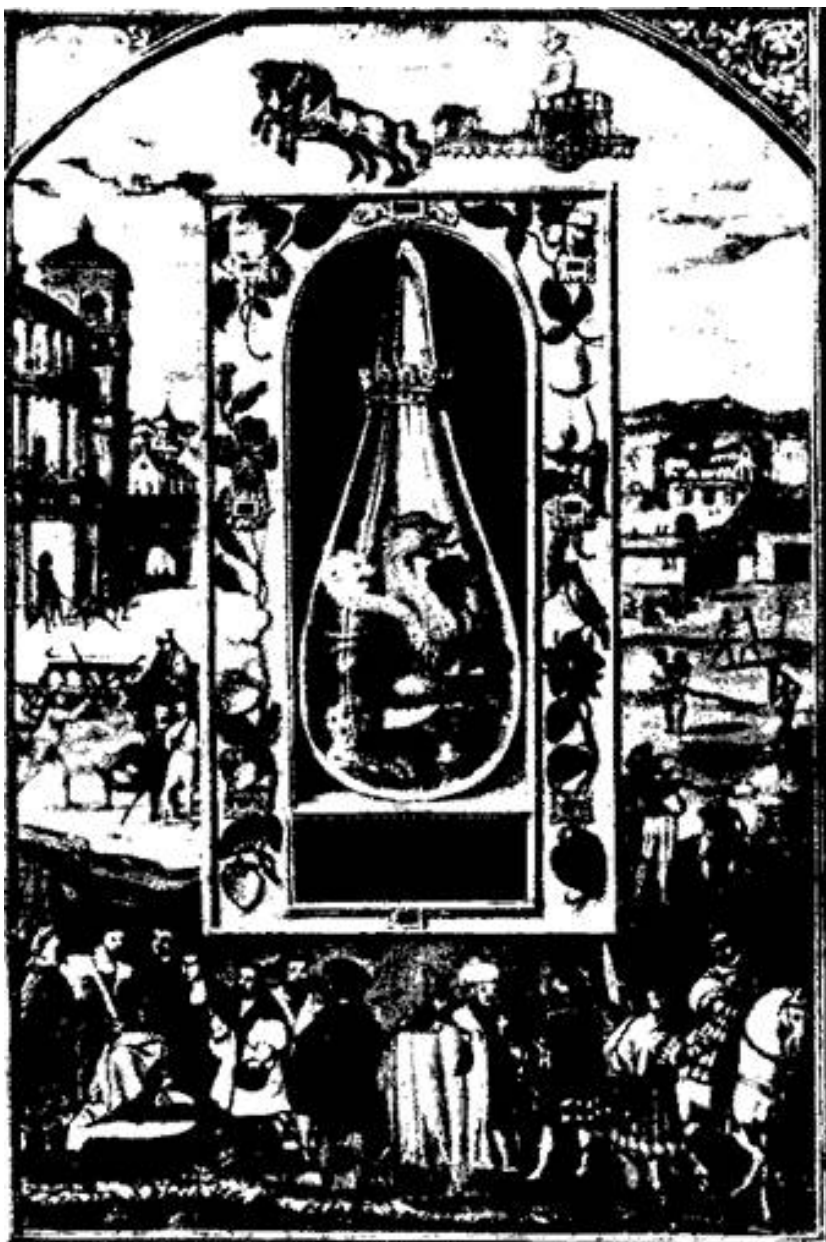


Оплодотворение центра Великой Змеи. Современный рисунок
XVII

» — 7325



Дракон, охраняющий центр. Современный рисунок
XVIII



Трансформация. Запечатанный и увенчанный
коронай алхимический сосуд с трехглавым драконом
Рисунок из манускрипта: Соломон Тризмозин,
"Splendor solis" (1582)

XIX

9.



Завершение "Великого Делания" — coniunctio. Из "Mutus liber"
XX

Часть II

Трансформация психической энергии



9 ВНУТРЕННИЙ КОНФЛИКТ

Дракон и герой

Когда это начинает развиваться и обретает самостоятельность — некоторую силу, позволяющую противостоять могуществу природы, а также определять и контролировать себя и свое окружение — оно постепенно начинает ощущать себя отдельным существом. Индивид учится отличать «Я» от не «Я», уделяя все большее значение «Я». То есть осознает себя личностью. Это осознание сопровождается возбуждающим чувством индивидуальности, внутренним расширением «Я». Если его не сдерживать, оно приведет к инфляции, лопнет, подобно лягушке, пытавшейся раздуться до размеров быка, искусно описанной Эзопом. Именно здесь начинается зарождение типичной силовой позиции, обсуждавшейся в предшествующей главе.

Во внешнем мире эго стремится властвовать над своим окружением и подчинить собственным интересам все вещи, людей и условия. Во внутреннем мире оно берет под свой контроль как можно больше психического содержания, и вытесняет то, что не может быть укрощено. Таким образом, возводится порог между сознательной частью психики и бессознательной. Неприемлемые элементы могут быть так глубоко вытеснены в бессознательное, что станут фактически недоступны сознанию. Эго не может установить с ними контакт, и они остаются забытыми до тех пор, пока не наступит время, когда, аккумулировав значительное количество нереализованной энергии, они врываются в сознание, поднимая с собой из глубин совершенно неадаптированное архаическое содержание. По этой причине они обычно деструктивны для старательно выстроенной сознательной адаптации. Однако,

когда вытесненные элементы, будучи активированными неиспользованной энергией, тем не менее не прорываются в сознание — либо в связи с тем, что их потенциал недостаточно высок, либо из-за слишком сильного сопротивления эго — они начинают оказывать влияние на сознательную личность, притягивая ее энергию к своему бессознательному комплексу. В результате сознательная энергия высасывается, а индивид ощущает себя истощенным и инертным. Если посредством нового усилия эго удастся преодолеть эту тенденцию и снова вытеснить вторгающиеся элементы, то это порождает инфляцию и самонадеянность эго, гордыню, которую древние называли высокомерием. А сам индивид готовится к завоеванию мира.

Однако, если поставленная жизнью задача кажется слишком сложной, а инертность эго - слишком большой, открывается альтернативная возможность. Зачем продолжать борьбу? Почему бы не оставить все попытки и не плыть просто по течению? Бейнс удачно назвал такое состояние гипотезой ренегата¹. Бейнс отмечает, что ренегат — не просто индивид, неспособный бороться, а фактически дезертир, предатель, который своим саботажем, союзом со всеми деструктивными силами, затаившимися в бессознательном, активно подвергает опасности работу сознания в целом. Крайним выражением этой позиции является самоубийство.

В своей пассивной форме отступник призывает: «Давайте откажемся от борьбы, давайте откажемся даже не от борьбы, а от самой жизни и уснем сном смерти». Как поют оторванные от жизни люди у Теннисона:

«Оставьте нас в покое. Нет ничего, что остается. Все отнимается у нас и Прошлого Становится частью неотъемлемой. Оставьте нас в покое. Какая радость нам Со злом бороться? И существует ли покой В карабкании извечном на восходящую волну? Все имеет свой покой и молча спеет к смерти; Созревает, падает и прекращает быть: Так дайте ж долгий нам покой иль смерть, Темную смерть иль блаженную безмятежность»². Эта позиция отображена также в «Зигфриде» Вагнера. Когда Зигфрид, заново выковав меч своего отца, то есть мужество, отправляется на поиски сокровища, он обнаруживает спящего в своей пещере дракона Фафнира, стража золотого клада. Зигфрид

бросает ему вызов, но Фафнир отвечает: «*Lass mich schlafen*» («Оставь меня в покое, я хочу спать»).

Таким образом, первый подвиг героя состоит в том, чтобы разбудить дракона, притаившегося в бессознательном, для того чтобы тот вступил в сражение, ибо только таким способом можно обнаружить сокровище, сокрытое за его огромной тушей.

В своей активной форме отступник, возможно, даже еще более опасен. Байнс описывает эту позицию в следующем отрывке:

«Есть в крови больного шизофренией нечто, ищущее насилия и ужаса демонических бессознательных сил и откликающееся на них. Нечто заходится в нем сатанинским смехом, когда бушующее море кидает и вдребезги разбивает корабль. Ренегат от психики архаичен и нигилистичен, он невольно ищет насилия, так же как занимающий шаткое положение правитель ищет войны. Обладающие инсайтом люди могут различать присутствие этого отступнического голоса в своем характере»³.

Проблема отношения человека к необузданным силам бессознательного столетиями отображалась в мифах и легендах, описывающих этот бесконечно повторяющийся конфликт как борьбу с драконом. Подобно всем сказочным или мифологическим существам, драконы представляют непризнанных обитателей внутреннего мира, проецируемых на внешние формы. Они — олицетворение безличных сил из глубины человеческой психики, которые питают и поддерживают слабое и беззащитное сознание, или пожирают и уничтожают его.

Существует огромное множество мифов о драконах и борьбе человека за избавление от их опустошительных набегов. И независимо от того, где эти мифы зародились — в Сирии или Индии, в Греции или кельтских государствах, на островах южных морей или среди краснокожих туземцев обеих Америк — они имеют ряд общих черт. Вместо подробного изложения конкретных примеров я попытаюсь представить здесь их характерные особенности в виде короткого составного рассказа.

Легенды рассказывают о том, как давным-давно, когда мир еще был юн, драконы беспрепятственно бродили по земле. Они жили, размножались, дрались и умирали, подчиняясь лишь закону создавшего их неизвестного бога. Их власть была безграничной и ни у кого не вызывала сомнений; но про их удаль, жизнь и смерть никто не знал, даже они сами, так как сознание, способное как «быть», так и «знать», еще не родилось.

Но спустя столетия, вернее тысячелетия, когда драконы уже исчезли из виду, но продолжали править миром и диктовать свои условия, на сцене появилось маленькое голое существо. Оно было бы совсем незначимым в общей схеме вещей, если бы по какой-то странной случайности, иногда называемой божьим промыслом, это маленькое существо не обладало искрой сознания. К простому совершению действий оно добавило осознание, что именно и кем совершается. Это единственное в своем роде качество дало существу определенное превосходство над другими созданиями, и очень, очень медленно оно начало мечтать об условиях, более пригодных для жизни. Искра сознания постепенно разгоралась. Существо посмотрело на себя, увидело достигнутое и сказала: «Мы будем подобны богам». Часть власти оно уже отняло у драконов. Человек обрел способность делать что-то по собственной инициативе, в том числе совершать поступки, не продиктованные прямой необходимостью. Он научился воздерживаться от некоторых действий, вызванных импульсами и сиюминутными желаниями. Таким образом, леность и инстинкт уже не властвовали безраздельно.

При этом драконы, невидимые простому глазу, немного отстранившись от жизни, по своему обыкновению спали. Человек тоже отдыхал, довольный своими достижениями. Но вскоре искра сознания вспыхнула в нем ярче, и он приступил к дальнейшему завоеванию внешнего и внутреннего миров. Мудрые люди племен возвели ограждения вокруг расчищенных полей и определили границы и табу для внутренних ценностей, защищая их от вторжения драконов, которые временами, когда этого меньше всего ожидали, пробуждались от летаргии и совершали набеги на деревни.

Но драконы были старыми и неповоротливыми. Они столетиями спали и ненавидели, когда их беспокоили. Поэтому обычно они говорили друг другу: «Этот человек захватил маленькую часть наших древних владений и толику нашей власти, но она так мала по сравнению с обширностью наших запасов, что самым разумным будет не обращать на это внимания. Если он станет слишком самоуверенным, мы всегда сможем разрушить парочку его деревень, или, если возникнет необходимость, — полностью уничтожить его одним дуновением своего огненного дыхания».

До тех пор, пока набеги драконов оставались яркими воспоминаниями в людской памяти, крошечные человечки проявляли ос-

торожность. Они возводили стены и подчинялись законам мудрецов и знахарей. Но молодое поколение, не помнившее времен драконов, восстало против закона мудрецов, заявив: «Все это — просто старые сказки. К чему нам беспокоиться попусту? Давайте есть и веселиться. Эти глупые древние хотели сделать мир благополучным для Цезаря или благоприятным для демократии — скажем, просто сделать мир безопасным — и теперь он безопасен, драконы не появятся больше никогда, и мы больше не верим, что когда-то драконы существовали. У нас есть все, что нужно, и, если только соседи не помешают нам, будем наслаждаться покоем и благополучием. Былая война с драконами — это империализм, а моральный кодекс — следствие устаревшего и косного пуританства. Именно они делали старшее поколение строгим и агрессивным». И молодежь допустила обветшание стен и забыла правила и табу, которым ее учили. А потом пришло следующее поколение, не знавшее старых законов. Его представителям жилось легко и свободно. Но когда вернулись и напали драконы, осмелевшие в постепенно сгущавшемся духовном мраке, люди просто оставили отдаленные поселения и либо снова погрузились в дремотное состояние, либо начали ссориться между собой. Все это, конечно же, произошло очень давно, когда слухи о драконах еще были распространены, а некоторые люди утверждали, что на самом деле видели их на окраинах обжитых земель, и никто не подозревал, что драконы пребывали не во внешнем мире, а внутри человека. Их принимали за реально существующие создания. Некоторые говорили, что они похожи на динозавров, но, как ни странно, реальность дракона ближе нам, чем реальность динозавров, поэтому более естественно сказать, что динозавры похожи на драконов, а не наоборот. Другие заявляли, что драконы — это огромные змеи, и даже сегодня мы еще слышим иногда о том, что терпящие бедствие моряки видели огромную морскую змею; третьи, особенно на Востоке, утверждали, что драконы летают по воздуху. Но все сходились во мнении, если не пренебрегали этим как небылицей, что чудовища ужасны и очень сильны, что они оберегают несметные сокровища и вдобавок, их кровь представляет собой сильнодействующее средство как для добродетельных, так и злонамеренных свершений. Лишь драконы могли вызывать дождь, а во времена голода или засухи следовало пойти в драконово логово — как говорят старики — и просить у него дождя, чтобы вернуть земле плодородие. При этом

дракон требовал в жертву прекрасную девушку. А если был в особенно дурном расположении духа, то в качестве платы за долгожданный дождь хотел дюжину и даже больше девушек.

Однако иногда дракон оставался несговорчивым и отказывался помочь. Проснувшись, он мог даже рассвирепеть, с ревом выбраться из своей пещеры, наброситься на просителей, принесших дары, и сожрать их. Но, забыв законы и привыкнув к легкой жизни, люди стали мягкими и ленивыми, и не знали, что им делать. Многие считали лучшим образом действия умилоствление драконов. Но такие уступки лишь прибавляли чудовищам наглости. Это продолжалось до тех пор, пока ситуация не достигла критической точки. И тогда люди собрались на совет и решили отправить группу юношей, чтобы преподать дракону урок. Они выбрали тех, без кого, по их мнению, легко можно было обойтись — отъявленных головорезов, отличающихся грубой силой, но не блещущих умом — и отправили их на сражение. Некоторые из них достигли места назначения, но многие остановились передохнуть на обочине дороги, и дракондохнул на них своим ядовитым дыханием, вызывающим непреодолимую сонливость, потому они и спят там до сих пор. Другие, увидев дракона, в ужасе бежали, а те, кто действительно попытался приблизиться к нему, были сражены, и о них больше никто никогда не слышал.

Как гласят многие средневековые легенды, такое положение вещей продолжалось долгие столетия. В результате нападения драконов многие общины исчезли полностью, причем не самые отсталые в отношении культурных достижений; но в других общинах в игру вступил новый фактор. Появился человек, которому удалось одолеть дракона, заставить его отступить и, как достоверно заявляется, даже вернуть к жизни жертв, недавно убитых драконом, дав им выпить его крови. Самое важное то, что были также спасены принесенные в жертву дракону девушки. Такого человека назвали героем. Но в этом месте легенды и сказания приобретают отличия, так как в некоторых случаях говорится, что герой был богоподобным, божественного или полу божественного происхождения, явившимся в этот мир исключительно ради спасения человечества. Его отвага и доблесть не вызывали сомнения, он был вооружен и защищен божественным покровительством и чудодейственными доспехами. Но существуют истории и иного рода о победителе дракона, вовсе не похожем на героя. Он был обычным человеком,

зачастую довольно невзрачным представителем рода людского. Он не соответствовал образу героя внешне, не имел блистающих доспехов и сверкающего меча. Вступая в сражение, он не был уверен в победе; он не считал себя героем, а его школьные товарищи и земляки, конечно же, не представляли его в этой роли. Ему часто недоставало даже обычной храбрости, и он любой ценой пытался избежать неприятностей. Нередко ему фактически приходилось играть роль героя только потому, что он бежал от какого-то дела или обязательства, совершив поступок, ставивший его вне общества. Когда он оказывался оторванным от окружающих, на него нападал дракон и он вынужден был либо сражаться в одиночку, либо смириться со своей погибелью. Но этот человек не был блистательным героем, снизошедшим с небес, дабы спасти людей или избавить их от тирании дракона. Он не был божественным созданием, сила и окончательная победа которого ни на один миг не подвергались сомнению. Это был несчастный, слабый человек, вынужденный свершать героические поступки, казавшиеся выше его сил. Исход борьбы зачастую находился под большим сомнением, и не только из-за могущества дракона, но и потому, что не было уверенности в том, что так называемый герой не пустится наутек или в критический момент не сядет под деревом наслаждаться ароматом цветов, надеясь, что дракон не заметит его, подобно быку Фердинанду у Munro Leaf. (Фердинанд был специально выведен для боя быков на арене, но когда молодых бычков стали тренировать, опасностям корриды он предпочел созерцание красот природы.) Ибо такие герои слабохарактерны и не уверены в себе; фактически они вообще не герои до тех пор, пока не справятся со своей задачей. По этой причине они вызывают у нас симпатию и понимание, в отличие от героев другого типа, как бы сильно мы ни восхищались их блистательной отвагой и неуязвимостью. Описанные в этих легендах события всегда представлены как происходившие «очень давно». Это означает, что они указывают на древние части психики, а не на ее сознательную, так сказать, современную часть. Драконы, силы земли, неба и преисподней представляют инстинктивные влечения жизни, которые большей частью спят, удерживаемые глубокой инертностью, подобной природной инерции. Человека естественного пробуждает от этой всепоглощающей лени лишь укол необходимости.

В легендах группа часто играет довольно важную роль в отправлении молодых мужчин на борьбу с драконами. Это обстоятельство находит свое отражение в плясках воинов перед походом или охотничьих ритуалах примитивных общин. Это же мы наблюдаем в толпе болельщиков, организованно подбадривающих футболистов во время игры. Аналогичным образом энтузиазм лидера на многочисленном собрании может подвигнуть рядовых его участников на действия, за которые они бы не взялись самостоятельно.

Однако легенды гласят, что мобилизованным таким образом юношам обычно не удается одолеть дракона; напротив, они часто оказываются жертвами его ядовитого дыхания. Это, несомненно, указывает на то, что бессознательное является принадлежностью отдельных личностей, и обращение с ним требует акта личного героизма. Вызванный коллективной активностью энтузиазм не выражает сознательной решимости и не находится под сознательным контролем; скорее он — результат вторжения в личностную психику коллективных импульсов или энергий, наводняющих или затопляющих сознание индивида. Поэтому по своему характеру он сродни силе дракона, как если бы один дракон был разбужен для борьбы с другим. По природе вещей коллективная или групповая активность не может породить индивидуальное сознание. Совершенно справедливо, что когда дорога открыта актом индивидуального героизма, то группа может пойти по этому же пути и воспользоваться преимуществами, завоеванными подвигом героя. Но такие последователи не достигают того внутреннего развития или понимания, которое служит единственной гарантией индивида от последующих набегов дракона.

Сказанное можно пояснить примером. Во внешнем мире мы все пользуемся благами, предоставляемыми научными знаниями. Даже маленький ребенок может пользоваться электричеством, просто повернув выключатель. Преимущества, обретенные в итоге выигранной учеными борьбы с невежеством, доступны всем. Но это не означает, что сражение выиграли все без разбора. Если бы современный город был кем-нибудь захвачен, а все ученые и механики убиты, то большинство населения оказалось бы беспомощным и в значительно худшем положении, чем намного более отсталое сообщество, так как оставшиеся горожане не смогли бы обеспечить работу всех технических приспособлений цивилизации, от которых столь существенно зависит повседнев-

ная жизнь. Кажущаяся независимость от природы лишь скрывает их невежество, большее чем незнание, обуславливавшее жизнь первобытного человека.

В том что касается субъективной стороны жизни, мы находимся в аналогичной ситуации. Мы выросли в условиях цивилизации, основанной на духовных и культурных достижениях предков, обладавших глубоким восприятием внутренней истины в форме христианской веры. Но большинство индивидов двадцатого столетия не имеет подобного внутреннего опыта. Поэтому, когда наступает время испытаний, они оказываются гораздо беспомощнее перед лицом всеобщих моральных проблем, чем внешне намного менее цивилизованные люди. Следовательно, легенды совершенно верно гласят, что дракон должен быть побежден действием одиночного героя.

Аллегория попытки умиловить дракона даром в виде прекрасной девушки означает, что душа мужчины, его анима, женский компонент, является первой ценностью, которой грозит опасность быть подавленной пробудившимися силами бессознательного.

Пагубные последствия усугубляются тем, что анима выступает функцией, которая должна связывать человека с бессознательным. Когда его анима подавляется, он остается беззащитным перед лицом необузданных глубинных сил. Эта формулировка, естественно, касается психологии мужчин. У женщин подавляется анимус, и в этом случае мы имеем историю о принце-лягушонке, или о любовнике, живущем в пещере у моря либо, возможно, на дне моря, т.е. о принце, герое, защитнике, который скрыт в бессознательном, облаченный в неприемлемую форму.

Во многих легендах о драконах, когда встает вопрос об освобождении девушки, требуется жертвоприношение ягненка. Это означает, что мужчина должен добровольно отречься от внутренней детской наивности. Он не может стать сознательным до тех пор, пока будет оставаться простодушным, подобно животным. Девушка, анима, представляет бессознательное чувство, высвобожденное ценой ребячливости. Для того чтобы достичь прямой связи с собственными сокровеннейшими чувствами, ему необходимо пожертвовать своим желанием быть маленьким ягненком для матери и других женщин.

Легенды рассказывают о двух типах героев, сражающихся с драконом. Божественный герой, несомненно, вовсе не представляет человека; скорее он символизирует безличный, или божес-

твенный фактор глубинной психики, который время от времени пробуждается без сознательного желания со стороны индивида. Можно сказать, что по своему героическому качеству этот герой равнозначен индивиду, вынужденному играть роль героя. Второй тип героя, слабая и посредственная личность, оказавшаяся героем помимо своей воли, олицетворяет хрупкую человечность заурядных мужчин. Каждому из нас хорошо известно собственное нежелание выступать в роли героя. Его отговорки — это оправдания, замечаемые у людей всевозможных профессий и различного общественного положения. Мы встречаем их у пациента, входящего в кабинет психоаналитика и с обворожительной улыбкой заявляющего: «Я — инфантильный человек», равно как и у скромного индивида, который, оказавшись перед безотлагательной необходимостью решения общественной задачи, уходит в непринужденность личной жизни со словами: «Для этого нужен кто-то способнее меня». Каждый из них отказывается прямо взглянуть в лицо собственному дракону и сразиться с ним.

Но есть и другие, которые в аналогичных обстоятельствах говорят: «Похоже, никого, кроме меня, больше нет. Я думаю, что должен взяться за эту работу и если она окажется мне не по силам, то моя попытка хотя бы станет началом, которое подхватит кто-нибудь другой там, где остановился я». Или же слова могут звучать не настолько героически, подобно тому, как маленький мальчик говорит о своем больном животике: «Мама, мне опять больно! Думаю, мне необходимо что-нибудь сделать чтобы избавиться от этой боли». Каким бы маленьким ребенок ни был, он понял одно: никто другой не решит его проблему вместо него. Такую позицию нельзя назвать героической; но некоторые не рождаются героями, а становятся ими — по воле неумолимых обстоятельств. Они страдают от ударов жестокой судьбы, а затем в определенный момент в них восстает некая упрямая черта характера, и они отказываются от роли беспомощной жертвы; в полном отчаянии они перевоплощаются, подобно вошедшему в поговорку червю*, и решают задачу, от которой больше не могут уклоняться, даже если эта попытка стоит страданий в настоящем и в конечном итоге может потребовать жертвы.

**Even a worm will turn* (англ.), русский эквивалент — самого кроткого человека можно вывести из себя. — *Прим. перев.*

К счастью для человечества, оно не испытывало недостатка в героях обоих типов. Они появлялись на сцене в тяжелые времена, вступали в бой и изменяли положение к лучшему. Они расширяли границы знаний, возделывали поля и оставили богатое наследство грядущим поколениям.

В недавнем мировом кризисе человек снова оказался перед лицом угрозы уничтожения архаическими силами демонического бессознательного. Мы вновь занялись поиском лидера или героя, который одолел бы для нас драконов и указал путь к победе. Под этим я понимаю не просто победу над внешним противником, а психологическую победу над враждебно настроенными и опустошительными силами, до сих пор угрожающими всему, что достигнуто в интересах цивилизации и культурного развития человечества. Это — злые силы в психической сфере, символизируемые драконами. Такая победа окажется полной только в том случае, если к ней придут обе воюющие стороны. Если же она достигается лишь одной стороной, а другая остается жертвой драконов, то за прекращением враждебных действий всеобщего мира не последует. Всеобщий мир может воцариться только после преодоления драконов на всей земле. К сожалению, история прошлого оставляет мало надежды на столь желанный исход конфликта. Как в прошлом, когда основная часть населения оставалась безразличной к драконам или пассивно страдала от их тирании, так и сегодня преобладающее большинство людей интересуется лишь вопросом о том, как добиться жизненных благ для себя, а не моральные проблемы, от которых зависит благополучие человека, и, возможно, его выживание. В легендах описывается немного людей, откликнувшихся на необходимость борьбы с драконами, но их влияние на прогресс цивилизации не оценимо. Поэтому стоит поинтересоваться, какими были люди, которым приписывается свершение упоминаемых в сказаниях подвигов. Вполне вероятно, что аналогичные качества потребуются и для человека, способного повторить их свершения. При правильной интерпретации содержания легенд можно обнаружить, что их мудрость имеет непосредственное отношение к современным проблемам.

Как отмечалось выше, герои легенд разделяются на два типа. Во-первых, имеются божественные или полубожественные герои: к этому типу можно отнести многие выдающиеся фигуры различных религий. Примерами могут служить всевозможные аватары

Кришны, богорожденные герои греческих мифов, Вольсунг из Нордической саги и сам Христос, которого можно считать высшим примером, ибо он был как «истинным Богом», так и «истинным человеком». Но по своему характеру Христос ближе к обычному человеческому герою, чем к легендарным богам или полубогам. Бог или богоподобный человек смотрит из своей высокой обители вниз и соболезнует страданиям человечества. Оказавшись в безвыходном положении, люди взывают к нему, и он из сострадания к ним спускается на землю, готовый употребить всю свою превосходящую силу и мудрость для избавления человека от бед, с которыми тот не в силах справиться без посторонней помощи. В индусских легендах Вишну, даже появляясь на земле в облике человека, всегда остается богом и не подвергается никакой опасности со стороны того зла, с которым он пришел бороться. Однако человечность Иисуса в христианской религии более реальна. Рассказ об его искушении в пустыне является изложением фактического человеческого конфликта в той области, где многим людям современности довелось встретиться с собственным дьяволом. Как говорит Св. апостол Павел в «Послании к евреям»: «Ибо мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но Который, подобно *нам*, искушен во всем, кроме греха»⁴. Герой легенды, хотя по общему мнению он был реальной исторической личностью, обычно изображается прославленной фигурой с определенными общими чертами, которые больше не являются человеческими атрибутами, а присущи архетипическому образу героя, всплывающему из бессознательного в час нужды. Этот героический образ в проецированной форме просматривается в подвигах отважного человека. Он служит истоком сказаний и дает толчок к созданию такой легендарной фигуры. Разительным контрастом этому сострадательному сверхчеловеку служит другой тип героя. Он полностью человечен, часто слаб и склонен ошибаться до такой степени, что вызывает сочувствие. За выполнение своей героической задачи он берется вовсе не из альтруистических соображений; в действительности он совсем не понимает, что берется за роль героя. Его мотивация к действию весьма отличается от побуждений бога-спасителя, ибо он сам втянут в проблему и ему грозит опасность; он должен бороться или умереть по собственной необходимости. Этот кон-

траст станет более ясен после анализа хорошо известных примеров каждого типа героев. Как часто происходит в случае легендарных героев, сведения о Святом Георгии, который послужит нам примером прославленного героя, довольно неопределенны и запутанны. Трудно определить, что является историей, а что легендой; кроме того, сказания из разных частей мира не совпадают. Каждое святое место или святилище, посвященное памяти героя, имеет свою собственную версию. В том, что касается истории церкви, то Святой Георгий⁵, похоже, относится к героям восточно-средиземноморских земель. Знаменитый храм, посвященный ему, расположен в Абиссинии, а еще один находится в деревне Ал-Хадир, лежащей между Иерусалимом и Хевроном в Палестине. Деревня берет свое название от имени святого Ал-Хадир (идентично с Ал-Хи-дир), который также почитается там; мусульмане отождествляют его с Илией, а христиане — со Святым Георгием. В Англии День Святого Георгия выпадает на 23 апреля, а празднество Ал-Хадир отмечают 26 апреля; это еще одно свидетельство их тождественности. Последнюю дату называют «Праздником Весны, которая все делает зеленым»; Ал-Хадир означает «Зеленый» или «Вечно-живущий». Считалось, что этот святой, по имени либо Георгий либо Ал-Хадир, обладает особой силой — в частности, способностью исцелять душевнобольных. Для исцеления предписывалась следующая процедура. Во время празднования дня этого святого больного человека приводили в храм и приносили в жертву ягненка. Затем больного в одиночестве закрывали на всю ночь в темной пещере позади храма. Очевидно, эта мера должна была способствовать установлению контакта пациента с собственным бессознательным, так сказать, при благоприятных условиях. Аналогичный подход используется в некоторых упражнениях системы йоги, когда медитация проводится с созерцанием священных картин до тех пор, пока не создается впечатление, что изображения оживают и самостоятельно разворачиваются перед духовным оком⁶. В Средние века алхимики вызвали сходные видения, наблюдая за химическими изменениями в своих ретортах⁷, тогда как всевозможные эзотерические общества применяли другие методы, предназначенные исцелить больного воздействием на его бессознательное. С этой целью использовались и «старшие арканы» в колоде карт Таро. На картах представлен ряд архетипических тем, которые

больной должен был созерцать под руководством учителя. Ожидалось, что, так сказать, нужные или здоровые образы, изображенные на картах, постепенно заменят дефектное или дезорганизованное содержание психики пациента.

Аналогичным образом в Древней Греции больные или люди с расстройствами психики приходили в храм Асклепия и спали там в Зале Сновидений. Считалось, что приснившиеся им ночью сны, после их толкования жрецом или провидцем, укажут путь к лечению. Некоторые племена североамериканских индейцев практиковали подобные методы вплоть до прихода белого человека, а в отдельных местах они используются и в настоящее время, оставаясь частью инициации достижения половой зрелости. Навахо, Сиу и Кроу прибегают к ним в своих церемониях лечения⁸.

Во всех этих случаях целью медитации, очевидно, является налаживание положительной связи больного человека с бессознательным. Естественно, люди примитивной культуры, представители античности и даже практикующие врачи средневековья не излагали логическое обоснование этой процедуры на языке психологии. Такие методы, должно быть, возникли эмпирически. Возможно, сперва кто-то, обладающий хорошей интуицией в таких вопросах, по счастливой случайности вылечился, медитируя над фантазией или сновидением. Если это так, то он подобен герою, который, бросая вызов опасностям, отважился исследовать неизведанные земли и вернулся обратно с сокровищем. Затем другие, нуждающиеся в аналогичной помощи, собрались с духом, чтобы последовать его примеру. Таким образом данный метод постепенно развивался и дополнялся правилами поведения и обрядами, которым предписывалось следовать, чтобы избежать опасностей и добиться благоприятных результатов.

В современной аналитической психологии мы используем похожую процедуру.

Предпринимается попытка восстановить положительную связь индивида, пребывающего в состоянии психологического конфликта или страдающего психическим расстройством, с его бессознательным. Но так как заранее сложившегося мнения о том, каким должен быть характер связи, у нас нет, то мы должны следовать по исключительно недогматическому пути, собирая материал, всплывающий из бессознательного в сновидениях и фантазиях, и пытаюсь понять, на что он указывает.

После этого отступления давайте вернемся к Святому Георгию. Вышеизложенные вкратце детали относятся к ранней традиции. В

средневековые времена сказания о Святом Георгии были почти так же популярны, как легенды о Короле Артуре и Рыцарях Круглого Стола. Согласно этим историям, Георгий родился в Ковентри, но многие свои подвиги он совершил на Востоке, а его первая встреча с драконом состоялась в Египте. Приведенные ниже отрывки цитируются по варианту сказания седьмого столетия⁹.

«В городе Ковентри жил благородный господин, занимавший в Англии пост лорда-распорядителя на коронации. Однажды обеспокоенная жена сказала ему: "Ночь за ночью, как только сладкий сон овладевает мною, мне кажется, что я беременна страшным драконом, который явится причиной смерти своих родителей".

Эти слова вызвали такой ужас в его душе [что он ответил]: "Моя дорогая и любимая жена ... сердце мое не успокоится и сон не сомкнет век моих очей до тех пор, пока я не узнаю значения этих твоих тревожных сновидений"».

Поскольку раскрыть смысл этих видений могла только колдунья Калайб, благородный супруг отправился на ее поиски, «взяв с собой в спутники лишь одного рыцаря, несшего под мышкой белого ягненка, которого они намеревались поднести колдунье».

В средневековом варианте легенды о Святом Георгии ягненка убивают в качестве подношения колдунье, добываясь ее помощи в избавлении от кошмаров, аналогично тому, как в более древние времена приносили в жертву ягненка, когда душевнобольные искали исцеления в храме Ал-Хадир. Этот ягненок сродни пасхальному агнцу, которого дети Израиля приносили в жертву взамен собственных детей, когда ангел Господень убивал всех первенцев на земле египетской. Мы помним также замену на овна в жертвоприношении Исаака его отцом Авраамом. Пасхальный ягненок стал символом Христа, принесенного в жертву ради спасения человечества, а в Апокалипсисе, спасшиеся от клеветника, когда дракон собирался пожрать новорожденного героя, победили его «кровию Агнца»¹⁰.

Далее в истории о Святом Георгии рассказывается, что вскоре двое рыцарей пришли к пещере посреди темного дремучего леса. Они принесли в жертву ягненка и приблизились к ее входу. «Вход ее закрывали железные ворота с медным горном, в который нужно было трубить, дабы вызвать колдунью». Из глубины пещеры раздался глухой голос:

«Сэр рыцарь, возвращайся туда, откуда пришел, Необычного сына ты на свет произвел:

М.Э. Хардинг

Дракона, что надвое расколет болью Супруги твоей чрево: Оттуда выйдет отважный витязь. Что много подвигов свершит. Так возвращайся ж и не медли, Правда все, что здесь я говорю».

Сказанное было повторено три раза. Лорд-распорядитель на коронации слушал молча и с недоверием. «Но другой рыцарь убедил его удовлетвориться ответом Калайб и не испытывать ее терпения». И они вернулись домой. Там он узнал, что его супруга умерла во время родов сына. Ребенка украли прямо от роженицы, и никто не знал, где он находится. Ему рассказывали странные вещи: «На его груди природа нарисовала живой образ дракона, на правой руке — кроваво-красный крест, а на левой — Золотую Подвязку». Мать назвала сына Георгием.

Эта история аналогична валлийской легенде о рождении При-дери, сына Пуйла, царя Аннувна, потустороннего мира, и Риан-нон, чей голос был подобен песне западного соловья. В ночь, когда родился Придери, смотреть за матерью и ее маленьким сыном было приставлено шесть женщин.

«Женщины проспали, как проспала и Рианнон, мать мальчика. Они долгое время были начеку, но с наступлением полуночи все заснули и пробудились лишь перед рассветом. Проснувшись, они взглянули туда, куда положили мальчика, и увидели, что его там нет. "О горе, — сказала одна из женщин, — ребенок пропал!"...

В то время правителем Гвента Искода был Тейрнон и не было ему равных в мире. Ему принадлежала кобыла, с которой не могла сравниться по красоте ни одна лошадь королевства. Каждый год в ночь на первое мая она жеребилась, и никто не знал, куда девался жеребенок. Однажды ночью Тейрнон завел разговор со своей супругой: "Жена, — сказал он, — получается очень глупо, что наша кобыла каждый год жеребится, а нам не достается ни одного из ее жеребят".

На следующий день он велел привести кобылу в дом и, вооружившись, ночью стал наблюдать за ней. С наступлением ночи кобыла разродилась большим красивым жеребенком. Он уверенно стоял на своих ножках. Когда Тейрнон встал, чтобы взглянуть на него, он услышал страшный шум и увидел, как через окно в дом протянулась огромная когтистая лапа и схватила жеребенка за гриву. Тогда Тейрнон обнажил свой меч и отрубил лапу по локоть, так что отсеченная часть вместе с жеребенком осталась внутри дома. Снаружи раздался стон и одновременно — грохот. Он открыл

дверь и бросился на шум. Тьма ночи не позволяла ему что-либо разглядеть, но Тейрнон упорно следовал за источником шума. Тут он вспомнил, что оставил незапертой дверь и вернулся. За дверью он увидел младенца, завернутого в пеленки, а поверх них — в атласную накидку. Тейрнон взял мальчика на руки и обнаружил, что он необычайно силен для своего возраста»".

Тейрнон и его жена держали ребенка у себя до тех пор, пока ему не исполнилось четыре года. Затем, увидев его поразительное сходство с Пуйлом, они поняли, что он, должно быть, его пропавший сын, и вернули мальчика родителям.

Точно также был украден у матери и Георгий. Его похитила «свирепая колдунья, которая, оберегая его как зеницу ока, приставила ухаживать за ним двенадцать крепких сатиров». Когда Георгию исполнилось четырнадцать лет, он потребовал рассказать ему о своих родителях. Калайб все открыла ему, упомянув, что она держит в заточении шесть отважнейших рыцарей мира: Св. Дениса из Франции, Св. Джеймса из Испании, Св. Антония из Италии, Св. Эндрю из Шотландии, Св. Патрика из Ирландии и Св. Дэйвида из Уэльса. «А ты, — молвила она, — рожден, чтобы быть седьмым, и кличут тебя Св. Георгием из Англии».

Затем она дала ему коня по кличке Баярд, меч с доспехами и сказала:

«Конь твой обладает такой мощью и неодолимой силой, что когда ты будешь верхом на нем, ни один рыцарь в мире не сумеет одолеть тебя: доспехи твои — из чистейшей лидийской стали, которой не страшны ни износ, ни боевая секира: меч твой, Аскалон, выкован циклопами; он рассечет и разрубит кремень, расколется на кусочки твердейший камень: а лука седла обладает таким драгоценным достоинством, что пока оно будет с тобой, тебе будут не страшны ни измена, ни колдовство, ни насилие».

Однако затем колдунья попыталась заманить его внутрь волшебной горы, где она держала в заточении немало «молокососов». Но он перехитрил ее и сам запер колдунью в скале. Затем он освободил шестерых плененных витязей, и вместе они отправились на поиски приключений. С течением времени каждому из этих героев довелось убить дракона, но Георгий так и остался их предводителем.

Он отправился в Египет, где страшный дракон держал в неопишном ужасе весь народ. «Истинных девственниц» приводили ему для умилоствления и «теперь во всем Египте не осталось ни

одной истинной девственницы, кроме дочери царя». Георгий немедленно решил сражаться с этим драконом и спасти девушку. Он отправился в долину, где обитал дракон.

«Дракон, только завидев его, оглушительно заревел, как если бы гром грянул в небесах. На эту громадину было страшно смотреть: от головы до кончика хвоста его было пятьдесят футов длины. Его чешуя блестела, как серебро, но была намного прочнее меди, а брюхо горело, как золото и превосходило размерами огромную бочку. Дракон вразвалку вылез из своей отвратительной берлоги и так яростно набросился на отважного воина, размахивая огненными крыльями, что в первой же стычке чуть не свалил его на землю. Но рыцарь живо пришел в себя и с такой силой ударил дракона копьем, что оно разлетелось на тысячу кусочков. И тогда разъяренное чудовище, неистово взмахнув ядовитым хвостом, повергло наземь всадника и коня. Св. Георгий сильно ушиб два ребра, но, отступив немного назад, укрылся под апельсиновым деревом. Это дерево обладало весьма ценным качеством — ближе семи футов к сени его ветвей не мог приблизиться ни один ядовитый гад. Под его кроной храбрый рыцарь восстановил силы и, воспряв духом, с неистовой отвагой нанес сокрушительный удар надежным мечом Аскалоном прямо в лоснящееся брюхо огненного дракона. Из раны потоком хлынул отвратительный яд, доспехи рыцаря раскололись, доблестный воин потерял сознание и некоторое время лежал, едва дыша. Но ему повезло, ибо он оказался под ветвями апельсинового дерева, где дракон не мог его достать. Надо сказать, что плод этого дерева тоже обладал чудодейственной силой — всякий, отведавший его, немедленно избавлялся от любых страданий и недомоганий. Благородному витязю очень повезло: немного восстановив свои силы под сенью дерева, он заметил апельсин, недавно упавший с ветки. Отведав плода, рыцарь обратился с просьбой к небесам, моля Господа (во имя его дорогих детей), наделить его такой силой и ловкостью, чтобы он смог убить яростное и страшное чудовище. После чего, восстановив силы и бодрость духа, он ударил дракона под крыло, в место, незащищенное чешуей. Его верный меч Аскалон, с легкостью пронзая кость, печень и сердце дракона, по самую рукоятку вошел в рану, из которой фонтаном брызнула алая кровь, окрасившая всю траву в долине в малиновый цвет. Вся земля, ранее иссушенная огненным зловонным дыханием дракона, теперь была насквозь пропитана тем, что сочилось из его ядовитого чрева. Наконец, истощенный длительным сражением и потерей крови дракон испустил дух, уступив доблести победоносного рыцаря... На протяжении этой долгой и опасной схватки его верный конь лежал бездыханно и неподвижно. Это

заставило доблестного воина с необычайной прытью выдавить ему в рот сок апельсина, благодаря чему весь смертоносный яд тут же был обезврежен, и конь снова стал на ноги».

После всего этого Георгий сообщил принцессе, что она свободна, а позднее — женился на ней и увез с собой в Англию.

Такова легенда о Святом Георгии, чудесным образом рожденном, кому с самого начало было предопределено быть драконоу-бийцей, кто был отмечен знаком дракона и креста, выращен колдуньей и вооружен неуязвимыми доспехами и непобедимым оружием. Человеческий герой ничем подобным не выделяется, ему не дана помощь свыше и перед началом испытания у него нет уверенности в победе. Георгия же колдунья величала «Св. Георгием английским» задолго до свершения им подвигов. Этот эпизод полностью вписывается в общую схему божественных героев: Будду, например, небесные жители при рождении приветствовали как спасителя мира; Иисус из Назарета во время крещения был провозглашен «Сыном Господа», что отмечало начало его жизни в качестве героя и за чем немедленно последовала его встреча с сатаной и искушение в пустыне. Сатана, конечно же, выступает олицетворением тех же самых психологических сил, которые представляли драконы в легенде о Св. Георгии. В Апокалипсисе сатана прямо называется драконом:

«И явилось на небе великое знамение — жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд.

Она имела во чреве и кричала от болей и мук рождения.

И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадем;

Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю. Дракон сей стал пред женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родит, пожрать ее младенца.

И родила она младенца мужеского пола, которому надлежит пасти все народы жезлом железным; и восхищено было дитя ее к Богу и престолу Его.

А жена убежала в пустыню, где приготовлено было для нее место от Бога, чтобы питали ее там тысячу двести шестьдесят дней.

И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них,

Но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе.

И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый Дьяволом и Сатаной, обольщающий всю вселенную...

Они победили его кровию Агнца»¹².

М.Э. Хардинг

Это видение Св. Иоанна передает все характерные черты легенды о герое". Мы имеем здесь ребенка, которому угрожают уже полностью сформировавшиеся силы, тогда как он — пока еще беззащитен; бегство матери в пустыню; и победу в результате жертвоприношения ягненка.

Как необычный ребенок, выделялся и Георгий. Сразу же после рождения он был украден злыми силами и воспитан колдуньей, подобно тому, как других героев растили титаны, кабиры или другие духи природы. Особенно интересны отметины на его теле. Дракон на груди говорит о его родстве с драконом, которого он должен одолеть: как если бы дракон может быть низвергнут только отпрыском дракона. В некоторых легендах герой должен отведать крови дракона, прежде чем он станет достаточно сильным, чтобы нанести *coup de grace** своему демоническому противнику. Многие детали намекают на существенное сходство между драконом и его убийцей; ибо сила дракона имеет как отрицательный, так и положительный характер. Ренегат в человеке по своей сути очень близок к пассивному аспекту дракона, тогда как его элемент рискованности и героики больше соответствует энергии дракона. Таким образом, человек, победивший дракона и впитавший его силу, испив крови или съев сердце чудовища, становится сверхчеловеком. Он переступает границы сознания и поэтому в силе превосходит своих современников, поскольку преодолел бессознательное, которое прежде функционировало, так сказать, абсолютно вне человеческой психики. Однако в итоге этого свершения в пределах досягаемости человека оказалась еще одна область психической жизни, что расширило сферу его сознательного контроля.

Это всего лишь один из множества примеров, говорящих о родстве героя с побежденным драконом. Например, часто сообщается, что у героя змеиные глаза, а колдун или знахарь, задача которого состоит в обуздании или изгнании обитателей демонического мира, в результате церемонии превращения в чародея также обретает глаза змеи. Ибо во многих примитивных племенах дисциплина и испытания, предписываемые для подготовки претендента на звание колдуна, настолько суровы, что часто подводят его к границе безумия. Человек, обладающий властью над демонами, должен сам соприкоснуться с демоническим, а после такого соп-

*Последний удар (фр.). — Прим. перев.

рикосновения в его взгляде навсегда остается необычный блеск, а сам взгляд описывается как змеиный. Нечто подобное можно часто наблюдать в глазах людей, одержимых бессознательным. Они видят, но их глаза не отражают человеческой реакции. Одной современной женщине, чье интуитивное восприятие бессознательного сблизило ее с этой странной и непостижимой областью, однажды приснилось, что ее знакомый объявил себя магом и в доказательство своих способностей собирался вызвать огромный и разрушительный потоп в Гималаях. Она и все остальные жители долины пришли в ужас и обратились в бегство. Достигнув противоположного конца долины женщина оглянулась и увидела человека, который подобно огромному Будде восседал на горе у дальнего края долины. Тут она сосредоточилась и подумала: «Если он действительно колдун, то сможет вызвать ужасную катастрофу, невзирая на все человеческие страдания, которые она повлечет за собой. Значит у него должен быть змеиный взгляд; ну а если у него человеческие глаза, то все это лишь пустое хвастовство, не заслуживающее внимания».

Женщина взяла подзорную трубу, посмотрела на глаза этого человека и к своему огромному облегчению обнаружила, что его взгляд «не совсем» похож на змеиный. Поэтому, когда начался ливень, она знала, что вода не затопит долину, а лишь оросит ее. Затем она увидела себя бредущей по реке, вода достигала лишь ее колен и далеко не заливала ее с головой. Это сновидение имело прогностическое значение в отношении исхода данного клинического случая. Оно указывало на то, что опасность вторжения бессознательного минует без затопления им сознания. К тому же очевидно, что мужчина в сновидении символизировал героя с двусмысленным змеиным атрибутом: он мог вызвать разрушение или оказаться тем самым защитником, который укротит змею-дракона и высвободит извечно охраняемые ею оплодотворяющие потоки; сказанное означает, что между силой бессознательного и сознанием будет установлена взаимосвязь, позволяющая созидательно использовать первую.

Существует множество других примеров, демонстрирующих наличие взаимосвязи между героем и змеей. В Древней Греции, например, для того чтобы посоветоваться с духом умершего героя, нужно было исполнить определенные ритуалы ворожбы у его могилы. Считалось, что душа откликнется, принимая образ

змеи, которой просители должны поднести на блюде молока. Герой в обличье змеи, отведав угощение, ответит на вопросы¹⁴.

Согласно учению одной из сект гностиков, название которой до нас не дошло, но идеи сохранились в работах Иринея¹⁵, змея в саду Эдема на самом деле была Сыном Господа, явившимся на землю, чтобы вывести людей из бессознательного состояния, сделать их более сознательными, в результате чего они могли бы обрести свободу. Это учение, похоже, находит свое подтверждение в отрывке из канонического Писания, где Христос сравнивает себя со змеей, вознесенной Моисеем в пустыне¹⁶. Очевидно, он подразумевает здесь собственное распятие, которое, как он предвидел, окажется спасительным для человечества, аналогично тому, как сотворенный Моисеем медный змий исцеляла укушенных ядовитыми гадами.



Рис. 9. Змея как душа мертвого героя

Тема змеи, обвивающей крест, встречается и в средневековой алхимии. Николя Фламель (1330—1418) говорит о такой фигуре в своем описании древней книги, якобы найденной в молодости. Эта книга содержит как письменные труды, так и рисунки, на одном из которых, по его словам, представлен «крест с распятой на нем змеей». Это изображение воспроизводится на рис. 10¹⁷. Аналогичную картину изображает работа современной женщины, приведенная на рис. 11. Здесь можно видеть змею, принесенную в жертву на увитом виноградной лозой кресте, что может означать приношение в жертву холоднокровной формы ее инстинктивное-

ти (именно жертвоприношение, а не вытеснение), с тем чтобы она снова могла жить в другой, обновленной благодаря ритуальной смерти, форме. Здесь следует вспомнить, что еще до того, как Иисус сказал: «Я есть виноградная лоза», а позднее объявил вино причастия своей собственной кровью, богом виноградной лозы был Дионис, дух которого наделял пьянящей силой сок винограда. Поэтому, когда обвиваемый змеей крест покрыт виноградными листьями, то это указывает на исцеление посредством жертвоприношения аутоэротического аспекта инстинктов или трансформации его в чувство любви.



Рис. 10. Змея на кресте (по Николя Фламелю)

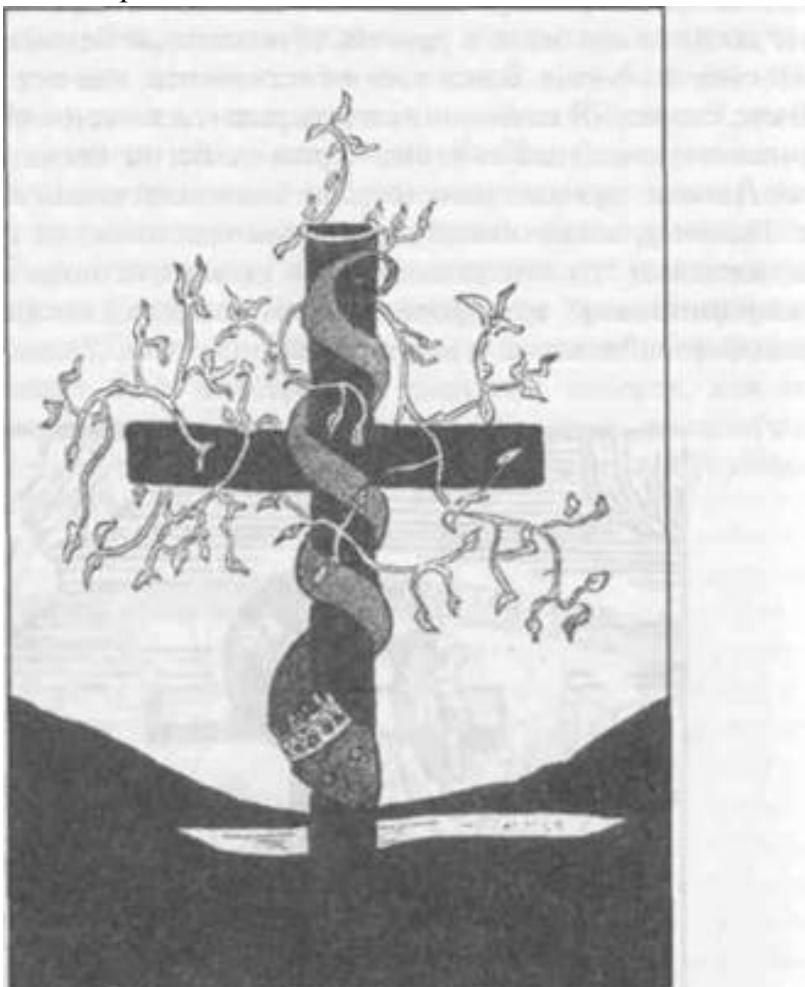


Рис. 11. Змеи на кресте (современный рисунок)

Имеется также картина Метсю, изображающая Св. Иоанна с кубком в одной руке, а другой рукой осеняющего крестом маленького дракона в сосуде¹⁸. Здесь, очевидно, дракон представляет дух Христа, так как вино, превращающееся таинством эвхаристии в кровь Иисуса, символизирует жизнь или дух Спасителя. Аналогичную тему можно наблюдать на вкладной иллюстрации XI, где Св. Иоанн держит кубок, над которым нависла змея, явно представляющая «дух» освященного вина.

Но вернемся к Святому Георгию. Первой встретившейся ему опасностью была попытка колдуньи запереть его в горной пещере, а первый героический акт заключался в одолении этой могу-

щественной приемной матери, пытавшейся околдовать его. В этом всегда состоит первая задача потенциального героя: он должен освободиться от матери, прежде чем встретиться со своим собственным драконом и победить его, т.е. взяться за расширение области приложения человеческих сил.

Нам сообщают, что дракон покрыт металлической чешуей. Это напоминает о металлических драконах из алхимических трудов, где содержание бессознательного символизируется ртутью, свинцом, медью и т.д. Огненные крылья и ядовитый хвост оказались такими мощными, что герой был выбит из седла, его волшебное копье сломалось, а доспехи раскололись. Кажется, будто дракону были известны свойства этих магических даров, ибо он всегда нападает на героя таким образом, чтобы свести на нет их защиту. Герою нельзя причинить вред, когда он сидит верхом на лошади, поэтому его сперва выбивают из седла; его доспехи нельзя пронзить никаким оружием, поэтому их раскалывает змеиный яд.

Подобная тактика привела бы к поражению Св. Георгия, если бы рядом не росло апельсиновое дерево, обладающее живительной силой. Это также является типичной особенностью. Животворное растение появляется именно в тот момент, когда наиболее велика опасность смертельного отравления ядом. Апельсин, напоминающий солнце золотистый плод, символизирует сознание. В одной из гностических сект причастие совершалось с использованием другого солнцеподобного плода — дыни. Упоминаемое апельсиновое дерево напоминает и о дереве жизни, растущем у реки в Новом Иерусалиме; каждый месяц оно плодоносит разными плодами, а его листья исцеляют людей. Дерево жизни в саду Эдема также даровало бессмертие, а следовательно, и неуязвимость. Когда Св. Георгий отведал апельсин, раны, нанесенные ему драконом, зажили. Это означает, что приток сознания устранил вред, нанесенный личности вторжением демонических сил бессознательного. Привлекательный штрих придает легенде тот факт, что Св. Георгий дал апельсин своему коню, и его раны также затянулись. Победу одерживает не только сознательная сторона героя. После изнурительной борьбы его животный инстинкт, его либидо, также восстанавливает свою прежнюю силу.

Несмотря на переменный успех сражения, с самого начала было ясно, что дракон обречен, ибо этот поединок является драмой, ритуальным действием, в котором персонажи играют predetermined или архетипическую роль при неопределенности

человечности победителя. Все сведения о том, каким Св. Георгий был в обычной человеческой жизни, утеряны. Первоначально он мог относиться ко второму типу героя, но в известных нам легендах он блистает своей святостью и героичностью. Доблесть его стала афористичной, а подвиги — вселяют отвагу во всех его поклонников. Как и предсказывала колдунья, Св. Георгий стал святым-покровителем Англии. Его крест, в сочетании с белым крестом Св. Андрея шотландского и красным крестом Св. Патрика ирландского, составляют тройной крест Юнион Джека»*.

Св. Георгий изображен на соверене и кроне, монетах Британского Королевства, каждая из которых имеет символическое название*. Сцена поединка, представленная на монетах, совершенно ясно свидетельствует о том, что у дракона нет ни единого шанса на победу. Отношение необразованных англичан прошлого поколения к этим символическим формам иллюстрируется забавным анекдотом.

Старому жителю графства Девоншир, смотрителю моста с платным проездом, предложили в уплату сбора крону. Он перевернул монету, взглянул на изображение, представленное там, и сказал: "Святой Георгий и дракон! Читал об этом, читал. Никогда б такого не испугался. Подумаешь, какая-то рыба".

"Но это была очень страшная рыба, — ответил путник. — Из ее ноздрей вырывался огонь".

"Меня это не волнует, — сказал старик. — Все равно никогда бы не испугался. Ведь с таким хвостом ей ни в жисть не вылезти из воды!"»

Что же это за хвост, который удерживает дракона в воде? Как отмечалось выше, дракон — это сила природы, сила изначальной живой материи, ее слепое влечение, которое, выражаясь словами Юнга, еще не подверглось «психизации». Когда этот символ появляется в сновидениях или фантазиях современного человека, либо когда перед ним во внешнем мире встает, подобно настоящему дракону, огромная проблема или угрожающая ситуация, это означает, что в его психике пробуждаются жизненные энергии. Но эти древние инстинктивные силы имеют очень глубокие корни. Они функционировали внутри нас и в наших предках с

Государственный флаг Великобритании. — *Прим. перев.*, ** Подобные же сцены были представлены и на монетах России. Св. Георгий является святым-покровителем Москвы. — *Прим. ред.*

начала жизни на земле, поколение за поколением заставляя бороться за пищу, кров и возможность воспроизведения себе подобных, невзирая на все опасности и невзгоды безжалостной природы. Эти драконы с их длинными хвостами, простирающимися в прошлое, к зарождению всего живого на земле, крепко цепляются за жизнь по старому, а не по новому образцу. Сознание для них является анафемой, ибо оно выступает против бессознательного естественной жизни; сознание стремится к духу, пониманию, драконы же цепляются за материю.

Поэтому и говорится, что когда герой атакует дракона спереди, он должен остерегаться хвоста, ибо дракон может нанести им удар сзади¹⁹. И тогда герой падает, откинувшись назад, — т.е. занимает противоположную позицию. Как же часто мы это наблюдаем! Если человек идет в лобовую атаку на своего конкретного дракона — например, на инертность — возникает серьезная опасность, что он станет властным, агрессивным, эгоистичным, одержимым демоном самодеятельности. И тогда его дух может так же определенно быть погублен компульсивной активностью, как и в противном случае ленью, т.е. он будет отравлен ядом своего врага. Ибо дракон всегда представляет пару противоположностей. Герой может погибнуть от огненного дыхания дракона или, остерегаясь этой опасности, может оказаться отравленным дозой драконьего яда сзади. В любом случае дракон медленно, но уверенно увлекает свою жертву в забвение, обратно в бессознательное. В этот критический момент апельсин, наделяющий животворной силой солнца, — сознанием — бесценен.

Св. Георгий и другие убийцы чудовищ бросили вызов этим опасностям и своими наступательными героическими действиями не только одолели собственных драконов, спасаясь тем самым от гибели, но вдобавок и вырвали из драконьих лап сокровище. Таким образом, для первопроходцев грядущих поколений открывались земли, ранее находившиеся под господством дракона: начинался новый этап развития культуры. Эти завоевания сравнительно легко могут быть превращены в необратимое наследие для человечества другими, менее выдающимися людьми, которые пойдут по пути, открытому героями: шагая по их стопам и следуя их примеру, более скромные личности могут стать героями, так сказать, по доверенности.

Новые земли символизируют аспект жизни, который прежде функционировал автономно и воспринимался пассивно. Пред-

ставляемые им ценности достались человеку исключительно как дар богов; он не мог увеличить их собственными усилиями, а если бы их у него отняли, то ему пришлось бы лишь терпеть ухудшившееся положение по мере возможности. Он был беспомощной марионеткой природных сил, которые могли оказаться как благосклонными, так и жестокими, или, выражаясь точнее, полностью равнодушными к его личным интересам и благополучию. Такая же абсолютная беспомощность царила и в случае опасности со стороны неизвестного. Но после освобождения земли от всевластия дракона, благодаря подвигам дракона, все люди получили возможность исследовать и осваивать ее, используя сознательные усилия и свою изобретательность.

Символическая картина довольно ясна. С точки зрения психологии, она означает, что там, где мы бессознательны, мы выступаем всего лишь марионетками безличных сил природы, функционирующих во внутреннем мире психики так же, как они действуют и во внешнем мире объективной реальности. Общеизвестно, например, что примитивные племена непостоянны и ненадежны в своей лояльности. Сегодня они клянутся в вечной дружбе, а завтра могут напасть на своих бывших кровных братьев и предательски уничтожить их из-за необъяснимой перемены настроения. Примеры подобного непостоянства нередки даже для западных народов. В особенности житель Запада склонен быть марионеткой собственных бессознательных настроений в области чувств. Примитивный человек должен ожидать прихода как своих мыслей, так и чувств; цивилизованный же индивид обычно может самостоятельно направлять собственные мысли в нужное русло. Однако очень немногие знают, что можно вызвать по желанию чувство или даже научиться проявлять нужные эмоции в определенном образом сложившейся ситуации, а не отражать своим поведением недифференцированный агломерат личных реакций.

Например, женщина занимается консервированием; предположим, что в самый неподходящий момент, когда варенье нельзя оставить без присмотра, звонит телефон. И каким бы ни был разговор, столь безапелляционно прервавший ее занятие, она спонтанно отреагирует на него раздражением, а в ответ на возможную просьбу в большей мере будет склонна ответить «нет», даже если и скроет свои чувства за маской приличия. Этот тип реакции настолько широко распространен, что выжидание «под-

ходящего момента» для обсуждения важного вопроса, особенно с людьми вспыльчивыми, является частью повседневной дипломатии. Это делается из опасения, что проблема будет оценена субъективно, на основании спонтанного настроения собеседника, а не объективно, по существу дела.

В таких случаях сфера чувств, безусловно, в действительности еще не свободна. В той или иной мере в ней продолжает царить дракон бессознательного. Но подобное состояние настолько обычно, что очень немногие люди понимают, насколько они несвободны в этом отношении. Такое положение дел сравнимо с описываемым в легендах, когда драконы спят, а люди довольствуются жизнью на своей ограниченной территории. Но со временем складывается такая жизненная ситуация, когда подобного бессознательного способа реагирования уже оказывается недостаточно. Прежний образ действия ставит под угрозу некую реальную ценность, и возникает необходимость объявить войну дракону бессознательного и установить сознательный контроль над реакциями, которые до этого момента были автономными, а следовательно, аутоэротическими.

Такая ситуация нередко складывается, когда человек, позволявший своей сфере чувств оставаться бессознательной, влюбляется и женится. И тогда уходит в прошлое то время, когда он мог прекрасно обходиться без оформившихся чувств, возможно, благодаря секретарше, потакавшей его прихотям и подстраивавшейся под его настроение. Теперь же он оказывается перед женщиной, требующей настоящей реакции и позиции, вытекающей из его подлинного отношения к ней и неменяющейся даже перед лицом трудностей. Если его реакция определяется только субъективным состоянием, то непременно возникают недоразумения и осложнения, мешающие развитию нормальных взаимоотношений между супругами. Когда появляется настоятельная необходимость определиться со своей реакцией, твердо придерживаться занятой позиции, а настроение мужчины не соответствует ситуации, его чувственность, представляемая анимой, уходит из сложившегося положения, и он ощущает себя просто опустошенным. Когда его жена бросает ему вызов, пытаясь добиться от него истинной реакции, он чувствует, что его подгоняют или преследуют. Теперь его реакция на вопросы жены скорее всего будет реакцией на свое ощущение пребывания под нажимом. И чем настойчивее супруга будет требовать ответа, тем компульсивнее

будет эта его реакция, она все меньше и меньше будет поддаваться его сознательному контролю. В мифологии это соответствует передаче девушки, анимы, во власть дракона и переходу ситуации из плохой в худшую.

Когда анима таким образом утрачивается, мужчина может вообще оказаться неспособным на какую-либо отчетливую реакцию. Он будет просто впадать в безысходное отчаяние всякий раз, когда перед ним встанет вопрос, требующий чувственной реакции. Если он уступит такому настроению или позволит ему стать еще более неуправляемым, вызывающим реальное заболевание, — головную боль, несварение желудка или нечто подобное — это будет означать, что он подчиняется внутренней отступнической тенденции, надеясь, хотя и бессознательно, вернуться в то блаженное состояние младенчества, в котором благосклонная судьба, вселюбящая мать, организовывала все для его комфорта и благополучия без приложения малейших усилий с его стороны.

Возможно, его жена согласится играть роль матери, и, пожалуй, на некоторое время все образуется. Но жизнь — не любящая мать, и рано или поздно судьба форсирует проблему. Ибо жена не может вечно исполнять роль опекуниши. Она — тоже человек. Она может не вынести двойную ношу ответственности взрослого человека и подорвать здоровье. В конце концов что-то может восстать в ней против ее роли Бога для инфантильного мужа. Или, возможно, возникнет некий кризис, угрожающий адаптации их обоих, и тогда станет ясно, что дракон вот-вот погубит все, чем они дорожат в жизни. При таких обстоятельствах ситуация может быть спасена, только если мужчина найдет в себе силы на героический поступок и сможет вернуть свою утерянную душу, аниму. Именно в такой безнадежной ситуации Св. Георгий отправился на поединок с драконом, поработившим весь Египет, для того чтобы предотвратить ужасную участь принцессы. Вероятно, следует отметить, что для народов Средневековья Египет представлял собой страну магических сил, с одной стороны, и служил олицетворением вожделения и сибаритства — с другой. Таким образом, легенда выступает аллегорией анимы, плененной драконом жадности или аутоэротизма. В нашем примере супруг по-детски аутоэротичен, потому что его анима не дифференцировалась от инстинктивного потакания собственным желаниям, поэтому она все еще пребывает под опекой дракона эгоистичности. Св. Георг-

гий атаковал дракона и одолел его. Аналогичным образом и в нашем цивилизованном обществе признается, что мужчина и женщина должны быть способны разрешать эмоциональные проблемы без навязчивого вторжения эгоистичных или аутоэротических влечений. Пожелание «Поступай с другими так, как ты бы хотел, чтобы они поступали с тобой», отражает этот довольно элементарный шаг в культуре чувств. От нас ожидают, так же, как ожидаем и мы, что область прекрасных человеческих взаимоотношений должна быть доступной для всех. Но мы забываем, что драконы потакания собственным желаниям всегда захватывают не возделываемые земли, и когда индивид надеется, что некто займется его эмоциональными нуждами, подобно тому, как мать заботится о ребенке, он оставляет область взаимоотношений открытой для дракона себялюбия. При этом индивид, вероятно, даже не подозревает, что он делает. Он оставляет без внимания целую область жизни, предоставляя ее самой себе и предполагая, что условия детства растянутся на всю жизнь. Однако очень скоро он окажется жертвой одного из драконов бессознательного, который, как и подобает коварным чудовищам, зачастую появляется под обманчивой внешностью и нападает на человека без предупреждения. Драконы не поднимают тревоги, а подкрадываются исподтишка. Они никогда не заявляют о себе такими словами как: «Я — дракон, которого убил Св. Георгий», или «Я — демон, которого одолел Св. Михаил». И поскольку они остаются неузнанными, потенциальные жертвы не взывают к святым за помощью. Выражаясь языком психологии, именно эта незнание существования угрозы составляет величайшую опасность для человека, подвергающегося наплыву примитивного либидо из бессознательного. Если бы он мог видеть опасность или искушение достаточно ясно для того, чтобы назвать их подлинными именами, то сражение наполовину уже было бы выигранным; ибо открытое признание угрозы действует подобно боевому кличу, призывающему все силы сознания к поединку. Это современный эквивалент обращения к святым за помощью; ибо таким действием сознательного распознавания человек взывает к герою, доблестному борцу за Свет, с просьбой о помощи в борьбе с ренегатом, который всегда стремится укрыться в смутных пределах бессознательного. Нередко, когда индивид подвергается опасности стать жертвой бессознательных психических элементов, хрупкое равнове-

сие между здоровым умом и безумием зависит от того, сумеет ли он прийти к инсайту и не отступиться от него. Перед врачом стоит сложная задача: определить, стоит ли подталкивать пациента к осознанию того, что его странные идеи и ощущения имеют субъективное происхождение. Если пациент поймет это, то повернется лицом к здоровому уму. Но это содержание бессознательного настолько чуждо его представлению о самом себе, что обычно воспринимается как объективное, поступающее в его сознание извне — т.е. как если бы оно являлось следствием интриг других людей или порождением сверхъестественного мира духов.

Поэтому всегда существует серьезная опасность, что, если врач назовет эти проецируемые и неассимилируемые элементы их законными именами, возникнет паника, и попытка укрепить здоровый рассудок и сознательную точку зрения пациента может ускорить окончательное погружение в водоворот бессознательного, которое предполагалось предотвратить. Однако если этот ход окажется успешным и пациент признает свои странные идеи как фантазию или иллюзию, как проекции, искажающие его понимание окружающего мира, он не лишится рассудка, даже если иллюзия или проекция останутся проблемой, требующей дальнейшего разрешения. Он поймет, что его атакует сила бессознательного — дракон, с которым необходимо сражаться на субъективном уровне, а не бороться в объективной реальности с помощью открытых действий.

Эта ситуация очевидна в случае душевнобольных. Например, когда параноик жестоко нападает на собственную жену или кого-то другого из своего круга, стороннему наблюдателю ясно, что его подозрительность и ненависть являются результатом мании, а действия служат доказательством неуравновешенного состояния психики. Однако не так легко распознать одержимость аналогичными иллюзиями в самом себе, когда индивида одолевает беспричинное недовольство любимым человеком или жажда мести в связи с мнимым пренебрежением. Слепота по отношению к собственному состоянию может быть даже большей, чем представлено в приведенном выше описании этой ситуации, так как слова «беспричинное» и «мнимое» подразумевают инсайт. Многие люди, ощущающие себя оскорбленными или неправильно понятыми, в действительности одержимы «причинами» своих враждебных чувств в такой же мере как и самой враждебностью и возмущением. Такие причины — это не более чем рационали-

зации, которые сами по себе служат свидетельством преобладания бессознательного функционирования.

У женщины рационализации обычно встречаются в форме так называемых «десяти тысяч причин», выдвигаемых анимусом из векового запаса всех возможных поводов гнева, ненависти и вражды. У мужчины рационализации возникают в форме «десяти тысяч возмущений». Причины его гнева отражают не столько логические рассуждения, сколько реакции, обусловленные фрустрацией бессознательных чувственных ожиданий, которые он не уточняет и едва ли осознает в достаточной мере для того, чтобы сформулировать, если его попросят об этом. Это происходит потому, что его анима остается погруженной в чрево матери и позволяет ему понять мир чувств только с позиции личного комфорта, обеспечиваемого, «конечно же», — без каких-либо просьб и чувства благодарности с его стороны.

В связи с тем, что ожидания бессознательной личности не соответствуют реалиям человеческой жизни, они, естественно, обречены на разочарование. Рано или поздно их неминуемо разбивает сама жизнь. Обычно это происходит в результате стычки с другим человеком, который не удовлетворяет невысказанных желаний. И тогда все отрицательные чувства индивида, являющиеся оборотной стороной бессознательного требования от жизни дать ему все, что он пожелает, сосредотачиваются на этом невезучем человеке, как на некоторого рода козле отпущения или *bete noire**, каждый взгляд и действие которого истолковываются как враждебные или опасные. Выражение *bete noire*, несомненно, служит признанием в обыденной речи того факта, что дурные характеристики в действительности исходят от самого обвинителя: фактически — это проекции. Именно отражение своего собственного «черного зверя» индивид видит в том, кто особенно раздражает его.

В «Тибетской книге мертвых», Махаяна — буддистском тексте восьмого столетия (в переводе Эванса-Венца), есть отрывок, проясняющий эту проблему с довольно интересной точки зрения. В нем содержатся инструкции для умирающего человека относительно того, с чем он столкнется, когда его душа покинет тело. В нем говорится, как вести себя в *бардо*, промежуточной области между этой жизнью и следующей.

Реакции души на встретившиеся там

* «Черное животное», объект ненависти и отвращения (фр.)- — Прим. перев.

ситуации будут определять: возродиться ли она на земле либо в одном из миров неба или преисподней. Таким образом, после смерти человек становится, так сказать, сам себе судьей — с психологической точки зрения довольно высокоразвитая концепция. На одном из этапов своего пути душа встретится с «гневными божествами», которые появятся в виде ужасных демонов вожделения, гнева и ненависти. Умиравшему советуется следующее: «О высокородный, какие бы устрашающие видения тебе ни явились, признай в них свои собственные мыслеформы»²⁰. Если душа сможет преодолеть свой страх и достичь этой степени инсайта, то она избавится от их власти. Их вселяющие ужас формы рассеются и она сможет перейти к следующему испытанию. Это означает, что как только человек начинает осознавать тот факт, что демоны, кажущиеся внешними, в действительности являются отражениями нераспознанных и грозных безличных сил, которые действуют в его собственной психике, он освобождается из-под их власти. Аналогичное наставление дается в отношении мирных божеств, также встречающихся на пути через *бардо*. Этим ясно демонстрируется, что человек не должен пребывать под влиянием добропорядочного аспекта демонических сил в такой же мере, как и демонического. Чтобы освободиться от того и другого, он должен признать их в качестве «своих собственных мыслеформ».

Но, к сожалению, многие покинувшие тело души не могут справиться с этим испытанием. Возможно, для успешного преодоления его без посторонней помощи требуется герой с доблестью Св. Георгия. Однако, как уже говорилось, герои бывают двух типов, вдобавок к святым или божественным фигурам, призванным спасти человечество, существуют и обычные, смертные люди, которые вынуждены, часто против собственной воли, выступить против одного из драконов, противников прогресса. Одним из таких людей был Иона.

Повествование о нем представлено в Библии чисто как историческое и так же, как в случае со Св. Георгием, по прошествии столь значительного периода времени нет никакой возможности определить, что здесь является фактом, а что — легендой. С точки зрения психолога, такое разграничение не столь существенно, как для историка, ибо рассказ, несомненно, передает внутренние переживания его автора и, по всей вероятности, и типичные переживания поколения, к которому он принадлежал. Читая между строк, мы видим, что Иона в своем окружении не был выда-

юшейся фигурой. Он описывается просто как обычный, скромный гражданин, робкий человек, не пользующийся особым уважением своих соседей. По-видимому, постоянного рода занятий он не имел и поэтому часто задумывался над тем, как распалась связь времен. И он услышал слово Господне, как это часто бывает с теми, кто больше медитирует, чем действует. Голос велел ему отправиться в Ниневию, столицу, и направить на путь истинный ее жителей, предавшихся злодеяниям. Но Иона посчитал себя слишком незначительным человечком, никоим образом не способным взять на себя столь сложную и важную миссию, и решил, что внутренний голос, конечно же, ошибся. Лишь комплексу превосходства можно приписать идею предпринять нечто столь выдающееся. Как может он, необразованный житель маленького городка, поучать всех этих важных людей, и надеяться, что его услышат? Нет сомнения в том, что его голову заполнили и многие другие возражения и отговорки.

Однако, поскольку голос был настойчив, Иона решил, что ему действительно предначертано исполнить какого-то рода миссию, но конечно же не столь большую и важную, как поход в Ниневию. Поэтому он отправился в порт и сел на первый отплывающий корабль, — отправляющийся, как оказалось, в Фарсис — полагая, что взамен может начать служение Господу по месту прибытия. Фарсис был намного более скромным городом, чем Ниневия; к тому же он находился за морем, где Иону никто не знал, и поэтому его друзья вряд ли услышали бы о его провале, который он вполне допускал, а сам Иона избежал бы насмешек товарищей и не выставил бы себя на посмешище в их глазах. Но в пути разразился шторм, и Иону бросили в море, дабы утихомирить гнев стихии, т.е. бессознательное не смогло смириться с его трусливым отступлением; его неповиновение внутреннему велению вызвало движение в глубине собственного бессознательного, заметное всем окружающим. Его малодушие раскрылось, и Иона был изгнан из круга своих братьев. Но теперь начинается необычная часть, ибо ему не дано было погибнуть. Господь уже приготовил для него огромную рыбу — как если бы бессознательное заранее знало, каким путем он последует, и были сделаны приготовления, соответствующие требованиям ситуации, — и он не умер, а был проглочен морским «драконом».

Аллитерационная поэма четырнадцатого столетия описывает незавидное положение Ионы трогательным колоритным языком:

М.Э. Хардинг

«Его челюсти были столь огромны,
что Иона пролетел сквозь жабры,
через скопившуюся там кровь и слизь,
как пылинка через соборную дверь;
он несясь сквозь глотку, показавшуюся ему столбовой дорогой,
вверх тормашками, да, кувырком,
пока не очутился в месте просторном, как зал;
он ощупал все вокруг себя, понял, что может уж встать
и встал в брюхе, зловонном, как преисподняя;
и тот, кто с радостью избежал бы всяческой опасности,
нашел приют в обители средь дурно пахнущего жира.
Он начал рыскать там и в каждом закутке искать,
где лучше бы приткнуться, но ни покоя, ни облегченья он
нигде не находил, повсюду — отвратительная грязь;
но Бог всемилостив, как всегда;
он наконец остановился и воззвал к Христу.

Нашел тогда он укромный уголок, где не мешала ему сильно грязь, и задержался там. Устроился он здесь в безопасности, наедине со тьмою, точь-в-точь как на корме, где спал он прежде. Три дня и три ночи провел он так у чудища во чреве, и думал лишь о Господе, его могуществе и милости, а также о его пределах; познал он Его в горе, не признавши в счастье»²¹.

Иона, окунувшись в огромное море бессознательного, оказался полностью поглощен им. И в этот период абсолютного одиночества и сосредоточенности на собственных переживаниях, когда казалось, что ужасной участи ему не избежать, он задумался о своем глупом бунте и раскаялся. Естественно, никакого другого собеседника, кроме собственного внутреннего голоса, у него не было, и разговор с этим внутренним некто изменил его жизненную позицию. Тем временем кит медленно подплыл к берегу и бесцеремонно отпрыгнул Иону на сушу. Здесь мы видим, что отказ Ионы подчиниться внутреннему голосу оставил его в полной власти бессознательного. После этого он мог только лишь смириться со своей судьбой. Таковы хваленая свобода человека и его высокомерие. Если человек не приемлет собственного внутреннего руководства, он превращается в простую марионетку фатума. Если он выступает против внутреннего голоса, заявляя, что волен выбирать, что пожелает, он неизменно становится жертвой

дракона. Какую-то свободу воли он имеет лишь когда добровольно выбирает то, что непременно должен сделать. Ибо веление изнутри является его собственным внутренним законом, и, не подчиняясь ему, он подвергается опасности. Поэтому, обсохнув на берегу, Иона отправился в Ниневию. Это еще не конец истории, но интересующую нас в данном повествовании часть мы уже изложили.

Сказание об Ионе — весьма поучительный миф. Переведя его на язык психологии, мы видим, что жизнь бросила Ионе вызов в виде призыва отправиться в Ниневию. Это, несомненно, он и должен был сделать. Но Иона боялся предполагаемой ответственности и, будучи упрямым и своевольным, решил самостоятельно выбрать себе задачу. Его отказ принять жизнь на предлагаемых условиях вызвал в его бессознательном волнение, бурю. Это означает, что приступив к избранной самим работе и проигнорировав настоятельно необходимое дело, он оказался в настолько конфликтной ситуации и действовал столь неуравновешенно и неадекватно, что это заметили все окружающие. В действительности его позиция поставила под угрозу все предприятие. Поэтому спутники выбросили Иону в море, проконсультировавшись предварительно (бросив жребий) с бессознательным. Это равнозначно современному обращению к психиатру с просьбой об интерпретации сновидений человека, совершающего странные поступки, или о проведении психологического тестирования, предваряющего какие-либо действия. Выбросить Иону в море — эквивалентно отправлению его в психиатрическую лечебницу; он исчезнет из общества, дабы в одиночестве пережить свое погружение в бессознательное, из которого может никогда уже и не вернуться.

Интерпретируя материал подобным образом, я вполне буквально принимаю спутников Ионы за близкие пациенту реальные личности. Но их можно толковать и иначе, а именно: как части психики, непосредственно незатронутые отступническими факторами, которые стремятся получить полный контроль. Исходя из такой предпосылки, тот эпизод, когда спутники выбросили Иону в море, можно интерпретировать как момент решающего раскола в психике. Это момент, когда невротический конфликт переходит в шизофреническое состояние, и отвергнутая часть психики погружается в океан бессознательного. Это — критическая перемена, которую Юнг называет первичным сим-

птомом психоза: «Настоящие неприятности начинаются с дезинтеграции личности и лишения эго-комплекса его привычного превосходства. ... Это как крушение самых основ психики, как обвал надежно возведенного здания в результате взрыва или землетрясения»²².

В нашей легенде Иона представляет эго-комплекс, а его спутники — множество привычных реакций, протекающих автономно, без вмешательства сознания. Когда Иону бросили в море, — т.е. когда эго утратило контроль — эти «спутники» взяли управление на себя. Когда Иона исчез из виду в океане, или, выражаясь психологическим языком, когда его поглотила зарождающаяся шизофрения или потряс раскол психики, исчезла сознательная личность.

Но нам говорят, что Господь приготовил огромную рыбу для Ионы, проглотившую его. То есть Иона погрузился в глубокую интроверсию. Это не было добровольной сознательной попыткой взглянуть проблеме в лицо и разрешить ее. В такое состояние Иону поверг душевный упадок, поэтому его лучше называть регрессией.

Эта регрессия грозила увлечь Иону обратно в хаос недифференцированных начал (океан). Но прежде чем это произошло, процесс был остановлен вмешательством рыбы-дракона, столь предусмотрительно оказавшейся рядом. Регрессия привела Иону в чрево огромного чудовища, — символ матки — где он обрел покой состояния до рождения. Рыба-дракон играет двойственную роль в драме, ибо, хотя она и проглатывает Иону, в то же самое время она спасает его от утопления, что характерно для архетипа матери²³.

Однако, оказавшись заточенным в брюхе кита, Иона стал взывать к Богу. Это свидетельствует о том, что он не полностью регрессировал к хаосу, ибо в этом бедственном положении восстановилась его связь с бессознательным. Когда индивид переживает психологический раскол, он не может самоутвердиться в водоворотах течений, бросающих его как щепку из стороны в сторону. В еще меньшей мере он способен на это, когда его эго-сознание, так сказать, рассеивается. Однако, если на фоне хаоса вод он все же ощущает себя реальной сущностью, то, по крайней мере, имеется шанс спасения. Иона оказался способен на это. Он увидел свет во тьме. В этой истории о герое и драконе свет символизирует моральный или духовный инсайт. Евреи, частью мифологи-

ческого наследия которых является это сказание, уже имели развитое моральное сознание, тогда как соседствующие народы могли представить свои психологические переживания только в форме проекций, как продукт деятельности богов. Поэтому чаще говорится, что герой, оказавшись в чреве дракона, разжигает там огонь или обнаруживает, что сердце чудовища горит; либо же внутри дракона оказывается настолько горячо, что герой выбирается наружу с волосами, охваченными пламенем, т.е. из жара эмоции внутреннего переживания — из безумия — зарождается свет или инсайт. Тема света, обретенного во тьме, представляет собой часть знакомого нам учения. В Писании мы читаем о «свете, сияющем во тьме». «Те, что идут во тьме, увидят яркий свет». Все это — аллегории присущего материи духа. Как написано в «Бытии», когда Господь создал физическое тело человека, он вдохнул в него дыхание жизни, т.е. собственный дух.

Мы привыкли думать о материи и духе как о вещах прямо противоположных. Дух или сознание считаются совершенно обособленными от материи. Дух и материя представляются дополняющими друг друга и вечно противоборствующими противоположностями. Однако тайные учения многих религий и философий утверждают, что носителем духа служит материя. Согласно доктрине алхимиков, дух — это *lumen naturae**, сокрытый в камне, или образ солнца, погребенный в центре земли. Поэтому философское золото, являющееся отражением солнца, т.е. светом сознания, следует искать внутри земной субстанции. Землю здесь следует понимать как соответствующую телу, а само учение — как гласящее, что свет, дух, в действительности является неотъемлемой частью тела.

Такая точка зрения исключительно важна и интересна, и к тому же очень современна, хотя и противоречит общепринятому представлению о том, что тело лишено духа, который озаряет его извне, или «ниспосылается», вдыхается в него свыше. Аналогичным образом часто предполагается, что психически больной обременен нездоровыми идеями, и вылечить его можно только отвлечением от его собственных мыслей. Его побуждают не быть столь «глубоко погруженным в себя» или убеждают, что он вылечится с помощью внушения какого-нибудь духа или идеи со

*Природный свет (лат.). — Прим. перев.

стороны какого-то внешнего источника. Однако, современный психотерапевтический опыт, в особенности тот, что основывается на глубинной психологии, подтверждает обрисованное выше тайное учение. Сегодня общепризнанно, что инсайт или ориентир, необходимые для возвращения больного шизофренией в мир реальности, должны исходить из его собственной психики; их нельзя навязать извне. Как бы ясно врач ни понимал происходящее, он не может предоставить пациенту инсайт. Последний должен найти собственные основания для понимания ситуации. Самое большее, что может психиатр, — это направлять и поддерживать больного в путешествии вглубь себя, помогая понять испытываемые переживания, пока тот сам не увидит свет, который зачастую появляется совершенно не так, как это представлялось врачу.

Таким образом, миф повествует о том, что своим исцелением и возвращением в мир людей Иона обязан не самому себе и не сторонней человеческой помощи. К необычному возрождению на земле его привели силы природы, огромный дракон, поглотивший и удерживавший его в подводном путешествии три дня и три ночи.

На персидской миниатюре, воспроизведенной на вкладной иллюстрации XII, Иона изображен появляющимся из пасти кита. Он обнажен, его колени подтянуты в зародышевое положение. Очевидно, этим подразумевается его рождение. Но так как он имеет густую бороду, то это не может быть рождением ребенка, а скорее — возрождение зрелого мужчины. Иону приветствует ангел, протягивающий ему новую одежду. Дарение новой одежды является одним из постоянных элементов ритуалов инициации. Оно символизирует совершенно новую позицию и адаптацию, которые необходимы новорожденному.

Подобное переживание испытывают все, кто пускается в «ночное плавание по морю» бессознательного. Длительная интроверсия, представленная не только в сказании об Ионе тремя потраченными в пучине днями и ночами, но и пребыванием Христа после распятия в потустороннем мире, проходит символически. Здесь встречаются характеристики тени и дракон, которого необходимо одолеть, а все завершается возрождением. Новая адаптация, новое одеяние, чуть ли не новая кожа, становятся необходимыми для того, чтобы отвечать требованиям мира, который в результате произошедшей с индивидом перемены обретает совершенно новый аспект.

Эта последовательность событий регулярно протекает в ходе психологического анализа как часть процесса трансформации. Но когда индивид отдаляется от окружающего, как это было в случае с Ионой, и наступает патологическая интроверсия, его друзья и даже врач мало чем могут помочь ему. Возможно, психиатр сможет предложить позицию, которая восстановит взаимосвязь пациента с его внутренним голосом; но в остальном он может лишь наблюдать за стадиями регрессии, надеясь, что больной вовремя услышит свой внутренний голос и вернется в мир людей. Однако если индивид не полностью отрывается от действительности — т.е. если ему только грозит вторжение динамического материала из бессознательного — он сможет сохранить контакт с реальностью, даже если его внимание в значительной степени не обращено на нее. В этих случаях психологически подготовленный врач, несомненно, может помочь пациенту намного больше.

Часто очень трудно определить: является ли вторжение необычного материала из бессознательного признаком понижения порога сознания в пределах нормы — *abaissement du niveau mental* — или симптомом шизофрении. Различие между этими состояниями большей частью относительно. Некоторые индивиды остаются настолько гибкими и аморфными, что могут вынести такую степень внутреннего хаоса, которая более сознательного человека сведет с ума. Таким образом, для каждой отдельной личности здравомыслие зависит от способности не опуститься ниже уровня собственной интеграции. Данный момент упускается из виду, когда безумие описывается как «переступание черты», как если бы между психическим здоровьем и психической болезнью существовала четкая, фиксированная граница.

Однако в случае подлинной шизофрении предоставляемый материал намного более беспорядочен и архаичен, чем при неврозах или временном вторжении бессознательного. Но диагноз должен основываться, главным образом, не на характере материала, а на способности пациента осознать и понять свое состояние, воспринять лежащую в основе собственного заболевания проблему как моральную, вместо того чтобы всецело отдаваться очарованию необычных переживаний. Необходимую позицию можно описать лишь как установку внутренней нравственности или честности — верности закону своего собственного существования. Это, несомненно, мало связано с коллективной моралью,

зависящей от подчинения внешнему стандарту. В действительности признание проблемы в качестве моральной дилеммы обычно влечет за собой отступление от общепринятых законов морали, так как у индивида активируются и требуют признания элементы, которые согласно законам группы отвергались; должна быть предпринята попытка ассимилировать их в совокупную психику.

Проблема ассимиляции становится насущной всякий раз, когда происходит наплыв высокоактивного неадаптированного материала в сознание независимо от того, является ли новый материал ценным и креативным, или это обыкновенная архаическая фантазия, свидетельствующая о болезненной избыточности активности, а не бьющих ключом творческих способностях. Ассимиляция нового материала требует свежей точки зрения, подразумевающей признание относительности прежних суждений. То, что ранее безоговорочно считалось хорошим, должно быть переоценено в свете нового расширенного понимания; то же самое необходимо проделать и с тем, что считалось плохим. Если же ассимиляция не может быть осуществлена, то наплыв нового необычного материала может нарушить здравомыслие или сместить центр равновесия, в результате чего вся психика подвергнется такой дезорганизации, что может развалиться сама структура личности, а ее элементы рассеются в переменчивых течениях коллективного бессознательного.

При снижении уровня сознания первыми утрачиваются способности, которые в процессе развития были обретены последними, а именно: высшие критические и моральные функции личности. Аналогичное ухудшение сознания можно наблюдать всякий раз, когда его порог понижается в результате истощения или приема депрессантов.

Способность к критической оценке, хороший вкус и различение оттенков ощущений ухудшаются задолго до того, как утрачивается контроль над моторной функцией.

Эти соображения поднимают вопрос, касающийся связи умопомешательства с этическими или моральными проблемами индивида. Люди, которые намеренно ведут себя аморально, либо по сознательному выбору либо из-за врожденной неспособности различать добро и зло, как правило, с ума не сходят. Однако если у индивида возникает конфликт из-за того, что некоторые его действия или установки не согласуются с остальной частью его психики, то осознание неполноценности собственной целостное-

ти может оказаться достаточно сильным и вызвать невроз. С другой стороны, если конфликт останется сравнительно бессознательным и все его последствия тоже останутся за порогом сознания, то в результате может возникнуть более серьезное заболевание — шизофрения.

Если подойти к проблеме с иной стороны, и задать вопрос: можно ли считать, что сутью безумия в целом является неразрешенный моральный конфликт, то на сцену выходит такое количество новых факторов, что все рассуждения становятся весьма сложными и запутанными. Но имеется немало доказательств того, что при умопомешательстве психогенного происхождения в основе заболевания обычно лежит моральная проблема. Однако довольно часто ситуация затрагивает специфический моральный аспект. Ибо она связана с проблемой психологического развития и даже эволюции. На одной стадии развития организм допускает такие действия или установки, которые на более высоком уровне вызывают серьезные нарушения. Регрессия, протекающая при психозе и в меньшей мере при неврозе, служит попыткой природы отыскать уровень, на котором новый материал окажется терпимым. В случае выздоровления новая позиция выстраивается с самой нижней точки, достигнутой в ходе регрессии. Таким образом, пациент может ассимилировать содержание бессознательного, так сильно тревожившее его, или, по крайней мере, по-новому приспособиться к жизни на более прочном фундаменте.

В некоторых случаях заболевания шизофренией регрессия останавливается на младенческом уровне. Реактивируются детские реакции и соответствующий образ жизни. В благоприятных случаях за этой стадией заболевания следует повторение в сжатой форме психологического роста от младенчества к зрелой жизни. В других — регрессия идет до более глубоких уровней, и наружу выходят более архаические импульсы. Если возвращение к прежнему состоянию не начинается в пределах регрессии, то, по-видимому, происходит нарушение психической структуры, и полное выздоровление оказывается невозможным. У больных с тяжелой формой слабоумия, составляющих значительную часть постоянных пациентов клиник для душевнобольных, регрессия не остановилась, и движение в обратном направлении так и не началось. Современная так называемая шоковая терапия шизофрении является методикой, с помощью которой психиатр может искусственно взять под свой контроль далеко идущие регрессии такого рода.

Цель процедуры заключается в нахождении уровня, пригодного для использования в качестве прочной основы воссоздания личности. Такие методики до сих пор находятся на стадии разработки, и пока еще не ясно, какую роль в конечном итоге они будут играть в лечении шизофренических больных²⁴. Но они вселяют надежду на осуществление приемлемой социальной коррекции для множества индивидов, которые в противном случае были бы навечно приговорены к жизни в больничных условиях. Цель такого лечения — восстановление функции. Оно не предназначено подвести пациента к инсайту своих проблем или к пониманию собственных психотических переживаний. В результате, возвращаясь к обычной жизни, он не обладает большей психологической защитой, чем до заболевания. Однако если пациент с зарождающейся шизофренией проходит курс психоанализа, ситуация оказывается совершенно иной. Ибо этот метод позволяет понять инородный материал, прорвавшийся в сознание, и помочь согласовать его с прежними установками и ценностями. Благодаря этой методике пациент в итоге своего психического заболевания может обрести более высокий уровень сознания и большую внутреннюю целостность.

Историю об Ионе можно интерпретировать и иначе. Такое толкование обычно дает католическая церковь, основываясь в своем понимании на ответе Иисуса фарисеям, когда они попросили его о знамении. Он сказал: «Знамения не дается... кроме знамения Ионы пророка; Ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи»²⁵. Из этого толкования мы видим, что пребывание Ионы во чреве кита можно рассматривать как представляющее не только нисхождение Христа в потусторонний мир в период между его распятием и воскресением, но и как ночное плавание по морю, которое является почти постоянным элементом испытаний героя, как ясно показал Фробениус.

Таким образом, мы видим, что глубинное погружение может быть результатом либо добровольной встречи с силами бессознательного, предпринятой как часть посвящения героя в тайну, когда мы говорим об интроверсии; либо неспособности отвечать требованиям жизни с вытекающим отсюда бегством от решения жизненных задач, когда мы говорим о регрессии.

В случае Ионы мы имеем отказ от выполнения жизненной задачи и очень серьезную регрессию. Но регрессия остановилась в тот момент, когда Иона пришел к согласию со своим внутренним

голосом и таким образом метафорически увидел свет. Когда подобное происходит с пациентом в наше время, то служит особенно благоприятным знаком, поскольку указывает на то, что, по всей вероятности, больной сумеет вернуться к повседневной жизни с новым инсайтом в отношении необычного содержания, вызвавшего его расстройство. Если он вернется без инсайта, то его выздоровление будет лишь относительным или частичным. Иона понял, где он сбился с дороги, и смог изменить свою позицию. Достигнув суши, он осознал, что должен взяться за решение своей моральной проблемы, начиная с того момента, когда он от нее уклонился. Он должен откровенно взглянуть на собственное упрямое своеволие и научиться принимать жизнь на ее условиях, как рассказывается в истории о тыквенной бутылке, которая приводится далее.

В своем тяжелом испытании Иона проявил себя лишь как жалкий герой. Он предпочел бы остаться неизвестным, прожить свою жизнь в безвестности и покое. Ему пришлось сыграть роль героя и бороться с опасностями глубин потому, что он не смог взяться за приготовленную ему жизнью задачу. Он бежал от нее, как обыкновенный трус. В затруднительное положение его привела собственная отступническая тенденция. И действительно, ренегаты нередко выступают материалом, из которого выковываются герои. Ибо одобряемые и приемлемые элементы психики, которые являются составляющими привычного высоконравственного «добропорядочного гражданина», — это лишь часть индивида. Элементы, которые были отклонены и отброшены при формировании этой роли, служат единственным материалом, доступным для создания любой дополнительной структуры или роли.

Отброшенные или отвергнутые части психики соответствуют «паршивой овце» в обществе — человеку, который по собственному выбору или необходимости живет, не пользуясь благами общества. Если эти элементы в отдельной личности будут в меньшинстве или контролирующая психическая сила будет достаточно мощной, для того чтобы удерживать их на заднем плане, то обычная адаптация может оказаться адекватной и успешной. Но если равновесие будет нарушено в противоположную сторону, то авангард могут занять неадаптированные, идущие вразрез с традиционным поведением факторы. Общество начнет с подозрением относиться к такому индивиду и может фактически исключить его из своих рядов. Такой человек должен

М.Э. Хардинг

выбрать новый путь, хочет он того или нет. Тот факт, что он не вписывается в круг общепринятых норм, заставляет его идти своим путем, сформировать личность, выходящую за рамки коллективной адаптации.

Человек, поддавшийся отступнической тенденции, всегда ожидает от жизни побряжек или считает, что блага полагаются ему без всяких усилий с его стороны. Он не видит, что жизнь бросает ему вызов с тем, чтобы он развил свои способности перед лицом беспристрастной природы, дающей шанс выяснить предел своих возможностей. Скорее он принимает жизнь просто как средство для удовлетворения своих потребностей. Он подходит к проблеме бытия с жадно открытым ртом оперившегося птенца и относится к жизни почти как к человеку, потворствующему или, напротив, скарредному родителю. Он считает себя любимым отпрыском фортуны, которому дозволено перебирать и выбирать, а если открывающиеся перед ним возможности не соответствуют во всех деталях его требованиям, он свободно отвергает их. Устраиваясь на работу, например, такой человек сперва узнает, какие преимущества и привилегии она может ему дать и лишь позднее, возможно, задумается над тем, что может дать он сам, для того чтобы стать приемлемым работником. Характерным примером человека с таким складом ума был мистер Мико-бер*. Он придерживался оптимистической точки зрения человека, несомненно знающего, что подарки судьбы ему просто причитаются. В результате он никогда не представлял себя неудачником, и подобный образ мышления подкреплялся материнским обожанием его жены.

В других случаях индивид такого типа, не считая себя баловнем судьбы, может видеть себя пасынком жизни. И тогда он будет проводить время в зависти и обиде к тем, кого считает более удачливым, чем он. Но результат — один и тот же. В любом случае человек этого типа увиливает от ответственности и работы. Он ожидает, что успех придет к нему сам по себе, безо всякого усилия, и думает, что жизнь должна предоставить ему то, чем он из-за своей лени, бестолковости и потворства своим желаниям не может обеспечить себя сам.

Таким образом, ренегат плывет по течению жизни, всегда выбирая самый легкий путь и добиваясь лишь сиюминутного удо-

*Персонаж романа Ч. Диккенса "Дэвид Копперфилд". — *Прим. перев.*

вольствия. Он берет от жизни все, что может, и никогда ничего не создает своими собственными усилиями. Но вскоре все хорошее заканчивается и остается лишь плохое. Постепенно положение вещей становится невыносимым даже для него самого. Однако к этому времени собственным эгоизмом он, вероятно, уже оттолкнул от себя своих друзей и соседей. Ибо, не подчинившись элементарному закону общества — а именно, кто не работает тот не ест — он отказался от общего пути и коллективного образа жизни. Таким образом, у него не осталось никого, к кому бы в тяжелую минуту он мог обратиться за помощью или советом. Он оказывается в одиночестве и вынужден, хочет он того или нет, собраться с силами и сражаться с драконом самому. Мечтать о лучших временах или фантазировать о выходе из положения бесполезно. Перед ним встает неумолимый выбор: погибнуть либо собрать в кулак все свои внутренние силы и попытаться свершить героический акт, посредством которого принятие желаемого за действительное превращается в намерение действовать.

Что же именно представляет собой дракон, которого должен смело встретить и победить ренегат? С одной стороны, мы говорим о драконе как об олицетворении слепого влечения, поддерживающего течение жизни, внешне зачастую в невыносимых условиях, и с другой — как о символе материнских глубин, бессознательного, несущего корни всего живого и все порождающего и порождающего жизнь, невзирая на малые шансы выжить. Основные инстинкты или жизненные влечения функционируют в людях точно так же, как и во всех живых существах. Кажется, что низшие формы жизни состоят исключительно из инстинктов. Но в человеке свое главенство над слепой игрой созидательных и разрушительных жизненных инстинктов установил другой принцип — эго-сознание. Мы, люди, не состоим исключительно из жизненных влечений. Мое эго, мое сознание, представляет собой нечто обособленное от бессознательного жизненного импульса и часто противостоит ему, имея собственные цели, которые могут противоречить влечению инстинкта. Однако в связи с тем, что усилие оставаться сознательным болезненно и обременительно, каждый индивид стремится расслабиться и вновь опереться на слепую силу и вековую мудрость инстинкта. Таким образом, дракон угрожает одолеть завоеванное ценой больших усилий сознание и снова подчинить себе человека. Если индивид не способен собраться с силами, чтобы проти-

виться дракону, он позволяет себе погрузиться обратно в бессознательное, изначальные истоки.

Сила этого влечения назад является мерой инфантильности человека, его стремления избежать лишних усилий и ответственности и почти неискоренимого желания иметь рядом того, кто бы все решал и делал за него, причем именно так, как хотелось бы ему самому. Даже когда с возрастом индивид избавится от стремления вернуться к матери, даже если он отвлечется от своего желания быть понятым и одобренным, то все равно будет ощущать тягу в бессознательное, особенно когда от него потребуется некий шаг вперед. Ибо бессознательное означает избавление от ответственности и зачастую фактически выдвигается в качестве оправдания невыполнения обязательств. Человек, навредивший своим легкомысленным поступком ближнему, вместо извинения просто возражает: «Но я ведь не знал», или «Я не видел» — когда очевидно, что он должен был знать или видеть. Отрицая свою осведомленность в чем-то совершенном, он чувствует себя полностью освобожденным от вины или ответственности за случившееся. Это состояние авидьи, незнания, описанное Буддой как главное препятствие на пути к просветлению. Ибо изначальную лень, инерцию материи, инертность тела можно преодолеть лишь тогда, когда организм наделен искрой божественного духа, сознания. Одно из самых важных достижений психоанализа связано именно с этой проблемой, затрагивающей не только индивидов, находящихся в непосредственной опасности психического заболевания, но и так называемых нормальных людей. Ибо поскольку индивид шаг за шагом, начиная с самого начала, пересматривает события и переживания в своей жизни и выносит на суд сознания поступки своей прежней несведущей и несознательной личности, он оказывается вынужденным взять на себя ответственность за определенные действия, совершенные в неведении, за которые в свое время он не мог считать себя ответственным. Тем не менее, в течение долгих лет, связанные с такими поступками переживания скрывались в его личном бессознательном, где они могли служить причиной всевозможного рода расстройств. Сам факт, что они оставались не нейтральными, а наделенными энергией, о чем свидетельствует душевное волнение и чувство вины, которое они приносят с собой в сознание, означает, что уже на той стадии у индивида имелась — хотя об этом не

знал даже он сам — потенциальная самость, которая не могла позволить этим конкретным вещам остаться бессознательными, а потому невинными поступками. Другие действия, возможно такие же неправильные, как эти, но поистине невинные — т. е. ни коим образом не наносящие ущерба или не противоречащие потенциальному характеру индивида — остаются нейтральными.

По мере того как индивид берет на себя ответственность за свое прежнее бессознательное, действия, которые в то время не подчинялись его контролю, были полностью автономными и безразличными для личности, включаются в сознание. Некоторая его часть, ранее одержимая драконом, обретает свободу, а удерживавшаяся драконом энергия направляется на нужды индивида. Таким образом, процесс анализа включает не только пересмотр жизни пациента, но и фактическое переживание прошлых событий вместе с их эмоциональным содержанием. Возвращение в детство со всеми его аффектами означает также возвращение к матери. Реактивируются прежние детские реакции, и былые ситуации могут быть разрешены новым, более адекватным способом. В результате этого повторного переживания прошлого восстанавливаются те части психики, которые ранее вытеснялись и отрезались от совокупной личности, а их энергия высвобождается для творческой жизни в настоящем. Однако еще большее значение имеет следующий факт. Как правило, такое неприемлемое содержание вытесняется, так как оно засорено безличным материалом из коллективного бессознательного. Будучи же реактивированным в анализе, оно становится доступным для понимания и предоставляет энергию и новую точку зрения, основываясь на которой, можно построить новую психическую структуру. Возвращение к матери, но не просто регрессивное, а в результате намеренной интроверсии, может вдохнуть новую жизнь, возродить. Но всякий раз, когда предпринимаются такие искания, неминуема встреча с драконом, охраняющим сокровище, и для того чтобы индивид не стал жертвой его коварного могущества, необходимо преодолеть инфантильность, которая нацелена на отказ от всех усилий и обретение покоя и безопасности под покровительством матери. Однако было бы ошибкой предполагать, что сознательная личность может взять на себя всю ответственность за безличные импульсы, которые бомбардируют ее изнутри, или же, что силы дракона являются личной собственностью индивида, или могут быть

полностью ассимилированы. Часть того, что мы назвали драконом, относится к психике индивида. Но остальная его часть представляет безличный фактор, активация которого влечет за собой проблемы, требующие разрешения через связь между сознательной психикой и силами коллективного бессознательного. Но как бы усердно эти силы ни исследовались и ни приручались, всегда будут оставаться коллективные силы, которые представляются пребывающими вне психики. «Можешь ли ты удою вытащить левиафана?»²⁶ Ни один человек никогда не сможет ассимилировать всю мощь дракона, ибо она представляет собой неистощимую жизненную энергию коллективного бессознательного.

Но может возникнуть следующий вопрос: если дракон — это безличное либидо, то почему иногда возникает ощущение, что он персонально преследует со злобной агрессивной энергией свою предполагаемую жертву? Почему в сновидениях он хочет сожрать именно сновидца? Этот вопрос открывает важную проблему. В обычное время, когда содержание жизни индивида ограничено повседневным кругом привычных забот, силы коллективного бессознательного остаются латентными и бездействующими. Внутренний океан безмятежно дремлет. В такие времена дракон безучастен к сознательной личности. Но может наступить момент, когда индивиду потребуется отвоевать у дракона дополнительное количество энергии. Либо же может случиться так, что все его поколение — как в случае с нашим поколением — живет на уровне сознания ниже требуемого природой и цивилизацией. Тогда к извечному нежеланию бессознательного расставаться со своим сокровищем присовокупляются детская инертность и страх — неизбежные спутники жизни ниже своего уровня — вместе с отступнической тенденцией, присущей всем людям. Сумма всех этих факторов составляет персонально угрожающий аспект дракона.

Этот момент можно проиллюстрировать двумя клиническими случаями. Первому пациенту, женщине, приснилось следующее:

«Я прогуливалась по залитому солнцем пляжу, по мягкому и золотистому песку. Невдалеке, у берега, в морской воде резвились дети. Сцена в целом была умиротворяющей, наполняющей праздничным радостным чувством. Я подошла к оставленному приливом углублению в песке. Там я заметила какой-то черный предмет, кусок смолы или черного янтаря. Он показался мне очень ценным, и я подняла его. Сцена вокруг немедленно изменилась.

Небо заволочло тучами. С моря подул резкий ветер. Я поспешила домой, чтобы не оказаться застигнутой надвигающимся штормом. Но одежда, трепещущая на ветру, сковывала мои движения. Вдруг я почувствовала, что песок подо мной засасывает мои ноги. Я изо всех сил боролась с яростным ветром и зыбучим песком, угрожавшим полностью поглотить меня».

Здесь мы видим, что как только сновидица находит динамический, загадочный материал, *нигрето* алхимиков, приятная сцена игры и невинности меняется. Сама природа свирепеет и, как кажется, пытается помешать нашедшей унести свою добычу в надежное место и даже угрожает погубить ее.

Во втором случае у женщины в начале анализа было следующее сновидение:

«Я стояла на берегу. Под ногами у меня был золотистый песок, а над головой — ярко светило солнце. Затем я оказалась одна в каноэ, плывущей на веслах параллельно берегу. Мое весло было отлично отполировано, и я просто поражалась скорости и легкости своего продвижения вперед. Вода была спокойна, прозрачна и неглубока. Я могла рассмотреть красивые раковины на дне.

Вскоре прибрежная отмель закончилась, и дно резко ушло вниз. Здесь вода была темной и холодной. Теперь я заметила, что весло оказалось шероховатым и грубо отделанным. Внезапно я очутилась в воде, я плыла. Взглянув вперед, я увидела белые силуэты. При моем приближении один из них начал медленно, лениво двигаться, и я увидела, что это акула. Она плыла прямо на меня, широко разинув пасть, истекающую кровью и пеной. Я осознала, какая опасность мне грозит, и поняла, что единственный мой шанс на спасение — это смело идти навстречу опасности. Чудовище приблизилось настолько, что я бщутила его дыхание; лишь впоследствии мне пришло в голову, что акулы не дышат! [Значит это был настоящий дракон.] Мне захотелось узнать, не было ли кого-нибудь еще в этих опасных водах. Я оглянулась вокруг и увидела свою сестру, которая плохо плавала. Я окликнула ее и велела держаться позади меня. Она послушалась, но мне пришлось поддерживать ее на плаву, помогая ей рукой. Этот груз усугубил опасность моего бедственного положения. Постепенно ко мне приблизились и другие акулы. Я почти совсем обессилела, но мне удалось доплыть до мелководья и каким-то образом добраться до безопасного места».

Сновидица проснулась, дрожа от ужаса и холода. Это сновидение и его ассоциации предоставляют материал, ясно показывающий, что в данной опасной ситуации были за-

действованы характеристики женской тени²⁷. В сновидении она представлена сестрой. Последующие месяцы были посвящены осознанию и ассимиляции этих характеристик тени. После этого женщине приснился другой сон. На этот раз она намеренно отправилась плавать. В предшествующем сновидении она находилась в каноэ и, по-видимому, выпала из него, поскольку сказала: «Я оказалась в воде». Но теперь это было сознательно предпринятое действие.

«Я купалась в озере и сделала лишь несколько гребков рухами как оказалась скользкой через водоросли. "Насколько неприятны эти длинные извивающиеся пальцы", подумала я, и, опасаясь запутаться в них ногами, быстро выбралась на чистую воду. Затем, энергично работая руками, я поплыла к противоположному берегу.

За мной увязалась девушка, щипавшая меня за ступни ног. Она очень раздражала меня. Когда я подплыла к пристани, ко мне навстречу вышли несколько человек, и я откровенно пожаловалась им, сказав: "Она могла меня утопить".

"Ни в коем случае, — ответил кто-то из них, — она просто хотела с кем-нибудь поиграть"».

Это сновидение разительно отличается от предыдущего. Акулу заменили водоросли. Сновидица в некотором смысле персонифицирует их сравнением с пальцами, но д^жс в сновидении она не очень боится запутаться в них и легко освобождается, ибо водоросли не преследуют ее. Они остаются на прежнем месте, куда ей нет необходимости возвращаться. Данная часть озера представляет опасность, но эта опасность абсолютно не имеет личной направленности. Эмоция сновидицы, в первом сновидении выражавшаяся в совершенно обоснованной боязни акул-людоедов, трансформируется здесь в абсолютно безобидную и игривую девушку, которая следует за ней и щекочет ее ступню, что наводит на мысль о легенде об Ахиллесе. Ахиллесова пята — это уязвимое место, которое мать героя закрывала ладонью, когда окунала его в Стикс. Таким образом, это означает, что в той области, где человек остается зависимым от матери, он уязвим, если возникает необходимость пройти испытания героя. Сновидица чувствует угрозу в приставании и смехе девушки, которая является новым аспектом ее тени, частью ее самой, по-видимому, знающей слабости сновидицы и хотевшей их раскрыть, даже рискуя вызвать панику. С этой частью своей проблемы пациентке придется разобраться самой. Но ее враг — уже не страшная

акула-дракон. Сновидение ясно показывает, что ее противником выступает собственная инфантильность, вероломные проявления которой, могут подвергнуть ее опасности. Что же это за тень или отступнические качества, которые превращают нас в жертв драконов? Их перечень обширен, и дополнять его можно бесконечно. Вот несколько самых распространенных из этих факторов: инертность и лень, жадность, эгоизм и вожделие; и последнее в ряду, но не по значению — желание настоять на своем и подчинить себе других либо прямой агрессией, либо косвенно, требуя внимания собственной слабостью, т.е. стремление к власти в его как позитивном, так и в негативном аспектах, как в садистской, так и в мазохистской формах. Эти инстинктивные влечения особенно опасны, когда они остаются нераспознанными. Для современного западного человека бессознательное является наибольшим препятствием на его пути, аналогично авидье или незнанию для буддиста.

Аспекты и особенности тени вначале всегда появляются в проецированной форме. Таким образом они проявляются в сознании. Кажется, будто это не я жаден и эгоистичен, а некто другой завладел тем, что по праву должно быть моим. Как говорится в школьном анекдоте: «Ну разве Чарли не жадина — он взял самый большой кусок пирога, тот, который хотел я!» Эпитафия на старом могильном камне гласит: «Оставь в покое чужие недостатки

И на себя взгляни — проблем достаточно найдется».

Это нескладное двустишие воплощает в себе то же предостережение, что и высказывание Христа: «Вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего»²⁸.

Поэтому очевидно, что первый шаг к более развитому сознанию заключается в выяснении этих неизвестных качеств — в том, чтобы выделить их из сумрачных глубин и прямо взглянуть им в лицо. Немногие способны на это без посторонней помощи. Самоанализ редко проникает за порог сознания, тогда как характеристики тени остаются бессознательными. В результате интроспекция нередко укрепляет одностороннюю позицию эго, власть которого таким образом усиливается в ущерб совокупной личности. Эго начинает понимать, что что-то не в порядке только тогда, когда вытесненные элементы вызывают некое нарушение адаптации. Навязывае-

мое сознанию нарушение адаптации может быть внешним, затрагивающим отношение к работе или эмоциональную жизнь, либо внутренним, субъективным. Всякий раз, когда сознание дает пристанище элементам, слишком несовместимым, чтобы оставаться незамеченными, появляется опасность возникновения всякого рода конфликтов, тревожных состояний или психосоматических симптомов.

Если в этом случае индивид начнет изучать свое бессознательное с помощью психоанализа, то эти скрытые характеристики и реакции станут понятными. После чего вся ситуация изменится. В результате нового инсайта то, что ранее было заболеванием или мучительным беспокойством, превращается в моральную проблему. Если индивид способен и согласен взглянуть на черты тени как на свои собственные и признать, что они исходят от него самого, вместо того, чтобы замечать их только у других, то его реакции изменятся. Его гнев и раздражение уже больше не будут направлены на соседа, который ранее казался воплощением обсуждаемых черт. Вместо этого индивид будет стремиться исправить эти дефекты в своем поведении. Однако если он не захочет взяться за решение этой задачи, а благодаря обретенному в ходе анализа инсайту уже не сможет наивно относить все трудности на счет соседа, то отвергнутые качества начнут проецироваться на аналитика и сопротивление будет направлено против психиатра — ведь это он способствовал попаданию неприятных факторов в поле зрения. Таким образом, психоаналитик заменит дракона и будет казаться пациенту таким же опасным и враждебным, как и последний. Кроме того, энергия, вырванная у дракона посредством такого даже очень ограниченного понимания, вместо того чтобы быть направленной на исправление недостатка, начнет использоваться для затруднения анализа и доказательства неправоты аналитика. Но если пациент пожертвует своим совершенно естественным желанием обвинить аналитика, то первый раунд борьбы с драконом, первое сражение с отступнической тенденцией будут выиграны. И тогда, наконец, усилия индивида могут быть направлены на изучение самих недостатков.

При первом рассмотрении может показаться, что они заключаются просто в естественной слабости и потакании своим прихотям обычного человека; они могут показаться незначительными дефектами, которые вполне можно простить себе. Но как только индивид посмотрит на них более внимательно, они уже не

будут выглядеть такими несущественными. Они цепки как пиявки, и сама попытка избавиться от них, похоже, приводит к тому, что они принимают все более угрожающие размеры. Очевидно за фасадом незначительной естественной слабости скрывается нечто намного более серьезное.

Эта проблема настолько широко распространена и банальна, что даже очень простой пример может ее проиллюстрировать. Я приведу его от первого лица, потому что такого рода ситуация знакома почти каждому. Например, поняв однажды, что все идет не так, как мне хотелось бы, я сказала себе, что слишком много времени трачу попусту, и в этом причина хаоса в моих делах. Поэтому я решила избавиться от всех своих вредных привычек и пообещала себе вставать пораньше и разобраться со всеми накопившимися мелочами, досаждавшими мне на протяжении многих дней. Но я просыпаю или останавливается будильник, который я никогда не забывала завести. Вмешивается целый ряд мелких неприятных неожиданностей, которые мешают мне начать новую жизнь с понедельника. Возможно, мой работодатель не упускает момента сделать мне замечание по поводу очередного опоздания. Ничто не может заставить окружающих обратить пристальное внимание на недостаток, как решимость избавиться именно от этого недостатка. В центр поля зрения его выводит собственная сосредоточенность на нем индивида. Поэтому я сдерживаю все свои оправдания и решаю, что завтра мои начинания увенчаются большим успехом. Однако во вторник все повторяется снова, равно как и в среду. Но во вторник мои дела уже в таком беспорядке, что я едва свожу концы с концами, обещая себе, что в воскресенье разберусь со всеми недостатками. Однако в воскресенье вкрадчивый внутренний голос шепчет:

«Стыдно работать в воскресенье,
когда для этого есть понедельник, вторник, среда, четверг...

Просто стыдно работать в воскресенье!»

К этому времени бессознательное скорее всего снова прочно берет власть в свои руки, и я крепко засыпаю — если, конечно же, меня не уволили с работы. Но затем мне снится кошмарный сон или начинается нервная головная боль. Дракон, так сказать, угрожающе ворчит и издевательски выпускает струйку дыма, а я либо поспешно убегаю, либо открываю глаза, для того чтобы узнать, что происходит.

Наши излюбленные мелкие грешки, в конечном итоге оказываются не такими уж несущественными. Они отражают естественные реакции бессознательного организма и служат свидетельством отступнической тенденции в человеке, которая не терпит контроля со стороны никакого другого устремления, кроме желания жить просто ради продления существования. Церковь называет эти же самые маленькие слабости «смертными грехами». Это — внутренние человеческие факторы, соответствующие драконам жадности, вожделения и корыстолюбия, гнева и власти, вместе с вытекающими из них последствиями в виде предательства и лжи. Каждому из нас присущи инертность или лень, стремление навечно связать дух ограниченностью бездушной материи.

Алхимики сталкивались с этой проблемой в проецированной форме, когда видели, как в результате нагревания или химического взаимодействия веществ содержимое реторта чернело прямо на их глазах. Казалось, что вся их напряженная работа закончится неудачей. Вместо драгоценного золота или эликсира, они получали только черноту. Однако затем они обнаружили, что в некоторых случаях это была всего лишь одна из стадий процесса трансформации, стадия, названная ими «нигрето».

Многие из них поняли, что химический процесс некоторым образом соответствует их собственному душевному или, как сказали бы мы, психологическому состоянию, и воззвали к Господу с просьбой избавить их от ужасной духовной черноты. Юнг цитирует из *Splendor soils* Трисмозина²⁹ следующее:

«Старые философы утверждали, что они видели, как поднимается туман, и как он распространяется по всей поверхности земли и они также видели бурление Моря и ... увидели, как царь Земли тонет, и услышали, как он кричит отчаянным голосом: "Кто бы ни спас меня, будет вечно жить и править вместе со мной в блеске моего царского трона"».

Эта ситуация представлена на вкладной иллюстрации XIII, где Белая Королева встречает «черного» человека, выходящего из моря. Белая Королева символизирует альбедо, следующую за нигрето алхимическую стадию и, кроме того, представляет включение в ситуацию женского элемента, эроса, носителя чувств. Ибо черноту тени следует воспринимать не только буквально, то есть умом, но и чувством. Так как в отсутствие реакции со стороны души никакой трансформации не будет. Юнг комментирует эту легенду следующим образом: «Погружающийся в море царь —

это таинственная субстанция ... соответствующая христианской доминанте, которая поначалу была жива и присутствовала в сознании, но затем погрузилась в бессознательное, и теперь должна быть возвращена оттуда в обновленной форме»³⁰. В те времена, когда три сильных страсти считались смертными грехами, была предпринята попытка одолеть их посредством аскетизма и дисциплинированности. Основные усилия воспитания молодежи в христианских странах вплоть до недавнего времени были направлены на обретение контроля над этими главными недостатками. Но контроль или подавление оставляют человека в определенной степени опустошенным. Его жизнь ограничивается рутинной. На смену трем великим драконам приходит масса маленьких дракончиков — мелкий эгоизм, мелочная жадность, вороватая похоть — некоторые из них даже маскируются добродетелями. Инфантилизм переименовывается в привязанность к семье; за гостеприимством скрывается жадность; эгоизм обеляется как приличествующая защита собственных интересов или даже как самоуважение; вождление легализуется при поддержке супружеских прав и двойных стандартов; а моральная индифферентность открыто выходит на сцену под маской терпимости. Такие вещи некоторое время — столетие или около того — остаются незамеченными. Постепенно легкая жизнь входит в привычку, каждый избегает трудностей и ответственности, ренегат принимается за вполне цивилизованного парня. Но затем просыпаются драконы и начинают дышать угрозой. Они опустошают отдаленные районы и даже вторгаются на улицы городов — поначалу украдкой, ночью, но постепенно смелеют и граждане привыкают к их облику. Приходит день, когда люди пробуждаются от спячки и видят, что их город наводнен пороком и быстро загнивает изнутри.

С ужасающей ясностью становится очевидным: чтобы снова усмирить драконов требуется новый герой. В такие времена активировавшаяся энергия может найти выход в крестовом походе; либо новая религия может выразить извечные истины свежими символами, способными затронуть сердца людей. Или же может зародиться новая философия, способная по-новому представить старые истины. Именно это произошло, когда Фрейд начал свои исследования бессознательного. Благодаря собственной работе с пациентами он сорвал маску с одного из драконов, — вожделе-

ния — и сделал его поражение, избавление от него, делом всей своей жизни. Его исследования продолжил Адлер, атаковавший дракона власти эго. Далее последовал Юнг, нацеливший свое внимание на эгоизм, то есть на озабоченность самим собой. Он показал, каким образом может быть высвобождена присущая этому инстинктивному влечению энергия, столь необходимая для возведения обители индивидуальности.

Благодаря пониманию драконовских сил, достигнутому этими учеными мужами, три обретенных ценности стали всеобщим достоянием: новая сознательная позиция аутоа по отношению к сексуальности и алчности, то есть бесчеловечным влечениям; новая позиция по отношению к стремлению эго к власти; новая концепция Самости.

1. Baynes, *Mythology of the Soul*, pp. 40 ff. Данная книга, представляя собой обсуждение лечения методом аналитической психологии двух пограничных клинических случаев, основывается на проблеме гипотезы ренегата в целом. Бейнс показывает, что альтернатива прогрессивному отношению к жизни является не просто *laissez-aller* [Чрезмерная вольность, распущенность (фр-)- — Прим. ред.], а добровольная капитуляция перед архаическими и регрессивными элементами психики. Согласно точке зрения Бейнса, с которой я полностью согласна, именно этот добровольный отказ от борьбы за сознание, переход на сторону архаических и безответственных элементов психики составляет переломный момент между неврозом и психозом — в большинстве случаев, а возможно даже во всех. pp. 40 ff.

2. Tennyson, *Poetical Works*, «The Lotos-Eaters», «Choric Song», p. 52.

3. Baynes, *op. cit.*, p. 3.

4. Евр, 4:15.

5 E.G.W. Masterman, «Saints and Martyrs, Syrian», in Hastings, *Encyclopaedia of Religion and Ethics*, XI, SI ff.

6. См. ниже, гл. 11.

7. См. ниже, гл. 12.

8. См. F.V. Linderman, *American Mythology*, in Gray, *Mythology of All Races*, J.G. Neihardt, *Black Elk Speaks*; L.A. Armer, *The Mountain Chant*, документальный фильм о церемонии индейцев племени Навахо, проводимой для лечения человека с психическим заболеванием.

9. R. Johnson, *The Famous Historie of the Seaven Champions of Christendom*. pp. 3-4.

10. Нех., 12:3-14; 21-24; Быт., 22:1-14; Кор., 5:7-8 ("Пасха наша, Христос, заклан за нас. Посему станем праздновать."); Откр., 12:11.

11. Guest, «Pwyll Prince of Dyved», in *77ze Mabinogion*, pp. 26f.

12. Откр., 12:1-11.

13. Более полное толкование этого материала см. в C.G. Jung, «Answer to Job», in *Psychology and Religion: West and East*, (C.W., 11), pp. 438 ff. [Рус. пер. Юнг К.Г. Ответ Иову//Юнг К.Г. Ответ Иову. —М.: Канон, 1995.]
14. J. Harrison, *Prolegomena to the Study of Greek Religion*, pp. 325, 352. См. также рис. 9.
15. G.R.S. Mead, *Fragments of a Faith Forgotten*, pp. 189f.
16. Ин., 3:14.
17. A.E. Waite, *Lives of the Alchemystical Philosophers* (1858), цит. в J. Read, *Prelude to Chemistry*, p. 60.
18. См. вкладную иллюстрацию X и Jung, *Symbols of Transformation*, (C.W., 5), где представлено более полное обсуждение всего этого вопроса.
19. См. Baynes, *op. cit.*, pp. 315ff, где приводятся современные иллюстрации такой ситуации вместе с исчерпывающим обсуждением проблемы.
20. Эванс-Венц В.И. цит. пр.
21. См. Patience, pt. III, R.Morris, ed., *Early English Alliterative Poems*, p. 100.
22. Jung, «On the Psychogenesis of Schizophrenia», in *The Ps)ychogenesis of Mental Disease*, (C.W., 3), p. 240.
23. Jung, *Symbols of Transformation*. Cf. chap. VII, «The Dual Mother».
24. Jung, «On the Psychogenesis of Schizophrenia», (C.W., 3).
25. Мф., 12:39-40.
26. Иов, 40:20.
27. Тень — термин, использовавшийся Юнгом для обозначения вытесненной части личности. Тень — это воплощение или представитель личного бессознательного. Она часто встречается в сновидениях как довольно неопределенная фигура одного со сновидцем пола. Эта тень может сопровождать сновидца в значительной части того, что происходит с ним в сновидении. Поскольку она представляет неприемлемую часть личности, то часто носит негативный или даже зловещий характер. Она воплощает те качества, которые индивид больше всего ненавидит или боится в самом себе. См. Jung, *The Integration of the Personality*, pp. 20, 22, 88, 91, 173; см. также ниже, гл. 10.
28. Лк., 6:42.
29. Соломон Трисмозин, *Splendor soils*. [См. Юнг К.Г. *Mysterium Coniunctionis*. §465, с. 347.]
30. Там же, §466, с. 347.

В предшествующей главе мы обрисовали проблему отношения человека к неразвитым и неукротенным силам бессознательного с использованием символизма дракона и героя. Было показано, как время от времени эти силы активизируются и становятся опасными для отдельного человека и для всей культуры и цивилизации. Ибо когда какая-то часть примитивной энергии, оставшейся инертной в бессознательном, переходит из латентного состояния в активное, она угрожает захватить маленькую область, освещенную сознанием, и появляется серьезная опасность, что искра будет погашена. Когда такое несчастье происходит с одним индивидом, он теряет над собой контроль, а его психику переполняет архаическое и непонятное содержание. Однако если подобная катастрофа касается жизни не отдельного человека, здравого рассудка не одной личности, а заходит далеко, затрагивает группы людей, даже целые нации, то под угрозой оказывается культура в целом, и общество может впасть в состояние коллективного сумасшествия, т.е. варварства.

Последние несколько десятилетий мы были свидетелями подобного состояния в мире. Энергии, обычно сокрытые в бессознательном и неадаптированные к цивилизованным ценностям, вырвались во внешний мир и снова проявили себя во всем своем примитивном или архаическом неистовстве. Это действительно состояние безумия. В тоталитарных обществах, где это явление столь заметно выдвинулось на передний план, сами лидеры говорили о своей одержимости духом динамизма — энергией, не имеющей формы, границ и цели, энергией, которая всеобъемлюща, то есть абсолютна, а потому даже в принципе, как подтвердилось на практике, совершенно глуха к угрызениям совести и

невосприимчива ни к одному из существующих сводов ценностей цивилизации и религии.

Двадцатый век характеризуется беспрецедентной силой этого динамического извержения. Ничего подобного не наблюдалось в мире, начиная со времен крушения Римской Империи в начале христианской эры. В промежуточный период бессознательные психические силы, похоже, пребывали в состоянии относительного покоя. Возникавшие волнения — а их было немало, — как правило, оставались более или менее локальными. Даже когда вспыхивали более масштабные беспорядки, некоторое подобие христианского кодекса поведения сохранялось, по крайней мере, в форме признанного идеала — несомненно, в странах христианского мира. Ибо символ христианства в некоторой мере сдерживал силы бессознательного. Как сказал Юнг: «Благодаря многовековым усилиям человеческого духа эти образы были внедрены во всеобъемлющую систему мировоззрения, приписывающую миру упорядоченность, и в то же самое время представлялись могущественной, широко распространенной и уважаемой организацией, называющейся Церковью»¹.

Но совсем недавно, в наше время, когда динамическому взрыву бессознательной энергии была дана возможность развернуться вовсю, любые обеспечения человеческих ценностей и свобод были отброшены. В опасности оказалась сама цивилизация и не только в тоталитарных государствах, но и во всем мире. Этот развал тесно связан с забвением и обесцениванием религиозных символов, которые, казалось, уже больше не обладали силой, необходимой для сдерживания динамической мощи бессознательных энергий. Сегодня для большинства населения европейских стран христианство стало не более чем моралью. Символы и символические драмы, которые в предшествующие столетия, неизменно разворачиваясь в бессознательном, вмещали в себе и адекватно отражали таинство жизни, либо отбрасываются нами как ненаучные, не отвечающие реальности, либо воспринимаются как многие другие бессмысленные образы и истории, действительно освященные временем и традицией, но (за исключением тех немногих, что являются христианскими не только по определению) настолько несущественны для нас, что по большей части нам даже не приходит в голову поинтересоваться их истинным значением. Аналогичный отход от религии предков произошел и в нехристианских странах.

и*

Когда религиозные символы теряют свою действенность и больше не могут служить посредником между человеком и не человеческими созидательными и разрушительными силами, лежащими в основе сознательной жизни, человек оказывается беззащитен перед лицом прорыва архаической энергии. Для того чтобы эти энергии не разрушили весь мир, их необходимо собрать в новое вместилище. Слишком близкий контакт с могущественными и очаровывающими образами, отражающими силы бессознательного, угрожает даже здравому уму. Это — нуминозное переживание², повергающее в трепет, внушающее ужас, *tre-mendum*. Оно преисполнено намеком на святость и благоговейным страхом, который заставляет человека сжиматься от ужаса, если, конечно, выдерживает его рассудок.

Поэтому перед лицом такого переживания индивиду крайне необходимо отыскать емкость, которая бы адекватно заменила то вместилище, что ранее предоставляла церковь. Но что может послужить такой емкостью? Религиозные символы не являются творением человека; они не могут быть придуманы или изобретены. Жизнь рождает их спонтанно. Как говорил Юнг: «Религиозные символы выступают явлениями жизни, очевидными фактами, а не интеллектуальными убеждениями»³. Используя религиозную терминологию, говорят, что они «даны от Бога» или «являются в откровении» либо «наитии». Этот же факт отражает и современная психология, заявляющая, что они спонтанно поднимаются из бессознательного и появляются в сознании под маской символов сновидений, иллюзорных образов или другого непроизвольного автономного содержания — наподобие непрошенных мыслей, являющихся мысленному взору картин, неизвестно откуда всплывающих навязчивых мелодий, беспричинного гнева и так далее, по всему спектру непредсказуемых психических явлений.

Представление о том, что эти субъективные образы, в одно время кажущиеся пустыми, а в другое — впечатляющими и даже ужасающими, могут иметь какое-либо значение или способствовать решению проблем личного или коллективного здравого смысла, для большинства людей оказывается ошеломляющей мыслью. В течение всех тех лет, что католическая церковь властвовала над сознанием человечества, она претендовала на место исключительного посредника между человеком и невидимым миром. Личное или индивидуальное откровение если не исключалось полностью, то не одобрялось. Однако сейчас немало людей ощущают

настоятельную потребность установить прямой личный контакт с внутренним миром. Наше поколение разработало в рамках психоанализа методику, посредством которой отдельные личности могут познакомиться с тем, что происходит в бессознательном. Таким образом вновь открываются древние символы. И поскольку подвергающийся анализу индивид не просто узнает о их существовании, но и воспринимает их, они возрождаются с новым, более очевидным значением и оказываются наделенными энергией, которая необходима для обеспечения дальнейшей жизни.

Наиважнейшие из этих символов — те, что отражают фактор целостности. Человек может быть единым целым! Эта идея, хорошо известная древним под обозначением «сферического человека» Платона и средневековью в виде концепции *rotundum*, для современности является революционной. Она вновь возникает в сновидениях и иллюзорных образах множества людей, когда из-за душевных конфликтов они всерьез берутся за изучение содержания собственного бессознательного.

Всякий, кто искренне стремится примириться со своим вторым «я», со своей скрытой бессознательной стороной, найдет такой символ, всплывающий из бессознательного. И если он последует ориентирам, которые предоставляют образы сновидений, то шаг за шагом с постепенным разворачиванием символизма приблизится к осознанию целостности своей внутренней жизни. Я не подразумеваю этим, что бессознательное следует считать единственным детерминантом сознательного действия. Скорее этот внутренний и, как правило, игнорированный аспект психической реальности следует принимать во внимание как один из факторов во всех важных решениях. Ибо бессознательное дополняет и часто компенсирует однобокость и незаконченность сознательной позиции. Если за его деятельностью наблюдать постоянно, то обнаружится, что символы сновидения не остаются статическими или стереотипными. Кроме того, они не просто компенсируют сознательную позицию, но и проявляют признаки собственного независимого существования. Они изменяются и развиваются, постепенно складываясь в узор или тему (очень похожую на темы мифов или религиозный ритуал), которые вовсе не бессмысленны или случайны, а имеют определенную цель или конечный результат, характеризующийся большим значением. Тот факт, что путь, шаг за шагом часто с совершенно неожиданными поворотами ведущий индивида к целостности, развора-

чивается перед ним именно таким образом, должно быть означает, что психике присущи паттерны или законы развития, аналогичные паттернам, действующим в физиологической сфере — например, принципам, определяющим рост и развитие эмбриона. Вряд ли нас должно удивлять обнаружение в психической жизни таких априорных паттернов, ибо физиологические факторы мы принимаем как само собой разумеющееся. Мы не сомневаемся, что у зародыша сформируются легкие, готовые среагировать на воздух в момент рождения, хотя до этого он всецело находится в жидкой среде. Более того, мы удивляемся, когда природные паттерны не действуют «нормально», и живое существо развивается или реагирует не так, как мы ожидаем, исходя из своего опыта. Тем не менее, блестящая демонстрация Юнгом этих паттернов психической жизни — архетипов⁴, как он назвал их — встретила значительное сопротивление и возражения. Однако наличие этих бессознательных тем может продемонстрировать любой, кто следует руководству бессознательных символов. Если индивид сможет правильно их интерпретировать, то окажется участвующим в процессе психического развития, названном Юнгом индивидуацией. Целью этого процесса является целостность, а достижение этой цели имеет огромное значение не только для индивида, но и для общества.

Так, если обычные мужчины и женщины смогут искренне реализовать — сделать реальной, достичь — в себе такую целостность, они не только избавятся от конфликтов и разногласий в своей жизни, но и свершат нечто конструктивное в отношении тех проблем, которые угнетают человечество.

Таким образом, индивидуация — это современный термин, обозначающий процесс, посредством которого индивид приближается к собственной внутренней целостности и становится поистине подлинным человеком. Все это смутно предполагалось и признавалось во многих системах религиозного воспитания и инициации, целью которых служило развитие или совершенствование человека, либо, как это более широко известно, его спасение. Но Юнг с помощью научных методов доказал, что эти системы берут свое начало от бессознательных процессов, протекающих, как он показал, и у современных людей, у которых естественное развитие бессознательных символов часто приводит к аналогичной, совершенно естественной цели. Большинство его недавних работ посвящено именно этому аспекту психологических переживаний⁵.

В своих работах «Исследование процесса индивидуации» и «Психология и религия» Юнг затрагивает эволюцию символов целостности, которые имеют общую или коллективную значимость и были широко распространены на протяжении всего хода истории — например таких, как мандала или магический круг⁶, встречающийся и в рисунках первобытного человека, и в иконографии многих, если не большинства, высокоразвитых религий мира. Идентичные символы часто наблюдаются в продуктах бессознательной деятельности современных мужчин и женщин. Именно эти явления составляют основную тему содержания вышеуказанных работ Юнга, хотя по понятным причинам ему пришлось опустить материал, касающийся личных аспектов своих пациентов. Эта мера желательна и даже необходима для теоретического изложения. Но в то же самое время она исключает некоторую часть человеческого или личностного аспекта конкретной ситуации. Это опущение придает всему процессу некоторую холодность и оставляет читателя, если он сам не испытал подобного переживания, в недоумении относительно того, каким образом или почему у описанных лиц начинается данный процесс.

Ряд представленных Юнгом сновидений и образов, несомненно, не относится к разряду обычных, и подобные явления вряд ли могут наблюдаться у людей, полностью поглощенных внешними аспектами жизни. Эти сновидения или фантазии скорее отражают скрытый, субъективный, остающийся на заднем плане аспект особого, а, следовательно, не обычного этапа жизни индивида. В случае женщины⁷, рисунки которой воспроизводятся, Юнг говорит нам, что она пришла к завершению одной из стадий своей жизни и пребывала в состоянии серьезного конфликта и депрессии из-за того, что ощущала себя «в тупике», как если бы нормальное течение жизни остановилось. О мужчине, необычные сновидения которого составляют основу обсуждения в работе «Психология и религия» и в главе «Символизм сновидений и его связь с алхимией»⁸, Юнг сообщает нам только то, что он был его пациентом. Из этого мы можем заключить, что у него были какие-то затруднения психологического характера, которые аналогичным образом инициировали течение процесса. Выражение «инициировали течение процесса» важно, так как указывает на то, что процесс трансформации нельзя начать по желанию. Для того чтобы развитие достигло своего завершения.

необходимо, чтобы индивид принимал в нем активное участие с привлечением собственных сознательных и добровольных усилий. Однако по своему существу этот процесс не находится под контролем силы воли. Он самостоятельно зарождается от движения в бессознательном. Его можно сравнить с физиологическими процессами, протекающими без контроля или содействия сознания.

Символы, имеющие отношение к процессу становления целостности, иногда появляются из бессознательного у совершенно безответственных людей, не имеющих никакого намерения воспринимать их серьезно или следовать по указанному ими пути. Это может происходить и с нормальными людьми, которые не обращают внимания на смысл и значение происходящего в бессознательном; может также наблюдаться у душевнобольных, которые, в отличие от так называемых нормальных людей, приписывают чрезмерное значение своим сновидениям, видениям и галлюцинациям. К сожалению, эти индивиды принимают подобные явления за объективную реальность и поэтому не доискиваются их субъективного или символического значения. В любом случае: игнорируются ли символы сновидений как не имеющие никакого значения, или принимаются только за объективную реальность — их истинное значение ускользает от внимания, и процесс принимает циклическую форму, т.е. символы развиваются до определенного момента, а затем вновь регрессируют до того уровня, с которого началось их развитие. Для того чтобы превратить эти приливы и отливы бессознательного в непрерывную линию развития, требуется сознательное участие.

Другими словами, высшая ценность, обозначенная термином «индивидуация», сокрыта в бессознательном. Она подобна золотой рыбке в океане. Если человек хочет ее поймать, то ему, конечно же, нет смысла оставаться в бездействии на берегу; он должен взять лодку, выйти в море и рыбачить. Это требует сознательного волевого действия, возможно, тяжелого труда и настойчивости; но если рыбка сама не всплывет на поверхность, рыбная ловля останется тщетной. Древние алхимики имели обыкновение говорить о своей работе, что она требует усилий, и что эти усилия могут оказаться успешными *Deo concedente*, только при содействии Господа.

В последующих главах я намерена как можно упрощеннее обсудить различные моменты, касающиеся поисков индивидуации. опуская технические детали, неизбежно появляющиеся в каждом

отдельном случае. Я сосредоточусь на тех хорошо известных событиях повседневной жизни, которые, несмотря на свою привычность, тем не менее могут открыть дверь к этому внутреннему переживанию.

Термин *индивидуация* означает становление целостности и потому подразумевает необходимость согласования сознательной и бессознательной частей психики. На практике данный процесс состоит из двух этапов. Первый из них заключается в отыскании и распознавании всех разрозненных частей психики и в сведении их вместе; второй — в их объединении и координации, вместе с присущими им энергиями так, чтобы они образовали содержательное целое — космос, а не хаос. В реальной жизни эти два процесса, естественно, протекают одновременно. В настоящем обсуждении они разделены только для ясности.

Элементы, которые необходимо свести в психике вместе, включают не только сознательные и одобренные факторы, организованные под началом эго, но также и некоторые другие, остающиеся скрытыми в бессознательном и непризнанными эго. Эти бессознательные элементы можно разделить на две группы. Первая из них охватывает непризнанные компоненты личностной психики — личного бессознательного, которое персонифицирует фигура тени⁹, и в отношении которого большинство людей предпочитают оставаться в неведении¹⁰. Вторая группа включает те элементы коллективного бессознательного, которые ближе всего стоят к сознательной психике и персонифицируются фигурой анимы (женской души в мужчине) или анимуса (мужской души в женщине)¹¹. Эта фигура обеспечивает контакт с безличными силами, описанными в предшествующих главах; ибо анима и анимус определяются как функция взаимосвязи между «Я» и «не-Я» — связующее звено между личностной психикой и коллективным бессознательным¹².

До тех пор, пока этот психический элемент — анима или анимус — остается неассимилированным, он будет сравнительно бессознательным и автономным. Он может проявиться в сознании лишь под маской необъяснимых субъективных явлений, таких как эмоциональные расстройства или эмоционально окрашенные настроения в случае анимы, то есть у мужчины, или необоснованные предположения и суждения в случае анимуса, то есть у женщины. Или же он может заявлять о себе в персонифицированной форме в видениях или снах наяву. В других случаях его можно

встретить во внешнем мире в виде анимы, проецированной на женщину, или анимуса, проецированного на мужчину. Но когда этот элемент будет присовокуплен к сознанию, а его активность примет характер функции психики, на его месте появятся другие архетипические фигуры. Ибо за областью бессознательного, представляемой фигурой анимы или анимуса, лежат более глубокие слои, более отдаленные участки таинственной психической сферы, далеко простирающейся в изначальные глубины незнания, из которых проистекают намеки, способные при благоприятных условиях вызвать панику, ужас или необычный душевный подъем даже у людей, защищенных, по их мнению, от суеверных страхов и эмоций бастионом рациональной и научной позиции. Эти более глубокие слои бессознательного представляют другие архетипические фигуры, время от времени появляющиеся в сновидениях и играющие свою двусмысленную роль в мифе и религии. Обычно они имеют амбивалентный характер, совмещая положительные и отрицательные черты, — например, в таких понятиях как герой-отступник, колдун-мудрец, мать-ведьма. Представляя бессознательное, они всегда двусмысленны по содержанию - плохие/хорошие, благоприятствующие/зловещие и т.д. Для полного завершения индивидуации эти фигуры также должны быть ассимилированы индивидом и приобщены к функции психики. Но полная индивидуация в каком-либо абсолютном смысле является не более чем абстрактной концепцией. Ибо проблемы, связанные с отдаленными и недоступными областями коллективного бессознательного, по мере продвижения вглубь становятся все более и более неопределимыми и невразумительными до тех пор, пока озадаченный рассудок не останавливается перед непроницаемым мраком. Поэтому об этой части проблемы можем сказать лишь то, что она состоит из достижения удовлетворительного контакта с безличной энергией бессознательного, с источником самой жизни, который проявляется или выражается архетипами, и что определенная трансформация этой энергии осуществляется работой, проделанной с психикой на протяжении поисков индивидуации. Когда в ходе своего психологического развития индивид последовательно ассимилирует тень и фигуру души (аниму или ани-мус), достигается расширение пределов и увеличение интенсивности его сознания, ибо к той части психики, которой руководит эго, добавляется отвоеванная у бессознательного часть. Индивид

начинает осознавать содержание и субъективные реакции, ранее недоступные сознанию или воспринимавшиеся только в проецированной форме. Поэтому, начиная с этого момента, необходимо отличать то, что можно назвать сознательной личностью, от эго-комплекса. Индивид, в котором протекает такой процесс развития, все еще думает о себе как о «Я» и может даже не осознавать, что это новое «Я» отличается от старого эго.

Именно такие тонкие изменения в управляющих структурах делают обсуждение психических переживаний столь сложным и запутанным. На Востоке уже давно было известно, что подобные изменения в характере «Я» происходят в поступательной последовательности вместе с продвижением психологического развития в результате требовательности религиозных обрядов посвящения или просветления. В ряде систем — например, в тантрической форме буддизма — описывается семь стадий сознания, хотя из практических соображений их число можно уменьшить до пяти, так как две наивысшие стадии встречаются на земле редко даже у адептов. Считается, что каждая из этих стадий имеет своим центром отличное от других «Я», точно так же, как наша западная психология признает, что первое сформировавшееся «Я» ребенка, аутоэ, постепенно замещается социально ориентированным «Я», эго.

Когда тень осознается и принимается как часть личности, ее содержание и часть энергии присовокупляются к активам эго, и в результате происходит дальнейшее развитие «Я». Аналогичным образом, когда анима или анимус присоединяются к сознательной психике посредством процесса, описанного во многих религиозных системах как внутреннее бракосочетание¹³, происходит дальнейшее расширение сознания и сознательная личность начинает проявлять те качества собственного достоинства и уравновешенности, которые служат признаками единственной в своем роде, уникальной или прошедшей индивидуацию личности.

Однако с осознанием тени и фигуры души только часть присущей им энергии оказывается доступной для сознательной повседневной жизни. Другая ее часть, причем большая, уходит в менее доступные области бессознательного. Эта ускользающая часть является нуминозным элементом — тем компонентом, который способен вселить в нас страх или ужас, «заставить нас трястись». Именно этот жуткий или пугающий элемент вышел Г. Райдер Хаггард в своем необычайно точном изображении ани-мы фигурой, названной им «Та-что-требует-повиновения». Эмо-

ции, вызываемые этим нуминозным аспектом бессознательного, действуют через симпатическую или автономную нервную систему, неподвластную контролю произвольных центров или сознательной воле. Поэтому они воздействуют непосредственно на тело, вызывая необычные реакции или ощущения в кишечнике или учащенное сердцебиение. Или же они могут заставить встать волосы дыбом, либо вызвать холодный пот в жаркую погоду.

Реакции такого рода протекают независимо от сознательной позиции индивида, и для того чтобы не поддаться им, часто требуется высокая степень дисциплинированности и внутреннего развития. От способности устоять немало зависит и то неосознанное нечто, которое называется моралью. Ибо ощущения такого типа накатываются на человека там, где он меньше всего защищен. Они могут помешать его здравомыслию или подтолкнуть к совершению необычных действий; они могут обратить его в панику, а в исключительных случаях даже лишить его рассудка. Когда одна из таких фигур осознается и ассимилируется сознанием, ее мана уходит дальше в глубины бессознательного и захватывается, или, скорее, переходит к следующей за ней архетипической фигуре — так, например, анима или анимус приобретают все большую значимость по мере того, как тень включается в сознательную личность.

По-видимому каждый уровень бессознательного представлен архетипической фигурой, олицетворяющей этот конкретный слой и обладающей силой или маной, которая присуща этой психической области. Так может быть констеллирован — активирован приливом энергии — образ Старого Мудреца или Великой Матери, который начнет главенствовать в психологии индивида. Это господство будет продолжаться до тех пор, пока индивид не усвоит ценность, представляемую этой фигурой, и не создаст с помощью ее энергии новую позицию или психическую функцию для интеграции ее в личность. С другой стороны, если он не реализует свои потенциальные возможности, то останется марионеткой архетипических фигур. Например, если функция мышления недостаточно дифференцирована или он особенно не утруждал себя мыслями о жизненных проблемах, то фигура Старого Мудреца будет продолжать нести все потенциальные возможности мудрости или понимания, даже если он достиг того периода в жизни, когда сам должен внести вклад в общую сумму человеческих знаний.

Эта фигура, конечно же, символизирует отца, но имеет больший вес, чем биологический отец: она обладает безличным и неоспоримым авторитетом, аспектом такого рода, который выше описан как нуминозный. Если данная фигура проецируется во внешний мир, как это часто случается, индивида охватывает благоговейный трепет перед ученостью других или же он начинает противиться тем, кто имеет, или считается имеющим, авторитет в интеллектуальной сфере; т.е. фигура мудреца будет чрезмерно сильной и в результате может парализовать усилия индивида, направленные на достижение понимания. Такой человек будет оставаться неуверенным в себе и инфантильным или же будет компенсировать свое несоответствие и неполноценность эгоизмом и безосновательной самоуверенностью.

Кроме того, потенциально великий человек, личность, которой суждено стать лидером в мире идей, в период становления может проецировать архетипический образ Мудреца на реального лидера или учителя либо на какую-нибудь фигуру, существующую лишь в его собственном воображении. Именно в такой роли выступал Заратустра для Ницше, не дожившего, однако, до воплощения в жизнь мудрости, увиденной им в древнем религиозном учителе, с такой убедительностью вещавшем его пером.

Степень власти такой фигуры над молодым человеком служит мерой доступных для него психических ценностей — определенную часть которых он постепенно ассимилирует и реализует в своей личности и последующих жизненных свершениях. Таким образом, констелляция архетипа может означать, что индивид стоит ниже среднего уровня цивилизации, в которой он живет, либо, что потенциально он выше этого уровня, но пока еще не до конца развил все свои достоинства.

Когда архетипическая фигура не проецируется на человека во внешнем мире, а действует изнутри психики индивида, она часто влияет необычным и необъяснимым образом. В таком случае мы говорим, что индивид идентифицируется с архетипом, одержим им или страдает от вторжения бессознательного. При подобных обстоятельствах примитивный человек думает о реальной одержимости духом, демоном или призраком. Такого рода мышление действительно некоторым образом отражает ситуацию, о чем свидетельствует тот факт, что наиболее часто употребляемые в современном языке выражения подразумевают, что человек является жертвой чуждого ему фактора. Даже отбрасывая всю веру

в духов как суеверие, мы продолжаем описывать индивида, находящегося под влиянием архетипа, такими словами, как: «он одержим идеей», «на него что-то нашло» или «с переменной настроения он придет в себя». В действительности же мы говорим, что им временно овладел чуждый дух, который говорит и действует за него. Но существует и определенное различие. Если примитивный человек думает о «духе» как об отдельном существе, призраке или демоне, эльфе, злой фее, блуждающем огоньке или ином персонаже фольклора, современный человек имеет в виду не какое-то вымышленное или призрачное существо, а автономные психические факторы. Однако об их действии тем не менее можно говорить как о влиянии духа, например, воинственного духа.

Множественного числа этого слова, которое звучит для нас слишком персонализированно, мы избегаем.

В своей работе *Two Essays on Analytical Psychology*[^] Юнг описывает, каким образом такая архетипическая фигура, аккумулируя психическую энергию, может активироваться настолько, что прорывается в сознание, вызывая расстройство личности и нарушения адаптации. В частности, он говорит об идентификации с маной Старого Мудреца, приводящей к формированию так называемой мана-личности, и в качестве иллюстрации ссылается на H.G.Wells' *Christina Alberta's Father*. С такой же легкостью он мог бы привести в качестве примера историческую фигуру, например, Жанну д'Арк.

Здесь архетип героя провел человека через массу невероятных испытаний, трансформируя обычную крестьянскую девушку в спасительницу своего народа и поддерживая ее ощущением значимости выполняемой миссии даже в пытках и муках смерти. Или же, если бы эти очерки были написаны пятнадцатью годами позднее (они были опубликованы в Англии в 1928 г.), Юнг мог бы выбрать в качестве иллюстрации Гитлера. В этом случае также никому неизвестный, малообразованный человек стал объектом одержимости архетипической фигурой, проявившейся абсолютно типичным образом. Исступленное ораторское вдохновение Гитлера, совещательные разговоры с собственными внутренними голосами, гипнотическое влияние его личности на толпу — все это характерно для влияния мана-фактора бессознательного.

Когда подобное вторжение из коллективного бессознательного затрагивает только одного индивида, то его результат ограничивается соответственно этой единичной человеческой жизнью и

ее окружением. Но когда одновременно активируется бессознательное многих людей, даже целых наций, то нередко какой-то один человек озвучивает или олицетворяет архетип для целой группы. В результате происходит ломка существующего порядка, и на мир может обрушиться волна аморфной и хаотической энергии огромной силы и динамизма. Таким образом, если затрагивается один индивид, то в худшем случае будет один душевнобольной. Однако если это явление будет иметь широко распространенный, эпидемический характер, то его результатом вполне может стать безумие целой нации. Когда в индивиде в результате какого-то жизненного переживания высвобождается энергия или мана архетипической фигуры, возникает насущная проблема — как конструктивно ее использовать. Если она не будет использована, то непременно реализуется деструктивным, а, возможно, даже губительным образом. Ибо эта энергия представляет необыкновенную и нечеловеческую силу, подобную демону или джинну, вырывающемуся из бутылки, в которой он более или менее надежно был заточен несколько тысячелетий¹⁵. Когда в индивиде пробуждается такой джинн либо вырывается на всемирный простор в результате несоответствия или крушения старых религиозных сдерживающих влияний, то загнать его обратно в бутылку уже нельзя. Как мы помним, Христос использовал эту метафору применительно к проблеме бурлящих волнений своего времени — в этом отношении не очень отличавшегося от двадцатого столетия. В то время в людях пробудился новый дух, который был сфокусирован и интенсифицирован благодаря нетрадиционным и революционным учениям Иисуса. Тогда он сказал, что этот новый дух, это вино, нельзя вернуть обратно в старую бутылку иудаизма; для него нужен новый сосуд. Этим сосудом явилась христианская церковь вместе с ее догмой, которую в последовавшие за смертью Христа столетия постепенно развивали и укрепляли Отцы Церкви, начиная с Павла. Именно этот сосуд христианской формы спустя два тысячелетия в свою очередь, по-видимому, уже оказывается непригодным для удержания духа бессознательного всех людей. Непрестанно растущий рационализм и материализм западной цивилизации подорвал авторитет христианской этики и морали. Действительно, едва ли можно было ожидать, что они выстоят без поддержки лежащего в их основе христианского символизма, «божественный» характер которого обеспечивал их действенность.

Таким образом, фундаментальные христианские верования были во многом дискредитированы. Наблюдался частичный или полный отказ от них по причине необычного и иррационального характера даже в некоторых христианских церквях. Ибо современный научный дух не приемлет доктрины, явно противоречащие здравому рассудку — например, такие как: рождение ребенка девственницей, совмещение трех особей в одном лице, возрождение из мертвых и буквальное вознесение на небесную твердыню, как на парящий в открытом космосе невидимый континент.

Современные ученые, за исключением отдельных психологов, пока еще не отыскали ключ, способный помочь разрешить загадку, т.е. пока еще не достигнуто понимание того, что мистические религиозные формулировки могут относиться и действительно относятся к психологической сфере, а не к внешнему миру. Они служат символами реального содержимого бессознательного. Неспособность современного интеллекта понять этот факт внесла свой вклад в разрушение двухтысячелетнего порядка, позволяя энергии бессознательного — крепкому вину, выступающему одновременно живительным напитком и смертельным ядом — выплеснуться в народные массы, чтобы ускорить их погибель, неся непоправимый вред ценностям человечества. Для того чтобы мир не постигла такая двойная катастрофа, этот сильнодействующий дух, эту энергию, вновь необходимо собрать в емкость, способную удержать его.

В этом состоит задача второй части процесса индивидуации. Когда эта энергия собирается в подходящем сосуде или символе — под «подходящим» я имею в виду тот, который способен надежно удерживать и адекватно выражать ее — такой символ становится центром психики индивида, одновременно источником ее силы и гарантией целостности. Это и центр и вместилище сознательного индивида. Данный парадокс характерен для высшей психологической ценности. Ибо эта ценность всегда находится вне нас, так сказать, в ином измерении; поэтому она непостижима и может быть выражена лишь символом. Представление о том, что Самость выступает одновременно центром личности и ее вместилищем, эквивалентно утверждению о том, что Бог, высшая ценность, является как центром круга, так и его окружностью. Этим теологи указывают на невозможность сказать: пребывает ли Бог в человеке или же он объемлет все, тогда как человек является лишь пылинкой в бесконечности Господа; или, скорее,

заявляют об истинности каждого из положений этого утверждения в зависимости от того, с какой точки зрения данный непостижимый факт рассматривается.

Проблему заключения динамической и безличной энергии в контейнер можно прояснить сравнением психологических условий нашей современной эры, в которой мы наблюдаем как динамизм бессознательного вырвался из сдерживающих его рамок, с теми периодами нашей истории, когда эту энергию вмещал символ. Из них нам, естественно, наиболее знакома христианская эпоха — под которой я понимаю те столетия, когда символизм и ритуал церкви действительно жили, и не только кое-где и для кое-кого, как сегодня, а для преобладающей части населения христианских стран. Бессознательное индивидов адекватно представлялось символическими и ритуальными событиями, снова и снова воспроизводившимися с повторением периодов церковного календаря в течение года. Ибо для мужчин и женщин тех времен их собственную внутреннюю психическую драму разыгрывали персонажи из священного писания. Они действительно ощущали свое обновление на Пасху благодаря участию в ритуале переживания смерти и воскрешения Христа. Они на самом деле чувствовали свое очищение от греха посредством обряда исповеди и отпущения грехов. Для них во время литургии Христос действительно приносился в жертву заново, и, являясь очевидцами таинства пресуществления, они тоже перевоплощались, избавлялись от греха и воссоединялись с Ним. Эти церемонии были не просто выражением не принимаемых всерьез верований, а фактическими психологическими переживаниями, удовлетворявшими бессознательные потребности индивида.

Однако неопосредованное ощущение духа во всей его силе приходило лишь к немногим отдельным личностям. То, что это было внушающим благоговейный трепет переживанием, *tremen-dum*, ясно демонстрируют свидетельства ранних христиан, как например, описания сошествия Святого Духа в Троицын день или видение Павла на пути в Дамаск. Изложено множество подобных переживаний, так что мы имеем возможность прочесть о состоянии святых и мистиков, видения и сновидения которых вызвали наитие или ужас. Лишь позднее эти переживания были сгруппированы под твердо установленными символическими и ритуальными формами, образуя фундамент церкви, обращаясь к которой многие могли найти решение жизненных проблем и

покой для души. Тот факт, что это смогло произойти, служит доказательством всеобщей значимости первоначальных переживаний, несмотря на то, что испытали их лишь немногие. Эти немногие обладали способностью постичь психическую реальность, которая невидимо и нераспознанно присутствовала в бессознательном большинства их современников. Именно эту функцию во все времена выполняли художник и провидец. Но когда содержание нуминозного переживания таким образом организовано и, так сказать, стереотипировано превращением в доктрину и ритуал, неукротимый дух оказывается схваченным, ограниченным и связанным. Многие столетия это ограничение терпелось духом, который мог адекватно функционировать для людей благодаря многозначительным службам христианской церкви. Кроме того, посредством знакомых и широко любимых форм обычный человек мог принимать участие в таинствах, хотя и не понимал их. Таким образом, само это ограничение было достаточным для того, чтобы уберечь индивида от прямого удара неизвестных и ужасающих сил бессознательного. Но в конце концов они вырвались из форм, которые стали бессмысленными. Однако, когда форма отбрасывается, дух при этом не рассеивается и не исчезает. Как пишет американский поэт:

«[Люди] воздвигли стены храмов, дабы запретить тебя,
И четко сформулировали свои жизненные верования,
Дабы отгородиться от тебя.
Но запертая дверь тебя не остановит,
О Дух неугомонный!
Ты свободен,
Как вольный ветер»¹⁶.

Так как нынешний век не имеет никакого коллективного символа, способного удержать динамический дух, каждый из нас, кто вольно или невольно исследует сферу бессознательного, подвержен опасности прямого соприкосновения с этой могущественной и вселяющей ужас силой. К счастью, когда внешняя организация подводит нас, мы не остаемся в полном одиночестве перед лицом этого *tremendum*, ибо работа, проделанная в прошлые столетия лучшими и храбрейшими представителями человечества, оставила в человеческой психике свой отпечаток. Когда сознательная позиция индивида правильна¹⁷, залегающие глубоко внутри архетипы проявятся в полезном обличье, если человек осажден ужасами неизведанного, и сыграют роль посредника между ним и за-

рождающейся угрозой, динамизмом, который легко способен разрушить хрупкое сознание.

Если в такое время человек со всей серьезностью обращается за советом к бессознательному, ему вполне может явиться символ, подобный тем, что в прошлом являлись его предкам — символ, который вберет в себя энергию, угрожающую уничтожить как его самого, так и всю цивилизацию. На пути к конечной цели лежит множество символов; центральный из них Юнг назвал символом индивидуации, или Самостью¹⁸.

Практический поиск индивидуации включает два шага, которые необходимо предпринять сознательным усилием, для того чтобы работа продвигалась вперед. Первый состоит в том, чтобы собрать в *своей* психике все принадлежащее тебе; а второй — в отыскании правильного отношения к безличной энергии, проявляющейся в тебе — в твоих инстинктах и всех тех переживаниях, зарождающихся в тебе или в твоём окружении, которые обладают маной, т.е. способностью взволновать тебя либо пробудить в тебе неуправляемые или компульсивные эмоции.

В реальной жизни эти два процесса необходимо осуществлять одновременно, но иногда ударение ставится на один, а иногда — на другой. За этими двумя шагами лежит третий, который не может быть инициирован сознательным усилием, хотя и осуществляется в результате сознательной работы. Это — трансформация безличной энергии и ее воплощение в символ, «тело», обладающее маной, ранее скрытой в бессознательном. Этот символ становится новым центром психики, Самостью.

Эта ценность соответствует конечному продукту поисков алхимических философов", имеющему множество названий и форм, таких как: *aurum nostrum* («наше золото»), *rotundum* («круглый»), философский камень, эликсир жизни и т.д. В литературе встречается более сотни наименований конечного продукта исканий. Это говорит о том, что обозначаемая ими ценность воспринималась и постигалась интуитивно, но полностью не понималась и поэтому не поддавалась четкому определению. Она всегда представляла собой нечто выходящее за рамки содержания, выражаемого каким-либо из терминов: ибо она содержала в себе неизвестную ману бессознательного, которая безгранична и потому в конечном итоге невыразима.

Для изображения последовательных шагов процесса индивидуации были выбраны три символа — круг психики, мандала и

алхимический сосуд. Они не были выбраны произвольно, ибо, по всей вероятности, каждый индивид, в процессе индивидуации встретит эти три символа в той или иной форме в своих сновидениях и фантазиях. Однако они не обязательно появятся в приведенном здесь порядке и вряд ли будут точно соответствовать описанию.

Существует поистине великое множество форм, в которых могут проявляться основные идеи, отражаемые фундаментальными символами.

Например, круг психики может быть представлен любым круглым предметом либо группой людей, сидящих или танцующих в кругу, или же любым другим из тысячи возможных способов. Мандала, являющаяся всего лишь другим аспектом круга психики, также может быть представлена круглым предметом или, когда подразумевается ее специфическая функция примирения противоположностей, кругом в паре с квадратом, крестом или треугольником. В последнем случае фигуры представляются либо в виде диаграммы, либо как сочетание предметов или объектов, например: квадратная коробка на круглом столе или круглое здание на квадратном поле.

Алхимический сосуд также может быть отображен множеством форм, например, кастрюлей, яйцом или одним из символом матки (количество которых бесчисленно), котлом, кубком, ретортой либо другим химическим сосудом и так далее по всему ряду емкостей, в которых происходит фундаментальная трансформация. Сама трансформация может быть представлена столь же многочисленными способами — идеей приготовления пищи, ферментацией или инкубацией яйца. Она может быть выражена в форме химической или физической трансформации, такой как: осаждение нерастворимой соли, образование кристаллов и т.д. — или трансформациями, символизируемыми религиозными ритуалами, которые, в свою очередь, обычно основываются на естественных явлениях, таких как «омоложение» змеи, сбрасывающей кожу, или превращение гусеницы в бабочку.

Хотя эти символы существенно отличаются и в отношении формы, и в отношении порядка, в котором они являются различным индивидам, подвергающимся анализу, они примерно соответствуют стадиям процесса развития. В действительности первая стадия необязательно завершается до начала второй. Более часто индивид, пройдя одну стадию, переходит к следующей только для

того, чтобы затем снова вернуться к предыдущей и прочувствовать ее более полно, прежде чем следовать дальше. Алхимики, которые, несомненно, испытывали нечто подобное, хотя и воспринимали все в форме проекции на происходящее в своих ретортах, постоянно подчеркивали необходимость повторения процессов собственной работы. Они говорили, например, что процессы растворения и фиксации (вероятно, кристаллизации, а возможно, и сублимации) требуют семикратного повторения.

Согласно Джону Риду «предполагалось, что *при многократном повторении* он [процесс] дает "квинтэссенцию" обрабатываемого материала»²⁰.

Используемый для представления психики круг может обозначать лишь отдельного индивида — «меня», законченного, целостного, обособленного от всех остальных людей. Большинство людей может предположить, что такая схема реально отражает их собственный психический статус. Однако это — иллюзия, ибо в действительности в психической сфере очень трудно определить, что относится ко «мне», а что — нет. Кроме того, многие индивиды немало страдают от ощущения собственной неполноты, как если бы в них отсутствовало нечто, должное иметь место. Другие временами забываются в трясине депрессии или в мнимом душевном подъеме, из которого выходят изнуренными и разбитыми. Третьи чувствуют себя разделенными: такой индивид представляет себя не одной, а двумя или даже более личностями. Четвертые настолько поглощены требованиями внешнего мира или увлекаются интересной и волнующей коллективной деятельностью, что полностью теряют свою индивидуальность; они перестают осознавать, то, что сами думают, а оставаясь наедине с собой, ощущают опустошенность и умирают от скуки. Ни в одном из этих случаев нельзя сказать, что круг реально отражает действительное состояние психики.

Некоторые психологические школы говорят о «Я» или «не-Я» как об априорных категориях, которые не может смешивать ни один нормальный взрослый человек, так же, как он ни с чем не может спутать собственное физическое тело. Правда, дети должны научиться даже этой способности различать, тогда как взрослые иногда могут ее утрачивать. Таким образом, аналогия круга и индивида не всегда имеет силу даже на физическом уровне, где она кажется вполне очевидной. Поэтому неудивительно, что в психологической сфере затруднения и путаница оказываются еще большими.

М.Э. Хардинг

Но давайте на время отвлечемся от отношения личностной части психики к безличной, также называемой «не-Я», для того чтобы сперва изучить внешне намного более простой вопрос: Каковы границы моей собственной психики — где заканчиваюсь я и начинается тот, другой?

Обычно предполагается, что каждый точно знает, что относится к нему, что исходит от него, за что он ответственен. Однако провести разделительную линию между собой и другими легко отнюдь не всегда. Даже в сфере прямого сенсорного восприятия — «увиденного собственными глазами» или «услышанного своими ушами» — часто имеются основания сомневаться. Для иллюстрации этого момента следует лишь расспросить двух-трех «надежных» очевидцев о деталях дорожного происшествия. Младенец даже не отличает свое физическое «Я» от «не-Я», о чем знает каждый, наблюдавший, как ребенок обнаруживает существование большого пальца своей ноги. Его сознание, его способность различать еще не достигли границ его тела.

С ростом зрелого осознания мы начинаем понимать связь с собственным телом, но совсем незначительное ослабление сознания может нарушить даже это ощущение. Данное обстоятельство лежит в основе множества забавных историй о пьяницах. Аналогичным образом состояние рассеянности, в котором случаются совершенно абсурдные промахи, может быть вызвано и поглощенностью какой-нибудь внутренней проблемой. Иногда такие вещи забавны, как, например, расхожая история о пожилом джентльмене, ищущем свои очки, которые восседают на носу. Или же они могут ставить в неловкое положение, подобно ситуации, часто складывающейся в сновидениях, а иногда и в реальной жизни, когда человек выходит из дому, не замечая, что забыл надеть важный предмет одежды. В других случаях рассеянность приводит отнюдь не к забавным ситуациям. Множество несчастных случаев произошло из-за того, что кто-то, грезя, шел, не глядя, куда идет, отдавшись во власть своим автономным функциям, а сам пребывал в затуманенном, мечтательном состоянии. Человека, не научившегося должным образом осознавать себя, люди примитивной культуры считают лишь частично человеком, обладающим животной душой, полученной при рождении, и не имеющим человеческой души. По их представлениям, последняя обретается в результате прохождения племенных церемоний инициации.

На языке психологии можно сказать, что человек, обладающий лишь «животной душой», имеет только соматическое или телесное сознание; обретая «человеческую душу», он получает объект-сознание. Этого состояния требует и добивается Западное воспитание. В нашей экстравертной культуре достигнута очень высокая его эффективность. Но за фактом сознавания объектов стоит вопрос: Кто осознает? Это поднимает проблему самосознания. В подразумеваемом здесь смысле самосознание означает осознание самого себя и роли, которую «Я» играю в наблюдаемом мной происходящем, а также осознание протекающей во мне субъективной жизни, которая связана с внешней жизнью вокруг меня, хотя и независима от нее.

Общество в целом состоит из личностей, находящихся на разных стадиях психологического развития, обладающих сознанием, различающихся не только по уровню и протяженности осознания, но и по характеру. Многие, причем не только необразованные, пребывают в полном неведении относительно сознания собственного «Я». Они могут даже отвергать идею существования отдельно протекающей психической жизни, будучи в то же самое время убежденными в точном знании того, что такое есть «Я» и «не-Я». Другие, достигнув определенного уровня развития, могут обнаружить, что полная уверенность в данном вопросе находится под сомнением, даже если самосознание все еще будет смутным и рудиментарным. Это состояние подобно самочувствию юноши, который отправляется на танцы, приняв для храбрости несколько коктейлей; он стоит у входа в танцевальный зал, и ему кажется, что пол и все танцующие раскачиваются в такт музыке, и он спрашивает себя: «Это я или они?» В том что касается физического «Я» и «не-Я», т.е. на уровне телесного сознания, большинство людей обладает способностью различать. Но даже здесь самоосознание может быть не очень глубоким. Многие женщины замечали, что по щекам у них текут слезы, тогда как сами не осознавали, что плачут. А некоторые люди никогда не могут определить, чем вызвано их изнеможение: болезнью, усталостью или голодом. Изучающим физиологию предлагают провести небольшой эксперимент. Его цель — продемонстрировать относительность собственного наблюдения и убедить в необходимости принятия во внимание того, что удачно названо «человеческим фактором». Эксперимент состоит в следующем: левую ладонь на две-три минуты погружают в холод-

ную воду, а правую в это же время держат в горячей воде; затем обе руки одновременно погружают в сосуд с теплой водой. Возникающие в итоге противоречивые ощущения с потрясающим эффектом демонстрируют ошибочность субъективного ощущения. Между ладонями, погруженными в теплую воду, как бы возникает разногласие. Левая рука заявляет, что вода слишком горячая; а правая категорически возражает, утверждая, что вода холодная. Обе они настолько уверены в своей правоте, что даже термометр вряд ли разрешит их спор. Требуется значительная степень отделения от собственных ощущений, для того чтобы «Я» смогло признать беспристрастное доказательство и осознать, что свидетельство рук может быть обманчивым.

Примеры подобного рода можно приводить до бесконечности. Вместе с тем, для многих людей оказывается неожиданностью, что их способность различать «Я» и «не-Я» на более высоком уровне развита еще меньше, чем на соматическом. Немногие осознают, до какой степени они проецируют свои субъективные реакции и какая часть того, что они наблюдают в окружающем мире, берет свое начало в глубине их собственной психики. Мы смутно видим это в других и все теоретически знаем, что «смотрим на мир сквозь призму собственных очков». Когда человек разочарован или находится в состоянии депрессии, все выглядит мрачным; когда же он счастлив, ему кажется, что солнце сияет даже в облачный день. То, что эти впечатления являются результатом внутреннего состояния, совершенно очевидно в отношении других людей. Но сравнительно немногие распознают такие механизмы в себе настолько, чтобы отвлечься от радостного настроения или уныния и обратить свое внимание в поисках реальной причины кажущейся яркости или мрачности внешнего мира внутрь себя.

Когда неосознанное субъективное состояние полностью проецируется на объект, индивид пребывает в полном неведении относительно источника своей реакции и убежден, что то, что ему нравится или не нравится, является качеством объекта и не связано с ним самим. Простой иллюстрацией служит позиция ребенка, протестующего за обедом: «Мама, почему мы должны есть этот противный десерт?» Ребенок не понимает, что все дело не в сладком, которое по вкусу всем остальным членам семьи, а в том, что это блюдо не нравится ему. Для него ужасна только пища. Но отсюда всего лишь один шаг до ощущения отвращения или неприязни к

матери по той причине, что она подает такую отвратительную еду. Это — начало комплекса преследования в миниатюре.

Легко можно представить, насколько сложно было бы разрешить разногласия, если бы в эксперименте с горячей и холодной водой возражающими друг другу сторонами выступали два различных человека, а не две руки одного индивида. Каждый из них был бы всецело убежден в правильности собственного заключения. Раздражение и общая иррациональность были бы пропорциональны собственной неспособности понять, что личные наблюдения могут быть относительными и, возможно, субъективными. При игнорировании этой вероятности неизбежно будет казаться, что оппонент ошибается, что он необъяснимо упрям или, еще хуже, настроен лишь на противоречие и развязывание ссоры. Просто удивительно, насколько даже рассудительные люди склонны приписывать другим мотив, который вряд ли добровольно признали бы в себе. Обычному человеку редко приходит на ум, что его сознание подвержено подобным ограничениям в том или ином вопросе и что его взгляд на мир и свое окружение ограничен как по размаху, так и по глубине, и довольно эгоцентричен. Для того чтобы увидеть (в психологическом смысле) другую точку зрения, отличную от собственной, требуется особого рода воспитание.

Почти для каждого другие люди живут и существуют, только когда они находятся в непосредственной близости. Тогда свет сознания на мгновение освещает их, но исчезнув из виду, они почти ничего не оставляют в осознании. Конечно же, в мыслях можно помнить об их существовании, воскрешать в памяти, как мы говорим. Можно предполагать, где они находятся и что делают. Но как только сознательное сосредоточение внимания прекращается, они вновь погружаются в полумрак, а, возможно, даже исчезают совсем. Такую ситуацию надлежащим образом обобщила Белая Королева в своем замечании Алисе: «В действительности ты не существуешь, ты — лишь плод моей фантазии!» Выглядит так, словно другие люди, как только мы перестаем смотреть на них, переходят во взвешенное состояние, пока мы снова не вспомним о них, после чего они вновь возвращаются к жизни, подобно героине из сказки о Спящей Царевне. Примером служит сновидение современной женщины, в котором голос произнес: «Они все засыпают в стеклянном ящике». Мы знаем, что они есть, но они ничего не знают, ни о чем не думают и ни на что не влияют.

Свет эго-сознания очень слаб, он мерцает до тех пор, пока не вспыхнет более яркий свет. Одновременно для нас освещена лишь очень маленькая часть мира. Этот символизм настолько верно отражает реальные факты, что каждый, кто когда-либо на время терял сознание, почти неизменно описывает свои переживания, упоминая о тускнеющем свете. Человек говорит: «Все вокруг потемнело», или «Комната растворилась во мраке» — он перенес временную физическую или психологическую потерю сознания. Человек, достигший высшего осознания, представляет смутность эго-сознания как удерживающую индивида в подобном состоянии.

Но когда внутри вспыхивает новое сияние, более яркое, чем свет эго-сознания, то кажется будто бы психика освещается внутренним солнцем и поле психологического видения существенно расширяется²¹. Когда сияет этот свет, больше не нужно сознательное усилие для того, чтобы поставить себя на место другого или вспомнить о нем. Этот другой будет оставаться живым не только для самого себя, но и для того, в ком вспыхнул свет. Ибо солнце одинаково светит для всех людей. И мой собрат четко виден в свете этого внутреннего солнца.

Так как эго ребенка начинает свою деятельность, не обладая полной картиной вселенной и даже своего собственного мира, то ограничено и его психологическое сознание. В ходе развития свет эго-сознания усиливается, но радиус его действия в лучшем случае ограничивается сферой «Я»; неизведанной остается даже значительная часть внешнего мира, доступная познанию, а обширные просторы внутреннего психического царства вообще оказываются неосвещенными. Все выглядит так, как если бы из темных вод бессознательного один за другим появлялись маленькие островки. С развитием сознания они постепенно сливаются, и в результате формируется нечто подобное целостной картине окружающего. Но эта картина не является полной и часто далеко не точна, хотя и выступает признаком довольно высокой степени сознания, позволяющей признать существование пробелов в собственном видении. Чем меньше образован и более ограничен человек, тем тверже он уверен, что знает все обо всем. Этим объясняется предубежденность, столь характерная для бессознательных представлений человека, и та догматичность или фанатизм, с которыми он придерживается их. В противоположность этому культурный и опытный человек более склонен к сомне-

нию, понимая, что его взгляды относительно и что каждый вопрос имеет две стороны. В действительности бессознательные части психики являются, как подразумевает их определение, неизвестными. Данный факт нередко упускается из виду, ибо человеку трудно поверить, что внутри его психики автономно функционируют факторы, о которых ему ничего неизвестно. Индивиду часто тяжело признать их существование в себе самом, даже если их наличие убедительно доказано. Ведь это будет и признанием того, что он не является полновластным хозяином, иницирующим и контролирующим свои мысли, действия и эмоции, а выполняемая им роль, может быть навязана «другим», — неизвестным другим — чье неосознаваемое влияние служит причиной того, что он вместо независимого субъекта оказывается ничего не подозревающим объектом действия. Фактически он может оказаться слугой в собственном доме, а не хозяином. Временами он может подозревать, что является жертвой обмана, обнаруживая, что поступил совершенно не так, как хотел, а возможно, даже противоположно тому, как намеревался.

Бессознательные факторы психики служат не только внутренним скрытым двигателем человека. Они воздействуют на него и снаружи, так как отражаются от окружающих объектов. Всякий раз, когда нечто интересует человека в жизни, притягивает или отталкивает его непропорционально собственной реальной значимости, это нечто несет на себе отпечаток какого-то психического элемента, который ранее дремал в бессознательном, а теперь активировался и начинает заявлять о себе в зеркале мира, где он наконец-то оказывается в пределах досягаемости сознательной психики. Если затем индивид сможет отделить бессознательный элемент от объекта, в котором он отражается, то его можно будет вернуть в психику и присовокупить к сознанию. Такие психические элементы, стоящие за эго в бессознательном индивида, проецируются. То есть отображаются внешне в людях, предметах и ситуациях, обретающих в итоге для индивида значение и притягивающую силу, заимствованную у неизвестных аспектов его собственной психики. Именно этот психологический механизм отражает индуистская концепция майи по отношению к ощущаемому миру. Одним из ее значений является «иллюзия», и для индусского философа наш интерес к внешнему бытию служит проявлением того факта, что некоторые из

наших психических ценностей существуют в форме собственных проекций на окружающий нас мир.

Это явление проекции очень важно, ибо выступает одним из основных способов навязывания сознанию бессознательного содержания. Для человека с выраженным бессознательным окружающий мир может быть даже населен предметами, которые кажутся живыми и способными действовать или разговаривать благодаря силе бессознательного психического материала, проецируемого или, как кажется, присущего им. Термин «проекция» выбран не совсем удачно. Ведь сущность ситуации заключается не в том, что иллюзорно наблюдаемые в другом человеке или предмете факторы, прежде входившие в сознательную психику или принадлежавшие эго, намеренно «переводятся» на человека или предмет, выступающие теперь носителями их проекции. Скорее, в проекциях видится или обнаруживается то содержание, которое «должно быть сознательным», но остается бессознательным, а потому — недоступным сознанию. О людях, носителях наших проекций, мы склонны говорить: «Даже представить себе не могу, что бы я когда-либо так чувствовал или действовал, как он; я никогда бы так не поступил». Тем не менее, сам факт, что индивид считает рассматриваемое поведение несовместимым со своей сознательной позицией и в то же время эмоционально к нему относится, должен заставить его задуматься. Ибо все это — признаки проекции: типичные реакции на психическое содержание, которое мы в себе не осознаем. У детей и людей примитивной культуры так много потенциальной психической энергии остается бессознательной и неас-симилированной, что она оживляет весь окружающий мир. Им кажется, что неодушевленные предметы двигаются, разговаривают и живут своей собственной жизнью, а животные, по их мнению, наделены сознанием и другими человеческими чертами. На феномене проекции основывается психологическая позиция, обозначаемая антропологами как «анимистическая». Через проекцию человек примитивной культуры контактирует с теми элементами собственной психики, которые ему незнакомы и остаются, так сказать, вне него. Когда с ним говорит дерево, сообщая то, что человек с более развитым сознанием распознал бы как собственные мысли, это означает, что он не способен четко формулировать свои мысли; но, тем не менее, он может быть разумным; некоторого рода мышление протекает в нем, но

так как этот процесс бессознателен, его результат озвучивается деревом.

Когда человек из примитивного племени советуется со своей змеей, он совещается с собственным инстинктом. В Древней Греции пророческий ответ на трудный вопрос или мудрый совет в затруднительном положении давал дух предков или какого-нибудь героя, принимая обличье змеи. В более развитом обществе мудрость предков или племенной опыт воплощались в правила поведения, законы, обычаи и исторические заповеди. Но даже в такой общине при возникновении необычных ситуаций могли спонтанно повторяться былые привычки, пробуждаясь из бессознательного в час нужды, и какой-нибудь деревенский провидец или пророк немедленно обращался за советом к своей змее или внутреннему голосу и претендовал поэтому на больший, чем человеческий, авторитет. Такого рода действия, столь характерные для людей примитивной культуры, мы склонны называть суеверными и предполагать, что в нынешнее время давно избавились от них.

Но разве не поступает наш современник подобно человеку прошлого, когда, будучи не в состоянии решить какой-нибудь важный вопрос, обговаривает его с любимой женщиной? Ведь мысли, на которых должно основываться его решение, «приходят» к нему в результате его разговора с ней, хотя собственными знаниями она помочь не может. Откуда же тогда являются полезные и уместные идеи? Очевидно, они должны исходить из собственного бессознательного, скрываясь совсем рядом; тем не менее, они остаются совершенно недоступными сознательному разуму до тех пор, пока он не натолкнется на них в конкретной женщине, воплощающей проекцию анимы и поэтому наделенной мудростью бессознательного. Однако человеку представляется, что источником новых идей является реальная женщина. Тот факт, что они всего лишь отражаются от нее, можно продемонстрировать, расспросив женщину о сущности вопроса. И все равно мужчина может остаться слепым в том, что касается действительной ограниченности ее познаний.

Просто удивительно, как мало мы осознаем, насколько неточен наш взгляд на мир. Практически каждый индивид имеет какое-нибудь психологическое слепое пятно, относительно которого находится в блаженном неведении до тех пор, пока не наткнется на него, и в нем вспыхнут необоснованные эмоции. Возможно, это не очень легко понять в плане психологии, но на

физическом уровне существует аналогичное явление. На сетчатке глаза действительно имеется слепое пятно, и его наличие демонстрирует очень простой эксперимент. Но мы редко замечаем его и не принимаем во внимание в повседневной жизни. Мы автоматически заполняем пробел в том, что находится перед глазами, воображаемым объектом, который согласуется с остальной картиной, или же, двигая глазами, охватываем все поле зрения. Другими словами, мы не видим пустого места. Оно, так сказать, заполняется само собой. Например, находясь перед аудиторией, докладчик наблюдает море лиц. Теоретически ему может быть известно, что где-то в поле зрения имеется пробел, но он не замечает там пустого места, автоматически компенсируя недостаток своего зрения движением глаз. Даже если он будет удерживать глазные яблоки неподвижно и смотреть прямо вперед, то не увидит пустого места в общей картине. Ему будет казаться, что в этой части аудитории люди сливаются воедино. Образно можно сказать, что для заполнения пробела он придумывает дополнительного, совершенно неопределенного человека.

Если перенести это описание в психологическую сферу, можно постулировать, что аналогичный механизм заполняет и область психического слепого пятна, т.е. бессознательного. Можно мысленно представить себе пьесу, обыгрывающую идею этой физиологической особенности, где присутствовал бы негодяй, который постоянно бы маскировался, используя слепое пятно. Это был бы некоторого рода человек-невидимка — незаметный для своей жертвы, но ясно видимый остальными людьми. Однако такая история выглядит слишком фантастической, потому что большинство людей не замечает слепого пятна на сетчатке и привычной компенсации этого недостатка зрения.

Тем не менее, аналогичная драма постоянно разыгрывается в реальной жизни на психологическом уровне. Негодяем в ней выступает бессознательный элемент психики индивида, навязывающийся в форме проекции. Ибо все бессознательные психические факторы автономны и имеют выраженную тенденцию персонифицироваться, действуя как частичные души, маленькие личности. Сказанное будет справедливо и в отношении тени, анимы или анимуса и мана-личности.

Любая из этих фигур может играть роль негодяя, скрывающегося от своей жертвы, но остающегося видимым всем остальным. Естественно, такая ситуация может явиться причиной серьезно-

го недоразумения. Но это ничто, по сравнению с неразберихой, неизбежно возникающей, когда совпадают области, соответствующие психологическим слепым пятнам двух различных людей. В таком случае каждый из них будет принимать за негодяя, совершающего подлости, другого. Все либидо обоих будет направлено на возложение вины, и ничего не останется на разрешение ситуации. Если бы только противники смогли понять, что в игре действительно участвует негодяй, но при этом ни один из них «водящим» не является, то можно было бы что-нибудь сделать для устранения недоразумения. Однако они настолько поглощены взаимными упреками или так подавлены горечью несправедливых подозрений и обвинений, что совершенно не видят реального негодяя и поэтому даже не пытаются поймать его или предотвратить его подлые выходы.

Я употребила здесь термин «водящий» по аналогии с тем, как он используется в детских играх. Дети не останавливаются, для того чтобы что-то проанализировать или задаться каким-то вопросом, а совершенно простодушно живут своими фантазиями. В результате их речь, особенно употребляемая в играх, часто обнаруживает скрытую психологическую реальность. Например, этот «водящий» из детской игры, представляет собой довольно полезное определение. В игре в пятнашки или жмурки игроки по очереди становятся «водящим»; они носят эту кличку как одежду, которую можно передавать от одного к другому. Она присваивается одному из игроков — «Ты — водящий!» — и его начинают избегать или бояться. Все остальные прячутся от него или с криками разбегаются, как если бы он был могущественным и злым чудовищем. Но когда он избавляется от этой роли, передавая ее другому, то теряет свои исключительные качества и его снова принимают в качестве рядового члена группы. И так как все дети ясно понимают разницу между индивидом в собственном лице и исполняемой им ролью, то после передачи этой роли другому у ребенка не остается никакого остаточного ощущения пребывания «водящим». Если бы только мы могли следовать этому примеру во взрослой игре в прятки, где «водящим» выступает бессознательный фактор, вмещающийся в сознательные человеческие взаимоотношения, то это существенно облегчило бы нашу жизнь. Чтобы локализовать данный фактор, Юнг предлагает придумать персонификацию для этого невидимого носителя вреда или зла, нечто наподобие детского «водящего». Такая пер-

сонификация должна иметь форму существа, которое все посвященные воспринимали бы как атрибут лишь психологической реальности — «злой дух» или «ведьма».

Участники некоторых народных ритуалов изливают свой гнев на человека, выступающего носителем проекции невидимых злых сил. В действительности — это попытка изгнания демонов зла посредством отделения их от жизненной ситуации и столкновения с ними в рамках ритуала. Тем самым их деструктивные потенциальные возможности отводятся от человеческих жизней и взаимоотношений. Но участники такого ритуала могут не знать реального значения своих действий. В результате, иногда из-за непонимания его цели, ритуал задуманный как экзорцизм, вместо этого не дает угаснуть негодованию и гневу, связанному с воспоминаниями о причиненном зле, «требующем» отмщения на личности козла отпущения.

К ритуалам подобного рода относится сжигание чучела какого-нибудь давно умершего врага общества, например, Гая Фокса в день годовщины раскрытия «порохового заговора» в Англии. Иногда, если недовольство широких масс в стране растет, это событие используется для того, чтобы дать выход текущей социальной или политической враждебности. С этой целью чучелу присваивается имя и придается облик какого-нибудь живого врага. В этом случае толпа обычно удовлетворяется символической мстью. Но механизм, лежащий в основе компульсивной и неистовой страсти, охватывающей обычных здравомыслящих и законопослушных граждан под влиянием настроения группы, очень сходен с механизмом, лежащим в основе намного более зловещего ритуала линчевания. Жертва линчевания может иметь лишь отдаленнейшую связь с преступлением, которое столь ожесточенно и незаконно отмщается. Тем не менее, для толпы одержимых духом она немедленно становится демоном или дьяволом. Пробуждение этого духа в современную эпоху основывается на том же самом психологическом импульсе, который побуждал древних греков приносить в жертву пшеничного человека в период сбора урожая. Вместе с тем, ритуалу сжигания Гая Фокса в качестве дьявола присуще большее понимание фактического небытия этого персонажа, чем в случае пшеничного человека в Древней Греции, сжигания ведьм в период Средневековья или обычая приписывать все мировое зло Сатане, который большинству не только простых, но и образованных людей представлялся реально существующим.

Если бы сегодня, обладая знаниями о психологическом характере таких сил, мы смогли бы научиться создавать форму, эквивалентную образу дьявола, Гая Фокса или гремлина летчиков (осознавая при этом, что мы делаем), то наши личные демоны уже не смогли бы преследовать нас незамеченными, готовыми при любом удобном случае заявить о себе посредством недоразумений и других необъяснимых разногласий, которые так часто мешают человеческим взаимоотношениям. Ибо они были бы изолированы, подавлены и заточены для дальнейшего изучения на досуге.

Простого освобождения от демонических сил, которые могут катастрофически мешать пониманию любой конкретной ситуации, недостаточно. Этот шаг действительно поможет получить нам беспрепятственный обзор личностной сферы. Однако аналогично тому, как возбуждение и интерес детской игры зависит от функции «водящего», без которого не было бы самой игры, так и для взрослых смысл жизни и значение ее глубоко чарующих и увлекающих элементов определяются скорее незавоеванными, неизведанными и неизученными уголками психики, безличной сферой, чем очевидными, понятными и освоенными областями. В игре эффект и *порыв* зависят от «водящего», ибо здесь игроки имеют дело с неизвестным, безличным. Возможно, это безличное сверхъестественно, но оно увлекает, чарует, возбуждает и даже немного пугает, — как в игре в жмурки или прятки — так как несет на себе отпечаток того неизведанного качества, которое относится к вотчине богов и демонов. Это — нунен, *tremendum*, одновременно пугающий и очаровывающий, внушающий благоговейный страх и бесконечно желанный.

Для своего совершенствования индивид сперва должен распознать психические элементы, пребывающие вне психики в проекциях, способных так сильно притягивать его и вызывать любовь или ненависть. Когда в какой-то жизненной ситуации пробуждается безличный фактор, и индивид распознает его сущность, он сталкивается с проблемой отделения элементов собственной психики от проекций, в которых они скрываются. Когда это будет сделано, останется подчинить себе безличную энергию, «дьявола». Если с этой энергией, уже не связанной проекцией, соответственным образом не разобраться, то она сможет свободно и беспрепятственно творить зло, как в притче о человеке, из которого изгнали дьявола. В ней говорится о нечистом

духе, вышедшем из человека и бродившем по безводным местам. Вернувшись обратно, он обнаружил, что его прежнее место обитания свободно, выметено и убрано. И тогда он пригласил к себе жить семь других духов, еще злее, чем он сам²². Другими словами, если человек не берет на себя ответственность за обитателей собственного психического дома, им завладевают, подобно армии демонов, безличные элементы.

Психика индивида — это не простая, однородная сущность. Скорее, она представляет собой обширную область, организованную сферу; относящиеся к ней элементы характеризуются некоторым сходством. Однако эта организация может быть очень расплывчатой или даже вообще незаметной. Кроме того, сфера психики индивида простирается во всех направлениях от искры света, называемой «Я», — во внешний мир, через связи с семьей и друзьями, деловыми и социальными кругами, и далее, через вовлеченность в национальные и международные дела; и во внутренний мир, где протекает субъективная невидимая жизнь, подвергающаяся влияниям психологического характера, не менее реальным, чем физические. В последние годы мы поневоле стали свидетелями мощи психологических факторов. Ее продемонстрировали нам «война нервов» и организованная пропаганда, нацеленная воздействовать на мораль (тоже относящуюся к психологическим качествам) не только посредством ложной или истинной информации, которую она предлагает для сознательного рассмотрения слушателю, но в еще большей мере посредством влияния на бессознательное²³. Индивид может абсолютно не знать, какие психологические влияния воздействуют на него, так как они проявляются лишь в сновидениях, фантазиях, настроениях, навязчивых идеях или даже физических симптомах, которые сами иницируют.

Таким образом, психика индивида представляет собой неопределенную формацию неизвестного состава и протяженности. Для того чтобы ее объединить (или индивидуализировать, если пользоваться юнгианской терминологией), необходимо, в первую очередь, определить ее границы. Затем все, что относится к психике, должно быть сведено в рамки этих границ. И наконец, должен быть установлен центр, который может контролировать функционирование всей структуры.

Всякому индивиду, не изучавшему специально этот вопрос, протяженность его собственной психики в том, что касается

внешнего мира, известна лишь весьма приблизительно. Так как эта протяженность увеличивается, по крайней мере, в течение первой половины жизни, само определение внешних границ психики оказывается трудной задачей, требующей не только многих лет для решения, но и настоящей, глубокой приверженности, ибо она включает необходимость отдачи всего запаса потенциальных энергий индивида, как для дела всей жизни. Кроме того, даже если индивиду удастся точно определить размах своих психологических интересов, останется проблема выяснения того, какая часть интересующих его вещей относится к собственной психике, а какая — к другим людям, задействованным в этой же ситуации.

В своей повседневной работе в качестве психоаналитика я постоянно сталкиваюсь с доказательством сложности такого разграничения. Однако когда ко мне обращается индивид, разрываемый неразрешимым для него конфликтом, угрожающим его адаптации или здоровью, я указываю на противоречащие элементы в его истории и сообщаю, что он внутренне разделен и должен восстановить свою целостность. Я говорю, что он может быть целостным, даже если конфликтующие элементы останутся, и эта процедура вызывает немедленную реакцию и приносит облегчение. Индивид снова может заняться проблемой того, как собрать разрозненные части своей психики и объединить их. Если сказанное справедливо в случае индивидов, почти достигших предела своего терпения, то для других, не столь сильно поджимаемых обстоятельствами, попытка достичь целостности, пока имеется возможность, а жизненные невзгоды не довели до крайности, была бы намного более ценной. Эта связанная с внешней жизнью задача, как бы трудна она ни была, не идет ни в какое сравнение с задачей определения границ внутренней или субъективной протяженности психики, ибо здесь последняя до бесконечности простирается в темные районы бессознательного. Однако задачей обретения целостности, какой бы сложной и почти невыполнимой она ни казалась, пренебрегать нельзя. Большинство людей инстинктивно понимают, что целостность необходима для психического здоровья, тогда как разобщенность и раздробленность означают болезнь и страдания. Поэтому некоторые люди чувствуют необходимость сознательно заняться процессом индивидуации, даже если нет уверенности в успешном его завершении. Однако, когда начало положено, помощь приходит с совершенно неожиданной стороны, а именно —

М.Э. Хардинг

из самого бессознательного. Ибо в сновидениях, фантазиях и других продуктах деятельности бессознательного начинают появляться символы целостности, указывающие путь, по которому необходимо следовать, даже если он ведет к неизвестной цели.

Таким образом оказывается, что поиск целостности соответствует архетипической направленности, присущей психической структуре человека. Эта направленность сродни инстинкту и, так же, как инстинкты, способна указать путь, по которому необходимо идти развивающемуся субъекту. Инстинкт ведет к цели, хотя индивид, в котором он действует, может совершенно не знать, что это за цель. Инстинкт новорожденного младенца заставляет его выполнять сосательные движения при приближении груди. Прежде ребенок никогда не сталкивался с такого рода деятельностью. В течение всей внутриутробной жизни питание поступало к нему с током крови, но теперь, наученный внутренней мудростью, он предпринимает собственную попытку насытиться не старым, а новым, еще неиспытанным методом. Это слепое усилие, хотя и кажется слепым, начинает процесс, шаг за шагом ведущий к цели в виде независимого существования. Такой же слепой кажется и архетипическая направленность на цель в виде целостности или индивидуации; ибо индивид может не знать, и обычно не знает, ни цели, ни пути, ведущего к ее достижению.

В приведенном выше примере бессознательный ребенок не может ни способствовать, ни помешать инстинктивному процессу, направленному на обретение независимой индивидуальной жизни. Аналогичным образом и взрослый не может ни содействовать развитию психики, ни замедлить его, если не сумеет отыскать какой-нибудь способ ознакомиться с внутренней направленностью, с которой он потом сможет взаимодействовать. Если вдобавок ему удастся хотя бы смутно представить картину искомой цели, то он сможет взаимодействовать более эффективно. Однако, если он не пожелает подчинить заранее сложившиеся идеи инстинктивной мудрости, присущей его собственным психическим законам, то, вероятно, обнаружит, что попытки согласовать их лишь вносят сумятицу и извращают дело. Чтобы избежать такого рода бесполезного вмешательства, он должен быть готов серьезно отнестись к спонтанно возникающим внутренним импульсам.

В процессе индивидуации значительная часть работы должна быть проделана с той частью психики, которая сталкивается с

внешним миром, ибо именно она доступна сознанию. В ходе определения внешних границ параллельный процесс протекает и внутри психики. Постепенно проясняется проблема очерчивания внутренней протяженности, и в результате начинается консолидация или кристаллизация центральной области. В итоге индивид, занятый этой работой, начинает ощущать формирование внутри себя психического тела, обладающего определенной массой и плотностью, что предшествует появлению настоящего центра. Этим центром, несомненно, является не эго, связанное только с сознательной психикой. Кроме того, поскольку психика отчасти бессознательна, настоящий центр тоже должен оставаться неизвестным, даже если сознательное эго знает о его наличии и влиянии. По мере того, как сознательное «Я» все сильнее и сильнее убеждается в верности и неоспоримости суждений этого истинного центра, оно со все возрастающей уверенностью обращается к нему.

Таким образом, цель состоит в нахождении этого центра, или скорее в его пробуждении — я не решаюсь употребить слово «создание», так как оно могло бы вызвать ошибочное представление. Это — центр совершенно нового типа сознания, абсолютно отличного от эго-сознания, свет которого похож на отблеск свечи, тогда как свет нового сознания — далеко простирающийся и безличный, подобный сиянию солнца. Однако прямо добиваться этой цели волевым намерением нельзя, ибо она переплетена с факторами и процессами, которые являются бессознательными и остаются вне контроля эго. Но на ранних стадиях работа связана с той частью проблемы, которая находится в пределах компетенции сознания, и потому должна выполняться как сознательная задача.

Таким образом, первая проблема заключается в определении протяженности и пределов психики или, выражаясь проще, в определении границ себя. Индивид устанавливает свою внешнюю границу, определив, насколько далеко простираются его интересы, когда их не сдерживают искусственные препятствия и ограничения наподобие тех, что налагаются, с одной стороны, семьей, моральными нормами поведения или существующими обычаями, и с другой — внутренними убеждениями, исходящими из его собственного бессознательного и сформулированными анимой либо другими архетипическими фигурами. В ходе анализа субъекта постоянно просят определить в том, *что он в действительности хочет сам*, ибо только таким образом он может на-

учиться понимать себя. Ключ к реальной сущности и величине предоставляет не принятие желаемого за действительное, а активное желание, способное выдержать столкновение с реальностью и увлечь индивида настолько, что тот все усилия направит на реализацию желания, а оно будет поддерживать его во всех трудностях и разочарованиях, встречающихся на пути к достижению.

На протяжении этой стадии аналитической работы индивиду придется экспериментировать со всевозможного рода вещами, многие из которых не являются частью его личности. Но до тех пор, пока у него не будет сохраняться тайное желание сделать что-то, всегда запрещавшееся ему, либо быть кем-то, кем он никогда не осмеливался пытаться стать, или пока он будет таить в себе злобу в связи с тем, что ему было отказано в этих вещах, он не сможет познать себя. Необходимость экспериментировать может оказаться весьма утомительной как для него, так и для окружающих, но она служит частью платы за становление индивидуальностью. Кроме того, хотя такое экспериментирование достается дорогой иеной, оно может принести большую награду. Осмеливаясь добиться личной свободы, индивид может не только избавиться от невидимых уз и ограничений, но и обрести ощущение счастья и новой силы, что имеет огромное значение. Он чувствует себя заново рожденным.

С продвижением работы постепенно открываются основные пределы энергий и желаний индивида — границы, кажущиеся естественными и нормальными, в рамках которых он может функционировать без ощущения парализующих ограничений или разочарований. Таким образом, всякая крайность, несущая угрозу в ходе экспериментальной стадии, заключается в соответствующие границы, и вследствие этого обретается новая свобода, увеличивающая творческие силы психики, а не рассеивающая их.

В течение этой фазы аналитической работы почти несомненно будет обнаружено (если с самого начала именно это не являлось причиной проведения анализа), что желаниям индивида противостоят противоречивые установки и стремления, имеющие такое же, если не большее, значение. При возникновении таких конфликтов в повседневной жизни они обычно разрешаются выбором того или иного образа действия и вытеснением противостоящего желания. В относительно несущественных вопросах это может сработать, по крайней мере один раз, но этим проблема не разрешается, так как вытесненное желание продол-

жает жить в бессознательном и будет выискивать всякого рода тайные пути своего удовлетворения без ведома или согласия сознательного «Я». А энергия, которой наделен импульс, представленный силой желания, связанного с ней, окажется потерянной для сознательной части психики, так как эта энергия будет погружена в бессознательное вместе с вытесненным содержанием. В результате индивид ошущает себя разделенным: он не может исполнять выбранную роль с полной отдачей, он не может отдаться ей целиком, и его интерес, естественно, угасает.

Когда в ходе анализа индивид начинает изучать свои естественные границы, эта вытесненная предрасположенность, несомненно, снова появится в сознании, и опять возобновится конфликт между ней и избранным путем. В некоторых случаях вытесненное желание настолько расходится с характером индивида, что он может сдерживать его силой воли без повторного отрицания или вытеснения. Когда ситуация не имеет существенного значения, естественные желания индивида, касающиеся еды, личного имущества, удовлетворения сексуальных потребностей или признания его личности, могут сдерживаться, принимая во внимание чувство уважения к другим людям или справедливую или беспристрастную оценку ситуации. Однако при этом все же придется ассимилировать неприемлемую часть психического материала, с которой индивид отказывается жить открыто. Но когда естественное желание имеет большее значение и затрагивает индивида глубже — когда в дело вовлечен инстинкт и активизируется демоническая или безличная энергия, присущая фундаментальному влечению — конфликт, между первичной потребностью индивида и его цивилизованными привычками и правилами поведения может обостриться. Чтобы не произошло внутреннего раскола, возникает крайняя необходимость в примирении двух желаний. Конфликт такого рода склонен пробуждать различные более или менее сильные эмоции: гнев, ревность, ненависть и т.д. — ибо, как указывает Юнг, «страстная эмоциональность ... предшествует признанию содержимого бессознательного»²⁴, т.е. эмоциональные взрывы обычно происходят в случаях недостаточной адаптации, обусловленной бессознательным. С этой проблемой связан символизм мандалы²⁵. Индивид начинает выяснять пределы своей сущности, продолжая применять метод исследования своих импульсов и желаний. Он дает полную свободу размаху желаний и определяет их

фактический предел. Он подвергает испытанию свои мечты и вырастает из инфантильного состояния «человека надежды» в «человека реальности».

В ходе этого развития, требующего годы усилий, человек — скорее раньше, чем позже — почти неизбежно окажется в ситуации, когда его желания и возможности вступят в противоречие с желаниями и возможностями другой личности или с внешней реальностью, мешающей естественному самовыражению. Он не может двигаться вперед или претендовать на место в жизни без вызова со стороны реальности. Такие ситуации встретятся как в объективном мире, так и в субъективной жизни. В объективном мире он может обнаружить, что положение, к которому стремился, уже занято другим, что предприятие, в которое он вложил деньги и усилия, терпит крах из-за непредвиденного фактора, что кто-то опередил его исследования, что любимая женщина выходит замуж за другого; или, возможно, болезнь или смерть угрожают исполнению желаний.

Неприятности можно перечислять до бесконечности, проходя через весь спектр всех возможных разочарований в этой брэнной жизни. В субъективной сфере индивид тоже скоро обнаруживает, что он — не единственное главное действующее лицо: его воля, желания, ощущение значимости собственного эго могут противоречить требованиям другого. Как будто психический мир заполнен занимающими пространство сущностями, аналогично тому, как физический мир заполнен осязаемыми телами. В одних областях эти сущности малочисленны и разбросаны, в других — густо теснятся группами. Там, где они малочисленны, границы индивида должны определяться по самой дальней точке размаха его интересов; там же, где они тесно сгруппированы, его границы оцениваются как приближающиеся к линии контакта со своим соседом.

Картина, воспроизведенная на вкладной иллюстрации XIV, была нарисована женщиной в процессе анализа. Когда создавался рисунок, она была поглощена проблемой, связанной с тем, что ее многочисленные жизненные интересы столь настоятельно требовали внимания, что она начала теряться среди множества собственных забот. Следовало ли разорваться на кусочки, отдавая часть себя одному интересу, а часть — другому? Она чувствовала, что если допустит это, то окажется разбитой и расколотой на части, потеряет связь с самой собой. И тогда ей явилось видение того, как все должно быть. Она увидела круг с множеством пере-

секающих его других кругов и принялась размышлять над геометрическим методом определения центра круга с использованием касательных в ряде различных точек. Ее настолько заинтриговал скрытый психологический смысл этой идеи, что она отобразила свою проблему в рисунке. Круги, заполняющие все поле, символизируют круги интереса. Большой круг, охватывающий несколько меньших, представляет естественную сферу интересов этой женщины, внешнюю протяженность ее психики. Круги в рамках большого круга символизируют различные области жизни. Более крупные из них, окрашенные в оригинале картины, представляют функции ощущения, мышления, чувства и интуиции, дающие доступ к четырем категориям знания мира; остальные представляют иные области интересов — семью, работу и др.

Этот рисунок одной деталью отличается от привычных мандал организованных религий — например, тех, которые используются в буддизме как *янтр*^с — так как главный круг рисунка пересекается с другими, полностью не входящими в него. Это обстоятельство отражает проблему, волновавшую автора рисунка. Круги, частично входящие в основной, представляют множество интересов, которые, как казалось, посягали на ее индивидуальность. Совпадающие сегменты расцвечены; т.е. эти области отличаются цветом и эмоциональным интересом, ибо с ними соприкасается психика. Цвет, выходящий за основной круг, отмечает психический материал, пока еще воплощенный в объектах, людях и ситуациях вне психики, указывая на проекции, требующие ассимиляции.

Когда меньшие круги представляют других людей, то в области наложения могут возникать сложности, которые могут заключаться в эмоциональной вовлеченности положительного характера (любовный роман); или же могут принимать форму спора, соперничества либо иной отрицательной или силовой вовлеченности. Подобные ситуации составляют то, что может быть названо спорными моментами: в такие моменты может происходить расширение сознания. Определить собственные границы без указанных моментов более сложно.

С другой стороны, до тех пор пока какая-то часть собственной психики индивида пребывает или кажется пребывающей в другом человеке, индивид не будет свободен, а будет связан с этим человеком и ситуацией. Ибо они вмещают часть его самого, самостоятельно контролируют и манипулируют ею. Или кажется, что они

делают это; когда они дергают за веревочки, индивид вынужден танцевать, хочет он того или нет. Это напоминает ситуацию с великаном из сказки о Златовласке. Великан, злобный людоед, ловил маленьких детей и держал их в своем замке, для того чтобы съесть на досуге. Но Златовласка и ее брат убежали. Они отправились в страну людей-пауков (матерей) и получили от самого главного паука сердце великана, оставленное в стране пауков на хранение. Дети положили его в сумку и каждый раз, когда людоед угрожал кому-нибудь из них, выжимали немного паучьего сока на сердце, и великан в приступе сильнейшей боли падал на землю. Усмиряя таким образом великана, они освободили всех детей из замка и избавились от тиранства злого людоеда. Здесь мы имеем картину результатов проекции. Великан оставил свое сердце на хранение матери, но оно было украдено златокудрой девушкой — т.е. он влюбился в девушку, ставшую носителем проекции его анимы. После чего она обрела полную власть над чувствами великана и могла подчинить его себе, используя его сыновнюю привязанность к матери (символизм паучьего сока), которая теперь перешла на нее. Но вернемся к обсуждаемому рисунку. Если представленные в цвете проекции изъять из прилегающих кругов, то осложнения, обусловленные психологической вовлеченностью, разрешатся. Результатом будет, по крайней мере теоретически, постепенное возвращение всего цвета в основной круг. Однако мы не должны делать вывод, что для человека, полностью осуществившего процесс индивидуации, мир становится бесцветным. В некотором смысле это, наверное, так, ибо бодхисатва — как буддисты называют такого индивида — по определению является человеком, абсолютно свободным от иллюзий мира. Вместе с тем такой индивид сохраняет глубокую озабоченность благополучием человечества, выражающуюся в безграничном сострадании. Для нас, конечно же, это всего лишь теоретическая цель; но важно понимать, что индивидуация, даже в той ограниченной форме, в какой человек надеется ее достичь, не делает его безразличным к миру, хотя характер вовлеченности меняется. По мере постепенного распознавания и ассимиляции проекций характер отношения индивида к миру претерпевает глубокую перемену. Идентификация с объектом, *participation mystique*, основывающаяся на проекции, рассеивается, а установка и реакции по отношению к другим людям и ситуациям становятся более свободными и

объективными. Индивид больше не пребывает в полной власти поступков и настроений другого; источник его собственных чувств теперь располагается в нем самом. Он стал самостоятельным, а потому, в подлинном смысле слова, хозяином самого себя.

С помощью схемы женщина описала представленный выше понимание своей проблемы. Она предположила, что расщепленности на множество маленьких частей обусловлено числом интересов, настоятельно требующих ее внимания. Однако, нарисовав схему, она поняла, что власть над ней исходит не от них самих, а от ее собственных проекций.

Следовательно, если она сможет изъять эти проекции, то не только освободится от рабской зависимости, но и окажется обогащенной.

Идея цветовыделения в рисунке выражает представление о том, что психика простирается настолько, насколько могут простираются интересы человека. Однако здесь также следует принимать во внимание качество интересов. Когда Г.К. Честертон сформулировал вопрос: «Действительно ли наши интересы шире, чем у наших отцов или они просто более поверхностно растекаются?» — он имел в виду все поколение, но данный вопрос уместен и здесь. Интерес, являющийся праздным любопытством, не будет способствовать психологическому развитию. Для этого требуется интерес, имеющий такое жизненно важное значение, что для его удовлетворения мы были бы готовы пожертвовать временем и усилиями, и сохраняли ему верность даже в том случае, если поначалу успехи мало воодушевляли бы нас. Вероятно, необходимый нюанс воплощает в себе тот смысл, в котором слово «интересует» употребляется в бизнесе у нас, в Америке. Когда бизнесмена спрашивают: «Тебя интересует это предложение?» — он понимает этот вопрос как означающий: «Ты готов отдать этому делу свое время, внимание и даже деньги, продолжить его и заставить принести прибыль на вложенный капитал — т.е. включить его в сферу собственных интересов и в некоторой мере в свою реальную жизнь?»

Именно в этом смысле с акцентом на серьезности намерений и ответственности человек должен спросить себя, каковы пределы его интересов. Мы можем быть уверены, что все интересы и занятия, затрагивающие человека настолько серьезно, что он не изменяет им, несмотря ни на какие препятствия, вмещают нечто, необходимое для того, чтобы психика человека стала целостной.

Вещи, представляющие в этом смысле наши интересы, как правило, будут интриговать нас и вести вперед с той поглощенной-

тью, что выступает одной из величайших радостей бытия. Они привлекают нас, делают легкой работу с ними и помогают стойко переносить превратности судьбы. Например, если индивида интересует садоводство, он с удовольствием занимается им, невзирая на сопутствующую боль в спине. А возможно, его увлекает какой-то интеллектуальный вопрос, и он не жалеет часов, проведенных за книгой. Или же, может быть, предметом его мечтаний служат древние руины, о которых он читает; они сняты по ночам, до тех пор, пока не наступает возможность отправиться исследовать их лично; в этом путешествии ни жара, ни дождь, ни усталость не могут испортить получаемого удовольствия. Подобными интересами мы все, скорее всего, занимаемся спонтанно, если удастся избавиться от традиционных сдерживаний, увещающих нас, что добропорядочный гражданин никогда самозабвенно не занимается более чем одним делом и увлекается каким-нибудь хобби или призванием лишь умеренно. Так как соблазн здесь положительный, мы всегда, если осмелимся, поддаемся ему. Но есть и другие вещи, касающиеся нас — дела, в которых мы не так охотно прислушиваемся к зовущему нас голосу, настоятельные вопросы, вторгающиеся в нашу жизнь в не приятном виде.

Бывает так, что однажды человек ложится в кровать и пытается настроиться на сон. Тьма и забвение должны окутать его. Но вместо этого, в другой части комнаты как бы вспыхивает свет, и отложенные днем интересы и заботы начинают вновь волновать и требовать внимания. Какой-то вопрос, якобы решенный, требует пересмотра, и нельзя отделаться доводами, казавшимися столь убедительными при свете дня. Разрешенный небрежно конфликт, работа, оставленная на самотек со всем знакомой отговоркой: «Конечно, это необходимо сделать так-то и так-то», друг, проблема которого удостоена лишь небрежным выражением сочувствия, какая-то придирка, вырвавшаяся в спешке дня — все это выходит из тени. Человека одолевают мысли, приходящие как бы извне. Они текут сами по себе, функционируют так, как если бы жили своей собственной жизнью, и кажутся абсолютно самостоятельными. Они не дают человеку заснуть. В таких противоречиях мы реально сталкиваемся с ситуацией из детской истории про то, что, как только дети засыпают, игрушки выходят из своих коробок и начинают жить собственной жизнью. Их любовь и ненависть, ссоры и дружба разворачиваются ночью, когда дети бездеятельны и беспомощны. Вся жизнь и

энергия теперь в распоряжении игрушек, и они не всегда играют роли, отведенные им детьми. Они больше уже не послушные марионетки своих маленьких хозяев — в этом ночном мире они имеют собственное мнение, которое может быть крайне осуждающим по отношению к людям, считающим себя такими полновластными. Когда дети просыпаются, игрушки тихо прячутся обратно в коробки и терпеливо позволяют играть с ними в детские игры, пока опять не наступит ночь и они снова не сбросят рабские оковы.

Но каким же образом игрушкам дана эта жизнь? Откуда она берется? Когда дети взрослеют и покидают родной дом, большинство игрушек умирает. Возможно, одна-две из них сохраняют в себе некий слабый живой дух, но большей частью они превращаются просто в дерево, олово и краску. Ибо оживляющая их энергия ушла вместе с повзрослевшими детьми и теперь ею наделен иной набор «игрушек». Оловянного солдатика заменил мотоцикл или бейсбольная бита, которые, в свою очередь, обретают собственную жизнь; кукла с розовыми щечками и золотыми волосами живет в случайном воплощении в косметичке и зеркале своей маленькой хозяйки. Но, как правило, значительная часть этого либидо задействуется в сфере деятельности и мечтаний, требующей изучения и заполнения интересом; тогда как оставшаяся часть, не используемая, возможно, непригодная для использования в повседневной жизни, ускользает за завесу бессознательного. Жизненную силу игрушек питала энергия их владельцев: это был психический материал, который мальчики и девочки пока еще не впитали в себя.

И когда в ночное время взрослый человек обнаруживает, что некоторые вещи пробуждаются, начинают говорить и не позволяют заставить себя замолчать, он может быть уверен, что этот голос исходит от частицы его собственной души, обосновавшейся в человеке или ситуации, которые будоражат его и нарушают ночной покой. Если он не будет решать проблему лишь поверхностно, а воспользуется происходящим как возможностью выяснить, какая часть его души замаскировалась подобным образом, то это будет творческим вкладом в определение собственных границ. Одновременно объективная ситуация очистится от того неоднозначного фактора, который в действительности относится к психике индивида, и разрешение внешнего конфликта значительно упростится. Когда это очищение будет осуществлено.

конфликт сможет выполнить свою реальную функцию, а именно: функцию нахождения определенных психологических точек, отталкиваясь от которых можно приступить к поиску центра психики.

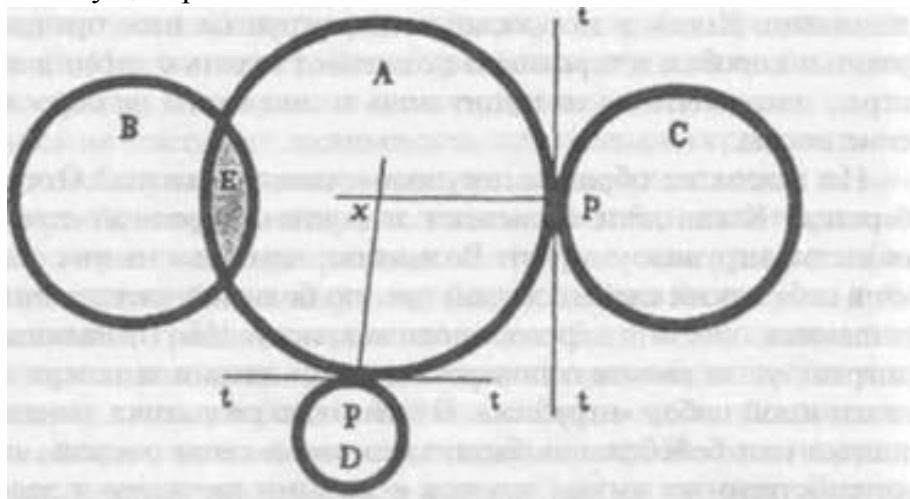


Рис. 12. Схематическое изображение психической вовлеченности
A — психика субъекта
tt — касательная к A и C или к A и D (линия беспристрастного суждения)

B, C, D — объекты интереса, с которыми сталкивается психика

rx — перпендикуляр к касательной (линия силы, представляющая иррациональную эмоцию)

E — область вовлеченности

p — точка контакта (предмет обсуждения)

x — центр психики

Это была вторая часть инсайта, полученного женщиной, автором рисунка. Размышления над кругом привели ее к проблеме отыскания центра. Рисунок был выполнен от руки, без циркуля, так что в оригинале центр не отмечен. Но его легко можно определить, если через точки соприкосновения меньших кругов с большим провести касательные и построить из этих точек перпендикуляры к касательным. Таким образом, возник вопрос: нельзя ли в психологической сфере использовать аналогичные точки контакта с той же целью, то есть для определения неизвестного центра психики?

Эту ситуацию можно представить в упрощенной форме, как на рис. 12. Здесь A изображает психику субъекта; B , C и D символизируют людей или ситуации, представляющие для него интерес. Область наложения E отражает вовлеченность, вызывающую эмоциональные реакции, неадекватные ситуации. Если подразумеваемая под E проекция будет изъята, можно будет провести разделительную линию, и две сферы интересов окажутся разграниченными. Возникает новая ситуация, которую иллюстрирует положение A к C . Объективная разделительная линия представлена здесь касательной ft . Вызываемая ситуацией сильная эмоция является силой, противостоящей беспристрастному суждению. Эти две линии силы представлены касательной tt и перпендикуляром px . Если провести подобные перпендикуляры из нескольких точек, их пересечение (x) укажет центр круга. В нашей аналогии мы можем принять эту точку как представляющую центр психики.

Психологическую операцию можно прояснить иллюстрацией. В споре о температуре теплой воды²⁷ беспристрастное суждение можно получить с помощью термометра; оно будет соответствовать касательной на схеме. Аналогичным образом, если два индивида расходятся во мнениях относительно температуры воздуха в комнате, вполне возможно, что они не смогут прийти к согласию исключительно на основании своих ощущений. Лишь термометр позволит обеспечить справедливое решение, фактическую «истину», которую способен принять каждый из них, по крайней мере той своей частью, что подконтрольна рассудку. Эта беспристрастная истина, подобно касательной, не вторгается на субъективную территорию ни одного из индивидов.

Этот очень простой пример был выбран из-за ясности проблемы. Но используемый принцип в равной мере применим и к другим противоречиям более сложного и серьезного характера. Однако, пустяковая сама по себе, ситуация необязательно несущественна в своих последствиях. Кажется маловероятным, что разница во мнениях по так легко проверяемому вопросу, как температура, может вызвать ссору между взрослыми людьми; тем не менее такие вещи случаются. К примеру, в офисе, где работают несколько человек, разногласия по поводу того, на каком уровне должна поддерживаться температура в комнате, могут стать ожесточенными и непрекращающимися, и со временем привести к столь скрытой неприязни, что выступят фокальной точкой враж-

ды угрожающих пропорций. Для того чтобы согласиться с беспристрастным суждением, достигнутым на основе показаний термометра, причастные к этому индивиды должны уметь различать в себе разумное и необоснованное, такое как: раздражение, гнев, подозрительность, желание настоять на своем — то есть иррациональную эмоцию, вызванную спорным вопросом, каким бы пустяковым он ни казался.

Это очень трудно сделать, ибо эмоции представляют бессознательный фактор, негодя слепого пятна. Многие люди, чье воспитание предписывает следовать примеру Христа — здесь, конечно же, имеется в виду традиционный христианский образ жизни — пытаются быть рассудительными и проглатывают обиду. Часто это не просто метафора, ибо психологическое усилие подавить эмоциональный фактор нередко сопровождается глотательным движением. В действительности, если подобное практикуется слишком часто, результатом явится невроз с сопутствующими симптомами несварения желудка. От бессознательного фактора, обладающего динамической силой, нельзя так легко отделаться. Вытеснение неизбежно приведет к нездоровому следствию. Тем не менее, люди редко занимают адекватную ответственную позицию по отношению к собственным иррациональным реакциям. Индивид обычно идентифицирует себя со своей более рассудительной частью и говорит: «Я был сам не свой — должно быть, на меня что-то нашло и заставило поступить таким образом». Ибо человек почти всегда говорит об этом неблагоприятном факторе, внезапной и неконтролируемой эмоциональной реакции, как о чем-то чуждом подлинному «Я».

В некотором смысле это так и есть, ибо иррациональная эмоция служит проявлением безличного. Она не объединена с «Я» в достаточной мере и, конечно же, не находится под его контролем. Она возникает в сознании независимо от желания «Я», и если пробуждается вновь, то кажется, будто ее раньше не было. После этого она остается совершенно недоступной до тех пор, пока ее снова не вызовет аналогичная ситуация. Человек, стремящийся стать целостным, должен предпринять все усилия, дабы не позволить этому фактору, после его активации и доступности, вновь уйти в бессознательное. Фактор должен быть схвачен и привязан к сознанию всеми возможными способами. Обычно человек, переживший такое эмоциональное потрясение, предпочитает как можно скорее забыть о нем, но если он стре-

мится к целостности, то должен следовать по прямо противоположному пути.

Желательно написать для себя по возможности подробное и точное описание всех событий — как тех, что привели к эмоциональному взрыву, так и тех, что последовали за ним и хоть как-то запомнились. Впоследствии часто бывает весьма полезно (если это допустимо) обсудить происшедшее с другим лицом, участвовавшим в ситуации.

Признание своей вины перед этим человеком или другим терпеливым слушателем — исповедником, аналитиком или понимающим другом — также поможет крепче привязать безличный фактор к сознанию; тогда как ин-сайт, обретенный в результате выслушивания непредвзятого мнения, а еще лучше — профессионального анализа случившегося, может оказаться крайне полезным.

У людей примитивной культуры и детей, а также и у взрослых, наблюдается сильная тенденция вновь и вновь пересказывать или проигрывать в лицах события нуминозного или мана-характера. Таким образом они ассимилируются сознанием; их перегруженность эмоциями постепенно ослабляется, они лишаются демонического характера, и переживание в целом становится более приемлемым. Этот инстинктивный способ обращения с ужасающим или внушающим благоговейный трепет аспектом необычных происшествий стал одним из методов психотерапии, основанной Фрейдом; он называется абреакцией и широко используется в военной медицине при лечении «фронтальных неврозов». Эта методика дает очень благоприятные результаты в тех случаях, когда цель состоит в предотвращении появления или в лечении невротических симптомов, возникших в результате ужасных или аномальных переживаний. Однако там, где конечной целью служит возвращение человека в строй или к повседневной гражданской жизни, естественно, никакой речи об использовании переживания для расширения сознания, не говоря уже о содействии процессу индивидуации, конечно же, не идет.

Но там, где причиной появления безличного фактора выступает не такой кризис, как война, и цель не ограничивается избавлением индивида от сокрушительных последствий его переживаний, а простирается дальше, до расширения сознания и личности, необходимо не только нейтрализовать демоническую силу посредством терапевтической методики, например, абреакцией или катарсисом, но и попытаться установить с этой силой взаимос-

вязь. По этой причине ей нельзя позволить отступить обратно в бессознательное. Ее необходимо уловить и придать ей реальность, какого-то рода форму; или хотя бы дать название. Даже если ее невозможно точно описать или идентифицировать, то неопределенное название присвоить все же можно, к примеру «третий фактор», или, как в детской игре, просто «водящая»; если активность весьма деструктивна, ее можно даже назвать «дьяволом». Впоследствии ее можно будет распознавать и идентифицировать в ситуациях, где она выглядит несколько иначе. Постепенно, если аккуратно все записывать и сопоставлять множество различных переживаний, можно будет построить общую картину ее характера и активности.

В случае распознавания иррационального фактора в какой-нибудь конкретной ситуации он может быть исключен из внешнего противостояния, и рассудок снова возьмет власть в свои руки. Естественно, эта процедура не избавляет от безличной эмоции, от дьявола, пробужденного разногласием, либо чего-то еще, активированного спорным вопросом. На геометрической схеме (рисунок 12) эта иррациональная энергия представлена линией, прямо противоположной или перпендикулярной линии беспристрастной истины. Эта линия проходит через центр круга. Следовательно, в нашей психологической аналогии, отделив иррациональный фактор от рационального и объективной реальности спорной ситуации, мы определили линию силы, ведущую к центру психики.

Решившись разобраться с ситуацией таким образом, индивид может согласиться разрешить внешний конфликт, следуя разуму или справедливости. И если он действительно осознает, что таким путем необходимо подходить к внешней ситуации, то его согласие будет не просто жестом или уловкой для спасения престижа, а подлинным признанием истины, имеющей большее значение, чем его собственные желания. Тем не менее, проделав все это с чистой совестью, он может обнаружить, что, когда он укладывается вечером в постель и остается наедине с собой, его снова начинают тревожить непрошенные мысли и фантазии — идеи, противоречащие принятому решению. Когда он смело встречает эти неудовлетворенные мысли — можно сказать, эти неутолимые эмоции — и пытается определить их истоки, то обычно обнаруживает, что они связаны с каким-то комплексом, неким бессознательным предположением, вызвавшим эмоциональную взвол-

нованность внешней ситуацией. Этот комплекс может включать решимость быть хозяином положения или непреодолимое влечение индивида устроить все определенным образом потому, что «именно таким должен быть порядок вещей» или «так его учили родители». Возможно, ситуация обнажит слабость или неполноценность, которые могут вызывать страх, граничащий с паникой. Либо же гнев может быть связан со склонностью к вероломству или с опасением потерять честное имя. Он может бороться с полусознательным любовным романом. Или же проблема может оказаться даже еще более иллюзорной, еще более сложной для определения, и основываться, возможно, на ощущении священности какой-нибудь, оказавшейся под угрозой ценности или на чем-то, что имеет отношение к религиозной сфере. Другими словами, комплекс может располагаться в области проблемы власти, родителей, сексуальности или в какой-либо иной из основных сфер жизни, где примитивный инстинкт властвует до тех пор, пока ему не будет брошен вызов более глубокой лояльностью.

Таким образом, сила эмоции, идущей вразрез с неподвзятой истиной, проникает вглубь круга психики, и этот факт далек от того, чтобы быть чисто теоретическим. Ибо она действительно пронзает самое сердце, а если не проникает так глубоко, то это означает, что данный спорный вопрос незначителен или недостаточно важен для того, чтобы затронуть центр. Он может уходить в глубокие слои психики, но чтобы был затронут центр, должна возникнуть более фундаментальная проблема.

Соответствующая такой ситуации схема представлена на рис. 13. Ее автор также женщина, проходящая курс анализа. Диски, расположенные по периметру окружности, обозначают спорные вопросы в психическом тупике субъекта. Они возникают в связи с проблемами на работе и во взаимоотношениях как с сослуживцами, так и с друзьями; фактически они представляют собой узловые моменты сложившейся ситуации. На данной схеме не видно касательных, как на вкладной иллюстрации XIV, но поскольку перпендикуляры к ним проведены, мы можем заключить, что и эта женщина пыталась отделить объективные факты от собственных эмоциональных реакций на свои жизненные проблемы. Эти линии идут к центру, но не достигают его; им препятствует змея, кольца которой окружают и скрывают центр. Эта змея служит олицетворением бесчувственного инстинкта. Это — змея Кундалини, змеиная сила[^], описанная в Тантричес-

кой системе буддизма как дремлющая в *мулатхара*, «корне основания» — или, выражаясь психологическим языком, в глубинах психики, у истоков сознания. Она дремлет там до тех пор, пока ее не пробуждает какое-нибудь жизненное событие или не активирует специально предназначенная для этого методика. В тантрической системе упражнений йоги медитация и тренировки нацелены на пробуждение Кундалини и проведение ее вверх через *сушумну*, внутренний канал спинного мозга. Это означает, что инстинктивную силу необходимо провести по пути сознания. В своем продвижении вверх она последовательно открывает и освещает чакры, или центры сознания, соответствующие различным стадиям развития «Я».



Рис. 13. Спонтанный рисунок, выполненный женщиной, пытающейся выяснить причину собственной депрессии. Диски внутри круга психики представляют узловые моменты в жизненной ситуации субъекта. Проведенные от них перпендикуляры не могут достичь центра, который скрывает и охраняет свернувшаяся кольцом змея.

Упражнения системы йоги, конечно же, не подходят для Запада, даже если бы мы знали, как применять их; но в результате целенаправленных усилий, предпринимаемых в ходе анализа, инстинктивная сила аналогичным образом отделяется от внешней ситуации и претерпевает эволюционные изменения, глубоко затрагивающие сам характер сознания. На Востоке считается, что упражнениями системы йоги следует заниматься только под ру-

ководством гуру, учителя, потому что в противном случае это будет бесполезным и опасным. Точно также и здесь: вряд ли описанная выше психологическая процедура приведет к желаемым результатам без руководства опытного аналитика. Но в психоанализе дремлющая сила инстинкта пробуждается не в результате следования предписанному курсу физических или психологических упражнений и не благодаря погружению в медитацию. Она появляется сама по себе всякий раз, когда жизненные ситуации, названные мною спорными, разрешаются описанным выше способом. Ибо змея Кундалини служит олицетворением инстинкта, который нельзя активировать без риска вызвать слепую эмоциональную вспышку.

В поисках сокровища, символизируемого здесь центром психики, Самостью, придется рассмотреть множество таких спорных вопросов, один за другим, по мере их возникновения в жизни. С каждым необходимо добросовестно разобраться, как бы неприятно ни было ворошить старое. Однажды может возникнуть ситуация, способная затронуть ищущего до самой его сердцевины. После этого он может опять некоторое время встречаться только с повседневными событиями; однако рано или поздно вновь возникает жизненно важная ситуация, возможно, в совершенно иной сфере жизни. Он снова ищет линию объективной истины или справедливости, сдерживая свою эмоциональную реакцию. Таким образом проводится подлинная касательная, и перпендикуляр, линия инстинктивной силы, противостоящей — расположенной под прямым углом — беспристрастному, разумному решению, проникает в самую сердцевину психики индивида, удивительным образом затрагивая его и нарушая внутренний покой. Когда подобное случится множество раз, то может оказаться, что линии, пронзающие круг, начнут сходиться, и станет ясно, что они приближаются к центру.

Сколько подобных переживаний необходимо для того, чтобы линии пересеклись в реальном центре, — неизвестно, ибо этот процесс намного более сложен, чем можно было бы судить из такого упрощенного его описания. Кроме того, его развитие существенно варьирует у различных индивидов. Но по меньшей мере, можно сказать следующее: когда линии действительно пересекутся, сформируется звезда, которая начнет сиять, предвещая появление того лучезарного «хрустального тела», название которому — Самость.

М.Э. Хардинг

1. «Archetypes of the Collective Unconscious», in *The Archetypes and the Collective Unconscious*, (C.W., 9, i), p. 8.) [Рус. пер. Юнг К.Г. Архетип и символ. — М.: Ренессанс, 1991, с. 23—95].
2. R. Otto, *The Idea of the Holy*, chaps. II-P/.
3. Юнг К.Г. Психология и алхимия, с. 145
4. *Two Essays on Analytical Psychology*. Определение см. в главе V первого очерка. Начиная с этой главы вся книга является изложением теории архетипов. См. также «Archetypes of the Collective Unconscious», in Jung, *The Archetypes and the Collective Unconscious*, (C.W., 9, i).
5. *The Integration of the Personality; The Archetypes and the Collective Unconscious; Psychology and Alchemy; Psychology and Religion: West and East; The Spirit Mercury*. Эта же тема обсуждалась в цикле лекций, прочитанных в *Eidgenossische Technische Hochschule* в Цюрихе с 1939 г. по 1941 г. (не публиковались).
6. См. ниже, гл.11.
7. «A study in the Process of Individuation», in *The Archetypes and the Collective Unconscious*, (C.W., 12), part II, pp. 39 ff. [Рус. пер. Юнг К.Г. Исследование процесса индивидуации// Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. —М; Рефл-бук, К.: Ваклер, 1998. - С. 211-258.]
8. Юнг К.Г. Психология и алхимия, с. 59 и слл.
9. См. выше, примечание на с. 301
10. «Современные врачи и психологи признали, что для терапии сознания необходимо свести его с тенью. В конце это должно привести к некому единению, даже если это единение поначалу содержит в себе открытый конфликт и зачастую остается в таком состоянии в течение долгого времени. ... Что именно рождается в результате их единения, просто невозможно вообразить. Эмпирический материал показывает, что этот "продукт", как правило, принимает форму субъективного ощущения, причем всегда религиозного порядка». {Юнг К.Г. *Mysterium Coniunctionis*. §514, с. 374.)
11. Jung, *Archetypes and the Collective Unconscious*, (C.W., 9, i), pp. 25 ff., 284: *Aion*, (C. W., 9, ii), pp. 11 ff. См. также Jung, *Two Essays on Analytical Psychology*, Second Essay, pt. II, chap. II, «Anima and Animus», and M.E, Harding, *The Way of All Woman*, chaps. I and II.
12. Здесь углубляться в этот аспект темы не представляется возможным, так как он слишком обширен для обсуждения мимоходом. См. собственные работы Юнга, в особенности *Two Essays on Analytical Psychology and «Archetypes of the Collective Unconscious»*, in *The Archetypes and the Collective Unconscious*, (C.W., 9, i).
13. В отношении *hieros gamos*, см. ниже, с. 432—433, 450 и д.; а также Harding, *Woman's Mysteries, Ancient and Modern: o coniunctio* см.: Юнг К.Г. Психология и алхимия, Психология переноса, и *Mysterium Coni-*

unctionis.

14. См. Second Essay, pt. II, chap. IV, «The Mana Personality», с 299—316.

15. Jung, *The Spirit Mercury*, перевод опубликован Нью-Йоркским Обществом Аналитической Психологии с разрешения Боллингеновского фонда; [Рус. пер.: Юнг К.Г. Дух Меркурий. - М.: Канон, 1996. — 380 с].

16. Н. Van-Dyke, «God of the Open Air», Poems, p. 72.

17. Под «правильной» позицией сознательного «Я» по отношению к бессознательному здесь понимается состояние, когда энергия бессознательного направляется в жизнь разумно. В этом случае течению жизни ничто не мешает, бессознательное остается в покое, а сновидения и фантазии показывают, что внутренняя жизнь также неуклонно движется к своей цели.

18. См. Юнг К.Г. Aion. В особ. гл. IV и V.

19. См. ниже, гл. 12.

20. J. Read, *Prelude to Chemistry*, p. 138. Курсив мой.

21. Несомненно, именно этот свет имели в виду алхимики, когда говорили о своем камне как о «свете, затмевающем любой другой свет». Юнг в главе «Начальные сны» (Психология и алхимия, §99) цитирует следующий отрывок из трактата, приписываемого Гермесу: «Intel-ligite, filii sapientum, quod hie lapis preciosissimus clamet ... et lumen me-um omne lumen superat ac mea bona omnibus bonis sunt sublimiora.... Ego gigno lumen, tenebrae autem naturae meae sunt» («Поймите, сыны мудрецов, что глаголет этот драгоценнейший камень: "...Свет мой затмевает всякий свет, а моя добродетель превосходит все другие добродетели... Я порождаю свет, но и тьма имеет мою природу..."»)

22. Мф., 12:43 и д.

23. См. V.O.Packard, *The Hidden Persuaders*.

24. Юнг К.Г. *Mysterium Coniunctionis*, §404, с. 350.

25. См. ниже, гл. 11.

26. См. ниже, с. 374

27. См. выше, с. 323-24.

28. См. А. Avalon, *The Serpent Power and Shiva and Shakti*.

ПРИМИРЕНИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Мандала

Человек может быть целостным. Паттерн целостности присущ его психике, хотя он и не реализован. Этот паттерн не просто статический образ или идеал, он — динамичен; это — тенденция, функционирующая подобно инстинкту и ведущая к достижению целостности как цели. Эта цель или влечение может игнорироваться сознательным эго человека. В некоторой мере его своевольное и недальновидное сознание может даже сводить на нет ее достижение. Однако если индивид понимает, что означают внутренние импульсы, он может использовать свою силу воли и доступную энергию для их удовлетворения. Внутренний раскол означает болезнь и страдание; целостность — здоровье и избавление от всех тех внутренних распрей и разочарований, которые делают жизнь столь многих людей бессмысленной и трагически бесплодной. Уже отмечалось, что психика включает не только сознательную личность, но и элементы личного бессознательного — представленные тенью — и коллективного бессознательного, залегающие в более глубоких слоях психических переживаний, и представленные архетипами. В таком всеобъемлющем виде психику очень удачно представляет круг. Эта картина сама импонирует интеллекту: она служит схемой идеального состояния. В таком качестве круг представляет собой знак, а не символ. Для данной и последующей глав очень важно отличать значение термина «символ» в аналитической психологии от термина «знак». Юнг подробно обсуждает этот вопрос в работе «Психологические типы»:

«По моему мнению, понятие символа необходимо строго отличать от понятия простого знака... Например, старый обычай вручать кусок дерна при продаже земли можно назвать «символическим» в обычном смысле этого слова; но по своей сути он чисто семиотичен. Кусок дерна — это знак, представляющий весь участок земли...

Всякое толкование символического выражения как аналогии или сокращенного обозначения какого-нибудь знакомого явления семиотично. А представление о символическом выражении как о наиболее удачной формулировке сравнительно неизвестного, и по этой причине не поддающегося более ясному или точному описанию явления, *символично...*

Пока символ актуален, он служит выражением явления, которое иначе или лучше охарактеризовать нельзя. Символ сохраняет свою действенность лишь до тех пор, пока он наполнен значением. Но как только он лишается своего содержания, т.е. как только появляется выражение, описывающее искомое, предполагаемое или интуитивно понимаемое явление лучше прежнего, старый символ умирает, т.е. сохраняет за собой лишь историческое значение. Тем не менее, мы можем продолжать говорить о нем как о символе, предполагая его прежнее содержание, присущее ему до рождения лучшего его *выражения...*

Выражение, отражающее какое-нибудь известное явление, всегда остается просто знаком и никогда не может быть символом. Поэтому совершенно невозможно создать живой, т.е. наполненный значением, символ из знакомых ассоциаций»¹.

Когда в сновидении или фантазии спонтанно появляется образ крута, который постепенно вычерчивается и растет вместе с разворачиванием бессознательного материала на протяжении, возможно, недель или месяцев, его больше нельзя рассматривать просто как знак, изображение желанного идеала. Скорее теперь он является истинной символической картиной, представляющей потенциальную реальность или реальность, существующую в невидимой психической сфере. Это — живое переживание.

Подготовительная работа, требующаяся для определения границ круга психики — ее периметра, — обсуждалась выше. Указывался также и дальнейший шаг, заключающийся в отыскании центра. Вычерчивание периметра связано с психологическим обособлением индивида от своего окружения. Поиск центра в большей мере является внутренней, более субъективной проблемой. Очертив, так сказать, себя крутом, индивид может обнаружить, а фактически неизменно обнаруживает, что его внутренние владе-

ния, где хотелось бы править единолично и слышать лишь свой собственный голос, населяют и другие. Чужие голоса, иные желания и импульсы, которые он не может отнести на счет собственного эго, требуют к себе внимания. Возникает вопрос: кто хозяин этих владений? Основой круга, конечно же, является центр, вокруг которого вращается все остальное. Аналогично и в психике — центр выступает управителем всего человека. В сознательной области хозяином служит эго, но в этой, большей сфере, эго — лишь один голос из множества. Здесь правитель должен превосходить эго. Эго должна быть надличная ценность, способная подчинить и командовать эго, как эго благодаря развитию сознания превзошло аутоэ. Этого правителя Юнг назвал Самостью.

Обсуждение психики под символом круга включало подразумеваемое предположение, что живые существа состоят из тела и духа. Так же, как в физической сфере мы имеем дело с материей, телом и энергией, так и в психологической сфере мы встречаем нечто, так сказать, эквивалентное материи — эго можно назвать «телом» или структурой психики — и присущую ему энергию. Представление о психике как о некоторого рода теле отвечает широко распространенному и свойственному каждому человеку ощущению, что в психологическом измерении он занимает некоторое пространство и имеет конкретное место, вдобавок, он чувствует, что обладает определенной энергией, присущей собственному психическому содержанию. Эта психическая энергия, или либидо, похоже, подчиняется законам, управляющим физической энергией.

Естественно, психологическая энергия — лишь метафора физической, ибо мы не можем продемонстрировать видимое или осязаемое психическое тело отдельно от присущей ему энергии. Однако в физике бывает то же самое: там, где руки и глаза указывают на твердое тело, разум сталкивается с парадоксом — тело, кажущееся твердым, может быть просто формой энергии. Таким образом, психика, скорее всего, также представляет собой форму энергии. Тем не менее, из практических соображений мы продолжаем различать материю и энергию. Аналогичным образом и в психологической сфере удобнее будет рассматривать физическое тело, наделенное психической энергией. Так же, как видимая энергия физических тел выступает только незначительной частью их общего запаса энергии, так и лишь очень маленькая толика энергии, присущей психике, находится в

распоряжении сознательного эго и личного «Я». Большая часть физической энергии находится в связанном виде внутри атомов. Аналогичным образом и большая часть психической энергии связана в инстинктах и паттернах биологического поведения, и архетипах, паттернах или формах психического поведения. У животных инстинкты преобладают в поведении и функционируют автономно. У людей они так же отстаивают свою самостоятельность до тех пор, пока у индивида не выработается сознательная позиция, достаточно сильная, чтобы противостоять им, контролировать и служить связующим звеном между ними и миром в человеческом сознательном поведении. Ибо о человеке можно сказать, что он обладает самосознанием и ответственен только тогда, когда он действительно *знает*, что делает. Личность, управляемая исключительно своим эго, не является автономной в этом смысле, ибо в знаниях о себе она ограничивается только сознательной областью, вне которой слепо уступает смутным влечениям и коварным импульсам бессознательного.

Очерчивая шаги, которые необходимо предпринять в повседневной жизни для сглаживания недостатков эго-сознания, я говорила о появлении спорных вопросов, благодаря которым непризнанные части психики можно сделать доступными сознанию. Естественная тенденция заключается в заглаживании спорных вопросов, ибо они всегда вызывают неприятное противостояние и часто угрожают как взаимоотношениям причастных лиц, так и самоуважению индивида. Либо же, обладая иным темпераментом, индивид может взять себе за правило — идти напролом при первых признаках возникновения подобной ситуации, надеясь доказать свою правоту своеобразным психологическим блицкригом. Он избегает или атакует их, так как чувствует, что они несут в себе неизвестный и опасный эмоциональный заряд.

Однако ни один из этих путей не ведет к чему-либо существенному, ибо бессознательный элемент остается нераспознанным, а его проекция во внешний мир, на ситуацию или оппонента, только усиливается. Так как каждый раз, при появлении возможности осознания бессознательному содержанию позволяют ускользнуть нераспознанным, проекция обретает правдоподобие и достоверность, подкрепленные опытом. Поэтому впоследствии распознать ее истинную природу еще труднее, так как с течением времени сложнее оценить реальные факты ситуации. Таким образом, несмотря на то, что при чрезмерно глубоком рас-

смотрении или слишком грубом решении спорные вопросы и неожиданные осложнения могут легко вызвать гнев, страх и тревогу с крайне болезненными и губительными последствиями, человек, ищущий более тесной связи с жизнью и самим собой, должен взглянуть этой опасности в лицо.

Когда индивид, оказавшийся в подобной ситуации, отваживается прояснить и разрешить свою проблему, используя для этого терпение и добрую волю, он обнаруживает, что высвобождается энергия, обычно в форме эмоции. В дальнейшем эту энергию необходимо разделить на две части или, если прибегнуть к физической аналогии, разложить на две линии силы, перпендикулярные друг другу. Одну из этих линий представляет касательная, проведенная через точку соприкосновения двух кругов. Она не пересекает площади ни одного из них и не нарушает их законных границ. Эта линия представляет объективную истину ситуации, непредвзятую «правду», линию беспристрастности или справедливости. Другой составляющей выступает перпендикуляр к этой касательной, который пересекает круг и при своем продолжении проходит через его центр. Он представляет эмоцию, в действительности не относящуюся к внешней ситуации, — энергию, присущую той части психического содержания, которое было бессознательным и проецировалось во внешнюю ситуацию. Эта энергия, высвободившись из проекции, пронзает внутреннюю часть круга психики.

Та часть энергии, которая относится к жизненной ситуации, будучи освобожденной от привязанности к бессознательной проекции, сразу же вольется в общее русло жизненной энергии. Индивид испытает чувство свободы и ослабления напряжения; безвыходное положение, мешавшее в работе или в отношениях с другом, разрешится, и он обретет новую легкость и успех во всем этом аспекте жизни. Ощущение выигрыша будет большим или меньшим соответственно значимости ситуации, но еще существеннее оно будет зависеть от ценности неизвестного психического содержания, ранее вовлеченного в проекцию.

Две рассматриваемые силы представляют фундаментальную оппозицию. В примерах, обсуждавшихся в предшествующей главе, первая приравнивалась к разумному фактору, позволяющему человеку распознать объективный стандарт. Вторая — к безрассудному и динамическому, заставляющему индивида отрицать всякую вероятность того, что его ощущения или точка зрения

могут быть ошибочными, и побуждающему заявлять: «Это — *так* и именно так!» Он не может допустить даже минимума относительности, который позволял бы ему сказать: «Я вижу это так», — признавая, что кто-то другой может видеть это иначе.

Эти две силы действуют в каждом из нас. И если мы намереваемся следовать по пути, ведущему к сознанию и индивидуации, то рано или поздно каждому придется столкнуться с проблемой, создаваемой их фундаментальным противостоянием. Ибо одна из них представляет рациональную позицию по отношению к жизни, формообразующее отношение, которое на человеческом уровне выступает продуктом эго-сознания, научной мысли и логики, а на космическом или вселенском выражается законом Божьим или Логосом. Другая представляет динамическую энергию, аморфную и бесцельную, совершенно лишенную логики, которая, будучи иррациональной, как мы говорим, подчиняется лишь *ratio* природы — как вода, огонь или ветер. На человеческом уровне это — эмоция, в особенности аффект, паника, ярость, страсть. В своем безусловном, демоническом или божественном аспекте это — принцип, называвшийся греками *Эросом*'. Он «связует и освобождает» — принцип динамической взаимосвязанности. Или же его можно назвать слепым влечением инстинкта, Кундалини, змеиной силой, которая, согласно учениям тантрического буддизма, покоится в корне всей психической жизни, свернувшись кольцом в не возбужденном инстинкте.

Если индивид осознает, что в его жизни действуют столь фундаментально противоположные силы, то конфликт между ними может оказаться столь серьезным, что парализует любые усилия. Если он говорит «да» рациональной тенденции и подавляет другую, это может выглядеть правильным решением; все кажется в полном порядке, как если бы он добился удовлетворительного разрешения проблемы. Но жизнь теряет пикантность, он начинает чувствовать подавленность и угнетенность. Если он пойдет по противоположному пути и скажет «да» динамическому влечению, потакая эмоциям и уступая тому, что Д.Г. Лоренс называет «течением», жизнь оживится; но затем его поглотит поток собственных эмоций. Его может охватить паническая боязнь быть вовлеченным в разного рода крайности или погрузиться в незнакомую область внутренних переживаний. Он уже больше не сможет нормально общаться с другими людьми, и, возможно, его вообще перестанут понимать.

Человек, не испытывавший этого состояния, едва ли может оценить силу страданий и боли, вызванных конфликтом такого характера. Все сделанное индивидом теряет обоснованность. Он может попытаться разрешить дилемму, следуя благоразумию и логике, придерживаясь добропорядочности, принимая во внимание все аспекты каждой ситуации, насколько они доступны пониманию, и исключая все другие соображения. Некоторое время — возможно, несколько дней или даже недель — такой образ действия может казаться результативным. Но затем он утрачивает свою новизну, либо же ему мешают какие-нибудь внешние влияния, например: иррациональность жены или собственные необоснованные эмоциональные вспышки, которые, тем не менее, явно имеют значение, возможно, обеспечивая целостность. Возможно, поступая иррациональным образом, он в большей мере чувствует себя собой, чем тогда, когда тщательно продумывает свои поступки. Он говорит себе: «Когда я подчиняюсь этому импульсу, то ощущаю себя целостным». Но вскоре у него зарождается сомнение относительно того, к чему может привести иррациональный импульс. «Не является ли потакание своим желаниям эгоизмом?» — спрашивает он себя. И начинает задумываться, что сказали бы по поводу такого «потворства» сдержанные, владеющие собой лидеры, которыми он всегда восхищался. После чего снова возвращается в сдерживающие рамки закона и порядка, еще более отягощенный чувством вины за свое отступничество.

Данный конфликт описан здесь как сознательный, но это не обязательно так. Более часто схватка происходит скрытно и почти полностью незаметно. Несчастный индивид замечает лишь пагубные жизненные последствия конфликта и совершенно не видит его как психологическую или моральную проблему. При таких обстоятельствах конфликт, вероятно, ворвется в сознательную жизнь под маской физиологических симптомов. Это может быть паралич или менее серьезное заболевание, такое, как сильная головная боль, оказывающая парализующее действие. Иногда затруднение может проявиться под психологической маской, даже если его происхождение будет оставаться полностью неизвестным индивиду, который будет страдать от необъяснимых депрессий, инертности или усталости. Любая попытка приступить к работе требует титанических усилий, как в довольно распространенном кошмаре, когда ты не в силах тронуться с места потому, что ноги слишком тяжелые или, наоборот, невесомые,

так что невозможно оттолкнуться от земли. Конфликт такого рода может привести почти к полной беспомощности в жизни.

Там, где ситуация осознается больше, чем в каком-либо из предшествующих случаев, индивид понимает, что его сложности обусловлены внутренним конфликтом. Однако он не может разобраться в точном характере противоборствующих ценностей или разъединить их, дабы сделать правильный выбор. Существует множество различных способов разделения жизненных ценностей на противоположности. Противостояние рациональной позиции динамической является очень распространенным выражением безвыходного положения. В политической сфере оно принимает форму оппозиции правых левым или консервативного революционному. В религии — становится расколом на католическую и протестантскую точки зрения или вопросом формализма против мистицизма — деяний или милости, как называет это Павел, — тогда как в повседневной жизни оно ставит педантичную научную работу в противоположность творческому полету мысли. Существует, конечно же, несметное количество других линий расхождения — экстраверсия в отличие от интроверсии, индивидуальная цель в отличие от коллективной, материальные ценности в отличие от духовных, — каждая может представлять неразрешимую дилемму и привести к застою в жизни.

Когда так случается, возникает проблема, что делать с этими противоречащими друг другу, внешне несовместимыми факторами, ибо нет сомнения, что они в равной мере присущи психике. В действительности они не только присущи, но и являются органическими компонентами, составляющими, возможно, большую часть психики, более влиятельную, чем разумное и сознательное меньшинство. Для того чтобы психика не была раздираемым распрями домом, который не может процветать, следует отыскать способ примирения противоположностей.

Конфликт между сознательными и бессознательными элементами был выбран в качестве иллюстрации по причине его очевидности. Его легко может распознать любой, обладающий даже толикой психологического инсайта. Однако это не единственный и даже не самый сложный аспект проблемы. Ибо демоническая энергия, проявляющаяся в эмоции, вызванной спорным вопросом, и представляемая или персонифицируемая одним из архетипов, имеет не простой, а двойственный характер. В архетипах влечения бессознательного еще не дифференцировались, так как

дифференциация является функцией сознания. Поэтому они появляются в двусмысленной или двойственной форме, фактически, как пары противоположностей, т. е. как плохой-хороший, благоприятный-вредный, духовный-демонический и так далее — через весь спектр возможных дихотомий. Фундаментальное противопоставление может быть аналогичным образом выражено другими несовместимыми парами, такими как: мужчина-женщина, янь-инь, солнце-луна, одушевленное-неодушевленное. Эта внутренняя двойственность безличной энергии, пробуждаемой жизненной ситуацией, представляет не чисто философский или академический интерес. Для разрываемого конфликтом индивида она исключительно важна и является вопросом жизни и смерти. Ибо до тех пор, пока он не отыщет способ уладить внутреннее противостояние, его жизнь будет оставаться в подвешенном состоянии, а душа — полем сражения. Прежде чем пытаться разрешить фундаментальный психологический конфликт, сперва следует внимательно рассмотреть проблему на сознательном уровне. Если этот подход не даст удовлетворительного решения, необходимо тщательно изучить бессознательный материал в поисках дополнительных свидетельств причины затруднения и ориентиров в отношении его устранения. При следовании этим путем обычно обнаруживается причастность факторов, выходящих за границы личной жизни индивида. Например, присущее конфликту противостояние может быть связано с родителями, которые, — наряду со своими собственными, не всегда согласующимися характерами и темпераментами — с точки зрения ребенка, неизбежно отличаются несовместимостью по причине противоположности полов. Тем не менее, для того чтобы ребенок сам по праву стал индивидом, он должен найти способ объединить в себе неотъемлемые качества обоих родителей, присущие ему самому; ибо каждый из них является частью самого материала его организма. Это проблема, которую должен решить каждый ребенок, и задача может оказаться сложной, даже если родители имеют сходные вкусы и нравы. Однако, когда родители сочетаются браком не из-за сходства, а из-за различия, привлекая друг друга именно собственной несхожестью, как это нередко бывает, проблема ребенка окажется весьма серьезной, в особенности если ни один из них не постарался ассимилировать психологические ценности, представляемые партнером.

В такой ситуации ребенок скорее всего идентифицирует себя с одним из родителей; он будет во всем подражать ему, любить и восхищаться всем, что связано с ним, и отвернется от другого. Очень четко этот случай характеризует Юнг. Описывая ребенка, отрицательно относящегося к матери, он говорит: «Главной движущей силой этого типа личности является девиз: Все что угодно, лишь бы это не было похоже на мать!»⁴ Или же, если ребенок положительно настроен к матери, соответствующие отрицательные эмоции негодования, сопротивления и даже ненависти могут быть направлены на отца. Выраженная отрицательная позиция по отношению к родителям особенно часто развивается в случае отсутствия гармонии между ними. Такая позиция неизменно имеет серьезные психологические последствия. В подобных семьях муж и жена приписывают друг другу причину всех неурядиц супружества и даже самой жизни, и проекция на партнера может на этом не заканчиваться. Муж представляет для жены ее анимус, ее неизвестную другую сторону, а жена аналогичным образом несет на себе проекцию анимы мужа. Таким образом, если кому-нибудь из супругов недостает ин-сайта в отношении собственного характера и не очевидного содержания своей психики, он очень быстро проецирует все это на партнера. И в результате будет считать того виновным во всех проблемах и конфликтах несовместимости характеров, причина которых — в отсутствии целостности в нем самом.

Когда такую обширную проекцию делает жена, она считает, что все превратности ее судьбы исходят от мужа и его родни, тогда как все желательные факторы приписываются ее родственникам. Самым серьезным упреком ребенку с ее стороны будет заявление: «Ты — точная копия отца». Нет никакого сомнения в том, что в некоторых отношениях ребенок похож на отца, определяющего половину его наследственности. Но едва ли можно считать ребенка ответственным за этот факт. Однако в результате подобного порицания отцовских черт он может последовать примеру матери и возненавидеть все связанное с отцом, не приемля его характер не только в собственном родителе, но и во всех других мужчинах и — с намного более разрушительными последствиями — в самом себе. С другой стороны, ребенок может больше любить отца. Тогда, возмущаясь несправедливостью материнских обвинений, он займет прямо противоположную позицию и встанет на сторону отца против матери. В этом случае он

будет вынужден уместно или неуместно отстаивать характеристики отца — желательны они или нет — в ущерб собственному критическому анализу.

Какую бы из этих позиций ребенок ни занял, с приходом зрелости конфликт между не сочетающимися родительскими элементами будет отнимать все большую часть его энергии и удерживать ее в бессознательном. Ибо он не осмелится осознать, что сознательной позиции противоречит и бросает вызов иной ряд ценностей, скрытых в его характере — ценностей, связанных с родителем, которого он выбрал презирать и, психологически выражаясь, вытеснить. Взамен он будет цепляться за свою сознательную точку зрения с упорством, окрашенным предубеждением и фанатизмом, ибо она берет начало от бессознательного корня его положительной связи с предпочитаемым родителем и потому неизбежно оказывает автономное и компульсивное влияние на сознание. Либо же, даже оставаясь в неведении относительно внутренних противоречивых элементов, он предоставляет им полную свободу, и те бесконтрольно функционируют в повседневной жизни. Тогда грозит безнадежная непоследовательность, и все сказанное или сделанное сегодня может не иметь никакой связи с его вчерашними или завтрашними действиями или убеждениями. Несомненно, жизнь, столь отличающаяся непостоянством, может легко зайти в тупик.

До того как современные открытия в области бессознательного стали достоянием широкой публики, можно было ожидать, что каждый индивид с возрастом автоматически избавляется от влияния родителей и, оставив конфликты детства позади, волен беспрепятственно распоряжаться своей зрелой жизнью. Однако исследования не только Фрейда и его последователей, но и многих других психологов ясно показали, что реальные родители, а в еще большей мере то, что Фрейд называет родительскими имаго, а Юнг предпочитает обозначать как родительские архетипы, имеют собственное динамическое значение и обладают специфической энергией, которую нельзя полностью игнорировать или подавить⁵. Психическая энергия, подобно своему физическому аналогу, неразрушима, и любое ее количество, вытесненное в бессознательное, не перестает существовать. Напротив, оно активизирует соответствующие архетипы, вызывая волнения в бессознательном, и в конечном итоге прорвется в сознание.

Архетипы обладают неотъемлемой двусмысленностью или двойственностью. Если сознание выбирает одно из противоположных значений отдельного архетипа, другое, будучи вытесненным, уносит с собой в бессознательное присущую ему специфическую энергию. Человек не может внешне рациональным образом выбирать одно, строго исключая другое. Ибо каждая из противостоящих тенденций динамична и не терпит полного отрицания или вытеснения. Это ясно в том случае, когда конфликт индивида обусловлен различием между отцом и матерью, так как обе противостоящие ценности являются частью его самого, имея своим началом родителей, которые казались ему в детстве существами огромного размера и силы и которые из глубин бессознательного продолжают оказывать подавляющее влияние даже в зрелой жизни. Для младенца отец и мать более чем простые смертные; они всемогущи, непостижимы и внушают благоговение; их «да» и «нет» не оспариваются, даже если они являются самыми близкими, иногда снисходительными людьми, которые всегда принимаются на веру. От них ребенок черпает свое первое представление о богах и их могуществе.

Тем не менее, каждый человек носит в себе — в генах, определяющих его сущность — частицу как отца, так и матери. Он не может избежать этой двойственной судьбы или ее последствий, отвергая отца и вступая в союз только с матерью, так же как не может отречься от матери и следовать исключительно примеру отца. Подобное означало бы расчленение — увечье и смерть. Такой смысл могут иметь сновидения об увечье — нанесенном себе самостоятельно или кем-нибудь другим, т.е. они могут означать, что сновидец пытается всецело идентифицироваться только с одним из родителей или с одной из сторон его характера и поэтому вынужден отсечь те члены, которые представляют другого родителя или другую его сторону.

Согласно отрывку из Первого Евангелия, который, как кажется, странным образом расходится с контекстом, Христос советует и даже заповедует увечье в качестве средства борьбы с неприемлемыми или порочными аспектами характера. Его наставление повторяется дважды, в несколько отличных вариантах. Во втором варианте мы читаем:

«Если же рука твоя или нога твоя соблазняют тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги,

13»

нежели с двумя руками и двумя ногами быть ввержену в огонь вечный»⁶.

Этот совет кажется действенным, если цель человека состоит в достижении определенного стандарта или в подгонке под конкретный образец совершенства. Но если целью служит целостность, все члены должны найти свое место в жизни индивида, а их различия и несовместимости должны быть преодолены посредством трансформации, а не вытеснения из сознания. Судя по контексту приведенного выше отрывка, кажется, что сам Иисус не совсем был удовлетворен учением о самокастрации, так как здесь же и в предшествующем варианте⁷ это предписание сопровождается другим, имеющим совершенно иное значение. Так, он тут же говорит следующее: «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих...

Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее».

Далее излагается притча о заблудшей овце, которая, далеко не будучи отвергнутой, отрезанной, считается более важной, чем остальные девяносто девять овец, никогда не подвергавшихся опасности⁸. Это, на вид алогическое, суждение основывается на том, что заблудшая овца не только представляет ценность, но и означает то, что необходимо для целостности: без нее отара будет неполной. Точно также и в стремлении к целостности психики презираемый и вытесненный элемент — заблудшая недостающая овца — имеет несоразмерную ценность, ибо его наличие существенно необходимо для исцеления и восстановления целостности психики.

Эта догма подчеркивается в Евангелии и далее, ибо за притчей о заблудшей овце следует история о ссорящихся братьях. В главе 18 конфликт остается неразрешенным, но в упомянутой выше истории мы читаем:

«Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойдя, прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой»⁹.

В неканоническом варианте¹⁰ этой же истории брат представлен как второе «Я» человека, а высказывание гласит: «Прежде примиришься с самим собой, и тогда иди и принеси дар твой».

Таким образом очевидно, что увечье не рекомендуется в качестве удовлетворительного решения проблемы внутренних противоположностей. Если даже одна-единственная часть психики утеряна, ее необходимо отыскать, преодолевая все трудности, боль и возможное нисхождение в ад (см. выражение «быть вверженным в огонь вечный»), — т. е. в бессознательное, невзирая на все опасности и страдания, которые сулит подобное путешествие. Ибо только когда все утерянные члены будут возвращены на свое законное место, психика станет целостной.

В биологической плоскости противоречивые элементы отца и матери, мужчины и женщины, совмещаются на новом уровне в ребенке, который несет в себе физиологические характеристики и психические компоненты, унаследованные от обоих родителей. Поэтому неудивительно, что в образах бессознательного ребенок часто появляется как символ внутреннего примирения индивида в психологической плоскости. В религиозном символизме младенец Христос, являющийся Сыном Господа, своего Божественного Отца, и сыном Марии, своей человеческой матери, примиряет Бога и человека в личности. Философы-алхимики рассказывают, как в их ретортах обрело форму видение таинственного зародыша, называемого ими гомункулусом. А в сновидениях и фантазиях современных людей Самость снова и снова представляется в образе маленького ребенка¹¹.

Сотворением ребенка природа действительно совмещает противоположности. Но в психологической сфере ей был брошен вызов, и в естественный ход вещей часто вмешивалось развивающееся у человека эго-сознание, которое наделено способностью выбирать и тем самым не повиноваться природе. Именно вследствие этой способности человеческую жизнь раздирают противоречивые ценности. Для животных такой проблемы не существует. Они принимают то, что дает им природа, нравится оно им или нет, и живут по ее закону; но человек стремится сам приспособиться к жизни и ее условиям. Если же они не устраивают, он пытается выбрать благоприятные факторы и устранить неблагоприятные. Но если отвергнутые элементы оставляются без внимания и не ассимилируются, а просто вытесняются, присущая им энергия угрожает сознательной адаптации. Вместе с тем, поскольку отброшенные ценности были загнаны в бессознательное, индивид может совершенно не осознавать характер своего затруднения. В таком случае для выяснения ценностей, про-

тивостояние которых вызывает нарушение покоя, необходима определенная методика. Требующийся тщательный анализ следует предпринимать только под руководством и с помощью опытного психоаналитика, так как обсуждаемые здесь конфликты вследствие своей серьезности затрагивают крайне чувствительные и уязвимые аспекты человеческой психики. Анализ начинается с рассмотрения биографии пациента, в особенности того личного и субъективного ее аспекта, который кажется имеющим значение только самому больному. За этим следует анализ сновидений и фантазий, который, скорее всего, будет составлять значительную часть всей работы, поскольку они являются основным источником информации, касающейся содержания бессознательного. Однако нередко пациент не может ясно выразить словами характер конфликтующих в нем сил; образы сновидений могут не представлять их адекватно, или он может не понимать своих сновидений. В этом случае следует попробовать спонтанно изобразить их схематически или рисунком — подобно изображениям круга, обсуждавшимся в предшествующей главе — для того чтобы у психоаналитика сложилось какое-то представление об испытываемом им страдании.

Во многих случаях, когда я спрашивала пациента, явно имеющего серьезные проблемы: «Что так мучает вас?» — больной, указывая жестом на сердце или живот, отвечал: «У меня здесь как будто большой ком», или «Вот здесь жжет огнем», или «В этом месте у меня все переворачивается», или «Здесь — сплошная пустота». Очевидно, эти люди не знали, что именно гложет их, и хотя они понимали, что мучения имеют психологический характер, тем не менее ощущали их в теле. Это означает, что, поскольку затруднение бессознательно, оно проецируется на тело. В таких случаях я прошу пациента нарисовать то, что происходит в нем, или, активно используя фантазию, попытаться изложить в форме рассказа. Иногда пациент способен отразить невидимые факторы, тревожащие его. Если удастся обрисовать их, то есть объективировать, они становятся доступными для сознания, и человек получает возможность управлять ими.

Этот способ выявления бессознательного содержания согласуется с естественным психическим законом. Как отмечает Юнг:

«Явления бессознательного, хотя и избегают области сознания, все же проявляются то во снах, то в видениях, то в фантазиях... Это содержимое представляет автономный комплекс, отделенный

от сознания, живущий собственной жизнью в психическом не-эго и мгновенно проецирующий себя всякий раз, когда он каким-либо образом констеллируется, т.е. привлекается родственными объектами во внешнем мире...

В таких иллюзорных образах... выражен весь феномен проекции автономного содержимого бессознательного. Такие картины-мифы, похожие на сны, рассказывают нам о том, что имела место проекция, и что именно проецировалось»¹.

Для того чтобы дать возможность проецируемому, но пока еще неизвестному психическому содержанию развернуться в своем подлинном виде, не искаженном сознательным вмешательством, следует отбросить все заранее сложившиеся представления о том, каким должен быть рисунок. Рука должна использовать карандаш так, как если бы она составляла некоторого рода аппарат, регистрирующий картину психической реальности. Это не означает, что рисунок выполняется бессознательно, подобно автоматической записи; напротив, в него необходимо вложить много сознательного внимания и усилия. Но содержание рисунка не выбирается сознательно, а сам он не ограничивается заранее продуманной формой; допускается определенная независимость. Рисунок вроде бы уже как существует, а художник просто воспроизводит его по памяти. Или же он выполняется подобно тому, как ребенок выстраивает свой маленький мир из игрушек в песочнице — такой прием широко применяется в игровом методе детской психотерапии. По характеру игрушечного мира, создаваемого ребенком, можно узнать тайны его внутреннего мира, и таким образом выяснить, какое затруднение тревожит его.

Добившись правильной установки, индивид, выполняющий такой рисунок, чувствует, что не он выступает творцом, выбирающим изображаемые объекты; скорее, ему кажется, что сами объекты являются инициаторами рисунка, побуждающими его изобразить их. Это ощущение себя в качестве простого посредника, так сказать, выбранного автономным образом или идеей инструмента, очень часто возникает у художников и писателей. Данную ситуацию точно передает статуэтка евангелиста Марка. Он изображен сидящим со свитком на колене и с пером наготове в руке, а голова апостола наполовину повернута ко льву¹³, по-видимому, нашептывающему ему на ухо то, что он должен писать.

Когда возникает образ, желающий, так сказать, быть нарисованным, субъект взаимодействует с ним в своем воображении, и

изменения, происходящие с образом, отражаются в рисунке; или же он может выполнить ряд рисунков, демонстрирующих последовательные изменения — так сказать, историю образа. Судьей тому, что должно быть в рисунке, во всем должен быть глаз, а не разум. Иногда индивида увлекает не спонтанно возникающий иллюзорный образ; вместо этого он может захотеть нарисовать картину или схему какой-нибудь ситуации или отрывка из своего сновидения, интригующего его несоразмерно тому значению, которое удалось выяснить с помощью методов свободных ассоциаций и развития содержания, обычно используемых в толковании сновидений.

В этом так называемом бессознательном рисовании очень важно избегать анализа материала в процессе работы, ибо подобная сознательная оценка почти неизменно приводит к искажению образов или нарушению спонтанности их раскрытия. Анализ и критический обзор должны применяться для выявления значения рисунка, но это делается позднее. Сосредоточить все свои усилия и внимание на задаче и вместе с тем воздерживаться от сознательного вмешательства очень сложно. Однако это важное условие работы, каким бы трудновыполнимым оно ни было. Ибо все это — не праздное времяпрепровождение, а серьезная попытка, во-первых, выяснить, что собой представляет невидимая внутренняя реальность, и, во-вторых, проанализировать ее таким образом, чтобы усилия, затраченные на рисунок и концентрацию внимания на отображаемой внутренней проблеме, могли оказать такое воздействие на психическую ситуацию, которое нельзя достичь прямыми методами.

По этой причине нет никакого смысла просто рисовать круги или квадраты — с циркулем и линейкой в руках это может любой. Не приносит никакого волшебного исцеления и изображение бессмысленных форм и внешних объектов. Во внутреннем мире вещи настолько же реальны, как и в физическом. Когда кто-нибудь говорит: «Это только лишь психическое» — он не верит в реальность психического мира и предполагает, что психические явления — это пустое ничто, воображаемый материал, который не имеет субстанции или тела, который можно произвольно изменять или принимать в нем желаемое за действительное, а потому практичные люди могут не обращать на него внимания.

Но это не так. Психический материал реален и имеет вес, а изменить его можно, только затратив реальные усилия. Обсуждав-

шееся здесь представляет собой инструмент, метод, посредством которого сознательное усилие можно применить к психической реальности. Когда человеку удастся нарисовать подлинную картину внутренней ситуации, и он продолжает работать с материалом, покоряясь и подчиняясь, так сказать, тому, что хочет и желает быть нарисованным, — тогда, как это ни странно, психическая ситуация действительно меняется соответственно изменению образов на рисунке. Было обнаружено, что бессознательные факторы, активированные каким-либо конфликтом в жизненной ситуации, легко проецируются вовне. Образ, над которым работает индивид, может казаться не имеющим прямой связи с конфликтом, но если он привлекает внимание настолько, чтобы заинтересовать и даже увлечь индивида, его либидо — энергия бессознательного содержимого — устремится к нему. Сам факт, что образ очаровывает индивида, означает, что на него проецировались бессознательные факторы. Занимаясь объектом своего интереса, индивид в действительности обращается к самому себе, своему неизвестному бессознательному содержанию.

Современная живопись основывается на весьма схожем психологическом механизме, хотя большинство художников, по-видимому, до конца или даже вовсе не понимает психологического значения своих произведений. Художник нереалистической школы не ставит своей целью воспроизведение явного внешнего вида вещей, а стремится передать их абстрактное значение. Он проникается содержанием объекта или ситуации, впитывает в себя их неотъемлемые качества, а затем пытается изобразить то, что чувствует. Он называет это сущностью объекта, его внутренней реальностью или *surrealite* и не понимает, что воспринимаемая им подобным образом реальность не относится непосредственно к объекту. Если бы это было так, то все художники, работающие с одним и тем же материалом, пришли бы к аналогичным заключениям в отношении него, а это, несомненно, не так.

Скорее, воспринимаемая художником реальность является эманацией или отражением от объекта. Это — «сверхреальность» не объекта, а самого субъекта; это — его психическая реальность или истина. Таким образом, в действительности художник воспринимает свою психику, собственное бессознательное содержание, проецирующееся на объект и открывающееся ему, как если бы оно было неотъемлемым качеством объекта, его первичной реальностью. Если художник способен взглянуть на свою карти-

ну подобным образом, он может намного больше узнать о себе, чем о природе объекта. Более того, если он настоящий художник, его картины будут отражать не только личное внутреннее состояние автора, но и бессознательную психику его времени.

Аналогичным образом и рисунок пациента может предоставить много полезной информации о его реальной психологической ситуации¹⁴. Вдобавок, если пациент привержен истине субъективных переживаний не менее верности настоящего художника ощущению внутренней истины объекта, то это скажется на его внутреннем состоянии, и он сможет увидеть путь к разрешению конфликта.

Работа пациента над собственным рисунком напоминает занятие алхимиков, настойчиво экспериментировавших с веществами и химическими реакциями. Как свидетельствуют их труды, превращения, наблюдавшиеся в ретортах, одновременно происходили и в самих экспериментаторах. Психологу понятно, что такой результат объясняется проекцией бессознательной психической жизни алхимика на неизвестные и таинственные для него материалы, с которыми он работает. Юнг пишет: «Действительная природа материи не была известна алхимику, он знал ее только поверхностно. Пытаясь исследовать ее, он проецировал бессознательное во тьму материи, дабы осветить ее. Чтобы объяснить тайну материи, он проецировал в то, что требовало объяснения, другую тайну, а именно — собственное неизвестное психическое содержание!»¹⁵.

В результате, работая с веществом в колбе, алхимик одновременно имел дело с той частью своей психики, которую проецировал:

«Строго говоря, проекция никогда не приводится как таковая; она случается; она просто есть. Во мраке чего-либо внешнего для меня я неосознанно встречаю собственную внутреннюю или психическую жизнь»¹⁶.

Таким образом, случившееся в эксперименте произошло и в экспериментаторе. Как имели обыкновение говорить алхимики: «*Tam ethice quam physice*» (в психическом мире — все, как и в физическом мире). Юнг продолжает:

«Тем не менее, мне кажется, было бы ошибкой объяснять формулу "*tam ethice quam physice*" теорией соответствия, и утвер-

ждать, что она является «причиной» формулы. Наоборот, она скорее всего представляется рационализацией результатов проекции. Алхимик практиковал свое искусство не потому, что исходил из теории соответствий, истина состоит в том, что он убедился в присутствии предшествующих существованию принципов в физической материи. Я склоняюсь к тому, чтобы признать подлинной причиной развития алхимии не философскую доктрину, но личные проекции исследователей. Я думаю, что во время своего химического эксперимента оператор испытывал определенные психологические ощущения, которые проявлялись в нем как особое поведение химического процесса. Поскольку в основе этого лежали проекции, он, естественно, не осознавал, что полученные результаты не имели ничего общего с материей как таковой (как мы ее понимаем теперь). Он трактовал свою проекцию как свойство материи: но то, что в действительности исследовалось, было его бессознательное... Такие проекции повторяются там, где человек пытается познать темную бездну и невольно заполняет ее живой формой».

«Он [Зосим, алхимик философ третьего столетия] стремился производить опыты на самой материи, добиваясь полной идентичности между ее поведением и процессом в своей собственной психе. Но так как упомянутая идентичность находится в бессознательном, Зосим не способен сообщить об этих процессах больше, чем остальные. Для него она просто существует и не только служит переходом, но и действительно является мостом, соединяющим психические и материальные проявления в нечто единое, так что "то, что находится внутри, находится и вне"»¹⁸.

В ряде религиозных систем рисование используется как способ содействовать духовному росту новообращенных. В некоторых случаях священные рисунки просто созерцаются; в других — их тщательно копируют, что способствует медитации и помогает концентрировать внимание на созерцаемом субъекте. В тибетских ламаистских монастырях молодые послушники по сей день перерисовывают эмблемы храмовых флагов. Буддисты используют священные рисунки и схемы как *яитры*¹⁹, во многом наподобие того, как католик созерцает останки Христа на крестном пути или другие священные картины для развития души.

Иногда рисунки состоят из замысловатых геометрических узоров эзотерического значения; их рисуют многократно — такой вид деятельности похож на сложные танцы и физические упражнения, практикуемые в некоторых школах йоги и обрядах посвя-

щения других религий. Вероятно, подобной цели служит и орнамент в виде завитков, столь часто применяющийся для украшения религиозных манускриптов в христианских монастырях; а мастеровые, украшавшие резьбой такого же символического плана церкви и соборы Европы, вполне возможно, делали это, как во славу Господа, так и на благо собственной душе.

В таких случаях используется рисунок более или менее установленной формы, на протяжении многих лет или даже столетий канонизированной и освященной общинами религиозной культуры; его общепризнанная цель состоит в том, чтобы вызвать отклик в душе или, как сказали бы мы, в психике новообращенного. С другой стороны, когда добиваются не «совершенства», а целостности индивида, безусловно, нельзя заранее знать или предписывать, что будет нарисовано, либо к какому идеалу следует стремиться с помощью рисунка, так как индивидуальные переживания уникальны. Кроме того, человек, собирающийся отобразить свою сокровенную личную проблему, должен иметь полную свободу выбора собственных символов. Однако, как ни парадоксально, он не свободен в их выборе; символы, так сказать, сами выбираются, и он вынужден отдать руку и карандаш в распоряжение тех символов, которые избрали его в качестве своего «портретиста».

При добросовестном соблюдении этого условия результат работы уникален и индивидуален — выражение самого сокровенного аспекта жизни данного человека. Тем не менее, изучение собрания таких рисунков, связанных с проблемой конфликта противоположностей, обнаруживает поразительные сходные черты. На многих из них психика изображается в виде круга²⁰, тогда как конфликтующие ценности символически представлены либо как вторгающиеся в круг извне, либо, если найдено приемлемое решение, как входящие в круг. Аналогичные узоры расположены на священных скульптурах и картинах многих религиозных систем, и часто символическим языком передают их глубочайшие истины или тайные учения. Однако, если рисунки, выполненные людьми в процессе психологического анализа, связаны с их индивидуальными проблемами и трудностями, то композиция, ставшая общепринятым религиозным символом, уже больше не имеет этого личностного качества; она обезличена многовековым использованием и вытекающей отсюда модификацией. Чисто личные или случайные элементы постепенно исключались, а

очищенный от преходящих составляющих переживаний отдельных людей конечный продукт оставался в качестве абстрактного символического выражения проблемы или истины, имеющего намного более широкое, даже универсальное применение.

До тех пор пока рисунок действительно отражает архетипическую драму, переживаемую в бессознательном, он способен привлекать и пленять внимание истово верующего. Медитируя над ним, он может отыскать подходящее решение собственных индивидуальных проблем и трудностей. В махаяна-буддизме такая фигура называется мандалой, и Юнг принял этот термин для обозначения всех подобных изображений. Он пишет:

«Термин "мандала" был выбран в связи с тем, что это слово обозначает ритуальный или магический круг, применяющийся в ламаизме и тантрической йоге как янтра для облегчения медитации. Церемониально используемые восточные мандалы представляют собой закрепленные традицией изображения; они могут быть нарисованными, написанными красками или, в некоторых специальных церемониях, даже скульптурными.

Я совершенно уверен в том, что эти восточные символы не были изобретены кем-нибудь из основоположников махаяны, а зародились в сновидениях и видениях. Ведь они относятся к древнейшим религиозным символам человечества и, вероятно, существовали даже в эпоху палеолита (см. родезийские наскальные рисунки)»²¹. Подлинные мандалы встречаются и в христианской иконографии, особенно в ее эзотерических или тайных аспектах. Сходные изображения наблюдаются и среди символов многих других религий. Они часто встречаются в кельтском религиозном изобразительном искусстве и художественных формах многих индейских племен Мексики и Центральной Америки, например, у древних майя, тогда как так называемое колесо солнца, обнаруженное на пещерных рисунках периода палеолита, вполне вероятно, как считает Юнг, является ранней формой мандалы, ибо солнце как внешний объект никогда не могло изображаться кругом с крестом в нем. Эта фигура, несомненно, является художественной формой — т.е. она родилась в воображении художника или берет свое начало от архетипического образа, воспринятого и воспроизведенного посредством рисунка. Была ли она связана с конфликтом противоположностей — мы никогда не узнаем; но достоверно известно, что эта форма в виде круга, разделенного крестом, существовала столетиями и до сих пор притягивает взор

и воображение современных людей, по крайней мере для некоторых из них она представляет альтернативу их собственной психической двойственности.

Слово «мандала» означает круг и употребляется в частности для обозначения магического круга. Однако в религиозном употреблении оно имеет специальное значение: «*мандала* является символической геометрической диаграммой, посредством которой вызываются божества»²². Вычерчивание такой фигуры в ходе церемониала преследует две цели: во-первых, определение границ пространства, обеспечивающего индивиду защиту от чуждых влияний; и во-вторых, исцеление заболевания его души или тела посредством идентификации с верховным божеством, символически пребывающим в центре. Исцеление души здесь служит эквивалентом просветления. Психологическое значение состоит в том, что мандала используется для отделения личностной психики от «не-Я» с целью не допустить или изгнать чуждые влияния и объединить отличные психические элементы под руководством нового центра, то есть заменить частичное главенство эго признанным господством Самости.

Круг в качестве магического средства защиты — известная концепция. Когда маг собирается вызвать силы духов, он обычно чертит вокруг себя круг. Затем он взывает к помощи того духа или демона, от которого при посвящении он получил свои магические способности, и велит ему или просит защитить круг. Этому он добивается, рисуя изображение или символ духа или демона, либо начертанием тайного имени этого существа во внутреннем пространстве круга или же, возможно, выкладывая содержимое своего амулета или сумки с талисманами на то место, где, по его мнению, должен стоять на страже демон. Чуждые духи неспособны пересечь проведенную линию, поэтому он остается в безопасности.

Нечто подобное практикуется, когда в моменты опасности, особенно психологической опасности (современная формулировка, соответствующая древнему представлению об угрозе со стороны злых духов), подразумевается настоятельное требование не разрывать круг. Например, ожидается, что никто не выйдет из комнаты во время важного совещания. Даже в неофициальной обстановке возникает атмосфера неловкости, когда кто-нибудь слишком рано выходит из-за стола, особенно если застолье имеет ритуальное значение, как в случае чествования дня рождения

или религиозного праздника такого, как рождество или День благодарения. Если же говорить о спиритическом сеансе, то здесь, когда медиум впадает в транс и вступает в контакт с силами духов, разрывать круг считается даже опасным, так как в противном случае ему будет трудно выйти из транса и вернуться в сознательное состояние.

Петер Фройхен² рассказывает, что однажды, когда он жил в самой недоступной части Гренландии, ему довелось присутствовать на магической церемонии, в которой знахарь отправлялся в мир духов, дабы очистить загрязненный запас питьевой воды деревни. Считалось, что это мероприятие чревато множеством опасностей. В жилище знахаря собралось все население деревни, тогда как сам он лег на кровать и начал монотонно бубнить. Постепенно он впал в состояние транса; его голос становился все тише и тише, как будто удаляясь все дальше и дальше в своем путешествии в мир духов.

Эмоциональное напряжение выросло в хижине настолько, что люди чуть ли не впадали в неистовство. Вскоре один мужчина не выдержал. Он вскочил и бросился бежать прямо сквозь снежную стену хижины. Тут же в голосе знахаря послышались тревожные нотки. Он сбился с пути в мире духов, и ему чрезвычайно трудно было вернуться обратно в хижину и в свое тело; действительно, он чуть не умер, а человека, разорвавшего круг, обвинили в серьезном преступлении.

Запрет на разрыв круга согласуется с психологическими законами. Если кольцо разорвано и что-то просачивается наружу, выполняемая работа может оказаться под угрозой срыва; и наоборот, новоприбывший, включающийся в группу, уже глубоко поглощенную каким-то делом, может привнести с собой постороннее влияние, пагубное или даже губительное для всего предприятия. В особенности необходимо сохранять круг замкнутым, когда предстоящее дело включает нечто, не совсем понятное, а потому предполагающее встречу с неизвестными элементами, частично понимаемыми силами или бессознательными динамическими факторами. Вдобавок, необходимо предпринять дополнительные защитные меры, обеспечивающие свободное течение мыслей и устойчивость внимания исполнителей, которые к тому же будут сдерживать их эмоциональные реакции, чтобы не вмешались другие бессознательные элементы и не внесли свою долю неконтролируемой эмоции в ситуацию.

До сих пор мы говорили о символизме круга применительно к проблеме групповой деятельности и человеческих взаимоотношений. Наряду с этим он имеет более непосредственное отношение к проблемам процесса индивидуации. В предшествующей главе выделялись личностные аспекты данного вопроса, такие, как необходимость собрать все части психического материала, пребывающие в проекциях, отделить от жизненных ситуаций, которые делают их заметными, и вернуть обратно в круг психики. Если индивид проецирует значительную часть самого себя на другого человека или на идею и не осознает психологической подоплеки своего энтузиазма, то всякий раз, когда будет затрагиваться этот его интерес, может меняться поведение, хотя сам он не будет осознавать собственной реакции. В просторечии мы говорим, что он фанатичен в этом вопросе. Он совершенно неспособен обсуждать его по сути; простое упоминание данной темы движет им автоматически, так же, как невидимая нить управляет марионеткой, хотя в отношении других вопросов он остается рассудительным и разумным человеком. Таким образом, нераспознанная проекция функционирует как автономный комплекс с характерными проявлениями части личности. Этот механизм может быть столь обманчив, что серьезному искажению подвергнутся даже собственные наблюдения индивида. Иногда он даже готов поклясться, что человек, носитель его проекции, сделал или сказал что-то, чего он на самом деле не делал или не говорил; в менее крайней ситуации психическая проекция придает неверную окраску тому, что фактически было сказано или сделано, так что действие воспринимается в ложном свете.

Подобные искажения реальности могут происходить в результате как положительной, так и отрицательной проекции. Существует множество выражений, представляющих оба типа. Например, общеизвестно, что «любовь слепа», т.е. влюбленный всегда видит объект своей любви в благоприятном свете. Афоризм «дурная кличка накрепко пристает» подразумевает, что проекция, однажды бросившая тень подозрения на кого-нибудь, будет искажать все сделанное этим человеком в глазах индивида, осуществившего эту проекцию.

Задача по распознаванию и ассимиляции проецированного психического материала, естественно, довольно продолжительна и сложна, ибо проблема проекции неограничена. Каждая assi-

миляция лишь расчищает путь для распознавания следующей проекции. Вместе с тем существуют явные проекции, которые должны быть осознаны для того, чтобы индивид не опустился ниже общего культурного уровня, соответствующего его положению в жизни. Ибо каждый уровень культуры находится в примерном соответствии с определенным уровнем сознания, и несомненным долгом каждого индивида является стремление к достижению психического уровня, отвечающего его культурному статусу. Достигнув его, человек перестает быть инфантильным; он становится полностью зрелым и может быть назван современным, действительно живущим в свою эпоху. Индивид, поднявшийся выше общего уровня своего времени, становится, как говорит Юнг, «человеком нового времени»; он подобен духовному первопроходцу, смотрящему в лицо проблемам, которые встанут перед цивилизацией завтра.

С распознаванием проекций и возвращением утерянных элементов обратно в круг психики между ними может возникнуть конфликт. И это понятно, так как одни из этих факторов наследуются от отца или матери, другие — от более отдаленных предков, а происхождение третьих вообще нельзя проследить. Проявления последних часто бывают необычными и крайне озадачивающими. Они протискиваются в сознание и дают о себе знать своим влиянием. Эти странные, иногда даже нечеловеческие элементы психического наследия надлежащим образом представлены в сказках в виде хороших и плохих подарков крестной матери-феи. Неудивительно, что результатом является отсутствие внутренней гармонии. И просто чудо, что психика не пребывает в состоянии беспрестанной войны, ибо каждый из этих элементов наделен энергией, и поэтому не может умереть. К счастью для нашего здравомыслия, многие из этих несовместимых элементов залегают глубоко в бессознательном, скованные изначальным сном; те из них, которые зашевелились, закрыты в отдельных отсеках. Но с развитием жизни и расширением сознания внутренние конфликты пробуждаются и проблему урегулирования противоречий, которую они поднимают, следует решать как важную и неотложную задачу.

Именно в это время символизм мандаты начинает появляться в сновидениях и других продуктах деятельности бессознательного, указывая возможный путь разрешения конфликтов. Никогда нельзя забывать, что подлинная мандата является живым симво-

лом, и ее нельзя создать преднамеренным усилием. Искусственные диаграммы, несомненно, не способны изменить состояние психики или повлиять на него. Но поднимающийся из глубин бессознательного символ не искусственного происхождения; он служит зеркальным отражением того, как обстоят дела в невидимой части психики. Это — реальная картина, и если ее постичь сознанием, она станет реальной и для сознания. Юнг пишет об этой проблеме следующее:

«Все, что может быть выяснено о символизме мандалы, отображает автономный психический факт, характеризуемый феноменологией, которая всегда повторяет себя и повсюду одинакова. Она, как понятие, должна представлять собой нечто вроде атомного ядра, о внутренней структуре и конечном значении которого мы ничего не знаем. Мы также можем рассматривать ее как действительное — т.е. эффективное — отражение сознания, которое не может определяться ни в своей цели, ни в предназначении, и полностью проецирует свою активность на виртуальный центр мандалы. Необходимая для этой проекции побудительная сила всегда лежит в особой ситуации, где индивидуум уже не знает как помочь себе другим способом»²⁴.

Обычно мандала включает квадрат, крест, а иногда треугольник или звезду внутри или снаружи круга. На протяжении многих столетий соотношение квадрата и круга для множества людей символизировало проблему соотношения двух несовместимых ценностей. Квадрат представляет землю, являющуюся, как мы говорим, традиционной реальностью; это — неоспоримый факт, логический или рациональный принцип, символ человеческого сознания и понимания. Круг, не имеющий начала и конца, является завершенностью в самом себе; он представляет небеса, космос и символизирует сферу абсолютного, божественного. Веками стремление разрешить проблему квадратуры круга²⁵ воплощало попытку человека совместить эти две сферы.

Поглощенность мыслителей и философов минувших эпох этой и аналогичными проблемами показывает, что они представляли для них нечто большее, чем внешнюю очевидную задачу. Они не могли удовлетвориться, как мы, утверждением, что площадь круга равна πR^2 . Нас же эта формула устраивает и поэтому дальнейшая озабоченность данной проблемой кажется нам бесполезной, простым ребячеством. Но для *mathematici* Древней Греции и философов Средних веков — многие из которых были иск-

лючительно одаренными в интеллектуальном отношении личностями — этого было недостаточно. Их очаровывали такие неразрешимые проблемы, они чувствовали непреодолимое влечение решить и узнать их скрытое философское значение. Эта работа увлекала их точно так же, как алхимиков притягивало занятие, связанное с проблемой тайны материи.

Из этого мы должны заключить, что внешняя проблема, будь то математическая или химическая, включает в себе скрытую психологическую ценность. Внутреннее неизведанное ученого искателя истины, сокрытое во мраке, нашло себе убежище в объективных проблемах математики или материи. Эта точка зрения подкрепляется еще и тем, что во многих религиозных системах композиция, образованная сочетанием круга и квадрата или какой-нибудь другой фигуры с точно вычисляемой площадью (например, треугольника), служит одним из символов тайного или эзотерического учения или догмы, и считается откровением истины, невыразимой интеллектуально, ибо она представляет отношение между человеческим и божественным. Эти изображения являются подлинными мандатами.

Для посвященных такая форма имеет эзотерическое значение и представляет высшую истину, реальность, которую можно постичь, только пройдя специальную подготовку или обучение, ведущие к посвящению или просветлению. Обычный верующий, который, как правило, не пытается понять то, чему его учат, просто принимает священные изображения как само собой разумеющееся или использует их совершенно суеверным образом в качестве средства воздействия на мир духов — чтобы изгнать демонов или заставить богов даровать ему благосклонность — точно так же, как маг использует круг, чтобы оградиться от злых духов.

На Востоке мандала используется большинством в качестве магического средства примирения противоположностей и исцеления больных, хотя посвященные понимают ее иное предназначение, как мы увидим позднее. Индейцы племен навахо и пуэбло изображают мандалу песком на земле, а сиу образуют такую форму фигурами священного танца в обычных религиозных церемониях, а также в ритуалах, исполняемых для исцеления больных. Эти индейцы придерживаются верования, очень распространенного у народов примитивной культуры, что болезнь вызывают злые духи, вторгающиеся в тело или ум больного и воюющие с его подлинным духом. Поэтому больного кладут на землю и окружа-

ют исцеляющей мандалой, нарисованной или танцуемой. Энергия, пребывающая в результате примирения противостоящих сил в центре мандалы, переходит в него, и он возвращается в свое «подлинное» состояние нормального здоровья.

Обсуждая значимость символизма мандалы, Юнг пишет:

«Используемые в церемониалах мандалы имеют большое значение потому, что их центры обычно вмещают одну из верховных религиозных фигур: либо самого Шиву — часто в объятиях Шак-ти — либо Будду, Амитабху, Авалокитешвару или одного из великих учителей махаяны, или просто *дордже*, символ всех божественных сил, как созидательных так и разрушительных по своей природе»²⁶.

В песочных мандалах центральная сила часто представлена изображением Отца Неба и Матери Земли. Или же ее может символизировать просто пыльца, золотистый порошок, чудесная способность оплодотворять кукурузу которого очаровывала религиозное мировоззрение навахо, и кукурузная мука, женское семя — первая представляет отца, а вторая — дар собственного тела Матери Земли. В буддистских мандалах, как отмечает Юнг, центральным символом часто выступает изображение бога Шивы и богини Шакти в вечном объятии²⁷. В Тибете в мандалах Северного Буддизма это обычно дордже — одновременно двойной скипетр и молния, — представляющее неограниченную власть и контроль над ней. В Тибете в центре мандалы можно также встретить изображение того или иного бога добуддистской религии Бон, зачастую в его зловещем аспекте.

В христианских мандалах в центре располагается Победоносный Христос в обрамлении эмблем или символов четырех евангелистов, — быка, орла, льва и ангела — представляющих четыре манифестации или эманации божественной силы соотносительно к человеку. Иногда центральной фигурой выступает Мария, сидящая на престоле вместе с Богом Отцом и Богом Сыном или держащая на коленях своего коронованного Сына. Последнее означает, что Бог, ставший человеком благодаря человеческой матери, вернулся к своей божественной власти и теперь торжественно правит, занимая центральное место. В мандалах последних столетий центр иногда представляет собой абстрактный рисунок, такой как глаз, заключенный в треугольник. Последнее, возможно, означает всевидящее божественное сознание, присущее Троице или проявляющееся через нее. Все это — традиционные или твердо

установленные ритуальные формы. Каждая из них, несомненно, родилась в видении какого-нибудь человека, нуминозное переживание которого выразилось в таком виде. Постепенно, с течением столетий, по мере того, как другие люди обнаруживали, что их собственные переживания можно отразить аналогичным способом, первоначальный образ подвергался модификации, пока из ощущений множества людей наконец не выкристаллизовалась определенная форма, которая упрочилась в ритуале в качестве священного изображения, демонстрирующего «природу вещей».

Пребывая в Индии, доктор Юнг беседовал с настоятелем ламаистского монастыря, который сказал ему, что ритуальные ман-далы, имеющиеся в каждом храме, не почитаются во время богослужений, а используются для медитации. Таким образом, они служат в качестве моделей для активного воображения, для «построения» индивидуальной мандалы. Если у человека возник религиозный конфликт или серьезная личная проблема, он строит для себя мандалу и так отыскивает решение конфликта. Это является исключительно интересной параллелью наблюдениям, описанным Юнгом и подтвержденным другими учеными. Суть этих наблюдений в следующем: когда в ходе психологического анализа возникает внешне неразрешимая проблема, к разрешению конфликта может привести работа со всплывающими из бессознательного образами, которая заключается в их отображении рисованием карандашом или красками. Рисование, конечно же, не предписывается как лечебное средство. Даже когда у пациента появляется спонтанный импульс к рисованию, ему предоставляют полную свободу выбора фигур, ибо, как говорилось выше, весь смысл и предназначение подобного мероприятия будет сведен на нет любой попыткой со стороны психоаналитика или пациента повлиять на свободное выражение бессознательного содержания. Несомненно, простым рисованием кругов и квадратов никакой особой пользы, никакой магической силы добиться нельзя. Более того, пациенту нецелесообразно рисовать мандалу, если она сама спонтанно не явилась ему в сновидении или фантазии. Ибо мандала представляет собой усилие бессознательного упорядочить состояние хаоса или сумятицы в сознательной области. Поэтому она появляется в момент, когда отсутствие порядка в жизненной ситуации наиболее ясно понимается сознанием благодаря концентрации внимания на ней. Такое повышенное осознание конфликта часто наблюдает-

ся у индивида в процессе анализа в результате обсуждения его проблем с психоаналитиком.

Истинное предназначение и правильное использование ман-дал лучше всего можно понять, изучив их ритуальное применение в Тибете, где они играют исключительно важную роль. Наряду с постоянными изображениями, хранящимися в храмах для использования при богослужениях и для медитации новообращенных, во многих случаях готовят специальные мандалы. Они могут быть выложены на земле цветным песком, наподобие песчаных изображений навахо и во многом с подобной целью. Или же они могут быть составлены из блюд с подношениями богам, помощи которых добиваются. Подношения располагают в виде геометрических композиций, имеющих ритуальное значение. Либо мандала может выстраиваться фигурами танца. В каждом случае используется специальная мандала, отвечающая ритуалу проводимого мероприятия.

Особенно важную роль мандала играет в малоизвестном тибетском ритуале, посредством которого йоги стремятся превзойти эго-сознание и достичь сознания Самости. В тексте это описывается следующим образом:

«Да увенчается моя священная миссия успехом, И пусть достигну я Великолепия». Этот обряд описывается в ламаистском тексте школы Нагма-па Падма Самбхавы и имеет буддистское происхождение, т.е. относится еще к религии Бон. Эванс-Венц представляет нам этот текст в переводе Ламы Кази Дава-Самдуп²⁵¹. Текст датируется восьмым столетием н.э. и озаглавлен: «Путь мистического жертвоприношения: йога подчинения низшего я». Описываемый в тексте ритуал называется *чод*. Он касается жертвоприношения эго-личности и достижения слияния с божественным сознанием. Доктрина Все-Сознания, превосходящего сознания человека, является фундаментальной и центральной в буддизме. Цель упражнений системы йоги и длительной тренировки школ махаяны, дзэн и других направлений, состоит в достижении просветления. Последнее означает лицезрение света Все-Сознания и освобождение от колеса рождения и смерти в результате осознания того, что феноменальный мир — это всего лишь майя, ре-

альность которой для каждого индивида зависит только от его психической позиции. Я уже отмечала, что эти учения в некоторой степени соответствуют представлениям современных психологов, которые также обнаружили, что при расширении сознания индивида в результате распознавания и ассимиляции собственных проекций его абсолютная приверженность к миру ослабевает, и он начинает видеть ранее захватывавшие его эмоции и привязанности как обусловленные проекцией интрапсихических факторов. Это, несомненно, отвечает буддистскому учению о том, что демоны и боги, т.е. психические силы страха, ненависти и гнева или желания и очарования, являются проявлениями «твоих собственных мысле-форм», как говорится в описании ритуала прохождения состояния после смерти²⁹. Если современный индивид сможет признать своих «демонов» и «богов» в качестве собственных мысле-форм, они потеряют свою власть над ним.

Ритуал *чод*, практикуемый продвинутыми йогами как часть их тайного посвящения, исполняется и в виде так называемого мис-териального представления.

«Это представление-мистерия уже давно исполнялось для целей изгнания старого года вместе с его демонами зла с помощью божеств, которой добивались человеческими жертвоприношениями (в настоящее время жертвоприношением символической фигурки); таким путем предохраняли урожай и скотину, обеспечивали божественную защиту государству и победу над всеми врагами, как человеческими, так и духовными. Первоначальное ритуальное вкушение плоти и крови принесенного в жертву было, вероятно, связано с этим ритуалом»³⁰.

Однако такой ритуал, осуществляемый тибетским йогом, добивающимся просветления на соответствующей стадии своей подготовки, уже не имеет характера мистериального представления, исполняемого перед всей деревней в обстановке праздника и веселья. Теперь это — суровое испытание, вполне способное испугать даже самых выносливых из истово верующих³¹. Йог удаляется в безлюдное место, зачастую высоко в горы, и выполняет всю церемонию в полном одиночестве. Церемония состоит из причудливого танца, исполняемого ночью, часто на кладбище или в месте, где разлагающиеся тела умерших оставлены на растерзание стервятникам. Одиноким участником ритуала стремится идентифицировать свое тело с окружающими его гниющими тру-

нами и сосредоточить собственные мысли на бренности жизни. Зловещая обстановка и жуткие детали обряда обостряют его воображение и пробуждают дремлющие в бессознательном эмоции страха и ужаса, или, как сказали бы тибетцы, заставляют прийти к нему гневных богов. В полном уединении он борется с высвобожденными в нем психическими силами; побеждая их, он подчиняет себе демонические силы и танцует на них. Это означает, что он преодолевает собственные инстинктивные импульсы и желания. Ибо *иод* означает «отсекать»:

«Подразумевается "отсечение" эгоизма, представленного человеческой плотской формой вместе со всеми ее страстями и карми-чески-унаследованными склонностями, составляющими личность.... Через мистическое жертвоприношение собственного тела преуспевший Йогин рассекает пополам оковы личности, страсти, обособленности и всей майи, или иллюзии; выходя из Неведения, дающего им начало; он обретает способность видеть истинную природу человеческого существования. Раз осознав иллюзорный характер всех феноменальных явлений, которые непросветленный принимает за реальные, внешние и обособленные... Йогин видит множество как Одно и Одно как Все и знает, что единственной реальностью является Разум»³.

Ритуальное «отсечение» эгоизма соответствует психологическому процессу, посредством которого в результате нахождения общего языка с бессознательным подрывается и даже низвергается господство эго-сознания и инстинктов. Данный процесс ведет к открытию нового центра психики и соответствует осознанию йогом того, что Разум, или Вее-Сознание, является высшей силой. Это осознание аналогично кульминации процесса индивиду-ации. Необыкновенное сходство между учениями Восточного эзо-теризма и открытиями аналитической психологии при изучении бессознательного современных людей просто поразительно. Юнг в своем комментарии к китайскому эзотерическому тексту пишет:

«Наблюдения, сделанные в процессе моей практики, открыли новый и совершенно неожиданный подход к мудрости Востока. Следует при этом специально отметить, что у меня не было даже поверхностного знакомства с китайской философией, что могло бы стать исходным пунктом размышлений. Наоборот, когда я начинал дело своей жизни — психиатрическую и психотерапевтическую практику — я был полным невеждой в этой области, и только позже профессиональный опыт показал мне, что в своей технике я бессознательно шел той таинственной дорогой, которая

веками приковывала к себе внимание лучших умов Востока... [Китайский текст] показывает яркую аналогию того процесса, который происходит в психике моих пациентов, среди которых нет ни одного китайца.

Чтобы этот удивительный факт сделать более понятным читателю, необходимо заметить, что как человеческое тело имеет — независимо от всех расовых отличий — одинаковую анатомию, так же и психе имеет общую основу, независимо от всех различий культуры и сознания. Эту основу я назвал "коллективным бессознательным". Эта бессознательная психе, общая для всего человеческого рода, состоит не только из содержания, которое может становиться сознательным, но также из скрытых склонностей к определенным общим реакциям. Так, явление коллективного бессознательного — это просто психическое выражение универсальности структуры человеческого мозга, вне зависимости от всех расовых различий. Данный факт проясняет аналогию, порой даже идентичность различных мифологических мотивов и символов, а также возможность человеческих существ понимать друг друга»³³.

Согласно ламаистскому учению, замещения эго высшим сознанием необходимо непосредственно добиваться конкретными, предписанными в ритуале средствами. В этом отношении путь системы йоги полностью отличается от метода аналитической психологии. Как говорит сам Юнг:

«Человек Запада совершил бы огромную ошибку, если просто начал практиковать китайскую йогу, поскольку это было бы делом его воли и сознания, что только бы укрепило эти последние в их неприятии бессознательного и привело бы к нежелательному результату. Невроз, таким образом* просто углубился бы. Еще раз нужно отметить, что мы не азиаты, и поэтому в подобных вопросах наша отправная точка совершенно иная»³⁴.

Тем не менее, переживания, спонтанно возникающие в процессе индивидуации, определенным образом напоминают ощущения, испытываемые в результате упражнений системы йоги. Более того, символы, появляющиеся в первом случае, часто имеют удивительное сходство с символами, применяющимися во втором. Очевидно, и то и другое затрагивает, хотя и весьма разнящимися путями, то содержание бессознательного, которое воспринимается как отделившиеся психические факторы. Йог намеренно добивается такого отделения, вызывая ужасающие мысли и видения и практикуя свои упражнения в изолированном месте, где испытания усугубляются физическими лишениями, ко-

торые ему приходится выносить. Современный житель Запада встречается с этими автономными психическими факторами, когда пытается прояснить проблемы, возникающие в связи с тем, что я назвала спорным вопросом, или когда сталкивается с каким-нибудь событием глубоко волнующего или даже нуминозного характера; ибо все такие *tremenda* имеют проекции, функционирующие как автономные психические комплексы, которые у недалеких людей порождают веру в демонов и призраков, богов и духов.

Осознание того, что отделившиеся психические силы не являются реальными демонами или богами возможно только

«когда сознание начинает отделяться от своего содержания. Последний случай имеет место только тогда, когда жизнь оказалась прожитой настолько основательно, с такой отдачей, что уже не остается больше не выполненных перед ней обязательств; когда никакие желания, от которых было бы трудно отречься, не стоят на пути к внутреннему разрыву с миром. Не стоит себя обманывать. Если мы еще к чему-то привязаны, мы еще одержимы, а когда есть одержимость — существует нечто более сильное, чем мы»³⁵.

Результатом последовательной ассимиляции отделившихся психических сил оказывается расширение сознания, ведущее к конечной цели, высшей ценности, представленной символом самости. Путь, по которому необходимо следовать, дабы достичь этой цели, проходит, так сказать, через некоторые определенные области, где возникают типичные переживания, как показал Фробениус в отношении мифа о герое, убиения дракона и ночного плаванья³⁶.

Согласно описываемому ниже тибетскому тексту, это, представленное человеческим телом, приносится в жертву и по приглашению йога съедается богами и демонами. Это соответствует подтексту видений Зосимы, в которых жрец, называемый «совершающим жертвоприношение», отрывает куски собственной плоти и ест их.

Зосима пишет:

«Я был охвачен страхом.... И я увидел маленького человека, белого, как снег, от старости, сказавшего мне: "На что ты смотришь?" Я ответил, что изумлен лицезрением волнения воды и людей, сгоревших, но все же живых. На что он сказал следующее: "Зримая тобою картина это — вхождение, выход и изменение". "Что за изменение?" — спросил его я снова. Он ответил: "Это место для осуществления действия, называемого разьединением: сюда приходят люди, желающие обрести добродетель [француз-

ское *vertu*, означающее внутреннюю сущность или силу]: оставив свое тело, они становятся духами". Тогда я спросил его: "И ты дух?" И он ответил: "Да, дух и хранитель духов"»³⁷.

На начальных стадиях тибетской инициации мандала рисуется на земле. После чего вызываются божества, управляющие психическими сферами, тайны которых должны быть открыты неофиту. Кроме того, предполагается, что он будет наделен силами этих божеств, которых приглашают занять отведенные для них в мандале места. Если в ходе церемонии послушник обретает внутреннее просветление, его успех подтверждается появлением в небе над землей изображения другой мандалы — «истинной». Эта истинная мандала точно соответствует нарисованной на земле, за исключением того, что в ней наяву видны божества в предназначенных им местах, они передают неофиту понимание управляемых ими областей психической реальности. По завершении посвящения неофит получает новое имя, считающееся священным.

Пройдя ряд таких инициации разной степени и добившись просветления, тем самым укрепив свою духовную силу, он считается готовым — по его собственной оценке или по решению учителя — приступить к трудной и опасной церемонии *чод*. В этом ритуале он стремится добиться контроля над демонами — т.е. над психическим не-эго — и низвергнуть их власть над собственным телом.

Ритуал *чод* начинается с «Танца, разрушающего ложные верования», в нем йог идентифицирует себя с Богиней Все-Наполняющей Мудрости, сидящей в центре мандалы. Будучи таким образом защищенным, он начинает визуализировать демонов и призывает их прийти к нему. Это следующие демоны: (1) «Королевские Духи Ненависти и Гнева»; (2) «Глава Гордости», воплощенный в Яме, «Боге Смерти» и руководителе перевоплощений, который проявляется в восьми мирских стремлениях: прибыли, славе, восхвалении, удовольствии и их противоположностях — избегании убытка, диффамации, унижении и боли; (3) «Великанша Вожделения», олицетворяющая алчность и сексуальное желание; (4) «Злобные Духи Зависти»; (5) «Вампир Глупости». Когда эти демоны являются его внутреннему оку, он начинает танцевать на них, произнося следующие слова:

«Я, Йогин, практикующий Неустрашимое Мужество, Всецело посвящаю свои мысли и энергию

осознанию того, что Нирвана и Сансара неразделимы; Исполняю этот танец на формах (телах) духовных существ, которые олицетворяют "Я"; Да буду Я (способен) разрушить сансарическую двойственность взглядов»³⁸.

Затем он призывает явиться героев и героинь и приглашает их танцевать на демонах, которых он покорил. Они танцуют на четырех основных «континентах» (т.е. мирах), располагающихся в четырех направлениях от Горы Меру, выступающей центром, и при этом жалуют йогу свою силу:

«Когда танцую Я в Центре Совершенно Обеспеченной Области, Арена для танца Героев и Героинь благословенна (их божественным влиянием);

Радостные звуки ХУМ, Мудрости Реальной Сущности, звучат мелодично»³⁹.

Затем он обращается к пяти богиням, воплощающим божественное противоядие пяти страстям, что составляют эгоизм, и просит их пронзить эти страсти, пребывающие в образе демонов, своими небесными копьями. Далее следует наставление йогу:

«Распознав Элементали Ненависти или Гнева, Гордости, Вожделения, Зависти и Глупости, составляющие эгоизм, теперь ты должен осознать свое тело как жертвенный дар»*.

Согласно другому варианту текста, затем рисуется «мандала жертвоприношения» и на ее различные участки выкладываются подношения. Йог сосредотачивается на ней в медитации и к нему приходит осознание того, что эта мандала — его собственное тело и он совершает самопожертвование в ней⁴¹. Ритуальный текст наставляет его:

«Затем при поднесении этого круга жертвоприношений,

Вообрази, что центральная часть (или позвоночный столб)

твоего тела является Горой Меру

[в представлении индусов Гора Меру — центральный столп вселенной],

Четыре главных члена являются Четырьмя Континентами,

Второстепенные члены являются Суб-Континентами,

Голова является Мирами Дэвов [богов],

Трансформация психической энергии

Два глаза — это Солнце и Луна,

И что пять внутренних органов составляют все богатства
и наслаждения богов и людей»⁴².

После ритуального подношения мандалы йогу велят следующее:

"Осуществив это, мысленно поглоти эти (визуализированные) объекты в себя, И
удерживай твой дух в равновесии (или спокойствии) не-двойного состояния»⁴³.

После этого он молится:

«Это иллюзорное тело, которое я считал таким драгоценным

Я приношу (в жертву) как совокупное подношение,

Без малейшего сожаления о нем, всем божествам, которые
составляют это визуализированное собрание;

Да будет самый корень Я разрублен на части»⁴⁴.

Затем он представляет,

«что это тело, которое является результатом его собственных кармических пристрастий,
Является жирным, приторного вида трупом, гигантским (как вся Вселенная)"»⁴⁵.

После чего он взывает к богам и демонам:

«Приходите вы все сюда, где посвятельная эпитимия соблюдается, Этим днем Я,
бесстрашный Йогин, Приношу в жертву это иллюзорное тело мое, Это тело, которое
порождает различие между Сансарой и Нирваной. Сделав череп таким же громадным
как Тройная Пустая Вселенная, Я заполнил его неиссякаемыми количествами Эликсира
Мудрости.

Всем из вас, обладающим сверхъестественной способностью появления в любой
желаемой форме, Этот дар подносится щедро и без малейшего чувства сожаления...»⁴⁶

В заключение рекомендуется следующее:

«Затем подноси угощение и освяти это действие (подношение)... (и наконец) освяти
"Достоинство Жертвоприношения"»⁴⁷.

Таким образом, посредством жертвоприношения своего плотского тела — «ты сдираешь
шкуру с тела, являющегося отребьем эгоизма» (см. Зосима, *77 a enlev toute la peau de ta
tete*) — йог избавляется от внутреннего конфликта противополож-

ностей и остается в «недвойственном» состоянии, состоянии са-мадхи, просветления, в котором переступаются пределы всякой двойственности. Кульминационный момент ритуала удивительным образом совпадает с рассматриваемыми нами психологическими данными. Постигание йогом факта, что нарисованная мандала символизирует его самого, соответствует осознанию того, что символ круга, всплывающий из бессознательного, представляет психику и ее границы. Наставление йогу пожертвовать своим телом и желаниями, дабы посредством этого достичь недвойственного состояния сознания, соответствует выводу из многолетних наблюдений за лицами в состоянии конфликта. А именно: для того чтобы примирить противоположности, необходимо отречься от эго в пользу нового, безличного центра совокупной психики.

Когда йог располагает свои подношения в форме круга, его сначала инструктируют медитировать над образовавшейся таким образом мандалой, принимая ее за единое целое, за отображающую его самого. Далее он должен представить свое тело как символизирующее все мироздание. Свой позвоночный столб, символизирующий бессознательную психику и соответствующий чакрам в тантрической йоге, следует вообразить горой Меру, поддерживающим вселенную столпом. Голову необходимо представить миром богов; т.е. разум, как сознание, является обителью богов, которые в результате распознаются не как внешние существа, а как психические силы. Таким же образом «Книга мертвых» увещевает усопшего признать, что все боги и демоны — его «собственные мысле-формы». Различные органы тела следует вообразить представляющими все физические желания и их удовлетворения. Так, желудок символизирует инстинкт голода, половые органы — сексуальные желания и так далее. Все эти вещи йог должен впитать в себя и тем самым примириться со всем во вселенной — как с плохим, так и с хорошим. Таким образом он способен оставаться в недвойственном состоянии.

В этом чрезвычайно поучительном религиозном ритуале примирение противоположностей достигается йогом посредством жертвоприношения его влечений и желаний и отречения от субъективной точки зрения как основывающейся на обособленности эго. Вместо этого он принимает жизнь во всей ее полноте, где кто-то оказывается сытым, а кто-то — голодным, кто-то — любим, а кто-то — одинок. Он жертвует своим индивидуальным су-

ществованием и отрекается от собственной судьбы, получая взамен участие в совокупной судьбе человечества.

После смерти человека, достигшего этой высшей инициации, для его погребения отправляется специальный ритуал, в котором мандала снова выступает центральным символом. Погребальная мандала рисуется на земле, и в ее центр кладется труп, для того чтобы в последний раз избавить усопшего от двойственности человеческого существа и сделать его единым целым. Сообщается, что при погребении Миларепы, одного из великих святых Тибета, явились пять *Дакини*, или богинь, которые спели гимн, начинающийся с обращения к семени вечного огня, *Ром*.

«Что может сделать этот земной огонь с Ним, Непрерывно созерцавшим Ром — божественный огонь Жизненной Силы?

Ему, всю жизнь проведенную в медитации, Созерцавшему свое физическое тело как божественную форму. Разве нужно оставлять его здесь? Йогу, тело которого запечатлено печатью Совершенной божественной Мандалы, Разве нужна Мандала, начертанная на земле».

Затем в песне обрисовываются благодеяния усопшего йога. И заканчивается гимн следующим образом:

«В жизни, избранной вами, Много встречается превратностей: Поэтому творите молитву тайно. Наставления, данные вашим чудесным гуру, Принесут вам благо; поэтому оставьте все сомнения.

Из всех, здесь собравшихся,

Никто не родится в Несчастливых Мирах. О вы, из человеческого рода!

Для Мандалы, изображающей То,

Внешние явления и ум — одно; поэтому отбросьте двойственность»⁴³.

«То» означает фундаментальную реальность, стоящую за всеми явлениями; ее осознание приносит освобождение от неведения и достижение истинного состояния, в котором переступают-

ся все двойственные концепции, а все феноменальные вещи сливаются в трансцендентное единство. В связи с этим последний куплет гимна можно перефразировать следующим образом: «В мандале фундаментальной реальности внешние явления (т.е. конкретная реальность мира) и разум (психическая реальность) едины; посему развенчай свою теорию двойственности». С точки зрения просветленного человека, двойственность является лишь иллюзией.

В случае тибетского йога, как мы видели, требуется длительный период подготовки к инициации, дающей ему просветление. В это время картина примирения противоположностей явится ему не как концепция, а как глубокое осознание. Если подготовительная работа окажется эффективной, а посвящение — успешным, нарисованная для церемонии мандала оживет; он увидит, что она действительно вмещает силы, называемые божествами и имеющие облик, знакомый из религиозных картин и учений. Это видение, несомненно, является религиозным переживанием большой глубины и благоговения, нуминозным ощущением. Начиная с этого момента, реальность невидимого будет для него неоспоримым фактом до конца жизни. Каким бы важным это осознание ни было, оно пока не решает проблемы противоположностей, ибо две реальности, видимая и невидимая, продолжают существовать бок о бок и часто конфликтуют. Боги остаются внешними, а представляемые ими силы еще не ассимилированы. Окончательно двойственность рассеивается лишь позднее, в церемонии визуализации жертвоприношения, когда тело йога выступает одновременно жертвой и местом жертвоприношения — мандалой. Эта инициация осуществляется в одиночку, без помощи гуру, и по силам она только наиболее преуспевшим йогам.

В ходе психологического анализа с прохождением различных стадий процесса индивидуации последовательно разворачивается очень сходная череда символов и субъективных переживаний. Вместе с тем как постепенно очерчиваются границы психики, а проецированные элементы сначала распознаются, а затем принимаются как часть совокупной психики, начинает ощущаться вся сила конфликта противоположностей. Как правило то, что можно назвать «психологией мандалы», развивается только после осознания амбивалентности в полной мере. Эта психология появляется в результате серьезного конфликта, возникающего в

итоге осознания того, что отдельные вещи, которые человек избегал или признавал только в других, в действительности являются частью его собственной психики.

В двух описанных Юнгом случаях⁴⁹ этот символизм сыграл очень важную роль, и из самого материала можно ясно видеть, насколько трудным был этот внутренний переход. В особенности о протекавшей борьбе свидетельствует ряд сновидений, в которых так неуверенно появлялась подлинная мандала⁵⁰, способная разрешить конфликт. По очевидным причинам пришлось опустить все упоминания о том, как себя чувствовали люди, снедаемые далеко идущими конфликтами. В связи с этим из представленного описания может показаться, что все произошло легко и гладко. Однако я очень сомневаюсь в этом. За мою более чем двадцатилетнюю практику в качестве психоаналитика⁵¹ я наблюдала множество подобных трансформаций и по своему опыту знаю, что эти фундаментальные изменения обычно сопровождаются сильной болью и страданием. Кажется, будто бы они требуют ритуального жертвоприношения и смерти, подобной самопожертвованию, описанному в тибетском тексте. Фактически жертвенный аспект переживания часто особо выделяется в сновидениях. Сновидец может оказаться распостертым на кресте мандалы, как если бы его распяли; или же в сновидении ему приходится рассечь свое тело или нарисовать мандалу собственной кровью.

Несколько примеров прояснят, как подобные ужасающие сновидения могут иметь положительное, духовное значение.

Первый из них касается сновидения женщины, много лет страдавшей от серьезного конфликта между иррациональной, творческой и в некотором смысле мистической стороной ее характера и своим рациональным, чтобы не сказать скептическим, интеллектом, который в сновидениях обычно представлял некий циничный шурин.

Скептически-реалистическая позиция последнего часто заставляла сновидицу уходить в себя, чувствовать себя очень маленькой и глупой, когда ей необходимо было преодолеть привычную сдержанность и изложить некоторые из своих философских идей. В ходе анализа, как только она начинала следовать по своему внутреннему пути, тут же в одном из сновидений появлялся шурин и саркастическим замечанием разрушал все, что она с такой тщательностью строила. В сновидении она бессильно возмущена его вмешательством, а рассказывая сон, заявляет, что правильной является ее собственная, более духовная точка зре-

14- 7325

1

ния. Но поскольку едкий комментарий шурина не лишен здравого смысла, она не может полностью игнорировать его и поэтому оказывается в нерешительности. А в этом состоянии она, естественно, не может продвигаться вперед. Ее конфликт кажется неразрешимым; он мешает как ее жизни, так и психоанализу, ибо две стороны ее натуры постоянно блокируют одна другую.

Однажды ночью ей приснилось, что она унаследовала от тети большое состояние. В сновидении она была в тетином доме, явившись туда в связи со своим наследством. Но там еще крутился и зловещий слуга, намеревавшийся убить ее, дабы завладеть наследством. Здесь она тайно узнала о существовании второго состояния, намного крупнее первого, о котором знал только этот человек, и именно это богатство он хотел заполучить. Ключ к его местонахождению был каким-то образом связан с квадратным лоскутом черной ткани, который слуга спрятал перед ее прибытием. Ткань была пропитана ядом, и этот человек планировал с ее помощью убить сновидицу. Он приблизился к ней, пряча лоскут в руке, и коснулся тканью, но не сновидицы, а ее подруги, которая упала без сознания. Женщина испугалась и пришла в ужас, но несмотря на это схватила квадратный лоскут и, держа его как можно дальше от своего лица, побежала, преследуемая мужчиной. Она оторвалась от него и металась по дому в поисках надежного тайника для ценного и опасного квадратика ткани. Она не могла его выбросить, ибо он таил в себе ключ к богатству, но вместе с тем был смертельно опасным. Пробегая через столовую, она заметила на буфете золотое блюдо. Под ним она спрятала черный лоскут. После чего она проснулась.

Следующей ночью в полусонном состоянии у нее было видение золотой сферы, увенчанной конусом и расположенной на прямоугольной золотой коробке. По ее словам все это составляло конструкцию, «подобную церкви».

Сновидение и видение вместе служат примером образования мандалы и предоставляют возможность проведения довольно полного анализа. Наследство, оставленное сновидице тетей, представляет некую ценность, которая должна достаться ей от предков — сокровище, которым она пока еще не владеет по праву, поскольку оно еще остается достоянием семьи, вдобавок к нему, существует второе богатство — некая ценность, недоступная широкому признанию. Это означает существование тайны, захороненной в коллективном бессознательном; именно этот факт

она осознала в процессе своей аналитической работы. Зловещий слуга — единственный человек, которому известно об этом сокровище. Он представляет темный аспект анимуса сновидицы и связан с прежними владельцами богатства, соответствующего, возможно, манифестации тайной ценности в христианском учении; ибо, хотя предки пациентки были протестантами, сама она не исповедовала христианство.

Такая интерпретация слуги отвечает тому факту, что анимус является посредником между сознательным и бессознательным, а также связывает индивида с прошлым, которое сформировало внутренние архетипы. Слуга хочет утаить сведения о сокровище, точно так же как анимус, являясь автономной функцией, «хочет», так сказать, не допустить использования сознанием знаний о бессознательных ценностях⁵². До тех пор, пока анимус не будет преодолен как автономная функция, т.е. до тех пор, пока сновидица не научится думать сама, а не следовать предвзятым суждениям и взглядам, и до тех пор, пока она не разрушит проекцию собственного анимуса на шурина, эта проекция будет мешать ей овладеть ценностями бессознательного, которые она теперь, как зрелый человек, должна «унаследовать». Вплоть до этого момента они будут оставаться лишь догадками или мистическими сновидениями и идеалами.

Ключ к сокровищу скрывается в черном квадрате. Это указывает на то, что тайна темна. Для алхимика «черная субстанция», нигредо, была первой стадией процесса превращения первичной материи в философское золото. Поэтому она была существенно необходима для работы. Здесь черной субстанцией выступает квадрат; он представляет землю, темный хтонический прообраз Самости. В сновидении он ядовит. Опасность возникает из-за того, что образ Самости бессознателен и потому искажен позицией анимуса — точно так же, как в жизни критикующее мышление шурина оказывает на нее пагубное воздействие. В связи с тем, что способность пациентки творчески размышлять развита недостаточно, образ мышления шурина, столь лицемерный по ее мнению, может отравить интеллект, представленный здесь подругой, тенью, исполнительницей низшей по достоинству функции. Именно эта низшая сторона пациентки подавляется ядом. Сновидица убегает, как много раз проделывала это в реальной жизни, столкнувшись с проблемой. Можно считать, что это относится и к ситуации, когда она складывала свое оружие перед

бросающим вызов реальным шурином, и к случаям, когда она отворачивалась от внутреннего поиска, наполняясь скептицизмом в отношении внутреннего пути и целесообразности достижения собственной целостности. В сновидении, однако, бегство, вероятно, было самым правильным решением.

Здесь аналитик должен усвоить один небольшой урок. Упрекать пациента в том, что он неспособен взглянуть в лицо своей проблеме и бежит от ее решения — просто. Но опыт учит нас, что направляющее руководство символов сновидений является более надежным указателем, чем мнение аналитика по поводу того, что может и должен сделать пациент. Так, убегая, сновидица успешно избегает слуги и находит надежное потайное место в столовой, там, где принимают пищу. Тема столовой, возможно, относится к аналитической ситуации, в которой пациентке предлагается для усвоения психологическая пища или идеи. В этом месте она находит круглое золотое блюдо. Золото означает ценность, а круглая форма — целостность. Кроме того, блюдо служит вместилищем. Покрытие же черного золотым соответствует алхимическим процедурам, в которых золото «проецируется» на субстанцию низшего качества, подлежащую трансмутации.

Появление золотого сосуда связано с тем фактом, что сновидица овладела квадратом. Но, очевидно, она не должна удерживать этого ядовитого предвестника Самости; его следует поместить под золотой символ завершенности, круг. Так появляется мандала, символ примирения противоположностей. Затем следующей ночью в видении происходит трансформация. Блюдо становится сферой, а квадрат превращается в коробку; и то и другое стало трехмерным, т.е. теперь — это прочные реальности, а не просто идеи; кроме того, черный квадрат сам стал золотым. Выражаясь языком алхимиков, золото успешно «проецировалось» на черное. Это означает, что низшая по достоинству функция трансформировалась. Ее характер уже больше не черен и не ядовит; теперь она разделяет сущность и ценность золота.

Квадрат, круг и треугольник — или, соответственно, куб, сфера и пирамида или конус — являются тремя из пяти элементов, образующих ступу, почитаемую на Востоке. Ее можно встретить на алтарях храмов, в форме ступы возводят священные сооружения, вокруг которых ходят верующие, исполняя ритуал, символизирующий следование Пути, ибо такие строения представляют Путь к Нирване. Квадратное массивное основание изображает

стихию земли; шаровидная часть представляет каплю воды — стихию воды; вздымающийся, подобно языку пламени, шпиль, символизирует огонь; полумесяц, как опрокинутый небесный свод, представляет воздух; а остроконечный круг и подобная языку пламени верхушка символизируют космос или эфир. Таким образом, ступа является символом Вселенной. В напоминающей храм конструкции из видения пациентки отсутствуют два элемента ступы — полумесяц и язык пламени. Так как пламя представляет эфир, полное сознание, то вряд ли можно было бы ожидать здесь его появления. Отсутствие полумесяца имеет тот же скрытый смысл, что и несоответствующая форма коробки, которая не квадратная, а продолговатая. Мандала мужчины, сновидения и видения которого обсуждаются Юнгом⁵³, прошла через сходную стадию незавершенности. Юнг называет ее «искаженной мандалой». Поэтому, для того чтобы мандала рассматриваемой пациентки стала законченной, к ней необходимо добавить еще один элемент или функцию. Выражаясь языком психологии, можно сказать следующее: хотя она осознала подчиненность мышления и в сновидении вырвала его из-под контроля анимуса, теперь для целостности ее психики необходимо осознать и ассимилировать еще одну «недостающую» (все еще пребывающую в бессознательном) функцию. Это функция, представляемая полумесяцем. В ступе она символизирует стихию воздуха и области неба. Она представляет женский принцип, символической носительницей которого выступает богиня луны⁴. Во второй чакре тантрической системы полумесяц символизирует воду, бессознательное или инстинктивное состояние, также подвластное богине луны. В обсуждаемом случае отсутствие данной фигуры означает, что сновидице недостает женской инстинктивности. Женщина не способна постичь реальность исключительно своим мышлением. Ее понимание должно основываться на чем-то намного более глубоком в ней, на инстинктивной женской мудрости, являющейся человеческим эквивалентом фундаментального принципа эроса, точно так же, как инсайт мужчины должен основываться на той части его мужской натуры, которая соответствует логосу, рациональному принципу. Если недостаточно развит принцип эроса в случае женщины или ущербен принцип логоса у мужчины, психике будет не хватать уравновешенности и веса.

Золотую конструкцию из своего видения сновидица посчитала похожей на церковь. Это — ступа, храм, который будет вмещать новую ценность; или, как это представлено в сновидении — «доставшееся» ей наследство, которое будет иметь значение наставляющей на путь истинный ценности, равнозначной спасению, обретавшемуся ее предками в христианской церкви. Для нее эту ценность символизирует не один лишь крест или Троица, а ступа, представляющая вселенную во всей ее совокупности и поэтому выступающая символом завершенности.

Сновидения подобного рода не очень распространены, так как всегда являются результатом длительного развития и подготовки. Это так называемые большие сновидения; т.е. они «большие» по своему значению, хотя по своему манифестному содержанию могут быть не очень впечатляющими или пространными. Именно к таким сновидениям относится и нижеследующее.

Сновидица переживала подобный же внутренний конфликт противоположностей, как и обсуждавшаяся выше женщина. Однажды она увидела сон о том, как ей дали похожий на стереоскоп⁵⁵ инструмент и две карточки. На одной из них был изображен крест, а на другой — круг. В сновидении ей было велено посмотреть через прибор и попытаться совместить два изображения. Она неоднократно пыталась это сделать, но не смогла. Усилие было крайне мучительным, а сама задача казалась ей невыполнимой. Она уже почти отчаялась и собиралась бросить это занятие, когда ей посоветовали попробовать еще раз. Она снова взглянула в стереоскоп и к своей великой радости увидела круг с крестом в центре.

Здесь также происходит формирование мандалы. Требующееся от сновидицы усилие отражает длительное напряжение в реальной жизни, а само сновидение, подобно описанному выше, представляет кульминационный момент, предшествующий разрешению конфликта и достижению объединения в психике. Однако данное сновидение отличается от предшествующего тем, что здесь формирование мандалы происходит в изображении, наблюдаемом сновидицей через стереоскоп. Этот оптический прибор указывает на аналитический метод, позволивший женщине по-новому взглянуть на жизнь. В сновидении ей велят использовать новый инструмент для рассмотрения своей проблемы. Она должна увидеть, как конфликтующие элементы слагаются в содержательный символ. Стереоскоп придает двухмерному изображению видимость действительности — реальности. Поэтому

сновидение также означает следующее: проблему противоположностей нельзя разрешить абстрактно, теоретически; реальность противостоящих ценностей должна быть восстановлена аналитическим процессом, и тогда взгляд на них изменится. Таким образом сновидица обрела инсайт относительно возможного пути разрешения проблемы. Однако для ее фактического решения требуется дальнейший шаг, ибо противостоящие факторы необходимо примирить в действительности, а не только в видении. Но этот шаг можно совершить лишь ценой намного большей, чем чрезмерное зрительное напряжение и усилие в сновидении. В случае первой сновидицы мандала была создана под угрозой смерти. В тибетских инициациях йог должен осознать, что внутреннее примирение достигается исключительно самопожертвованием собственного тела и его инстинктивных желаний. Аналогичным образом и целостность психики обретается лишь принесением в жертву господства эго и его замещением новым центром управления — Самостью.

Восточные мандалы, почитавшиеся многими, сменяющимися друг друга поколениями и ставшие твердо упрочившимися, традиционными фигурами, обычно имеют квадратную форму и раскрашены четырьмя основными цветами (хотя другие цвета могут выполнять вспомогательную роль), которые представляют четыре аспекта божества, тогда как христианский символизм Троицы приемлет лишь три небесных и отвергает четвертый, относимый к аду, соответствующему преисподней, бессознательному. Это различие в символизме отвечает тому факту, что восточное мышление определяет бессознательному намного большее место в психике, чем мы. В результате «порочный», деструктивный аспект жизненной силы не исключается или вытесняется, а признается как отрицательный или темный аспект божеств. Так Кали — лишь пожирающий аспект Матери Богини, а Шива выступает одновременно Творцом и Разрушителем.

В отличие от большинства из нас для уроженца Востока цель совершенства заключается не в идентификации со Все-Добром. Он стремится к просветлению, позволяющему понять, что добро и зло относительно и представляют собой лишь пару противоположностей, от власти которых индивид может освободиться, придя к новой позиции и новому центру сознания.

Мандалы, созданные отдельными людьми в ходе их аналитической работы, как правило, связаны с одним частным аспектом

или фазой примирения противоположностей. Все предприятие осуществляется рядом последовательных шагов. Для его завершения может потребоваться вся жизнь, когда наконец встанет необходимость взглянуть в лицо противоположению жизни и смерти. В результате эти личные мандалы обычно незакончены, тогда как ритуальные мандалы Востока намного более полные. Но следует отметить, что даже здесь переживания какого-либо одного человека отражает ряд посвячительных мандал, точно так же, как в кундалини-йоге поступательные стадии сознания символизируются рядом чакр или мандал, которые представляют центры сознания, соответствующие последовательным участкам спинного мозга и связанным с ними частям тела.

В этих чакрах происходит постепенное примирение противоположностей. Энергия, высвобождаемая разрешением конфликта в каждой чакре, поднимается на следующий, более высокий уровень, активируя центральный символ следующей чакры. Так продолжается до тех пор, пока на наивысшем уровне, в чакре *са-хасрара*, не остается ничего, кроме невыразимого центра, все остальное поглощается.

Таким образом, если личные мандалы представляют глубоко индивидуальные переживания, то религиозные, выставленные в храмах и церквях, имеют типичное, более общее и универсальное значение, как если бы один выразительный символ объединял в себе переживания всего человечества. Китайская мандала этого типа воспроизведена на фронтисписе «Секрета Золотого Цветка» в издании Вильгельма и Юнга. Она служит своеобразным комментарием к тексту, описывающему форму медитации, ведущую к психологическому изменению, которое дает просветление подобно описанным выше тибетским ритуалам.

Эта мандала нарисована так, что половина ее находится на земле и половина на небе. (См. вкладную иллюстрацию XV.) На уровне земли ее окружают горы, пики которых символизируют постепенное прохождение стадий развития сознания. Их вершины освещены лучами солнца, представляющими просветление, венчающее удачное восхождение альпиниста. На небе сидят достигшие нирваны. Их благословений жаждет всякий, кто стремится следовать их пути.

Сама мандала огорожена стеной, так чтобы исключить всяческие чужеродные влияния и не дать просочиться наружу тому, что она вмещает. Это — стена огня, круг света, который, согласно

тексту, вращается силой творческой медитации йога. Огонь означает желание, которое обычно горячей волной устремляется к объектам внешнего мира. Однако здесь языки пламени гасятся вращением, то есть направленные вовне желания останавливает нацеленная внутрь медитация, возвращающая их в психику. Лучи света — психическая энергия, струящаяся из центра мандалы, источника жизни — в некоторых случаях изображаются так, что они достигают огораживающих стен, от которых они отражаются и, возвращаясь обратно, усиливают внутренний жар. Мандата такого типа представляет состояние глубокой интроверсии, соответствующее условиям описанной в тексте медитации.

Если бы зарождающиеся в центре лучи света и огонь желания беспрепятственно вырвались в мир, они стали бы искать удовлетворения в материальных и мирских удовольствиях. Возможно, эта энергия уйдет на то, что справедливо называется «расточением сил». С другой стороны, она может быть использована в творческом участии в жизни внешнего мира, итогом чего может служить профессионализм, создание семьи или какой-нибудь иной конструктивный результат. Но когда, как в случае с этой манда-лой, защитные стены предотвращают истечение энергии, она возвращается обратно к центру и выполняет свою созидательную функцию внутри, в рамках психики.

Точно так же, когда эта жизненная энергия не находит удовлетворения во внешнем мире, сводится на нет болезнью или смертью, неудачей или несчастьем, она отступает обратно в психику, и индивид, как мы говорим, уходит в самого себя. В этом случае возникает серьезная опасность, что эта энергия уйдет в недоступные глубины бессознательного и будет потеряна. Это неизбежно, если индивид неспособен или нерасположен терпеть боль разочарования и ищет забытья в развлечениях. Если же подобной потери энергии не происходит, то либидо, отвернувшееся от внешней цели, устремится в психику и активирует ее. Если в своем обратном потоке она достигнет центра, начнется внутренняя работа, результатом которой будет Священный Зародыш из китайского текста. Это внутреннее творение называют по-разному, в том числе Золотым Цветком или Бриллиантовым Телом. На языке алхимиков это — философский камень или *aurum nostrum* * или *rotundum* **. Многообразие названий объясняется тем,

*Наше золото (лат.). — Прим. ред. "Круглое (лат.). — Прим. ред.

что обозначаемая ценность выше рационального понимания или описания. Ее можно представить только символом. Довольно интересен следующий факт. Иногда в мандалах, нарисованных современными людьми, центральное место занимают традиционные христианские символы. Но более часто встречаются фигуры, не имеющие официального религиозного значения, такие как цветок, кристалл или звезда. Эти символы исходят непосредственно от бессознательного и поэтому все еще пластичны и способны вместить то живое значение, которое вливается в них из пробудившихся внутренних ключей жизни.

Но вернемся к китайской мандале. За стеной внутри виден сад с цветами и деревьями, представляющими плодотворность личности, достигшей внутреннего единства. Сад опоясывает город квадратной формы с открытыми воротами; он называется Желтым Замком или Нефритовым Дворцом. В христианском символизме это — Новый Иерусалим, также описываемый как город квадратной формы с воротами с каждой стороны.

Знаменателен факт, что в Откровении символом индивидуации является город или дворец — творение человека, тогда как Сад Эдема, его прототип в природе, изображается в Книге Бытия дикорастущим. Это изменение в концепции рая указывает на то, что в первоначальном состоянии бессознательного, до того как появился принцип эго, наблюдалось единство личности, некоторого рода индивидуальность, по природе присущие животным, которые своим достоинством и целостностью могут посрамить многих людей. Но когда личностное сознание заявило свои притязания на самостоятельность, единство с Господом и целостность разрушились, — несмотря на то, что разрыв был обусловлен инстинктивным побуждением — и вернуть их можно только сознательно предпринятым усилием. Именно этот факт символизирует город или дворец. Ибо город или здание не появляются сами по себе. Возведение каждого из них требует планирования, предусмотрительности и длительного, терпеливого усилия. Для наших целей важно отметить некоторые скрытые значения этого широко распространенного интуитивного видения индивидуации в форме города. Ибо город не только должен быть построен, после возведения в нем необходимо поддерживать порядок. Если город придет в запустение или будет разрушен, он не вырастет сам по себе. Лишь человек может его восстановить. Это верно в отношении всех человеческих творений. Они не облада-

ют собственной жизнью; лишь создания природы способны сами воспроизводить себя. Поэтому, когда ниспровергается или разрушается цивилизация, самый драгоценный плод долгого стремления человека к свету, ее может восстановить лишь усилие тех мужчин и женщин, которые сохранили в себе понимание ее ценности. Причем воссоздание может потребовать столько же, если не больше, времени, сколько ушло на первоначальное построение, ибо оставшиеся руины будут не способствовать, а мешать работе.

За стенами города китайской мандалы располагается круглое по форме центральное место, хранящее священную тайну. Здесь она представлена двойным дордже, мистическим символом сверхсилы, скипетром богов, действенным на небе и на земле. Он окружен двенадцатью меньшими дордже, которые составляют цветочный узор. Такими же символами охраняются и четверо ворот. Таким образом, мандала служит местонахождением сверхконцентрированной и ужасной энергии — той энергии психического не-эго, которую люди ощущают посредством инстинктов и особенно при фрустрации последних. Она может активироваться, если вопрос воспринимается с бессознательным допущением, или вскипеть, когда силы воли человека недостаточно для контролирования ситуации, угрожающей какой-нибудь существенной, возможно, жизненно важной ценности. И наконец, она может проявиться в индивиде по неизвестной ему самому причине в форме нуминозного переживания, *tremendum*.

В Саду Эдема эта безличная или демоническая сила представлена Господом Богом, Яхве, который обладает неоспоримой властью, т.е. в данном случае не распознается, что энергия коллективного бессознательного действует изнутри человека. Она выводится во вне и персонифицируется фигурой человекоподобного существа, прогуливающегося по саду вечерами. Но вскоре там появился змей, олицетворяющий инстинкт самого человека; он склонил наших прародителей к бунту, дабы они сами смогли познать значение добра и зла. Одна из гностических сект, доктрины которой обсуждаются Иринеем, учит, что змей Эдема в действительности был Сыном Бога-Сына, т.е. верховного Бога, Отца Света — посланным пробудить людей и вывести их из бессознательного состояния:

«Адам опять поддался власти Иалдабаофа (Яхве) и Элохима; и тогда София или Мудрость послала "змея" ("разум") в рай Иалдабаофа. Адам с Евой прислушались к его мудрым советам, и "человек" снова освободился от господства Сознательной Силы. Он нарушил предписание Иалдабаофа пребывать в неведении о всякой превосходящей его силе. За что Иалдабаоф изгнал их вместе со змеем из рая»*.

В тантрической йоге демонической силой не-эго является богиня Кундалини. Ее также представляет змея. Упражнения йоги предназначены пробудить ее от извечного сна в инстинктах и заставить подняться по чакрам. В последних происходит постепенная трансформация инстинктивной энергии, в результате которой примиряются противоположности. Однако этот прогресс достигается только благодаря длительному усмирению инстинктивных желаний. В тантрической системе его добиваются прохождением предписанного курса тренировки. В библейской истории он достигается посредством ритуальной смерти Мессии, который сравнил свое распятие на кресте с вознесением бронзовой змеи по шесту. Кроме того, как мы видели, существуют художественные произведения гностиков, изображающие распятую на кресте змею⁵⁷. Этот же символ использовали алхимики, а иногда он появляется и в современных сновидениях⁵⁸.

На рис. 13, обсуждавшемся вторым в главе 10, пронизывающие психику линии безличной энергии не достигают центра. Они останавливаются в слое, где лежит спящая змея Кундалини. Если одна из линий будет обладать достаточной проникающей силой, она разбудит змею — древнюю, спящую мощь природы, — которая в результате начнет принимать участие в процессе. Но в случае с женщиной, выполнившей данный рисунок, этого так и не произошло. Она продолжала жить в дремотном состоянии, как ребенок. Но на мандалах, воспроизведенных на вкладных иллюстрациях XVI и XVII, такое глубокое проникновение произошло. Змея начала разворачивать свои кольца и прокусила до самого центра. Это символизирует некоторого рода оплодотворение. Немедленно всю структуру психики охватывает бурная активность, сравнимая с наблюдаемой в оплодотворенной яйцеклетке. Иницируется целый ряд изменений, напоминающих психическую беременность. Ибо разбуженная и запертая в психике энергия выступает тем средством, что осуществляет трансформацию всей психики. Опи-

санное здесь психическое явление представляет собой начало ренессанса или возрождения, часто символизируемого рождением «священного ребенка».

Воспроизведенная на вкладной иллюстрации XVIII современная мандала демонстрирует итог такого явления. Здесь дракон, символ трансформировавшейся инстинктивной энергии, охраняет высшую ценность, представленную центром в виде драгоценного камня.

Так завершается работа мандалы как инструмента для примирения противоположностей. Родается новый психический индивид, который будет расти и развиваться, как все живое; ибо исходом конфликта является не рационально выведенное решение, не механизм, каким бы хитроумным он ни был, а живая индивидуальность — Самость.

1. «Psychological Types», chap. XI, «Definitions», under «Symbol», pp. 473 ff.
2. C.G. Jung, «On Psychic Energy», in *The Structure and Dynamics of the Psyche*, (C.W., 8).
3. См. работу М.Е. Harding, *Woman's Mysteries, Ancient and Modern*, которая посвящена законам эроса и отношению женщины к ним; а также Jung, «Woman in Europe», in «Civilization in Transition», (C.W., 10).
4. «Psychological Aspects of the Mother Archetype», in *The Archetypes and the Collective Unconscious*, (C.W., 9, i), p. 90.
5. См. Jung, «Analytical Psychology and Weltanschauung», in *The Structure and Dynamics of the Psyche*, (C.W., 8), p. 373, §723.
6. Мф., 18:8.
7. Мф., 5:29, 30.
8. Мф., 18.
9. Мф., 5:23, 24.
10. На этот вариант притчи и его толкование обратил мое внимание доктор Юнг.
11. См. выше, 179—180; а также вкладную иллюстрацию V.
12. Юнг К.Г. Психология и алхимия, §410, 411.
13. Лев — это нечто большее, чем символ Марка. Он служит олицетворением духа, — или, как сказали бы медиевисты, «ангела» — вдохновлявшего Марка в его евангелистской деятельности. Четыре евангелиста были представлены быком, львом, орлом и ангелом. В видении Иезекииля эти фигуры символизируют четырех «ангелов», или четыре аспекта божественности; они соответствуют четверем сыновьям Гора, игравшим столь заметную роль в египетских похоронных обрядах, располагаясь по углам погребальной колесницы в качестве траурного сопровождения — этот обычай вызывает в памяти детскую молитву

М.Э. Хардинг

перед сном: «Матфей, Марк, Лука и Иоанн, благословите кровать, на которой я лежу». В церковной живописи и особенно в мистических картинах и скульптурах, касающихся эзотерического аспекта христианских религиозных переживаний и догм, евангелисты, вместо изображения их в естественной человеческой форме, почти всегда представлены этими четырьмя фигурами.

14. В отношении разъяснения и полного обсуждения этой методики в целом см. H.G. Baynes, *Mythology of the Soul*.

15. Юнг К.Г. Психология и алхимия, §345.

16. Там же, §346.

17. Там же, §346.

18. Там же, §410.

19. «Геометрическая диаграмма мистического значения», посредством которой йог стремится «установить телепатическую и даже более тесную связь с божествами, к которым он взывает с просьбой помочь ему в его занятиях йогой». [См. Эванс-Венц В.И. цит. пр.]

20. В отношении иллюстраций типичных мандал см. Wilhelm and Jung, *The Secret of the Golden Flower*. См. так же Jung, «Concerning Mandala Symbolism», in *The Archetypes and the Collective Unconscious*, (C.W., 9, i). [Рус. пер. Юнг К.Г. Относительно символизма мандалы// Юнг К.Г. О природе психе. — М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2002. — С. 95—183].

21. Юнг К.Г. Психология и алхимия, §122—124.

22. Эванс-Венц В.И. Цит. пр.

23. *Arctic Adventure*, pp. 132 ff.

24. Юнг К.Г. Психология и алхимия, §249.

25. Попытка найти квадрат, площадь которого точно соответствовала бы площади круга. Это дало бы возможность сказать, что площадь круга известна. Но поскольку эту площадь можно определить только с применением точно не установленной величины, известной как π , проблема остается неразрешенной. См. алхимический трактат Michael Maier, *De circulo physico quadrato*.

26. Юнг К.Г. Психология и алхимия, §125.

27. Шива, мужской (или позитивный) аспект объемлющих вселенную сил Космического Разума, выступает персонификацией мужской половины двойственности божества; Шакти, женская (или негативная) половина, обычно персонифицируется как мать богиня. См. Эванс-Венц В.И. Цит. пр.

28. Эванс-Венц В.И. Цит. пр. Представленное ниже описание и цитаты частично взяты из этой работы.

29. Там же.

30. Там же. - С. 147.

31. См. описание очевидца обряда в A.David-Neel, *With Mystics and Magicians in Tibet*, pp. 148 ff.

32. Эванс-Венц В.И. Цит. пр.— С. 139, 142—143. Слово «Разум», употреб-

ляемое в буддистских текстах, никогда не относится к интеллекту, а скорее соответствует идее сверхсознания или греческой концепции нус.

33. Юнг К.Г. Йога и Запад.- С. 108-109.

34. Там же, с. 112.

35. Там же, с. 134—135.

36. См. также Jung, *Symbols of Transformation*, (C.W., 5), p. 210.

37. M. Berthelot, *Collection des anciens alchimistes grecs*, Traductions, II, 118f. [См. также Юнг К.Г. Видение Зосима// Юнг К. Г. О природе психе. — М: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2002. - С. 327-384]

38. Эванс-Венц В.И. Цит. пр. с. 163 и слл.

39. Там же, с. 166.

40. Там же, с. 169.

41. «Но когда человек утрачивает свои же ценности, он становится жадным грабителем, львом и другими прожорливыми тварями, которые для алхимиков символизировали страсти, вышедшие из под контроля, когда черные воды хаоса — т.е. бессознательное проекции — поглотили царя <...> Чтобы утихомирить спроецированный конфликт, его следует вернуть в психе индивида, где находятся его бессознательные истоки. Индивид должен прийти на Тайную Вечерю с самим собой, есть свою плоть и пить свою кровь; это значит, что он должен признать существование в себе другого человека <...>

Чудесное употребление в пищу своей собственной субстанции — столь необычно отражающей ее прототипа, Христа — означает не что иное, как интеграцию тех частей личности, которые все еще находятся за пределами эго-сознания. Лев и павлин, эмблемы похоти и гордыни, символизируют самонадеянные притязания человеческой тени, которые мы с таким удовольствием проецируем на наших собратьев, чтобы 'справедливо' наказать их за наши же грехи. В извечном образе уробороса содержится мысль о пожирании самого себя и превращении себя в круговой процесс, потому что наиболее пронизательным из алхимиков было ясно, что *prima materia* их ремесла — это сам человек». См. Юнг К.Г. *Mysterium Coniunctionis*. §511—513, с. 372—373:

42. Эванс-Венц В.И. Цит. пр. Kh.V, «Путь мистического жертвоприношения», с. 187.

43. Там же, с. 187.

44. Там же, с. 172.

45. Там же, с. 174.

46. Там же, с. 175.

47. Там же, с. 176.

48. Великий Йог Тибета Миларепа. — Самара: АГНИ, 1994. — С. 252-254.

49. Юнг К.Г. Психология и алхимия.

50. Там же, §307.

М.Э. Хардинг

51. Это было написано в 1947 г. Сейчас (1961) стаж моей работы психоаналитиком составляет свыше сорока лет.

52. См. историю о Саде Эдема или о краже огня у богов и т.п. В этих мифах сокровище оберегается опасностями и утаивается от человека под угрозой жестокого наказания.

53. Юнг К.Г. Психология и алхимия, §286.

54. См. Harding, *Woman's Mysteries, Ancient and Modern*.

55. Оптический прибор, при помощи которого для получения одного трехмерного изображения в поле зрения совмещаются две фотографии, сделанные под слегка отличающимися углами.

56. G.R. Mead, *Fragments of a Faith Forgotten*, pp. 189 f.

57. См. выше, 263.

58. См. выше, с. 265—267, и ниже, с. 438.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИБИДО

Герметический сосуд

Начальные стадии психологической трансформации обрисованы нами в предшествующих двух главах с использованием двух символов — круга психики и мандалы. Эти символы представляют отдельные аспекты переживания и выделяют последовательные шаги, которые должны быть предприняты индивидом, решившим заняться процессом индивидуации.

С привлечением символизма круга обсуждались две проблемы. Первая, касающаяся определения истинных пределов психики, ведет непосредственно ко второй — а именно, к проблеме сбора в рамках «Я» тех утерянных, заблудших или нераспознанных кусочков психического материала, которые едва ли можно называть психическим содержанием до тех пор, пока они существуют только в проецированной форме. Процесс изъятия этих отделившихся частей психического материала у скрывающих их проекций обычно вызывает дифференциацию двух элементов в задействованном либидо. Один из этих компонентов в действительности относится к ситуации, которая породила спорный вопрос: это личностный или сознательный аспект либидо, связанного с эго. Другой компонент не относится ни к внешней ситуации, ни к сознательному эго личности: он безличен и берет свое начало в тех частях психики, которые уходят своими корнями в бессознательные инстинктивные влечения¹. Тот факт, что вовлеченный индивид чувствует себя больше обычного лично затронутым при посягательстве на этот аспект либидо, не опровергает данного утверждения. У нас всегда возникают особенно личные ощущения в связи с теми субъективными реакциями, которые вызывают коллективные или инстинктивные влечения как на со-

магическом, так и на эмоциональном уровне, хотя в действительности они присущи каждому.

Символизм круга навел на мысль о методе, с помощью которого можно дифференцировать эти две части либидо. Та часть, что относится к ситуации, освобождается от задействованных безличных элементов и может быть использована непосредственно в жизни для решения проблемы внешней адаптации. Другая часть привносится обратно в психику и рассматривается как касающаяся внутренней жизни. Противостояние между этими двумя элементами либидо, вместе с двойственностью, присущей его безличной части, создает весьма серьезный конфликт. С разрешением этого конфликта связан символизм мандалы.

Неминуемо требуют рассмотрения еще две проблемы. В процессе возвращения разбросанных частей обратно в круг психики вовлеченному индивиду становится очевидной — часто болезненно очевидной — необходимость признать и принять всевозможного рода необычные фрагменты психического материала как свои собственные. Такие фрагменты очень часто бывают несовместимы, ибо могут являться частью отдаленных и нередко архаических источников. В связи с этим после сведения вместе требуется отыскать способ их примирения и объединения в единое целое так, чтобы они снова не распались на части.

Спорный вопрос, выявляющий проекции, вызывает сильную эмоцию или другие выражения либидо. Это настолько неприемлемо для нашей цивилизованной позиции и настолько не соответствует традиционным стандартам, что значительная часть нынешнего социального и морального воспитания молодежи связана с дисциплинированием или даже подавлением этого самого фактора. Когда индивид в затруднительных положениях обнаруживает, что в нем, подобно безжалостному и хладнокровному демону, живет примитивная сила, он должен отыскать способ трансформации ее в дух иного рода, дабы не регрессировать до уровня цивилизации намного ниже своих сознательных стандартов.

В ходе того как проецированные элементы постепенно распознаются и принимаются, дополняющие друг друга кусочки психики поступательно накапливаются и размещаются так, чтобы образовать единое целое. Все это происходит во многом наподобие того, как складываются вместе кусочки составной картинки-загадки или фрагменты мозаики. В разрушенных храмах Чичен-Ицы в Мексике при восстановлении древних каменных резных

изображений было составлено много гигантских картин-загадок подобного рода. Однако здесь использовались два различных метода. В зданиях, где работа выполнялась по заказу правительства, скульптурные кусочки располагали так, чтобы они образовывали узор. Если некоторых частей изображения не доставало, их заменяли другими камешками, позволяющими создать правдоподобное целое, даже если иногда их приходилось вставлять лицевой стороной вниз. Ученые Института Карнеги, проводившие раскопки других курганов, действовали иначе. Они нумеровали каждый найденный кусочек и отмечали его местоположение на карте. Затем их складывали вместе в порядке нумерации, независимо от того, обещали они на первый взгляд образовать правдоподобное единое целое или нет. Поначалу реставрация выглядела совершенно безнадежной. Но по мере того как кусочки тщательно складывались вместе, согласно представляемой ими действительности, а не каким-либо предвзятым мнениям, из беспорядка вырисовывались неожиданные узоры.

Как ни странно, когда собираются разрозненные фрагменты психики, делается совершенно аналогичное открытие. Если, складывая кусочек за кусочком разрозненные части, удастся аналогичным образом придерживаться реалий и воздерживаться от предвзятых мнений, начинает обретать форму истинный облик индивида. И часто, к его собственному удивлению, становится очевидным, что в действительности его личность построена по определенному шаблону. Его точная форма может быть размыта или перекрываться, но в своей основе она существует, и поэтому ее нельзя заменить по собственному желанию, вообразив себе другую.

На этой стадии работы в сновидениях и других продуктах деятельности бессознательного начинают появляться символы инди-видуации, и кажется, что цель исканий вот-вот будет достигнута. Однако очень часто случается нечто неприятное; какое-нибудь внешнее осложнение или внутреннее расстройство потрясает психику, и все разваливается на части, как рассыпается мозаика или картинка-загадка, если неожиданно сотрясают стол, и не остается ничего иного, как начать утомительный процесс с начала.

После ряда подобных происшествий заинтересованный индивид может прийти в отчаяние. Если у него более или менее твердый характер, он ищет какой-нибудь способ объединить свои кусочки так, чтобы они прочно держались вместе и не рассыпались

на часть при всяком напряжении. На данном этапе для него будет удачей, если он построил надежную стену, огораживающую психику. В этом случае, по крайней мере, кусочки не будут потеряны совсем, а останутся в сознании. Если же у него нет прочной стенки, его фрагменты могут быть разбросаны где угодно — как мы говорим, он может буквально «разлететься на части» — и задача повторного поиска недостающих компонентов может оказаться еще сложнее.

Таким образом, существует необходимость в сосуде, который вмещал бы материалы, требующие сплавления и трансформации. Все эти термины: сосуд, материал, сплавление, трансформация — алхимического происхождения. И в настоящей главе действительно широко используются алхимические работы и символы для пояснения высшего символа самости. Исследования Юнга в этой малоизученной и еще менее понятной области знаний стали для нас богатым источником знаний. А его глубокое понимание и квалифицированное толкование невразумительного символизма предмета сделали это сокровище более доступным. Алхимические символы и соотношения широко встречаются в сновидениях современных людей. В связи с этим психологу-аналитику просто необходимо иметь определенное представление об опыте наших предшественников, которые под наружностью химического исследования в действительности интересовались психикой. В то время как сознательно экспериментатор пытался разгадать тайну материи, фактически изучалось его бессознательное.

Одна из основных трудностей, мешающих алхимикам в их поисках «неразрушимого и бессмертного камня», *lapis incomiptibilis et immortalis* — вне всякого сомнения символа Самости — заключалась в свойстве материалов распадаться или разрушаться под действием нагревания, измельчения и т.п. Они понимали, что необходим такой метод соединения компонентов камня, который полностью исключал бы их последующее разделение. Как правило (подтверждая свое определение в качестве натурфилософов), они обращались к природе в поисках тайного способа объединения вещей, с тем чтобы адаптировать его для своих целей. Они обнаружили множество примеров такого процесса, три из которых особенно впечатлили и даже изумили их; т.е. эти процессы стали для них символами, смутно раскрывающими деятельность бессознательного. Они размышляли над этими естественными трансформациями, старательно пытались имитировать

их в своей работе, стремясь таким образом достичь желаемого чудодейственного результата. Этими феноменами были созревание цыпленка в яйце, выпечка хлеба или пирога и бракосочетание мужчины и женщины. Высказывание, приписываемое Гермесу и цитируемое в «Философском Яйце», гласит: «Если два не станут одним, и три — одним, желаемая цель не будет достигнута»³.

Яйцо, несомненно, представляет собой закрытый сосуд, в который не может проникнуть ничто постороннее. Вначале в нем не содержится ничего, кроме белка и желтка; тем не менее, по истечении короткого периода высиживания из него появляется живой цыпленок. Алхимики объясняли эту трансформацию смешением желтой и белой субстанций, которые, по их мнению, превращались в жидкость и трансмутировали. Кроме того, они понимали, что наблюдаемое изменение происходит за счет тепла тела наседки, так как из яйца не вылупится никакой цыпленок, если его не высиживать. В связи с этим за первую степень тепла, необходимого для их работы, они приняли температуру тела курицы-наседки⁴.

Второе превращение, оказавшее на них впечатление, происходит на кухне. Они заметили, что тепло вызывает в некотором роде подобную перемену и в составных частях хлеба. Пекарь лишь смешивает их, а сливаются вместе и трансформируются они посредством выпекания. Философов поразил тот факт, что здесь также изменение происходило в результате действия тепла — равного, как они говорили, теплу солнца, когда оно находится в созвездии Льва, то есть в августе. Поэтому алхимики сильно заинтересовались действием тепла, или, как они обычно называли его, огня, и посвятили немало исследований и изобретательности разработке печей, реторт и методов регулирования температуры. По представлениям того времени тепло или огонь считались субстанцией-флогистоном, одним из четырех элементов, составляющих вселенную. Для них это было нечто конкретное, прибавляющееся к другим ингредиентам.

Третье превращение, бракосочетание мужчины и женщины, или, если более обобщенно, объединение противоположностей, *conjunctio oppositorum*, было настолько важным для них и столь существенно для нашей проблемы, что требует более подробного рассмотрения в дальнейшем.

В первом примере трансформации, развитии цыпленка из яйца, чудесное превращение происходит только в природе. Однако

даже здесь, как отмечает Соломон Трисмозин⁵, для успешного завершения работы требуется участие наседки. Во втором случае, выпекании хлеба, слияние субстанций происходит не в природе, а благодаря человеческому умению. В связи с этим некоторые алхимики-философы учили, что необходимое для создания *augum nostrum* или философского камня — выражаясь языком психологии, Самости, — сплавление элементов не может происходить в природе. Сама по себе природа, говорили они, не может дать такого результата. Требовалось соучастие природы и ремесла: великое дело требовало человеческих усилий и изобретательности, но без божественного благоволения они были тщетны. Однако по этому вопросу у философов существовали определенные разногласия. Ибо некоторые из них утверждали, что в действительности природа без сторонней помощи все же может создать камень, но на это потребуются тысячелетия. Однако процесс может быть существенно ускорен искусственно: «То, что природа не может довести до совершенства за очень долгий период времени, мы своим умением способны завершить за короткое время: ибо ремесло может во многом восполнить недостатки Природы»⁶.

Это высказывание соответствует тезису настоящей работы, рассматривающей эволюционные изменения, очень медленно протекающие на протяжении столетий развития человеческой культуры, которые, однако, можно ускорить использованием религиозного или психологического метода, дающего возможность воздействовать непосредственно на безличные, бессознательные элементы психики.

Этот вопрос очень ясно изложен в нижеследующем отрывке из «Splendor solis» Трисмозина. Автор начинает свой трактат следующими словами:

«Философский Камень создается с помощью Зеленеющей и Растущей Природы. Поэтому философ Халид говорит: "Этот Камень начинается в растущих, зеленеющих вещах". Посему, когда Зелень преобразуется до своей прежней сущности, из которой в должное время прорастают и вырастают вещи, ее необходимо настоять и разложить по методу нашего тайного ремесла. Ремесло может помочь тому, что настаивает и разлагает Природа до тех пор, пока в соответствующее время не придает ему должную форму. Наше Ремесло лишь переделывает и подготавливает Материю для такой работы,

которая приличествует Природе, и с предупредительной Мудростью предоставляет для такой работы подходящий сосуд. Ремесло не берется за создание золота и серебра заново, так как оно не может наделить материю ее первопричиной. Нет необходимости искать наше Ремесло и в местах и пещерах земных, где зарождаются минералы [т.е. углубляясь в бессознательное, как если бы драгоценную вещь можно найти только здесь]: Ремесло направляет свою работу совершенно иным путем и с намерением отличным от целей Природы, поэтому Ремесло использует другие инструменты и приспособления.

По этой причине Ремесло способно производить необычайные вещи из вышеупомянутых естественных начал, которые сама Природа никогда не сможет сотворить. Ибо без сторонней помощи Природа не создает вещи, посредством которых несовершенные металлы в мгновение ока могут быть сделаны совершенными, тогда как секреты нашего Ремесла позволяют это.

Здесь Природа предоставляет Ремеслу материю, а Ремесло обеспечивает Природу подходящими инструментами и методами, способствующими Природе создавать новые формы: и хотя ранее упоминавшемуся Камню можно придать надлежащую форму лишь Ремеслом, сама форма принадлежит Природе [т.е. форма самости уже присутствует в психике, подобно лежащему в основе картинки-загадки первоначальному замыслу]... Однако следует помнить, что необходимая форма не может зародиться в материи, иначе как случайно, причем не в силу самой этой формы, а благодаря другой реальной субстанции, которой является Огонь или какое-нибудь иное дополнительное тепло»⁷.

Весь этот отрывок можно принять как описание процесса анализа. «Материя», обнаруживаемая в природе, является обычным человеком, со всеми событиями; формирующими его жизненную ситуацию и содержащими проекции бессознательных частей его психики. Трисмозин говорит, что эти материалы, если их оставить природе, никогда не превратятся в драгоценный камень; тогда как мы сказали бы, что индивидуация или осознание Самости вряд ли могут явиться результатом простого восприятия жизни такой как она есть. Развитие, необходимое для этой трансформации, осуществляется только, как говорит Трисмозин, «ремеслом», которое должно предоставить форму — «подходящий сосуд» — и должно так же воздействовать огнем. Однако он допускает, что такое превращение может произойти и без непосредственного приложения методов алхимического ремесла, когда говорит, что иногда форма образуется «случайно», хотя здесь из-

менение так же осуществляется огнем или иным случайным теплом. Это утверждение касается часто задаваемого вопроса. А именно: может ли индивидуация или осознание Самости наблюдаться у людей, не занимавшихся психологическим анализом?

На это можно ответить, что аналогичное процессу индивидуации развитие может произойти без использования данного современного метода. Свидетельства, собранные Юнгом из множества источников разных эпох, ясно указывают на то, в прошлом существовало много систем, имевших сходные цели. Но такие системы отличаются своими представлениями об искомой цели и, возможно так же, в психологическом понимании, вдобавок к этим многочисленным системам трансформации — в которых изменение в конечном итоге осуществляется ремеслом, ибо религиозную инициацию вполне можно отнести к этой категории — существует множество примеров людей, достигших рассматриваемого нами развития без помощи анализа или какого-либо другого аналогичного метода. Это люди, если говорить языком Трисмозина, которые нашли случайную форму благодаря случайному теплу. В пьесе Т.С. Элиота «The Family Reunion» описывается именно такая ситуация. Удивительное стечение обстоятельств приводит героя к тому, что называется «петлей во времени», и как подсказывает разворачивающееся действие, осознание, вызванное этим смыканием прошлого и настоящего, позволило ему прийти к согласию с образами судьбы в его собственном бессознательном. Эта концепция «петли во времени» удивительно напоминает *уроборос* алхимиков, змею, заглатывающую свой хвост, которая символизирует циклическое действие — поедание прошлого или ассимиляцию бессознательного. Это один из способов возможной инициации процесса индивидуации. Но, как отмечается в «Summa perfectionis», ремесло может существенно ускорить процесс.

Форма или сосуд, о которых говорит Трисмозин, в современном понимании представляют психику человека. Однако алхимики полностью руководствовались иллюзией, вызванной проекцией бессознательного, и потому не понимали, что данный сосуд служит символом, аналогичным кругу и мандале. Они интересовались сферическими или яйцевидными перегонными кубами; считали огонь или тепло внешним агентом и пространно спорили о четырех степенях тепла, хотя некоторые из них, по-видимому, подозревали, что это тепло было к тому же и проявлением

психических энергий или инстинктивных эмоций — *tarn ethice quam physice*.

Трисмозин очень тщательно разделяет функции этих двух агентов, сосуда и тепла, в алхимическом процессе. Он говорит, что сосуд имеет определяющее значение; однако превращение осуществляется за счет тепла. Изменение алхимического материала вызывает энергия тепла, его сила или огненность.

Не только Трисмозин, но и все остальные алхимические авторы регулярно называют процесс, посредством которого осуществляется или ускоряется превращение, ремеслом, методом, разработанным и применяемым человеком. Людей, практикующих это ремесло, называют по-разному, например, ремесленниками, магистрами или мастерами, более часто — философами, подразумевая не тех, кто интересуется концепциями, а тех, кто любит мудрость в любой форме. Алхимики всегда предостерегают желающих получить «наше золото» или философский камень, что сама работа тяжела, изнурительна и изобилует множеством ловушек для неосторожных и необученных. Их тексты многократно перечисляют качества, которыми должен обладать кандидат в алхимики, для того чтобы его работа была безопасной и плодотворной. В действительности отыскать правильный путь было настолько трудно, а приводимые инструкции такими туманными, что это ремесло называли тайным. Некоторую долю неясности алхимические авторы вне всякого сомнения вносили намеренно, чтобы защитить себя от преследований и эксплуатации; но значительно большая ее часть была обусловлена характером переживаний, испытываемых ими в своей работе — явлений, которые они совершенно не могли объяснить посторонним или даже адекватно описать для самих себя без использования иносказаний и символов.

Указания относительно позиции, требующейся для ищущего, с тем чтобы его работа имела хоть какую-нибудь надежду на успех, приводятся различными авторами. Их тексты вполне можно принять как руководство для читателя, который собирается заняться психологическим анализом сегодня. Например Генрих Кунрат (родился в 1560) пишет в «Amphitheatrum sapientiae aeternae»:

«Преуспевающий адепт должен обладать знанием о материале Великого Делания; а так же убежденностью, немногословием, чистой душой и верой в силу молитвы. Миновав врата, отмеченные знаком философской ртути, он следует чрез семь углов цита-

дели, представляющих основные операции Великого Делания — обжиг, очищение, помещение в запечатанный Сосуд Гермеса, перенос в Сосуд Атанор [печь], коагуляцию, разложение, размягчение, умножение и проекцию. И даже придя к Petra Philosophalis, он обнаруживает, что его охраняет страшный дракон»⁸.

Томас Нортон в своей работе «Ordinal of Alchemy» (1477)⁹ описывает ремесло как священное:

«Мы знаем <...> что секреты этого Ремесла никогда полностью не открывались никому, кто допропорядочной и благородной жизнью не доказал, что достоин этого и не показал своей любовью к истине, добродетели и знанию, что заслуживает этого милостивого дара. От тех, кто настроен иначе, эти знания должны вовеки храниться в тайне. Кроме того, никто не сможет постичь этого Ремесла, если Господь не ниспошлет ему кого-нибудь в учителя».

Психолог-аналитик сказал бы это так: Прежде чем индивид будет готов приступить к более специфическим проблемам процесса индивидуации, ему необходимо разрешить такие проблемы в личной жизни, как: эгоизм, стремление к власти, потакание собственным прихотям, лень, недисциплинированность и т.д. Кроме того, хорошо известно, что для более продвинутой части работы требуется наставник. Довольно интересно то, что описание Нортоном прекрасного мастера вполне применимо в качестве критерия преуспевающего психоаналитика. Он говорит, что хороший учитель обладает благородным нравом, не наставляет ученика из эгоистических соображений и не предлагает своих услуг, ибо «такой человек больше нуждается в вас, чем вы в нем». Он продолжает:

«Если ваш мастер будет во всем таким же человеком, каким был мой, вам будет непростительно усомниться в нем, ибо мой был благородным и искренним, любил справедливость и ненавидел обман. Кроме того, он хорошо умел хранить свою тайну, и когда другие нарочито похвалялись своими знаниями, он молчал, как если бы ничего не знал».

Затем Нортон описывает трудности, отмечающие путь к овладению этим ремеслом. Они тоже удивительно похожи на проблемы, осаждающие индивида, стремящегося к большей психологической зрелости:

«Для многих ныне усопших жизнь шла наперекосяк, до того как им удалось преуспеть в поисках нашего Камня. Либо в самом на-

чале, либо на более поздней стадии работы, все подвержены ошибкам, пока опыт не просветит их знанием и они не натолкнутся на должное соотношение тепла и холода. Никто так не расположен к ошибкам в этом вопросе, как дерзкий и самонадеянный испытатель. Никто так не портит нашу работу, как тот, кто слишком спешит закончить ее. Человек, способный довести это дело до совершенства, должен подходить к нему с осторожностью и предусмотрительностью. Самое печальное обстоятельство, связанное с нашим Ремеслом, заключается в том, что, совершив ошибку в какой-либо части работы, приходится начинать ее с самого начала... Если вы найдете поистине опытного учителя, все ваши заботы ни в коей мере не останутся позади. Если ваш разум предан добродетели, Дьявол сделает все возможное, дабы помешать вашим исканиям одним из трех камней преткновения, а именно: спешкой, отчаянием или обманом. Ибо он опасается добрых дел, которые вы можете свершить, преуспев в овладении этим секретом. Первая опасность состоит в неуместной спешке, которая сводит на нет и портит работу многих. <...> Будьте уверены, что спешка низвергнет вас с вершины истины».

Индивид, отправляющийся к аналитику с надеждой разрешить все жизненные проблемы за одно или два посещения, находится в аналогичном положении. Нортон предостерегает далее:

«Это одна из тончайших уловок дьявола обольстить нас; ибо спешка — это *ignis fatuus**, которой он заставляет нас сбиться с пути истинного. <...> Остерегайтесь поспешности... Если враг не одолеет вас спешкой, то атакует унынием и будет постоянно вкладывать в вашу голову расхолаживающие мысли о том, как много людей, пытающихся овладеть этим ремеслом, и как мало из них достигает успеха, и о том, что потерпевшие неудачу часто умнее, чем вы. Затем он спросит вас, как можете вы надеяться получить великий чудесный эликсир; более того, он вселит в вас сомнение в том, обладает ли ваш учитель сам тем секретом, который он обещает открыть вам; или же не скрывает ли он от вас большую часть из того, что знает. <...> Третий враг, которого вы должны остерегаться — обман, и он, наверное, наиболее опасный из трех. Слуги, нанятые вами поддерживать огонь в ваших печах, часто крайне ненадежны».

Автор говорит об обслуживающем персонале лабораторий; но его слова никоим образом нельзя считать неуместными в нашей ситуации, если рассматривать эту прислугу как представляющую

"Призрачная надежда (лат.). — Прим. перев.

внутренних психических слуг индивида, его способность к сосредоточению, его ощущения и настроения и т. д., ибо они часто так же ненадежны и бессовестны, как и помощники алхимика. Нортон продолжает:

«Одни из них небрежны и засыпают, когда должны присматривать за огнем; другие — порочны и всячески вредят вам в силу своих возможностей; третьи — либо глупы, либо самодовольны и самонадеянны и ослушиваются инструкций; к пальцам четвертых так и липнет чужая собственность».

Это может быть применимо в качестве параболы к людям нашего времени, пытающимся решить свои психологические затруднения, присваивая себе чужую истину или исповедуя необычные и эзотерические доктрины или полупонятные догматы; ибо исцелить болезнь, терзающую душу индивида, может лишь та истина, которая является подлинно его собственной. Следующее увещание алхимика тоже уместно:

«Или же они пьяны, неаккуратны или рассеяны. Если хочешь избежать какой-нибудь большой потери, будь начеку. Если слуги преданны, то, как правило, глупы; сообразительные обычно лживы; и трудно сказать, какое зло из двух худшее: глупость или лживость».

Нортон обсуждает три вещи, необходимые для великого дела. Это — сосуд, содержимое и огонь. Алхимический сосуд или *vas Hermetis* изображается на старинных рисунках и описывается в текстах как имеющий различную форму. Но все эти сосуды, какова бы ни была их форма, имеют одну общую черту. «Turba phi-losophorum» наставляет: «Плотно закройте горловину сосуда». Наше современное выражение «герметически закрытый» берет свое начало от указаний по запечатыванию сосуда согласно алхимическим законам, приписываемым Гермесу. Ибо одно из строжайших требований ремесла заключается в том, чтобы во время процесса трансформации ничто не могло ни просочиться из сосуда, ни проникнуть в него.

Сосуд алхимиков, подобно кругу психики и мандале, должен быть замкнутым, для того чтобы процесс трансформации протекал удовлетворительно. Для алхимиков этот процесс проходил в материальных субстанциях, находящихся в реторте. Для нас — это символ, представляющий сходный процесс, протекающий в психике. Так, говорится, что прежде чем в психике может прои-

зойти примирение противоположностей и образоваться новый центр индивида, вокруг нее необходимо возвести надежную стену. При протекании процесса трансформации в герметическом сосуде выделяется много тепла, которое может расколоть сосуд, если он не будет изготовлен из прочного материала; или же из него могут улечься выщеляющиеся газы и пары, и при этом может быть утерян существенный элемент продукта. По этой причине проблема запечатывания сосуда считалась исключительно важной. Аналогичная постоянная забота сопровождает индивида, проходящего процесс индивидуации в ходе анализа.

Но что собой представляет этот герметический сосуд, и за что его принимали алхимики? Греческие алхимические тексты описывают его как контейнер для четырех элементов, которые должны быть сплавлены для получения круглого камня, *rotundum*. Некоторые считали его символом всего мироздания, космоса, состоящего из четырех элементов — земли, воздуха, огня и воды. Кроме того, он выступает символом малого мироздания, микрокосма, самого человека, тело которого также состоит из четырех элементов, а психика — из четырех аспектов мира, в то время как с четырьмя сферами бытия его связывают четыре функции. Герметический сосуд алхимиков на самом деле аналогичен кругу психики и мандале, ибо все они по-своему представляют индивидуального человека — факт, который отдельные алхимики, несомненно, смутно понимали сами. Герметический сосуд — это индивид. В нем должны быть собраны и сплавлены в единое целое, образуя новое творение, многочисленные кусочки психического материала, разбросанные по миру индивида. В нем должно произойти объединение противоположностей, называемое алхимиками *coniunctio* или бракосочетанием. Кроме того, он является тайной камерой чудесной трансформации, создающей «драгоценное золото» из обычного металла или, как еще говорится, превращающей дешевый или простой природный камень в «благородный камень» философов. Некоторые из более поздних алхимиков-философов, казалось, были близки к пониманию того, что в действительности работали над самими собой. В книге «Aureum vellus», опубликованной в 1598 г., это кратко излагается следующими словами: «Изучи, чем ты есть, Чего ты частью есть».

М.Э. Хардинг

И то, что знаешь ты о ремесле.

Вот чем в действительности ты есть.

Все то, что вне тебя,

Есть и в тебе,

Так Тризмозин писал»¹⁰.

В иллюстрированных алхимических текстах герметический сосуд часто изображается в виде обычной закрытой колбы. В «Mutus liber»¹¹, алхимик и его *soror mystica* — аналоги «рыжего мужа и его блондинки жены» — видны запечатывающими стекляннй сосуд нагреванием его горлышка над спиртовкой с помощью паяльной трубки¹². Вскользь следует отметить, что многие тексты указывают на необходимость совместного участия в работе мужчины и женщины, которые часто играют роль мужских и женских элементов камня или представляют *Sol et Luna*, или *красного короля и белую королеву*, а в психологической терминологии соответствуют мужчине с его женской душой, и женщине с ее мужской неотъемлемой частью, анимусом. В каждом из случаев объединение составляет внутреннее бракосочетание, *hieros gamnos*, в результате которого индивид должен стать целостным.

В трактате «О Камне Философов», написанном в 1653 г. королем Португалии, Альфонсом, отмечается следующее:

«Сосуд должен иметь форму Сферы с длинным горлышком [часто называется яйцом философов].... Точно так же, как в природном Лице содержится три вещи — скорлупа, белок и желток, так и Философский Камень должен вмещать три вещи: Сосуд или Стекло — как скорлупу Яйца, белую жидкость — как белок Яйца и желтое тело — как желток Яйца. Под действием небольшого тепла Матери из белка и желтка Яйца образуется Птица, скорлупа же Яйца остается цельной до тех пор, пока из нее не вылупится Цыпленок; таким же образом и в Философском Камне из желтого тела и белой жидкости посредством умеренного тепла матери образуется земная субстанция птицы Гермеса, сосуд же остается цельным и не открывается до достижения полного ее совершенства»¹³.

Филалет пишет: «Стекло должно быть прозрачным и толстым.... для того чтобы пары, выделяющиеся из нашего эмбриона, не раскололи сосуд»¹⁴.

Сосуд был известен под различными названиями: его называли перегонным кубом, вазой Гермеса, «стеклянным домом», «царской темницей». На рисунках в «Splendor solis» (вкл. ил. XIX)

он изображен в виде обыкновенной колбы; горлышко колбы закрыто и увенчано короной, а сама она хранится в позолоченной нише. Иногда сосуд имеет более сложную форму — как, например, *pelicanus*, сосуд с длинным горлышком, изогнутым таким образом, что его горловина открывается в корпус колбы, образуя конденсационную или дистилляционную реторту. Этот сосуд сравнивали с пеликаном из-за широко распространенного верования, что самка этого вида птиц ранит собственную грудь, для того чтобы выкармливать птенцов своей кровью. Этот миф имел большое значение для алхимиков. Его смысл, очевидно, касается той же самодостаточной активности, которую представляет *уро-борос* — заглатывающая собственный хвост змея — и циркуляция света в символизме мандалы. Существуют изображения и двойной реторты, называемой «близнецы» или «двойники» (рис. 14), которая сконструирована таким образом, что дистиллят одного из сосудов попадает в полость другого и наоборот, так что содержимое перемешивается снова и снова. Это действие соответствует *coniunctio*ⁿ, которое нередко изображается бракосочетанием близнецов или брата и сестры — как, например, Исиды и Осириса, Бейи и Габриция (или Гилбрана), Дианы и Аполлона¹⁶.

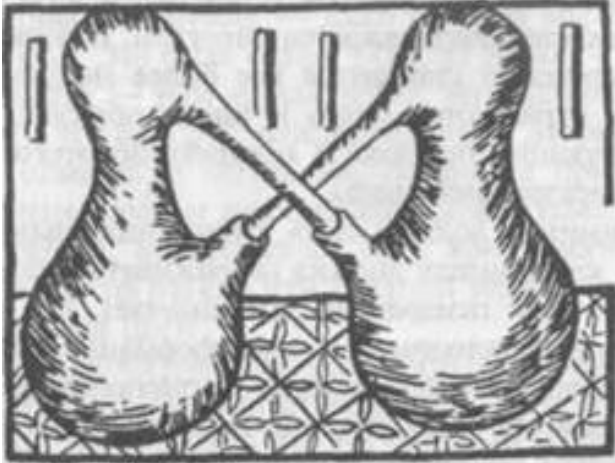


Рис. 14. Близнецы или Двойной пеликан алхимиков

Вращательное движение или циркуляция подчеркивается не только алхимиками. Она так же занимает видное место в упражнениях тибетских, китайских и индусских йогов, для которых

циркуляция света является необходимым фактором процесса трансформации¹⁷. Как учит символизм мандалы, когда огонь желания сдерживается или сводится на нет, индивид уходит в себя, и его мысли начинают вращаться по кругу. До тех пор, пока эта циркулирующая активность связана только с поиском выхода из положения, подобно бегу белки в колесе, никакой трансформации произойти не может. Но когда мысли сознательным усилием направляются на изучение значения переживания, круговое движение превращается в спиральное, ведущее вниз к скрытым бессознательным корням явления. Медитация с ее внутренним сосредоточением, подобно ротации света в символизме мандалы, не дает энергии вырваться наружу и направляет ее все глубже в бессознательное, где она активирует латентный креативный источник у центра. Заряженный таким образом энергией центральный символ испускает лучи света, устремляющиеся во вне, но они снова натываются на стену огня, воздвигнутую фрустрацией или, в случае йогов, жизнью в интенсивной интроверсии и отшельничестве, которое выступает добровольной фрустрацией всех естественных желаний. Таким образом энергия непрерывным потоком отражается обратно к центру, что сильно напоминает действие конденсаторов обратного потока у алхимиков. В результате этой циркуляции центр снова и снова подзаряжается энергией, поэтому испускаемые лучи постепенно становятся все более мощными. Они, в свою очередь, отражаются опять и таким образом запускается интенсифицирующий процесс; в «Секрете Золотого Цветка» он называется «циркуляцией света».

Сосуд алхимиков должен быть очень тщательно запечатан, точно так же, как мандалу должна огораживать сплошная стена. В переводе на язык психологии это означает, что прежде чем сможет произойти психическая трансформация, должен быть создан водонепроницаемый и даже газонепроницаемый сосуд. Ибо если что-нибудь будет утеряно, процесс сведется к нулю, а конечный продукт окажется незаконченным и несовершенным. Например, если индивид продолжает проецировать свои недостатки или достоинства на то или иное обстоятельство, значит сосуд проницаем.

Более того, сосуд-контейнер должен быть сделан из прочного материала; в противном случае как только у индивида возникнут затруднения, а окружающая обстановка начнет накаляться и ста-

нет тревожной, в сосуде образуется течь или, если использовать сленговое выражение с алхимическим оттенком, индивид «выйдет из себя». (Просто удивительно, насколько часто алхимические воззрения окрашивают современный язык, особенно его разговорную форму.) И тогда через край обжигающими реакциями хлынет кипящая жидкость, и наружу вырвутся горячий пар и дух. (Каждое из этих выражений имеет двойное значение; в алхимическом употреблении физическое и психологическое значения сливаются, а, возможно, еще даже не разделились.) Алхимики постоянно предупреждают об этом. Ибо целью является трансформация духа: если он испарится, все предприятие окажется проваленным. В «*Turba philosophorum*» говорится: «Отделившийся от тела дух прячется в другом духе, оба становятся летучими. Поэтому Мудрые советуют держать выходные ворота запертыми для того, что может бежать и чье бегство может причинить смерть»¹⁸.

В алхимических экспериментах это испарение часто исходило от ртути и как *spiritus mercurius* считалось духовным существом и иногда приравнивалось к Святому Духу. Ртуть, металл, благодаря своим аномальным свойствам не переставала удивлять алхимиков. Капельки именно этого живого серебра, *argentum vivum*, так проворно сливались вместе — даже сегодня мы говорим «быстрый как ртуть». Это была «наша тяжелая вода» — водой называли все жидкости — или «сухая вода», не смачивающая ладонь. Прежде всего это был дух, олицетворяемый Меркурием, металл, который, в отличие от остальных, испарялся при нагревании, а затем чудесным образом восстанавливался в более холодных частях конденсатора; он опускался или, как говорили алхимики, «проецировался» на стекло или цветной металл, окрашивая их в свой серебристый цвет.

Так и в психологическом эксперименте, очень напоминающем алхимический, именно «горячий пар», бесплотный дух, должен быть трансформирован или по меньшей мере необходим для трансформации. Алхимики с наибольшим психологическим инсайтом чувствовали, что именно это было целью их исканий. Например, в «*Turba philosophorum*» один из ораторов, Зимон, говорит: «Этот дух, что вы ищете, дабы немедля изменить, сокрыт от взора, точно как душа в человеческом теле»¹⁹. Это, несомненно, представляет очень важную сторону проблемы трансформации инстинктивных сил. Ибо если страстная реакция подавляет-

ся или просто гасится абреакцией — когда мы, как говорится, «выпускаем пар» или «даем выход» нашим чувствам — теряется нечто существенно важное для трансформации. Поэтому в процессе индивидуации наступает момент, когда индивид должен «поглотить свой собственный дым» — когда для него уже больше непозволительно срывать свой гнев или раздражение на ком-нибудь другом просто ради собственного облегчения. Это далеко не означает вытеснение аффекта. Ибо если эмоция вытесняется, присущий ей дух снова теряется в бессознательном, а затем неминуемо опять проецируется и весь процесс придется повторить.

Здесь необходимо следовать совершенно иным путем. Когда индивид, достигший определенной стадии в своих психологических исканиях, сталкивается со спорным вопросом — одним из тех моментов, когда бессознательные реакции вмешиваются в рациональное поведение — он должен разделить элементы ситуации согласно линии непредвзятой истины или справедливости и вернуть субъективный компонент в сосуд, каковым выступает он сам. Ибо то количество активированного духа или эмоции — будь то гнев, враждебность, стремление к власти, страх, симпатия, презрение, любовь или ненависть, — которое превышает требования внешней ситуации, является существенно необходимой частью для его *materia* и без него трансформация не может прийти к ожидаемому завершению.

Таким образом представляется, что содержание, по существу вовлеченное в трансформацию, включает иррациональные, инстинктивные, еще не человеческие факторы психики, не-эго. Человеческие, цивилизованные факторы, подчиняющиеся силе воли, образуют стенку сосуда. Эта стенка личности построена из качеств личного характера — честности, справедливости, любви к истине, чести, бескорыстия. Алхимики настаивали на том, что эти качества в значительной мере должны наличествовать у начинающего, прежде чем он сможет приступить к великой работе; ибо только тогда созданный им сосуд сможет удержать очень динамичные материалы эксперимента. В этой части аналитической процедуры, которая касается процесса индивидуации, данные качества тоже должны присутствовать как уже обретенные; т.е. до того как можно будет без риска браться за более глубокие проблемы коллективного бессознательного и безличных аспектов психики, проблемы личной жизни и собственного бессознательного должны быть в основном разрешены. Так как если контей-

нер не будет сделан из хорошего, порядочного материала, то будет существовать опасность, что он не выдержит нагрузки в критический момент.

На предварительных стадиях анализа многие темные и неприглядные вещи, которые подобно теням скрываются на задворках жизни и характера индивида, необходимо вынести в поле сознания и разобраться с ними. Как отмечает Юнг:

«Человек понимает, что, во-первых, никто не может проецировать свою тень на других людей, а во-вторых, упрямое сваливание вины на других не дает никаких преимуществ, поскольку гораздо важнее признать наличие собственной вины, ибо она является частью собственной самости и необходимым фактором, без которого ничто в нашем подлунном мире не может быть осуществлено»²⁰.

Эта часть работы завершается созданием психического контейнера, который должен строиться индивидом в силу всех его возможностей, чтобы он не рассыпался на части, когда возникнут напряжения и стрессы процесса трансформации. Ибо всегда остаются вещи, обычно самые неприглядные, которые открываются при исследовании бессознательного; это вещи, по мнению индивида, самые низкие и презренные в нем, они не поддаются ассимиляции или удалению даже с приложением всех его сознательных усилий.

Скорее всего окажется, что эти чернейшие тени, называемые алхимиками состоянием нигредо, связаны с неадаптированными эмоциями, представляющими безличную часть психики. Крайне болезненно осознавать, что они действительно присутствуют в тебе.

Юнг говорит, что эта тьма и чернота связаны с ощущением смятения и потерянности, которое возникает у человека, когда он понимает, что неспособен примирить свою темную теневую сторону с собственной сознательной личностью. По мнению Юнга это состояние сегодня опосредованно обуславливает развитие психоанализа.

Но остается фактом, что наиболее неприемлемые и непригляднейшие внутренние тайны безличны, несмотря на то, что они всегда кажутся самой личной частью всех жизненных переживаний. Они говорят о специфической слабости индивида, которая, как он считает, несравнима по своей порочности с недостатками других людей. Чувство собственной вины вызывает у него ощущение отчужденности.

М.Э. Хардинг

Но всякий, кто когда-либо искренне занимался подлинной интроверсией, будь то с помощью аналитика или без оной, чувствовал именно это. Каждый из нас обременен этой сокровенной темной тайной. Она уходит своими корнями в ту первозданную земную грязь, из которой вырос человек и которая до сих пор остается в нем незатронутая цивилизованным духом, как Дыхание, которое вдохнули в Адама при его сотворении. Именно такого рода осознание часто приводит индивида к анализу. И тогда во тьме, подобно искрам света, о которых говорили алхимики, начинают загораться другие элементы бессознательного, и в сознании индивида появляются проблески рассвета. Ибо как пишет Юнг:

«Анализ и толкование сновидений сталкивает осознанную точку зрения с проявлениями бессознательного, расширяя, тем самым, ее узкие границы. Это раскрепощение застывших и узких установок соответствует растворению и разделению элементов с помощью *aqua permanens*, которая уже находится в "теле" и выманивается оттуда с помощью алхимического искусства.... Теперь в ситуации появляется все больше светлых моментов, подобно тому, как тьму ночи рассеивает свет восходящей луны. В определенной степени свет исходит из бессознательного, поскольку, в основном, это сновидения выводят нас на путь просветления. Этот усиливающийся свет соответствует *albedo*, лунному свету, который, по мнению некоторых алхимиков, возвещает о восходе солнца. Следующее за этим усиление красного света (*rubedo*) указывает на усиление исходящих от солнца (сознания) света и тепла. Это соответствует увеличению участия сознания, которое сейчас начинает эмоционально реагировать на содержимое бессознательного.... Постепенно это приводит к образованию "сплава" или к синтезу противоположностей. "*Rubedo*" — так называли алхимики этот процесс, в ходе которого сочетаются браком красный мужчина и белая женщина, Солнце и Луна»²¹.

Ибо этот темный земной материал, образующий человека, составляет и тень, но в действительности представляет собой нечто большее, чем личная тень индивида, которая является всего лишь его поверхностным аспектом. Его источник залегает намного глубже. Фактически это — архетип, архетип дьявола, всецело отрицательного и порочного. Например, Мефистотель был одновременно и тенью Фауста, и воплощением дьявола. Алхимики говорили об этом элементе как об Эфиопе или Черном Человеке, которого необходимо вызволить из морских глубин, т.е. из бессознательного. На вкладной иллюстрации XIII, взятой

из алхимического текста шестнадцатого столетия, представлено спасение этого Черного Человека из моря Белой Королевой", которая предлагает ему новую одежду, точно так же, как ангел на вкладной иллюстрации XII принес одеяние возродившемуся Ионе. Чернота этого теневого элемента уже начала изменяться, ибо одна рука спасенного побелела, указывая на то, что когда темная тень освобождается из бессознательного, ее чернота ослабевает. И действительно, когда перестает отрицаться и вытесняться обременяющая всех нас темная тайна, в ней начинает проявляться присущая ей ценность. Ибо именно из этого первичного материала должно формироваться новое творение. Совершенное золото алхимиков нельзя получить очисткой земного золота; аналогичным образом и высшую ценность, называемую нами Самостью, нельзя создать совершенствованием или дальнейшим окультуриванием высокомерных аспектов эго. Алхимики утверждали, что совершенное золото можно добыть только созидательной трансформацией встречающихся в природе первичных элементов, посредством процесса, аналогичного лишь тому, с помощью которого природа миллиарды лет тому назад создала металлическое золото в земных недрах — т.е. сплавлением элементов под воздействием тепла и давления. Так и Самость должна быть обретена сознательным объединением элементов психики под воздействием психологического тепла и давления. Если эго сформировалось естественным образом в ходе тысячелетней эволюции, то Самость, подобно золоту философов, должна быть получена сознательным человеческим искусством, значительно сокращающим требующееся время. Согласно алхимикам, «то, на что Природе требуется тысяча лет, может свершиться с помощью нашего ремесла в течение одного часа».

Когда алхимики отыскивали первичную материю, которая, как они постоянно твердят нам, разбросана в жизни повсюду: на рынке, на полях, в домах и даже в навозной куче, — они размельчили ее и извлекли черную субстанцию. В психологическом смысле первичная материя встречается абсолютно в каждой ситуации, в которую индивид оказывается эмоционально вовлеченным. Из таких ситуаций можно отделить черную субстанцию, этого внутреннего, не обновленного духовно Адама, и поместить в сосуд, где она нагревается огнем — эмоцией, — генерируемым процессом отделения.

Эта эмоция связана с инстинктами, присущими плотскому человеку, земному или животному остатку, сохраняющемуся в природной сердцевине человеческого существа. Они выполняют исключительно важные функции в биологическом отношении и в повседневной деятельности человека во внешнем мире. Без них не могла бы существовать на земле сама жизнь, живые существа.

Говорится, что при сотворении мира Бог вдохнул свой дух в земное тело созданного им человека, и этот дух был в человеке. Но будучи искушенным змеем, представляющим чуждый, хтони-ческий дух, человек совершил первородный грех и тем самым отделился от Господа. Земная сущность цеплялась за него и угрожала полностью поглотить и умертвить божественный дух. Поэтому для трансформации земной сущности требовалось дополнительное вливание божественного духа. Много лет спустя Бог снова послал свой дух на землю для воплощения в человека; и когда родился Христос, во тьме возгорелся свет, и тьма не понимала его — это должно быть указывает на тот факт, что никто не ожидает обнаружить свет во тьме. Тем не менее, именно так гласит учение.

Философы-алхимики также утверждали, что самый драгоценный камень сокрыт, правда в незаконченной форме, но все же присутствует, в обычных камнях земли, которые игнорируются и отбрасываются, подобно другому камню, о котором сказано: «Камень, отвергнутый строителями, стал главою угла... и чуден он нашему взору».

Индивидам, претерпевающим трансформацию, нередко снится обнаружение света, сокрытого во тьме. Это может быть видение горящего огня, краснеющего в центре куска черного угля; или же в сновидении является солнце, упрятанное в центре земли; или в обычном глиняном или каменном кувшине неожиданно оказывается зажженная свеча. Форм выражения множество, но их значение, очевидно, одно и то же, а именно: свет, горящий во тьме. Юнг в «*Mysterium Coniunctionis*» цитирует Кунрата: «Они являются... огненными искрами Мировой Души, то есть света природы, по велению Бога рассеянными и разбросанными по всей ткани большого мира и присутствующими во всех элементах»²³. Эти искры часто называют глазами рыб, виднеющимися в глубине моря. Иногда они встречаются в сновидениях современных людей. Юнг говорит о них: «Рыбьи глаза являются маленькими душами-искрами, из которых складывается сияющая фигура *filius* [сына философов]. Они соответствуют частицам света, заключенным в черной

Физис, воссоздание которой было одной из основных задач гностиков и манихейцев»²⁴.

И далее продолжает: «Дорн использует концепцию *scintillae* [искр] в нравственном аспекте... [Он пишет] "Что за безумие ввело вас в заблуждение? Ибо в вас, а не вне вас, он хочет чтобы отыскали вы все то, что ищете вне себя, а не в самих себе. Порок обычного человека в том, что он ни во что не ставит все, что имеет, и вечно жаждет чужого.... Жизнь, свет людей, горит в нас, хоть и неярко и как-будто впотьмах"»²⁵.

Впечатления алхимиков, очевидно, были аналогичными, ибо они часто упоминают огни в недрах земли и заявляют, что их золото образуется в центре земли вращением солнца, которое медленно прядет там свое собственное подобие.

Юнг представил огромную массу свидетельств, демонстрирующих, что алхимики христианских времен отождествляли свой камень с Христом²⁶, выступавшим краугольным камнем, в котором нашел свою обитель свет духа. Но даже в дохристианский период камень служил символом того, что вмещает дух. Как отмечает Юнг, Останес²⁷, который, возможно, был лекарем Александра Македонского и, несомненно, относится к дохристианской эре, советует начинающему алхимику поискать камень у Нила, т.е. в Египте. Для греческих философов синкретического периода Египет служил источником тайной мудрости и, по общему мнению, истоком алхимии, само название которой, согласно очень древнему преданию, происходит от названия Египта — al-Khem или Ketha, означающего «Черная Земля». Но для христианской церкви Египет имел иное значение, уходящее своими корнями во времена еврейского рабства в этой стране, поэтому он символизирует место рабской зависимости, т.е. несвободное состояние. Кроме того, для израильтян, во время их блужданий по пустыне, Египет представлял страну изобилия. Они страстно жаждали египетского благополучия. Таким образом, Египет представляет собой комплексный символ: место мудрости, рабства и плотского удовлетворения. А начинающему алхимику советуют искать там камень, в котором заточен дух. Отыскав этот камень, он должен расколоть его и, добравшись до сердцевины, вынуть ее; ибо эта сердцевина содержит материал, необходимый для его работы.

Это наставление согласуется со сказанным в отношении спорного вопроса. Человек занимается своими повседневными делами в обыденной жизни до тех пор, пока случайно не спотыкается о

какой-то камень («Это будет камень преткновения и раздора»). Затем он обнаруживает, что этот камень не мертв и инертен, а жив и приходит в сознание по собственной воле, невзирая на чьи-либо желания. Когда это происходит, камень следует расколоть и вынуть из него дух — т.е. бессознательный психический фактор, одушевляющий его в результате проекции. Этот дух служит материалом для великого дела.

Но это высказывание Останеса можно интерпретировать и немного иначе. Он говорит, что мы должны извлечь дух из материи. Но дух материи холоден, инертен и тяжел; как гласит алхимическое изречение — дух пробуждается в животном, грезит в растении и спит в камне. Именно этот спящий дух необходимо разбудить и согреть, дабы он обрел легкость и ожил. В твердом состоянии материя плотна и тяжела; для того чтобы она стала жидкой, ее необходимо нагреть, наделить энергией; еще больше энергии требуется для того, чтобы сделать ее газообразной или подобной духу. Точно так же обстоят дела и в психологической сфере.

Камень, скрывающий в себе дух, встречается в реальной жизни в различных формах. Когда человек сталкивается с чем-то, захватывающим его, даже если другим оно кажется пустым и неинтересным, простым камнем, он должен предположить, что для него этот камень вмещает дух. И если этот дух вззовет к нему, ему следует освободить его из каменной темницы и найти для него более достойную обитель, драгоценный камень, или же высвободить дух из того камня преткновения — спорного вопроса, — который тоже вмещает дух, не дающий ему покоя до тех пор, пока он не вызовет его из униженного положения. На вкладной иллюстрации XIII мы видим черного человека, Эфиопа, которого спасает из воды Белая Королева. Эта картина аналогична освобождению духа из грубой материи или, выражаясь психологическим языком, высвобождению духа или энергии из бессознательного.

Дух, появляющийся из камня преткновения, это — дух тяжести, гнева, эгоизма, стремления к власти. Если его изъять из спорного вопроса и направить внутрь, он пронзит круг психики и может достичь змеи Кундалини, которая спит в инстинктах, свернувшись кольцом вокруг центра. А если эта змея пробудится и ее удастся заточить в герметический сосуд и слегка подогреть до температуры высиживающей цыплят наседки, как при алхимической инкубации, — посредством *танас* медитации йоги, или

креативной интроверсии, как сказали бы психологи — она начнет изменяться, пока в конце концов не трансформируется в символ центральной ценности и мудрости. Это — заключительное таинство великой работы. Иллюстрации в алхимических текстах часто изображают его в виде крылатого змея или огненного дракона в герметическом сосуде. На вкладной иллюстрации ХГХ — одном из рисунков, изображающих Великую Работу — содержимое алхимического сосуда представлено трехглавым драконом²⁸.

Центральную часть картины обрамляют различные сцены коллективной человеческой деятельности. На переднем плане король принимает почетных гостей, с левой стороны — фехтуют юноши, а справа можно видеть проведение какого-то рода спортивного состязания. Все это говорит о том, что при заточении дракона вождения и воинственного гнева в алхимический сосуд, деструктивные в своем грубом состоянии человеческие инстинкты трансформируются в социальные формы, ведущие к объединению усилий и дружбе.

Связь между материей и духом или телом и духом была для алхимиков вопросом повышенного интереса. Они считали, что она как и все остальные психологические проблемы, обусловлена свойствами и реакциями материи — химической загадкой, которую можно разгадать только в их ретортах. Но для них наблюдавшиеся перемены представляли собой нечто большее, чем просто реакции веществ; согласно их собственным описаниям, им казалось, что реакция протекает одновременно в реторте и в самом экспериментаторе.

Нам очень сложно понять их точку зрения. Но, вероятно, некоторое представление о том, как эксперименты алхимиков влияли на них самих мы можем получить, если вспомним свое необычное отношение к вещам в детском возрасте. Например, дети часто, играя, избегают наступать на трещины в тротуаре, опасаясь, что в противном случае их постигнет какое-нибудь абсолютно неопределенное несчастье. Некоторые из них совершенно ясно представляют, что это будет за несчастье. Я помню одну девочку, которая, играя в эту игру, верила, что если она наступит на трещину, то из нее вырвется вверх пламя; другие считали, что после этого весь остаток дня пойдет наперекосяк — они не смогут правильно ответить выученный урок, или «Мама будет сердиться», либо целый день их будет преследовать неудача. Как правило, по-настоящему в эти вещи дети не верят и не всегда об-

рашают на них внимание. Трещины лишь временами приобретают этот многозначительный или мистический характер, который, как хорошо известно нам, взрослым, а отчасти и самим детям, обусловлен проекцией. В том, что касается отношения к своей работе с материей, психологическое состояние алхимиков во многом аналогично таковому этих детей; и кроме того мы не должны забывать их заповедь: *Tarn ethice quam physice*.

Но вернемся к проблеме взаимоотношения тела и духа: алхимики знали, что дух, газообразная субстанция, находится в материи, но они не хотели просто лишь извлечь его оттуда нагреванием или какой-нибудь химической реакцией, ибо это оставило бы материю инертной и безжизненной.

«Нагревайте сильно... Ибо такой режим делает дух материальным и превращает тело в дух. Тщательно следите за сосудом, дабы избежать утечки содержимого в виде паров»²¹. Они стремились освободить дух из материи, а затем, очистив его и «тело», объединить их снова в священном союзе или *coniunctio*, «позволяющем духу обрести тело и сделать его духовным»³⁰. В Средние века не существовало методов сбора газов в емкости. Роберт Бойль, первый алхимик, изучавший свойства газов, жил именно в тот переходный период, когда химия, как современная наука, отделялась от алхимии, как средневекового ремесла, оставляя ее философский или спекулятивный элемент натурфилософам, таким как Якоб Беме. Алхимики знали, что если газы или духи попадают в воздух, они просто рассеиваются, исчезают. Поэтому они пытались создать новый вид емкости или тела, в котором можно было бы зафиксировать дух и не дать ему улечься. Иногда для изображения фиксации летучего элемента использовали символ змеи, пригвожденной к кресту³¹. Алхимическая проблема газа или духа в материи соответствует проблеме духа и тела в человеческом существе: «этот дух, что ты ищешь... сокрыт в теле и упрятан от взора, так же, как душа в человеческом теле»³². Для средневекового человека дух был божественной и бессмертной частью человека, материала, тленной части. Казалось, что эти две части пребывают в вечном противополжении. Отделить дух от человека, оставив материальную часть без духа, было подобно выделению летучих элементов из вещества в реторте. Даже если впоследствии высвобожденный для самостоятельной жизни дух можно было бы очистить, это не давало бы удовлетво-

рительного решения проблемы. Общепринятая теологическая концепция заключалась в том, что на протяжении жизни душа являлась лишь латентной потенциальной возможностью, скрытой в материи, но после смерти, когда тело возвращалось в землю, из которой оно было создано, дух освобождался и поднимался в иной, эфирный мир. Поэтому, согласно данному представлению, душа являлась дематериализованной сущностью человека, которая в действительности не функционировала до завершения земной жизни.

Когда алхимики нагревали окись или землю, как они ее называли, выделяющийся газ улетучивался в воздух. Они считали, что в соответствии с вышеизложенной теологической доктриной, таким же образом ускользнет и душа, и невозможно будет узнать, что с ней стало. Будучи реалистами, они не удовлетворялись этой формулировкой и стремились решить намного более трудную проблему создания совершенного существа в этом мире — как они говорили, «получить из некачественного материала благородный», — существа, которое будет состоять из тела и духа, объединенных в гармонии, а не пребывающих в вечном противостоянии, как в обычном человеке.

Едва ли есть необходимость отмечать, что эта задача очень близка к проблеме достижения целостности или индивидуации, разрешение которой столь единообразно раскрывается символами бессознательного в качестве цели стремлений человека к психологическому здоровью. Это предприятие, естественно, представляет собой намного более трудную проблему, чем очищение души для ее проявления только лишь на небе, ибо испытание его эффективности будет проходить на земле. Те, кто пытался создать человека существом, которому после смерти предстоит жить в потустороннем мире духовной жизнью, опирались в качестве доказательства своего успеха лишь на внутреннее ощущение трансформации или спасения, либо на утверждения церкви; они не должны были выдерживать проверки реальностью, а только лишь испытание верой. Однако для алхимиков место испытания было здесь и сейчас. Они верили, что благодаря своему ремеслу могут заставить дух обрести собственное «тонкое» тело. Таким образом преобразование человека станет живой реальностью в этом мире.

Филалет в «Кратком Путеводителе к Небесному Рубину» говорит:

«Слушайте же, что я вам поведаю о Великом Чудесном Эликсире этого чудотворного Камня, который одновременно не является камнем, существует в каждом человеке и может быть найден на своем месте в любое время.... Он называется камнем не потому, что подобен камню, а в силу своей неизменной сущности; Он так же не поддается действию огня, как и всякий другой камень.... Если мы скажем, что его сущность духовна, то это будет не более чем истина; если мы назовем его материальным, то это утверждение в равной мере будет справедливым; ибо он представляет собой утонченное, всепроникающее, прославленное духовное золото. Он — самое благородное творение из всего сущего.... он — дух или квинтэссенция»³³.

Таким образом, *lapis philosophorum* — это таинственный *rebis*, «двойная вещь», образованная соединением или *coniunctio* противоположностей. Его называют «андрогином» или «гермафродитом» и часто представляют в виде «бессмертного ребенка». Неизменный характер того, что образуется в результате этого объединения противоположностей (духа и материи), подчеркивается также и в буддистских текстах, где Бриллиантовое Тело часто выступает символом высшего достижения. Алхимики также пытались получить из этих двух противостоящих элементов или принципов дитя, или маленького человечка, гомункулюса — живое существо, которое одновременно было бы и *lapis philosophorum*. Иногда его называют *rotundum*, «круглой вещью» (что соответствует центральному кругу ламаистской мандалы). Это — камень, самоцвет и вместе с тем не камень, ибо он состоит из тела и души, образующих дух при своем объединении.

Творение алхимиков является живым существом, продуктом действия оплодотворения — на что ясно указывал Альфонс, король Португалии, когда говорил: «Семя Солнца [имеет соозначение философского камня] следует поместить в среду Меркурия»³⁴. В «*Tabula smaragdina*»³⁵, приписываемой самому Гермесу, об этом говорится следующее: «Его отец — солнце, а мать — луна; ветер носит его в своем чреве, а вскармливает — земля». Стольций говорит, что Мельхиор называет камень «нежным дитям, которое следует кормить чистым молоком»³⁶. Таким образом ребенок одновременно выступает и камнем, «драгоценной жемчужиной», *margarita pretiosa*. Его прочность и устойчивость подчеркивались множеством символов; ибо подобно «бесценной жемчужине», представлявшей в притче царствие Господне, дра-

Трансформация психической энергии

44 J

гоценный камень алхимиков символизировал центральную ценность — не поддающуюся оценке цель, которой с такой настойчивостью и самоотдачей добивались столетиями.

Таким образом, для получения камня существенно необходимым было отыскать способ объединения противостоящих «сущностей» или духов. Их можно представить себе как пары противоположностей — тело и дух, материя и форма, грубое и тонкое, нелетучее и летучее, мужское и женское. Или же фундаментальное противоположение может символизироваться антитезисом солнца и луны (*Sol et Luna*), красного короля и белой королевы, брата и сестры, льва и змеи, жабы и орла, крылатого и бескрылого льва или дракона. Объединение обычно изображалось бракосочетанием — *coniunctio*, — совершающимся в алхимическом сосуде, а иногда — как поглощение одного элемента другим. В истории о Бейе и ее брате-близнеце Габриции (Гилбране), приведенной в «*Visio Arislei*», представлены оба эти действия, ибо во время сожительства этих царственных близнецов, которое явилось результатом вмешательства философа-алхимика, брат вошел во влагалище сестры и исчез". Юнг интерпретирует гибель Габриция следующим образом:

«[Его] смерть является полным вхождением Духа в материю. Алхимики часто заявляли о порочности этого явления, но никогда не понимали его и поэтому рационализировали или преуменьшали инцест, столь отталкивающий сам по себе.... Погружаясь в бессознательное, сознательная личность оказывается в опасной ситуации, ибо кажется, что она уничтожает себя. Это — положение примитивного героя, которого пожирает дракон. Так как это — вопрос сужения или исчезновения сознательной личности.... намеренный или беспричинный вызов такого состояния представляет собой святотатство или нарушение табу, наказуемое строжайшим образом»³⁸.

Другими примерами темы пожирания как формы *coniunctio* служат: [1] две змеи, пожирающие друг друга, в результате чего появляется дракон, символизирующий философский камень³⁹; [2] лев, проглатывающий солнце*; [3] король, пожирающий сына и впоследствии необычным возрождением являющийся его на свет вновь⁴¹. Союз может быть представлен и иным образом. Например, в «*Viridarium chymicum*» изображаются два льва,жимающих друг другу лапы. Стольций, комментируя это в 1624 г., писал:

«Смотрите, сошлись два льва, сомкнувши лапы, и заключили прочный договор о дружбе.... Соедините две серы.... Пусть одна будет твердой, а другая — воздушной, но объединившись, пусть так в согласии и остаются»⁴².

Два льва представляют связанную и летучую серу, или мужской и женский элементы; более часто сочетаются ртуть и сера. Араб Авиценна, пишущий около середины седьмого столетия, говорит: «Соедините земляную жабу с летающим орлом и вы увидите.... Магистерий»⁴³. Это означает, что ищущий философский камень должен соединить «софистическую серу» и «Софистическую ртуть», или, на языке психологии, что высшую ценность можно обрести, объединив земной и духовный элементы, или, если еще проще, тело и дух.

Наиболее часто этот союз изображался бракосочетанием⁴⁴, где весь этот текст описывается и интерпретируется с психологической точки зрения.) Два элемента, сведенные вместе в мистический союз, часто изображаются как «рыжий муж и его блондинка жена» (Рипли), «белокурая женщина замужем за рыжеватым мужчиной» (Нортон) или трижды очищенный красный или золотой король и очищенная, безукоризненная белая или серебряная королева. Об этом Фламель в 1399 г. писал следующее:

«В этой второй операции вы... соединили и бракосочетали две сущности. Мужскую и Женскую... т.е. они образовали одно тело — Андрогина или Гермафродита Древних... Нарисованный здесь мужчина [он говорит об одной из фигур в своей книге «Иероглифические фигуры»⁴⁵] выразительно напоминает меня самого, а женщина — яркую фигуру Перренели.... Здесь должны были быть нарисованы просто мужчина и женщина.... но Художник пожелал изобразить нас»⁴⁶.

На вкладной иллюстрации ХХ (воспроизводится из «Mutus U-ben»⁴⁷), изображен алхимик и его *soror mystica*, работающие со своим материалом. Иллюстрация рассказывает о шагах, ведущих к завершению «великой работы» — *coniunctio*. На первых двух рисунках алхимик и его жена, играющая здесь роль *soror mystica*, взвешивают два элемента, представленные звездой и цветком: эти символы указывают на то, что начальные стадии трансформации уже пройдены. Затем их переносят в алудель или герметический сосуд. На третьем рисунке колбу «герметически» запечатывают, а на четвертом ее помещают в атанор или печь, построенную в форме башни. Подогрев здесь осуществляется снизу. Но в колоде карт Таро на одной из

карт старшего аркана, которая называется «Башня» и, по-видимому, подразумевает эту стадию алхимического процесса, в башне изображены мужчина и женщина. Точно так же и Бейя со своим братом-близнецом были помещены в дом из тройного стекла, который должен был нагреваться во время их объединения. На картинке карты Таро в башню ударяет молния, и она разрушается, а мужчина и женщина убегают или их выбрасывает силой. Однако на рисунке из «Mutus liber» подогрев регулируется, так что последний эпизод иллюстрации представляет завершение работы. Здесь алхимик и его жена, уже больше не облаченные в собственную одежду, занимают место Солнца и Луны — возможно, Аполлона и Дианы, другой пары, представленной братом и сестрой, союз которых трактовался алхимиками как символизирующий *coniunctio*. Луна держит лук, а рядом с печью находится мишень. Это указывает на то, что они «попали в цель». Числа с правой стороны означают способность философского золота умножаться до бесконечности.

Нам говорят, что король, т.е. золото или дух, должен быть трижды очищен; этот факт часто символизируют три цветка в руках у королевы; сама она тоже должна подвергнуться очищению, обычно представляемому омовением или купанием, в результате которого она превращается из черной земли, нигредо, в белую землю *uuiui* серебро. Так, другой текст в отношении бракосочетания или оплодотворения гласит: «Посей свое Золото в Белую Землю»⁴⁸. В психологическом смысле это, несомненно, означает то, что безопасная попытка объединить тело и дух или сознательное и бессознательное возможна только после очищения одного и другого на предшествующих стадиях анализа, когда пересматриваются и приводятся в порядок сознательный характер и личное бессознательное.

В алхимической литературе приводятся доказательства осуществления таинственного *coniunctio* в три стадии⁴⁹. Первая из них — объединение противоположностей, двойное соединение, которое, главным образом, и интересует нас. На второй стадии происходит тройное объединение — тела, души и духа или, как еще говорится, «Троица превращается в Единицу».

В «Книге Ламбспринка», опубликованной в 1625 г.⁵⁰, это тройное объединение представлено сперва двумя рыбами, плавающими в море — «Море — это Тело, а две рыбы — Душа и Дух» (См. фронтиспис), — а позднее символизируется оленем и единорогом в лесу и сопровождается следующим текстом:

М.Э. Хардинг

«В Телe [лесу] есть Душа [олень] и Дух [единорог]... Тот, кто знает, как с помощью ремесла приручить их, подчинить себе и объединить, может по праву называться мастером, ибо мы справедливо заключаем, что он обрел златую плоть».

В литературе представлено намного меньше материала об этой более продвинутой стадии работы, чем о простом *coniunctio*, и еще меньше о третьей стадии, объединении четырех элементов, в результате чего получается пятый, «квинтэссенция». Однако последние работы Юнга главным образом касаются проблем именно этого четырехкратного *coniunctio*. Его итогом является не только объединение личностных частей психики — эго и анимы или эго и анимуса. На следующей стадии развития они, в свою очередь, объединяются со своими надличностными коррелятами — мудрецом и прорицательницей или великой матерью и магом (под какими бы названиями эти вышестоящие элементы ни выступали). Юнг обсуждает данную проблему на нескольких уровнях: (1) в ее примитивном прообразе — обычае «бракосочетания двоюродных братьев и сестер»; (2) в гностическом символизме наассенов; (3) в алхимической литературе⁵¹. Эта тема достаточно сложна, но ее тщательное изучение щедро вознаграждается. К сожалению, у меня не было доступа к данному материалу, когда писалась настоящая книга. Но по сути дела нас интересует здесь лишь первая стадия: объединение сознательной и бессознательной частей психики, представленных эго, сознательной личностью в мужчине и женщине, и его бессознательной противной стороной в них — анимой или анимусом.

В сновидениях и фантазиях данное объединение может изображаться так же разнообразно, как и в алхимических текстах. Часто используются очень сходные символы, в особенности картина бракосочетания. Иногда темой драмы сновидения выступает церемония бракосочетания, иногда — половое сношение. Цель бракосочетания (кроме удовлетворения любви и желания, которое часто, но ни коим образом не всегда, представляет собой заметную часть переживания сновидения) может ясно и не показываться. Но в других случаях четко указывается на то, что будущее изменение затрагивает не действующих лиц, а таинственную субстанцию, которая образуется или создается при успешном завершении сексуального переживания. В одном из таких случаев женщине приснилось, что она попала в подземную пещеру, разделенную на залы с перегонными

кубами и другими загадочного вида химическими аппаратами. Двое ученых заканчивали продолжительную серию экспериментов, которую они надеялись успешно завершить с ее помощью. Конечным продуктом должны были быть золотистые кристаллы. Их необходимо было выделить из маточного раствора, полученного в результате множества предшествующих растворов и возгонок. В то время как химики работали с сосудом, сновидица и ее любовник лежали в соседней комнате, а их страстные объятия обеспечивали энергию, необходимую для кристаллизации бесценной золотистой субстанции. Таким образом, сновидение ясно показывает, что работа должна быть проделана над субстанцией, *materia*, а не над личностью человека, взявшегося за нее. Это в точности соответствует цели алхимиков, стремившихся высвободить сокрытый в материи (грубой субстанции) дух и трансформировать его в «наше» благородное бесценное золото. Выражаясь языком психологии, работа касалась не-эго в психике и изменения или трансформации, которые необходимо было осуществить в нем. В настоящее время широко предполагается, что эго известна вся психика — даже, что именно эго представляет всю психику — и поэтому мы склонны отождествлять сознательное «Я» с явлениями в бессознательном. В своем обсуждении этого аспекта проблемы Юнг очень четко разграничивает позицию алхимиков, считавших свою работу задачей, которую они должны выполнить сами — правда, с божьей помощью, но все же с материалами в реторте, — и ортодоксальное учение церкви. Согласно последнему, человек только лишь пользуется благами спасения, осуществленного и постоянно осуществляемого Христом и священником, отправляющим мессу в качестве представителя Христа.

В ходе алхимической «работы», составляющей тему второй части «Фауста», когда Парис и Елена собираются изобразить *co-niunctio* Солнца и Луны, Фауст в пылу идентифицирует себя с Парисом и посягает на его роль в представшей в видении драме. В связи с этим трагический исход становится неизбежным. Фауст представляет здесь современного человека, который, вместо того чтобы поклоняться богам, идентифицирует себя с фигурами в бессознательном. Когда Фламель писал о великой работе, которую он и его жена Перренель успешно выполнили и завершили *coniunctio*, он, очевидно, осознавал подобное искушение и едва избежал его. Ибо художник, рисовавший последнюю сцену брако-

сочетания Солнца и Луны, представил двух главных героев в облике Фламеля и Перренель. (См. вкладную иллюстрацию XX.) Но Фламель говорит, что это была лишь прихоть художника; подошли бы любые мужчина и женщина, ибо «здесь должны были быть нарисованы просто мужчина и женщина». Юнг пишет:

«Грех Фауста состоял в том, что он идентифицировал себя с тем, что должно было быть и было трансформировано... В некотором смысле древние алхимики стояли ближе к центральной истине психе, чем Фауст, когда они стремились высвободить огненный дух из химических элементов и считая, что загадка скрывается в темной и безмолвной колыбели природы. Эта загадка оставалась для них недоступной. Но нарастающая сила развивающегося сознания рано или поздно должна была положить конец проекции и вернуть в психику то, что изначально было психическим⁵².

Таким образом, мы подходим к другому аспекту проблемы взаимоотношения тела и духа в представлении философов-алхимиков. Из цитируемых ниже отрывков можно заключить, что их полемика касалась как процесса получения конечного результата, так и самого этого результата. Например в «Turba philosophorum» сказано: «Я советую потомкам превращать материальное в нематериальное, а бестелесное в телесное»⁵³. А затем в византийском фрагменте под заглавием «Философское Яйцо» мы читаем: «Если тела не потеряют свою телесность, а затем не обретут ее вновь, желаемое не будет достигнуто»⁵⁴. По-видимому, это означает, что иногда работа должна прodelываться над внешними реалиями ситуации, а иногда над ее духом или основной сутью даже в отсутствие какой-либо конкретной реалии. Это довольно туманное утверждение, но его можно пояснить примером.

Иногда в середине жизни человека осеняет, что причиной недомоганий, досаждающих ему в последнее время, может быть рак. Что делать? Какой должна быть его внутренняя позиция? На первый вопрос ответить легче, чем на второй. Этот человек, несомненно, должен немедленно обратиться к врачу и пройти необходимое обследование. Но что можно сказать о его психологической позиции в промежуточный период? Ведь на такую ситуацию можно реагировать по-разному. Кто-то решит забыть о своей естественной тревоге и не беспокоиться до появления дополнительных доказательств своей болезни. В дневное время ему, возможно, и удастся это, но ночью, скорее всего, его будут мучить кошмары, предостерегающие о том, что игнорировать внутренние намеки —

глупо. Человек другого склада даст волю своему воображению и будет настолько расстроен всеми возможными последствиями ситуации, что тысячу раз успеет умереть и оказаться похороненным до того, как обратится к врачу.

Такое препятствие нормальному течению жизни со всеми его возможными последствиями представляет собой «камень преткновения», сильнейшую фрустрацию, которая может быть использована для выполнения великого дела, но ни одна из описанных выше позиций для этого не подходит. Индивид первого типа должен беспокоиться о последствиях больше. Необходимо вычленить суть, дух, из конкретного факта, субстанции, тела, которое в силу его характера является почти единственной его заботой. Вероятные последствия следует использовать как пробный камень для проверки самого себя и собственной фундаментальной позиции по отношению к жизни и смерти. Второй должен «сдерживать своих лошадей», т.е. последовать совету алхимиков и не выпускать пар из перегонного куба; ему не следует отвлекать внимание на все вероятные последствия, а взглянуть в лицо реальным фактам.

Если индивид, когда неясное очертание болезни и возможной смерти грозит расстроить все его планы, сумеет избавиться от своих исключительно личных реакций, то нависшая над ним опасность может помочь ему проникнуть в тайны жизни и смерти. Ибо теперь эти тайны уже больше не являются для него чисто интеллектуальной проблемой, а становятся предметом его непосредственного эмоционального интереса. Такая опасность затрагивает один из самых фундаментальных инстинктов — самосохранения. Она пробуждает страх смерти — эмоцию почти сверхъестественной силы, мощь которой из реально не сталкивавшихся с ней мало кто осознает. Это одна из тех безличных эмоций, что способны достичь центра психики. Но поскольку реальная ситуация требует так много внимания, а личные перспективы выглядят такими плачевными, то при сохранении сущности положения почти невозможно достичь достаточно беспристрастной позиции, способствующей выполнению «великой работы», т.е. расширению сознания в обычно недоступной скрытой сфере.

Для реализации ценности переживания фрустрации и потери необходимо вычленить их дух или сущность, вызванную ими эмоцию, и направить ее внутрь или, как сказали бы алхимики,

1(>*

запечатать в герметическом сосуде и подвергнуть нагреву, измельчению, разжижению и т.п.; ибо именно этот дух необходим для трансформации. Другими словами, золото получается в результате трансформации инстинктивной реакции, в данном случае страха. Отрывок из «Turba philosophorum» гласит:

«Искомый вами дух сокрыт в теле и невидим взору, точно душа в человеческом теле. И если вы, желающие овладеть Ремеслом, не расщепите это тело, осторожно и усердно не будете обрабатывать и размельчать его до устранения плотности и не превратите в разреженный и неосязаемый дух, ваш труд будет напрасен. Поэтому Философы говорили: "Если вы не умеете превращать материальное в нематериальное, а телесное в бестелесное, значит вы еще не открыли основной закон"»⁵⁵.

Другой алхимический текст гласит: «Лишите тень ее субстанции и работайте с тенью»⁵⁶. Это наставление иллюстрируется изображением обнаженной женщины с нарисованным на груди сердцем, объатым пламенем, в которое нацелил свой лук Купидон. Ее тень лежит на земле. Над тенью работает алхимик, используя свои инструменты. Для алхимика женщина с пламенеющим сердцем представляет Луну; в психологической интерпретации она символизирует аниму. То, что ее фигура отбрасывает такую темную тень, может подразумевать несчастный любовный роман. Эротическое переживание, находящее свое удовлетворение, зовет к жизни, свету и не отбрасывает много тени. Но если мужчина влюбился настолько глубоко, что образ женщины представляется ему охваченным пламенем — как на описанном выше рисунке, где присутствие самого бога любви, Купидона, означает подлинную божественную страсть, — а его эмоции вместо внешнего удовлетворения находят лишь фрустрацию, данное переживание окутывает его жизнь тенью, которая может растянуться на многие годы. Именно такую ситуацию отображает рисунок в «Scrutinium chymicum», а сам текст гласит, что, работая с этой тенью, можно добиться внутреннего изменения.

Существует два классических примера аналогичной ситуации, а именно: страстные чувства Данте к Беатриче и история о потерянной любви Франческо Колонны, рассказанная им в форме аллегории преданности Полифила госпоже Полин. Пылкая юношеская любовь каждого из этих мужчин потерпела крах. В случае Данте⁵⁷ — в результате смерти Ипполиты, молодой девушки, память о которой пробудила в нем мечтательный образ госпожи Полии.

В «Vita nuova» Данте повествует нам о собственных ощущениях, возникших в результате осознания безнадежности своей любви. Интересно отметить, что им использован тот же образ охваченного пламенем сердца, который обсуждался выше. Он описывает свое сновидение следующими словами:

«Внезапно предо мною вспыхнула любовь,
Память о которой меня страшит.
Казалась мне она прекрасной.

В своих ладонях держал он мое сердце,
А на его руке покоилась спящей и укрытой госпожа моя.
Пробудив ее, он пламенным сердцем этим
Осторожно накормил ее, опасаясь хоть как-то навредить.
После чего я видел, как в слезах он удалился»⁵¹.

В то время Данте казалось, что это переживание несет в себе лишь страдание и разочарование. Однако оно оказалось стимулом к другому внутреннему переживанию, описанному в «Божественной комедии», и к исканиям, которые завершились видением небесной розы, соответствующим высшей мандале буддистских инициации и видению Индивидуальности, уже обсуждавшемуся нами. В сновидении Полифила Колонна изображает кульминацию внутреннего переживания бракосочетания с госпожой Полней, соответствующим алхимическому *coniunctio*⁶⁰. Однако этому союзу должно было предшествовать признание Полиии в измене Полифилу. Данный эпизод соответствует омовению или отбеливанию королевы, которая должна быть очищена перед объединением с трижды очищенным королем. Подготовку короля символизирует долгое раскаяние и страдание Полифила. В реальной жизни это страдание испытал сам Колонна. Неразделенная любовь и смерть любимой окутали глубокой тенью жизнь обоих поэтов. Тем не менее, ни один из них не мог позволить своей печали остаться лишь тяжелой ношей человеческого горя, которую он вынужден нести в меру своих сил. Не могли они и избавиться от нее, проявляя интерес к чему-либо иному. Данте, как мы знаем, пытался прибегнуть к этому средству, но совершенно безуспешно. На каждого из поэтов любовь оказала такое глубокое впечатление, что они были вынуждены «переварить» ее; таким образом фрустрация послужила отправной точкой внутреннего переживания, пришедшего к своему завершению только благодаря интенсивности и устойчивости эмоциональных

сил, приведенных в действие любовью. Поэтому каждый из них проделал работу, результатом которой стала трансформация или освобождение, эквивалентные цели алхимиков-философов и не многим отличающиеся от трансформации психического не-эго вследствие изучения бессознательного современными методами.

Сказанное существенно проясняет значение фрустрации и крушения надежд. Обычно, когда либидо свободно направляется во внешний мир и находит там достаточное удовлетворение, индивид довольствуется этим; но когда он сталкивается с фрустрацией, его либидо поворачивает обратно, и конечный результат во многом зависит от позиции, которую он займет в этот момент. Если либидо регрессирует до ауто-эротического уровня, оно растратится на детскую жалость к самому себе. Но оно может уйти и более глубоко, результатом чего явится развитие невротических и даже психотических симптомов, которые принесут с собой отчаяние и парализующую инертность. Однако, если вместо одного только страдания от последствий фрустрации — приемля тень — человек предпримет отважную попытку разобраться с внутренним аспектом затруднения, обратный поток либидо активирует креативный процесс в психике, результатом которого будет трансформация.

Именно по этой причине мандала должна быть окружена стеной или огнем, а алхимический сосуд — герметичным; любое выходное отверстие в последнем должно вести только обратно в его полость. Змея, кусающая свой хвост, брат и сестра, объединяющиеся в инцестуальном союзе (в результате чего связанное с семьей либидо направляется обратно в семью): все это — символы либидо, которое поворачивает обратно не просто в регрессии, а с серьезной целью создать нечто новое внутри.

Такого рода поворот назад ни в коей мере не означает то же самое, что и неразрывный ауто-эротический круг непробудившейся и бессознательной инфантильности, в котором либидо замыкается на самом себе и удовлетворении собственных удовольствий, избегая приключений в жизни. Из картины, где осуществляется работа над тенью эротического переживания, ясно, что либидо нарисовавшего ее человека (если предположить, что художник отобразил собственные ощущения) отважилось выйти в жизнь и вовлеклось в реальную ситуацию. Мы, конечно же, не можем знать какого рода фрустрация была пережита многие годы тому назад, но философ, написавший эту картину, не-

сомненно, не был ренегатом в жизни. Не найдя внешнего удовлетворения, он заглянул внутрь себя, чтобы попытаться понять собственные переживания и сорвать тайный плод философского дерева — дерева, которое часто изображается срубленным под корень в самом своем расцвете. Именно на таком дереве растет золотой плод.

В периоды спокойствия и порядка проблему безличных сил инстинкта и неадаптированного демонического либидо, зародившегося в бессознательном, более или менее адекватно решают культурные нормы общества и в особенности символические ритуалы и устои религии. В обычное время для большинства людей эти средства неплохо выполняют свою роль. С необходимостью искать собственный путь адаптации к жизненным силам, которые скорее демоничны или божественны, чем личностны, сталкиваются лишь те, чья жизнь затронута какой-нибудь личной фрустрацией, или те, кто испытал какое-либо иное переживание, в котором им довелось вынести всю силу безличной энергии.

Фрустрации такого рода — угроза заболевания и преждевременной смерти, утрата любимого человека, неразделенная любовь и т.п. — постоянно наблюдаются во всех обществах, то там, то здесь затрагивая различных людей. Но это — обособленные переживания, волнующие лишь индивидов, они никогда не задевают одновременно большие группы людей. Поэтому проблема безличных сил, высвобождаемых таким переживанием, должна разрешаться каждым человеком в отдельности в меру его возможностей.

Но существуют и другие ВреМеНај подобные нашему, когда силы бессознательного вырываются в мир, и тысячам людей приходится смотреть в лицо мучениям и смерти, тогда как катастрофическое бедствие грозит еще большему их числу. В еще более ужасающей реальности невидимые силы зла, обычно дремлющие в бессознательном, проснулись в психике тысяч других людей, побуждая их замышлять и осуществлять эти подлые преступления против общества. В нынешнем, двадцатом столетии религии большей части человечества утратили свою древнюю способность контролировать и сдерживать бессознательные силы, поэтому они уже больше не являются эффективным посредником между человечеством и безличными силами. В такое время проблема отыскания какого-либо адекватного отношения к этим ужасным энергиям приобретает всеобщее значение.

Там, где буря уже грянула, все внимание человека вполне может быть приковано к борьбе с самим катаклизмом. Однако я уверена, что даже в таких условиях многие люди в промежутках между разрешением безотлагательных проблем внешней реальности больше озабочены психологической опасностью, чем физической. Но там, где шторм еще не разразился или где его неистовство уже пошло на убыль, его темная тень все еще окутывает мир, и, как отмечают алхимики, над этой тенью необходимо работать. Страх, вожделение, алчность и жажда возмездия, вместе со страстным желанием защитить себя не только от возможности быть затянутым в водоворот событий, но и от осознания того, что происходит, — все это последствия действия бессознательных сил. И если последние не будут собраны в сосуд, т.е. в человеческую психику, и трансформированы, то само слово цивилизация может оказаться стертым с лица земли.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что в герметическом сосуде трансформации должно подвергаться не личностное эго, а безличная часть психики. Лучшее, что может предложить воспитание, заключается в методике подавления тех инстинктивных реакций, которые неподконтрольны индивиду и поэтому в значительной мере не входят в сферу его ответственности, тогда как само воспитание нацелено на формирование характера личности, соответствующего культурному идеалу. Цель нашего религиозного учения также заключается в том, чтобы сделать людей лучше и даже совершеннее.

Индивидам настоятельно рекомендуют подражать определенному образцу, так чтобы они могли отвечать общепринятым нормам. Они молятся о милости Господней, дабы стать «хорошими» или обрести те добродетели, которые их сознательное эго или религиозные наставники считают желательными.

Выраженным контрастом этому идеалу выступает тайное учение о трансформации. Его новообращенные последователи, прежде чем приступить к великой работе, должны доказать свою нравственность, чистоту и бескорыстие своего образа жизни, а также прилежность и порядочность характера. В некоторых системах дополнительным требованием являлся зрелый возраст и немалый жизненный опыт. Однако все это — лишь необходимые условия для осуществления работы, а не ее результаты. Обратимся ли мы к одной из древних мистериальных религий, где трансформация, как говорят, происходила в результате прохождения

обряда инициации, или к одной из восточных религий, сторонники которой добиваются трансформации упражнениями системы йоги, либо к мистическим или эзотерическим учениям христианства, или же заглянем в алхимические тексты, описывающие осуществление трансформации в химической реторте, — мы везде обнаружим, что нравственное воспитание индивида, требующееся для посвящения в более глубокие тайны учения, направлено не на навязывание ему приемлемой манеры поведения, а лишь на то, чтобы правильно настроить его по отношению к невидимым и неизведанным силам духовного или психического мира.

В психологическом анализе, когда разрешение жизненного конфликта ищут в собственной психике индивида, мы обязаны придерживаться тех же требований, и не согласно какому-либо произвольному стандарту аналитика, а из-за характера естественного раскрытия глубинных слоев бессознательного, конструктивное изучение которых невозможно без разрешения, в основном, проблем личной жизни и личностного бессознательного на предшествующих стадиях работы. Эта фаза соответствует процессу, названному алхимиками «простой магистерии» или «малая работа». Он заканчивается получением «белого камня» или «белой королевы». Это означает, что «черная субстанция» или «черная земля» очищена или промыта и стала белой — что соответствует присовокуплению к сознанию личного бессознательного и тени. Ибо только придя к согласию с эгоизмом и стремлением к власти, алчностью и вожделием, ленью и внутренними регрессивными тенденциями, индивид будет готов взяться за самое трудоемкое и серьезное предприятие «великой магистерии», за великую работу алхимиков; у современного человека эта стадия дает о себе знать в сновидениях и других продуктах деятельности бессознательного в виде символа целостности. В какой бы форме он ни появился, этот символ представляет целью работы не формирование более достойной или совершенной личности, а развитие целостного индивида⁶¹.

Если человек сможет достичь целостности, то он, предположительно, станет тем, кем ему предназначалось быть. В этом смысле он будет «идеальным» и совершенным, но не в силу своего соответствия предвзятому мнению или общепринятому образцу, а потому, что полностью реализует все потенциальные возможности собственного развития. Такой человек будет поистине целостным индивидом. Каждый шаг, пройденный им к целостности,

будет убеждать в том, что он именно такой, каким и должен быть, не только его самого, но и окружающих. Ибо ему присущи манера поведения и достоинство интегрированной личности. Такой способ поведения можно постоянно наблюдать у животных, которые одним своим видом убеждают нас в том, что всецело являются самими собой. Иногда эта черта проявляется у людей, унаследовавших ее, так сказать, естественным образом. Она присуща поистине выдающимся представителям человечества, а иногда и совершенно простым людям — рыбаку или крестьянке, например, — которые не претендуют ни на исключительную добродетель, ни на особую значимость, но тем не менее настолько являются самими собой, что одно лишь чувство собственного достоинства в занимаемом ими положении говорит о психологической зрелости и впечатляет больше, чем какие-либо свершения.

Для того чтобы индивид стал целостным, безличная часть его психики должна быть объединена под символом самости. Это требует трансформации демонической энергии, связанной с архетипами и инстинктивными влечениями бессознательного. Ибо если эта энергия не будет трансформирована, ее активация либо полностью подавит индивида так, что в сокрушительном потоке из бессознательного исчезнут все его цивилизованные черты, либо же он идентифицируется с архетипом и отдаст свою личность во власть нечеловеческому и коллективному. Самость может сформироваться лишь в результате трансформации безличного духа или энергии, выделенных из *prima materia*, черной субстанции, признание существования которой в себе так болезненно и тревожно для добропорядочного человека. Алхимики справедливо называли эту часть работы *magnum opus*, ибо это поистине великий труд.

Данное переживание, естественно, изменяет характер индивида, так же, как и *простой магистерий*, работа над сознательным характером и личным бессознательным.

Изменение, происходящее в индивиде в результате «большой работы», описать словами сложнее, чем перемену, наблюдающуюся в нем по завершении «малой работы». Это объясняется тем, что первое представляет собой трансформацию самой природы мотивирующих индивида инстинктивных импульсов, тогда как малая работа затрагивает лишь реакции, которые он сознательно приемлет, и позиции, которые он занимает намеренно.

Если либидо находится на стадии развития, которую символизирует свернувшаяся кольцом спящая змея, то импульсы, спонтан-

приступ гнева или какой-нибудь иной неуправляемой эмоции; но результатом большей его продолжительности может явиться склонность к преступности или безумие. Когда оно затрагивает большое число людей, группа добропорядочных граждан превращается в неуправляемую и ни на что не обращающую внимания толпу. Когда такие инстинктивные силы овладевают целой нацией, многие с готовностью покоряются несущему их урагану. Но в объятиях стихии оказываются и те, кто в сознании противится происходящему. Однако несогласие последних очень часто выступает всего лишь протестом беспомощного личного эго, ибо в их бессознательном также неистовствует ураган, и поэтому они совершенно неспособны сдержать безумие своих собратьев или противиться безрассудному движению масс, которое может завершиться лишь всеобщей катастрофой.

Сегодня мир, несомненно, остро нуждается в трансформации этих динамических инстинктивных сил. Восстановить спокойствие недостаточно. Если внутренний бессознательный дух человека не будет наставлен на путь истинный, вполне может случиться так, что человечество полностью уничтожит себя. Мой опыт врача-психиатра охватывает лишь процесс трансформации в индивидах, который я попыталась здесь описать. Этот процесс — обособленное индивидуальное предприятие, наподобие великого труда алхимика или нуминозного переживания истинно верующего человека. Оно требует немало времени и усилий и оказывается еще более сложным в виду полного отсутствия понимания его значения и ценности со стороны совокупной социальной группы.

Вероятно, наиболее важное требование для участия в «Великом Делании» состоит в позиции полной отдачи и в серьезности намерений в поисках понимания полного значения жизни, в исключительном стремлении высвободить из мрака бессознательного высшую ценность, называемую Самостью, — как драгоценное золото философов, сокрытое в черноте нигредо, которая в «*Aurora consurgens*» сравнивается с «ужасной тьмой нашего ума»⁶² — чтобы она взяла в свои руки бразды правления всей жизнью. Наши праотцы назвали бы это поиском Бога; психологи употребляют более скромный термин, ибо им ничего не известно о том, что собой представляет Бог на самом деле. Но в то же самое время установку, необходимую для выполнения этой работы, можно описать только как позицию религиозного рвения.

или сочувствием к пострадавшим, усилия сохранить мир или найти идеальные решения всех запутанных материальных проблем могут изменить характер ситуации лишь незначительно. Реальная проблема, а именно: что можно сделать для цивилизации перед лицом нечеловеческих сил, восстающих из бессознательного тысяч или, скорее, миллионов отдельных личностей — остается незатронутой. Однако если хотя бы один человек возьмется за эту проблему и разрешит ее в себе, он послужит живой демонстрацией решения. Такой индивид несет в себе зачаток возрождения духовных ценностей человечества.

1. Это элементы, которые Юнг позднее назвал психоидами, т.е. явлениями, протекающими на границе сознания и представляющими области, где психические процессы соприкасаются со своим физическим субстратом. См. *Юнг К.Г. О природе психе*, М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2002.
2. В годы войны, 1939—1945, у меня не было никакой возможности следить за работой доктора Юнга, хотя личный контакт с ним я поддерживал. Однако часть из этого материала он обсуждал со мной еще до 1939 года, а мой друг перевел для меня некоторые из его статей на немецком языке, затрагивающих эту тему. В то время, когда была написана эта глава, единственной статьей Юнга на эту тему, опубликованной на английском языке, была «The Idea of Redemption in Alchemy», в *The Inegration of the Personality*, (1939). С того времени большинство его основных работ по этому вопросу было издано в Собрании Сочинений: *Psychology and Alchemy*, vol.12, (1953); «Psychology of the Transference» vol. 16, (1954); *Aion*, vol. 9, i, (1959); *Mysterium Coniunctionis*, vol. 14, (1963).
3. M.Berthelot, *Collection des anciens alchimistes Grecs*, Vol.2, Traductions, p. 21 (перевод мой).
4. *Tanac*, обозначающее в индусской йоге генерацию тепла посредством творческой медитации для осуществления психологической трансформации, в буквальном переводе означает «высиживать как курица».
5. *Splendor solis*, p. 19.
6. Из Geber, «Summa perfectionis», ed. Holmyard, p. 43.
7. *Splendor solis*, p. 17.
8. J. Read, *Prelude to Chemistry*, pp. 82 f. См. вкладную иллюстрацию XVI-II, на которой дракон оберегает центральное сокровище.
9. Цитируемые здесь отрывки взяты из этой книги. В А.Е. Waite, *The Hermetic Museum*, vol. II, art. 1, pp. 12—24.

10. Trismosin's *Alchemical Wanderings and Adventures in Search of the Philosopher's Stone, in Splendor solis*, p. 88. Юнг цитирует Дорна: «Что еще вы ищете, страждущие смертные? Зачем, несчастные, вы утруждаете себя бесконечными заботами? Что за безумие, скажите, ослепляет вас? Ведь все, что вы ищете вне себя, а не в себе, есть в вас самих, а не вне вас». (Jung, *Mysterium Coniunctionis* [Swiss edn.], II, 21, § 25, f.n. 69.)
11. Приложение к Manget's *Bibliotheca chemica curiosa*, 1702. См. Read, *op. cit.*, pp. 155 f.
12. См. вкладную иллюстрацию XX и с. 442—443.
13. Read. *op. cit.*, pp. 149 f.
14. *Ibid.*, p. 150.
15. См. Юнг К.Г. Психология переноса, где подробно обсуждается тема *coniunctio* в связи с рядом рисунков в «Rosarium philosophorum». К сожалению у меня не было возможности ознакомиться с этой книгой, когда я готовила оригинальный вариант настоящей главы.
16. Это, несомненно, инцестуальное взаимоотношение, которое в действительности совершенно незаконно, хотя и считалось нормальным для богов, а в древние времена и для царственных особ (как, например, для фараонов). Юнг объясняет его значение в алхимических фантазиях следующим образом: «Кровосмешение выражает единение элементов, родственных друг другу или обладающих одной и той же природой; т.е. противной стороной Солнца является его собственный женский хтонический аспект, о котором он забыл». {Юнг К.Г. *Mysterium Coniunctionis*. §506, с. 369.)
17. См. Wilhelm and Jung, *The Secret of the Golden Flower*.
18. A.E. Waite, (tr.), *Turba philosophorum*, p.140.
19. *Ibid.*, p. 109.
20. Юнг К.Г. *Mysterium Coniunctionis*. §203, с. 170.
21. Там же, § 306-307, С. 222-223.
22. *Splendor solis*.
23. Юнг К.Г. *Mysterium Coniunctionis*. §50, с. 69. См. также, Jung, «On the Nature of the Psyche» (C.W., 8), pp. 190 ff. [Рус. пер. Юнг К.Г. О природе психе. — М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2002. —414 С]
24. Юнг К.Г. *Mysterium Coniunctionis*. §46, с. 67. 25. Там же, §48.
26. Юнг К.Г. Психология и алхимия, с. 349 слл.; Aion.
27. Там же, с. 305.
28. В отношении других, легко доступных примеров, см.: *Tripus aureus*, 1677 (cf. Jung, «The Integration of the Personality», p.225, pl.VI); Трисмо-зин, «Splendor solis», 1582, вкл. ил.XV (воспроизводится на вкладной иллюстрации XIX настоящей книги); Манже, «Bibliotheca chemica curiosa», 1702; Стольций, «Viridarium chymicum», 1624 (cf. Read, «Prelude to Chemistry», pp. 263,318); «Rosarium philosophorum» в Юнг К.Г. *Психология переноса*. См. также вкладные иллюстрации XVII и XVIII.

М.Э. Хардинг

29. Waite, «Turba philosophorum», pp. 63 f.

30. Ibid., p. 58.

31 См. выше с. 408

32. Waite, «Turba philosophorum», p. 109.

33. См. Waite, «The Hermetic Museum», II, pp. 247, 249.

34. Read, «Prelude to Chemistry», p. 139.

35. Очень древний текст. Точное время написания неизвестно. Возможно, относится к десятому столетию или более раннему периоду. Известен в латинском (вероятно, переведенном с греческого) и искаженном арабском вариантах под названием «Вторая Книга Основания». См. Read, *op. cit.*, pp. 51 ff.

36. Стольций, «Viridarium chymicum». См. Read, «Prelude to Chemistry», p.115.

37. В отношении инцестуального союза Бейи и Габриция См. Юнг К.Г. *Mysterium Coniunctionis*; см. также § 64, где Юнг цитирует из второго варианта «Видения Арислея»: «Бейя обняла Габриция с такой любовью, что полностью впитала его в свою природу и растворила его на неделимые части». — С. 68.

38. «The Integration of the Personality», p. 242; Юнг К.Г. Психология и алхимия, §436.

39. Read, *op. cit.*, p. 107.

40. Юнг К.Г. Психология и алхимия, рис. 169.

41. Дельфин, Книга Ламбспирнка, в Waite, «The Hermetic Museum», vol. I, art. X, pp. 301, 303.

42. Read, *op. cit.*, p. 139.

43. Ibid, p. 258 и вкл.ил. 2.

44. «Rosarium philosophorum»; См. Юнг К.Г. Психология переноса.

45. См. Read, *op. cit.*, p. 61.

46. Eirenaeus Orandus, *Nicholas Flammel* (1624). См. Read, *op. cit.*, p. 101.

47. В отношении детального описания этой и других вкладных иллюстраций из «Mutus liber», воспроизведенных в «Bibliotheca chemica curiosissima», см. Read, *op. cit.*

48. Michael Maier, «Atalanta fugiens» (1618). Cf. Read, *op. cit.*, pl.14.

49. См. Юнг К.Г. *Mysterium coniunctionis*, гл. VI, где он подробно описывает три стадии *coniunctio* и интерпретирует тексты с психологической точки зрения.

50. Waite, «The Hermetic Museum», I, 271,280.

51. См. Юнг К.Г. Психология переноса. Фонтан Меркурия — С. 147 слл. и Юнг К.Г., *Aion*, гл. XIV.

52. Юнг К.Г. Психология и алхимия, §560, 562.

53. Waite, «Turba philosophorum», pp. 83f.

54. Ibid. p. 84. 55. Ibid., pp. 109 f.

56. Michael Maier, «Scrutinium chymicum». Возможность ознакомиться с этим текстом я обязана доктору Юнгу и цитирую с его любезного разрешения.
57. «Божественная комедия» и «Vita nuova» — по причине замужества и смерти Беатриче, а в случае Колонна .58. 58. Francesco Colonna «Le Songe de Poliphile»; cf. Fierz-David, «The Dream of Poliphilo».
59. Norton, "The 'New Life' of Dante», p. 6.
60. Юнг К.Г. Психология переноса.
61. См. выше с. 307 и далее.
62. Юнг К.Г. Психология и алхимия, с. 284.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Aureum Vellus, oder Guldin Schatz und Kunstkammer... von... Salomo-ne Trismosino.*
Rorschach, 1598. (Trismosin's *Splendor solis*, pp. 3-59.)
- Aurora consurgens.* See jung, C.G., and marie-louise von franz.
- avalon, Arthur, pseud. (Sir John Woodroffe), ed. and tr. *The Serpent Power.* Madras and London, 1935.
- _____. *Shiva and Shakti.* Madras and London, 1929.
- baynes, H.G. *Mythology of the Soul.* London and Baltimore, 1940.
- berthelot, marcellin, ed. *Collection des anciens alchimistes grecs.* Paris, 1887-88. 3 vols.:
Introduction; Textes; Traductions.
- bertine, Eleanor. *Human Relationships: in the Family, in Friendship, in Love.* New York, 1958.
- Bhagavad-Gita, The.* Ed. and tr. by S. Radhakrishnan. London and New York, 1948.
- brainard, D.L. *The Outpost of the Lost.* Indianapolis, 1929.
- briffault, Robert. *The Mothers.* New York and London, 1927. 3 vols.
- budge, sir ernest A.T. wallis. *The Gods of the Egyptians; or, Studies in Egyptian Mythology.*
London and Chicago, 1904. 2 vols.
- colonna, Francesco. *Hypnerotomachia Poliphili.* Venice, 1499. For French tr., see: (i) *Le Songe de Poliphile.* An anonymous tr. adapted by Jean Martin. Paris, 1546; another edn., Paris, 1926.
(2) *Le Songe de Poliphile.* Tr. by Claude Popelin. Paris, 1883. See also fierz-da-VtD, LINDA.
DANTE alighieri. *The Divine Comedy.* Tr. by John Aitken Carlyle, Thomas Okey, and Philip
H. Wicksteed. New York (JV ern Library), 1932.
- _____. See also Norton, charles eliot.
- david-neel, Alexandra. *With Mystics and Magicians in Tibet.* London, 1931.
- delphinias, Nicholas barnaud. "The Book of Lambspring." wai-TE, tr., *The Hermetic Museum,*
I, 271-306.
- eliot, T. S. *The Family Reunion.* London and New York , 1939.

Библиография

463

Eranos-Jahrbuch 1938. "Vortrage liber Gestalt und Kult der Gros-sen Mutter". Ed. by Olga Frobe-Kapteyn, Zurich, 1939.

evans-wentz, W. Y. *The Tibetan Book of the Dead; or, The After-Death Experiences on the "Bar do" Plane*. London, 19 3rd edn., 1957, with a psychological commentary by C.G. Jung.

_____. *Tibetan Yoga and Secret Doctrines, or, Seven Books ofH dom of the Great Path, According to the late Lama Kazi Dawa Samdup's Eng_ lish Rendering*. London, 1935.

[Рус. пер.: Эванс-Венц В.И. Тибетская йога и тайные доктрины. В 2-х тт. — М.: Преса Украши, 1993.]

_____. *Tibet's Great Yogi, Milarepa: a Biography from the Tibet*, Lon, don, 1928.

[fierz-david, Linda.] *The Dream ofPoliphilo*. Related and interpreted by Linda Fierz-David. Tr. by Mary Hottinger. NY (Bollingen Series XXV) and London, 1950.

FRAZER, SIR JAMES george. *The Golden Bough*. Abridged ec London and New York, 1922.

freuchen, peter. *Arctic Adventure: My Life in the Frozen Nor* New York, 1935.

frobenius, leo. *Das Zeitalter des Sonnengottes*. Vol. I (no more published). Berlin, 1904.

geber (Jabir ibn Hayyan). See holmyard, E. J.

graham, gabriela cunninghame, tr. *The Dark Night of the Soul of San Juan of the Cross*. London, 1922.

GRAY, L. H., ed. *Mythology of All Races*. Boston, 1916-28. 12 vc (III, Celtic; VI, Indian.)

GUEST, charlotte, tr. *The Mabinpgion*. New York and London (Everyman's Library), 1906.

haggard, sir henry rider. *She, King Solomon's Mines*. Ne York (1st Modern Library edn.), 1957.

Harding, mary Esther. *The Way of All Women*. New York, 1932.

_____. *Woman's Mysteries, Ancient and Modern*. New York and London, 1935; new edn., 1955.

Harrison, jane ellen. *Prolegomena to the Study of Greek Religion*. London, 1908.

Hastings, james, ed. *Encyclopaedia of Religion and Ethics*. Edinburgh and New York, 1908-26. 13 vols.

М.Э. Хардинг

hesiod. *Hesiod, The Homeric Hymns, and Homerica*. With an English tr. by Hugh G. Evelyn-White. London and New York (Loeb Library), 1920.

HIPPOLYTUS. *Philosophumena, or, The Refutation of All Heresies*. Tr. by F. Legge. London and New York, 1921. 2 vols.

holmyard, E. J., ed. *The Works of Geber*. Englished by Richard Russell, 1678. New edn., London and New York, 1928. ("Summa Perfectionis, or The Sum of Perfection," pp. 23-197.)

hope, Laurence, pseud. (Mrs. Adela Florence [Cory] Nicolson). *Indians Love Lyrics, including The Garden of Kama*. New York, 1912.

/ *Ching*. The German tr. by Richard Wilhelm rendered into English by Cary F. Baynes. Princeton (Bollingen Series XLX) and London, 3rd edn., 1967.

jacobi, jolande. *Complex/'Archetype/'Symbol in the Psychology of C.G. Jung*. Tr. by Ralph Manheim. New York (Bollingen Series LVII) and London, 1959. (Paperback edn., Princeton, 1971.)

john of the cross, st. See graham, G. C

johnson, richard. *The Famous Historic of the Seaven Champions of Cbristendome*. London, 1616.

jung, carl gustav. Aion. *CW*, 9, ii.

[Рус. пер.: Юнг К.Г. Aion. — М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997. — 336 с].

_____. "Analytical Psychology and Weltanschauung." In *CW*, 8.

_____. "Anima and Animus." In *CW*, 7.

_____. "Archetypes of the Collective Unconscious." In *CW*, 9, i.

[Рус. пер.: Юнг К.Г. Архетипы коллективного бессознательного. /Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации — М.: Наука, 1966, С. 139-154].

_____. "The Dual Mother" In *CW*, 5.

_____. *The Integration of the Personality*. Tr. by Stanley M. Dell.

New York and London, 1939.

_____. "The Mana Personality." In *CW*, 7.

[Рус. пер.: — Юнг К.Г. Психология бессознательного. — М., Канон, 1994.]

_____. "Marriage as a Psychological Relationship." In *CW*, 17.

_____. "Mind and Earth." In *CW*, 10.

[Рус. пер.: Душа и земля//Проблемы души нашего времени. — М.: Прогресс, 1994, с. 84-112].

_____. *Mysterium Coniunctionis*. *CW*, 14.

Библиография

465

[Рус. пер.: Юнг К.Г. *Mysterium Coniunctionis*. — М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997. - 688 с].

_____. "On Psychic Energy." In *CW*, 8.

_____. "On the Psychogenesis of Schizophrenia." In *CW*, 3.

_____. "Problems of Modern Psychotherapy." In *CW*, 16.

_____. "Psychological Aspects of the Mother Archetype." In *CW*, 9, i.

_____. "Psychological Factors Determining Human Behaviour " In *CW*, 8.

_____. *Psychological Types*. *CW*, 6.

[Рус. пер.: Юнг К.Г. Психологические типы. — М, СПб.: Прог-ресс-Универс, 1995].

_____. *Psychology and Alchemy*. *CW*, 12.

[Рус. пер.: Юнг К.Г. Психология и алхимия — М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997. - 592 с].

_____. "Psychology and Religion." In *CW*,

[Рус. пер.: Юнг К.Г. Психология и религия. В кн.: Юнг К.Г. Архетип и символ. — М.: Ренессанс, 1991.]

_____. "Psychology of the Transference." In *CW*, 16.

[Рус. пер.: Юнг К.Г. О Психология переноса /Юнг К.Г. Психология переноса. — М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 1997. — С. 99— 281.]

_____. *Psychology of the Unconscious*. Tr. by Beatrice M. Hinkle.

New York, 1919; London, 1921. (Cf. *Symbols of Transformation*, a revision of this work.)

[Рус. пер.: — Юнг К.Г. Психология бессознательного. — М., Канон, 1994.]

_____. "The Spirit Mercurius." In *CW*, 13.

[Рус. пер.: — Юнг К.Г. Дух Меркурий.// Юнг К.Г. Дух Меркурий. - М., Канон, 1996. - С. 7-70.]

_____. "A Study in the Process of Individuation." In *CW*, 9, i.

[Рус. пер.: Юнг К.Г. Исследование процесса индивидуации// Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. — М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 1998. - С. 211-258.]

_____. *Symbols of Transformation*. *CW*, 5.

_____. "Woman in Europe." In *CW*, 10.

_____. *The Collected Works*. Tr. by R. F. C Hull. Princeton (Bollingen Series XX) and London. The vols, referred to above are:

3. *The Psychogenesis of Mental Disease*. 1960. 5. *Symbols of Transformation*. 1956.

М.Э. Хардинг

7. *Two Essays on Analytical Psychology*. 1953.

8. *The Structure and Dynamics of the Psyche*. 1960.

9. parti. *The Archetypes and the Collective Unconscious*. 1959. 9, part ii. *Aion*. 1959. Ю. *Civilization in Transition*. 1964.

11. *Psychology and Religion: West and East*. 1958.

12. *Psychology and Alchemy*. 1953. i4. *Mysterium Coniunctionis*. 1963.

16. *The Practice of Psychotherapy*. 1954.

17. *The Development of Personality*. 1954.

_____. and marie-louise von franz. *Mysterium Coniunctionis*.

Zurich, 1955-57. 3 vols. (Vols. I-II, by C G. Jung = CW, 14. Vol. III, by M.-L. von Franz = *Aurora Consurgens*. Tr. by R. F. C. Hull and A. S. B. Glover. New York and London, 1966.)

_____, and karl kerenyi. *Essays on a Science of Mythology*. New

York (Bollingen Series XXII), 1949. (Also pub. as *Introduction to a Science of Mythology*,

London, 1950.) (Paperback edn., Princeton, 1969.)

KEITH, A. berriedale. *Indian Mythology*. See gray, L.H.

khunrath, heinrich conrad. *Amphitheatrum sapientiae aeternae*. Hanau, 1604.

lanier, Sidney. *Hymns of the Marshes*. New York, 1907.

LAYARD, iohn. "The Incest Taboo and the Virgin Archetype," *Era-nos-Jahrbuch XII* (Zurich, 1945), pp. 254-307.

leaf, munro. *The Story of Ferdinand*. New York, 1936.

linderman, frank bird. *American: the Life Story of a Great Indian, Plenty-Coups, Chief of the Crows*. New York and London, 1930.

Mabinogion, The. See guest, charlotte.

macculloch, J.A. "The Abode of the Blest", Hastings, *Encyclopaedia of Religion and Ethics* (q. v.), II, 680-710.

_____. *Celtic Mythology*. See gray, L. H.

_____. *The Religion of the Ancient Celts*. Edinburgh, 1911.

maier, michael. *Atalanta fugiens*. Oppenheim, 1618. _____. *De circulo physico quadrato*. Oppenheim, 1616.

_____. *Secretions naturae secretorimi scrutinium chymicum*. Frankfort, 1687.

_____. *Tripus aureus*. Frankfort, 1618. For tr., see waite, tr.. *The Hermetic Museum*, I, 307-57 ("The Golden Tripod").

mangetus, JOANNES jacobus, ed. *Bibliotheca chemica curiosa*. Geneva, 1702. 2 vols.

MASTERMAN, E.G.W. "Saints and Martyrs, Syrian," Hastings, *Encyclopaedia of Religion and Ethics* (q.v.), XI, 81 ff.

Библиография

467

- max muller, FRIEDRICH, tr. *The Upanishads*. Parts I and II. (Sacred Books of the East, i and 15.) Oxford, 1879 and 1884.
- mead, G.R.S. *Fragments of a Faith Forgotten*, 2nd edn., London. 1931.
- _____. *Thrice Greatest Hermes: Studies in Hellenistic Philosophy and Gnosis*. London and Benares, 1906. (New edn., London, 1949.) 3 vols.
- morgan, charles. *Sparkenbroke*. London and New York, 1936.
- morris, richard, ed. *Early English Alliterative Poems*. (Early English Text Society Series, vol. I.) London, 1864.
- Murray, Margaret alice. *The Witch-cult in Western Europe*. Oxford, 1921.
- Mutus liber*. See mangetus, *Bibliotheca chemica curiosa*, I, 938-53-
- neihardt, JOHN G. *Black Elk Speaks: Being the Life Story of a Holy Man of the Ogalala Sioux*. New York, 1932.
- Neumann, erich. *The Archetypal World of Henry Moore*. Tr. by R. F. C Hull. New York (Bollingen Series LXVIII) and London, 1959.
- _____. *The Great Mother: an Analysis of the Archetype*. Tr. by Ralph Manheim. New York (Bollingen Series XL VII) and London, 1955. (Paperback edn., Princeton, 1972.)
- Norton, charles eliot, tr. *The "New Life" of Dante*. Boston, 1920.
- Norton, thomas. *The Chemical Treatise . . . Called Believe'me or The Ordinal of Alchemy*. SeewAiTE, tr., *The Hermetic Museum*, II, 1-67.
- orandus, eirenaeus. *Nicholas Flammel: His Explanation of the Hi-eroglyphicall Figures, etc*. London, 1624.
- OTTO, rudolf. *The Ldea of the Holy*. Tr. by John W. Harvey. London, 1923; rev. edn., 1936.
- Packard, vance. *The Hidden Persuaders*. New York, 1957. *Patience*. See morris, richard.
- philalethes, eirenaeus. *A Short Vade Mecum or Guide to the Celestial Ruby*. See waite, tr., *The Hermetic Museum*, II, 246-60.
- plutarch. "Isis and Osiris." See mead, *Thrice Greatest Hermes*.
- poncins, gontran de, with galantire, lewis. *Kabloona*. New York, 1941.
- RADIN, PAUL. *The Trickster*. With commentaries by C G. Jung and Karl Kerenyi. London and New York, 1956. [Рус. пер.: *Радин П. Трикстер*. — СПб: Евразия, 1999. — 288 с].
- read, JOHN. *Prelude to Chemistry: an Outline of Alchemy, Lts History and Relationships*. London and New York, 1937.
- Rosarium Philosophorum*. Frankfort, 1550.

М.Э. Хардинг

saint-exupery, antoine DE. *Might to Arras*. Tr. by Lewis Galanti-ere. London and New York, 1942.

spencer, Baldwin, and gillen, F. J. *The Northern Tribes of Central Australia*. London, 1904.

stevenson, ROBERT Louis. *Poems*. London and Glasgow, 1928.

stolcius DE stolcenberg, Daniel. *Viridarium chymicum*. Frankfort, 1624.

Tabula smaragdina. See "The Emerald Table of Hermes," in Wake, *The Lives of the Alchymistical Philosophers*, pp. 383-84.

tennyson, Alfred. *Poetical Works, including the Plays*. London, New York, and Toronto, 1953.

Tripus aureus. See maier, michael.

trismosin, solomon. *Splendor solis: Alchemical Treatises*. Reproduced from the MS. dated 1582 in the British Museum, with an introduction by J. K. London, 1920. See also *Aureum Vellus*.

van dyke, henry. *Poems*. New York, 1930.

wage, alan J.B. *Mycenae, an Archeological History and Guide*. Princeton, 1949.

waite, A.E., tr. *The Hermetic Museum, Restored and Enlarged*. London, 1893; repr. 1953. 2 vols.

_____. *The Lives of the Alchymistical Philosophers*. London, 1899; repr., London, 1955.

_____. *The Turba Philosophorum, or Assembly of the sages*. London, 1896; repr. 1914.

wells, H.G. *Christina Alberta's 'Father*. London and New York, 1925.

[wilhelm, richard.] *The Secret of the Golden Flower*. Tr. into German and explained by Richard Wilhelm, with a European commentary by C. G. Jung. Tr. into English by Cary F. Baynes. London and New York, 1931; 2nd edn., 1962. (1st edn. cited herein.)

ZIMMER, heinrich. "The Guidance of the Soul in Hindooism," *Spring* (New York: Analytical Psychology Club of New York), 1942.

_____. "The Indian World Mother," *Spring* (New York: Analytical Psychology Club of New York), 1960.

_____. *Myths and Symbols in Indian Art and Civilization*. Ed. by Joseph Campbell. New York (Bollingen Series VI), 1946. (Paperback edn., Princeton, 1972.)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Фронтиспис. «Море — это Тело, две Рыбы — это Дух и Душа.» Акварель из манускрипта «Книги Ламбспринка» (Италия, XVI-1ст.). Частная коллекция.

I. Мать Кукуруза индейцев пауни. Рисунок из этнологического отчета «Annual Report of the Bureau of American Ethnology» (Смитсоновский Институт), XXII (1904).

II. Забой быка. Современный рисунок.

III. Повелительница животных. Этруская бронзовая пластина, VI-й век. Museum Antiker Kleinkunst, Мюнхен. Через: G.Wehrheim, Antikensammlungen Munchen.

IV. Вождь кентавров похищает невесту. Фрагмент западного фронтона храма Зевса. Археологический Музей, Олимпия. Через: Deutsches Archäologisches Institut, Афины (copyright).

V. Анима открывает глаза ребенку. Современный рисунок.

VI. Человеческое жертвоприношение. Деталь с внутренней панели (внизу) серебряного котла. Кельты I в. до н.э. (археологическая находка 1891 г., Gundestrup, Дания).

Национальный Музей, Копенгаген. Через: N.Elswing.

VII. Маска, представляющая животную природу Бога. Гранитная статуя Сехмет, Фивы, 19-я династия. Staatliche Museum, Берлин. Через: Архивы Эранос.

VIII. Исида, кормящая грудью фараона. Известняковый рельеф, храм Сети I, Абидос, 19-я династия. Через: Архивы Эранос.

IX. Две женщины с ребенком. Слоновая кость, Микены, Бронзовый век. Национальный Археологический Музей, Афины. Через: TAP Service.

X. Квентин Метео 1466? — 1530). Святой Иоанн с кубком и драконом. Деталь запрестольной перегородки, фламандская работа. Wallraf-Richartz Museum, Кельн. Через: Rheinisches Bildarchiv, Кельн.

XI. Пьеро ди Козимо (1462 — 1521). Святой Иоанн с кубком и

М.Э. Хардинг

- змеей. Рисунок маслом по дереву, итальянская работа. Академия Искусств, Гонолулу. Воспроизводится с любезного разрешения Академии.
- XII. Иона, появляющийся из пасти кита. Миниатюра гуашью из персидского манускрипта: Rashid ad-Din, «Jami at-Tawarikh» (ок. 1400). Метрополитен Музей, Нью-Йорк. Воспроизводится с любезного разрешения Музея.
- XIII. Спасение Черного Человека из моря. Рисунок из манускрипта: Соломон Трисмозин, «Splendor solis» (1582). Британский Музей, Лондон. Воспроизводится с любезного разрешения Музея.
- XIV. Круг Психеи. Современный рисунок.
- XV. Ваджра мандала. Тибет, ламаистское священное изображение, используемое для медитации. Частная коллекция.
- XVI. Оплодотворение центра укусом змеи. Современный рисунок.
- XVII. Оплодотворение центра Великой Змеей. Современный рисунок.
- XVIII. Дракон, охраняющий центр. Современный рисунок.
- XIX. Трансформация. Запечатанный и увенчанный короной алхимический сосуд с трехглавым драконом. Рисунок из манускрипта: Соломон Трисмозин, «Splendor solis» (1582). Британский Музей, Лондон. Воспроизводится с любезного разрешения Музея.
- XX. Завершение «Великого Делания» — *coniunctio*. Из «Mutus liber» в JJ.Mangetus, ed., «Bibliotheca chemica curiosa» (1702). Частная коллекция.

ИЛЛЮСТРАЦИИ В ТЕКСТЕ

1. Деметра и Персефона. Изображение с найденных в Элевсине краснофигурного древнегреческого скифоса. Воспроизводится по Harrison, «Prolegomena to the Study of Greek Religion.» ... 76
2. Жертвоприношение свиньи. Изображение с хранящейся в Национальном Музее Афин вазы. Воспроизводится по Harrison, «Prolegomena.».....78

Иллюстрации в тексте

471

3. Очищение «мистической» свиньи. Изображение с погребальной урны, найденной на Авентинском Холме. Воспроизводится по Harrison, «Prolegomena.».....78
4. Критское жертвоприношение быка. Изображение с золотой шаровидной печати микенского периода, Фивы, Беотия. Воспроизводится по Evans, «The Ring of the Nestor.»..... 120
5. Привязанного к мачте Одиссея окружили три крылатые сирены. Изображение с краснофигурного стамноса в Британском Музее. Воспроизводится по Harrison, «Prolegomena.»..... 138
6. Сирена. Изображение из латинского bestiaria, скопированного в двенадцатом столетии (Библиотека Кембриджского Университета, II. 4.26). Воспроизводится по Т.Н. White, «The Bestiary: A Book of Beasts.».....139
7. Богиня Нут в виде Дерева-нумена, дарующего воду. Воспроизводится по Budge, «The Gods of the Egyptians.»..... 183
8. Вишну в виде льва убивает Золотое Платье. Воспроизводится по Moor, «The Hindu Pantheon.».....219
9. Змея как душа мертвого героя. Изображение с чернофигурно-го лекифа в Неапольском Музее. Воспроизводится по Harrison, «Prolegomena.».....264
10. Змея на кресте. Репродукция рисунка Николя Фламея (ок. 1400), воспроизводится по Read, «Prelude to Chemistry.» 265
11. Змея на кресте. Современный рисунок.....266
12. Схематическое изображение психической вовлеченности . 346
13. Спонтанный рисунок, выполненный индивидом, пытающимся выяснить причину собственной депрессии.....352
14. Близнецы или Двойной пеликан алхимиков. Репродукция гравюры из «Buch zu distillieren» (Брауншвейг, 1519), воспроизводится по Read, «Prelude to Chemistry.».....427

ОБ АВТОРЕ

М. Эстер Хардинг обучалась в Лондонской медицинской школе для женщин и Лондонском университете. Работала с К.Г. Юнгом в Цюрихе в 1922 г. и в последующие годы. Ее аналитическая практика началась в Нью-Йорке в 1923 г. Является одним из основателей Аналитического психологического клуба в Нью-Йорке, Медицинского общества Аналитической психологии Америки и Нью-Йоркского фонда К.Г. Юнга. Умерла в 1971 г. Автор следующих работ: «Путь всех женщин», «Женские мистерии», «Путешествие в Самость», «"Я" и "не-Я"».

В издательствах «Рефл-бук» и «Ваклер»

вышли в свет:

в серии «Созвездие мудрости»:

О. ХАКСЛИ «Вечная философия»

Дж. КЭМПБЕЛЛ

«Тысячеликий герой»

Э. УОЛЛИС БАДЖ «Легенды о египетских богах»

Б. МАЛИНОВСКИЙ «Магия, наука, религия»

Дж.Дж. ФРЭЗЕР «Золотая ветвь (Новые плоды)»

М. ФУКО

«Забота о себе»

К. КЕРЕНЬИ

«ЭЛЕВСИН

Архетипический образ матери и дочери»

М.Э. Хардинг. Психическая энергия. — М.: «Рефл-бук», К.: «Вак-лер» 2002. — 476с. +20
вкл. Серия «Актуальная психология».

ISBN 5-87983-027-6, серия ISBN 5-87983-112-4 («Рефл-бук») ISBN 966-543-082-3
(«Ваклер»)

В книге рассматриваются различные виды психической энергии. Критикуется однобокое
психическое развитие человека западной культуры, что приводит к различным
психическим нарушениям.

Автор, опираясь на юнгианскую теорию индивидуации, блестяще излагает юнгианскую
психологию и приводит примеры ее практического использования.

Особенное внимание уделяется духовному развитию современного человека.

УДК 159.964

М.Э. ХАРДИНГ ПСИХИЧЕСКАЯ ЭНЕРГИЯ

Технический редактор Н.В. Мосюренко Компьютерная верстка В.С. Удовик

Подписано в печать 5.11.2002. Формат 60x88/16. Бум. офс. № 1,

печ. офс. Гарнитура тайме. Печ. листов 31. Тираж 2000 экз.

Издательство «Рефл-бук», Москва, 3-я Тверская-Ямская, 11/13.

E-mail: refl-book@dol.ru

Лицензия ЛР №090222 от 08.04.99 г.

Издательство «Ваклер». Киев, пр. Победы, 44.

E-mail: vakler@ukr.net

Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография»

Наука» 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Заказ № 7325